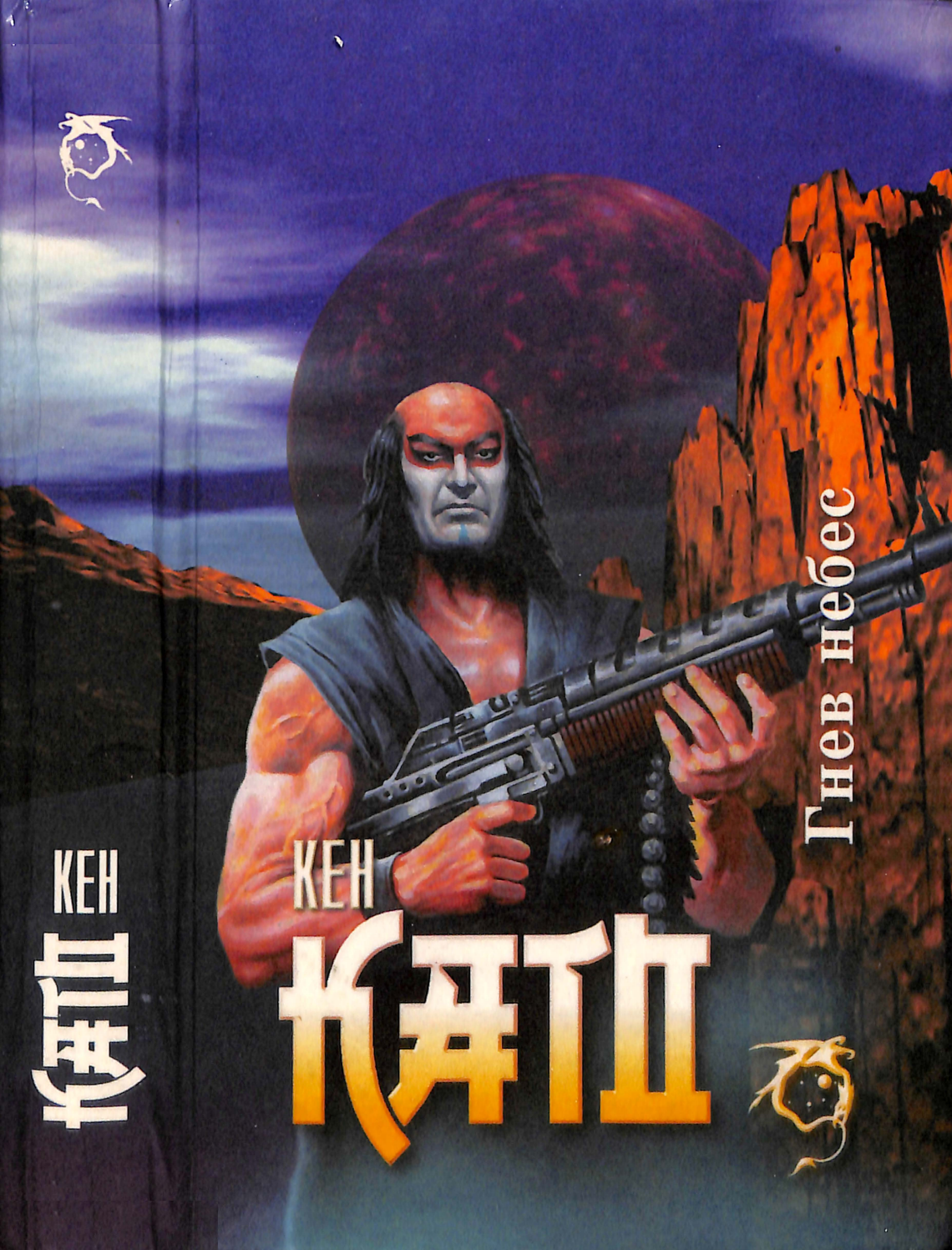
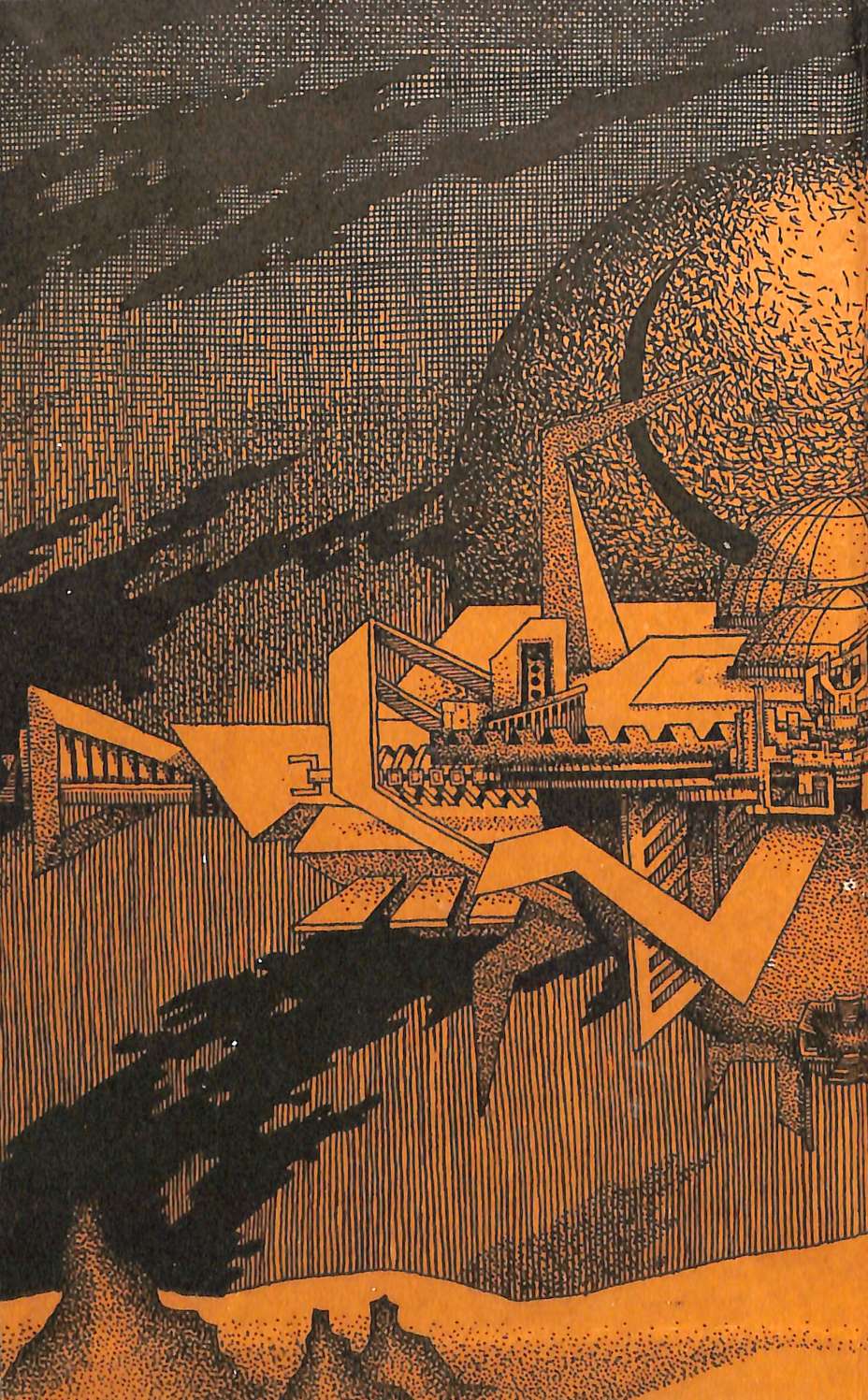
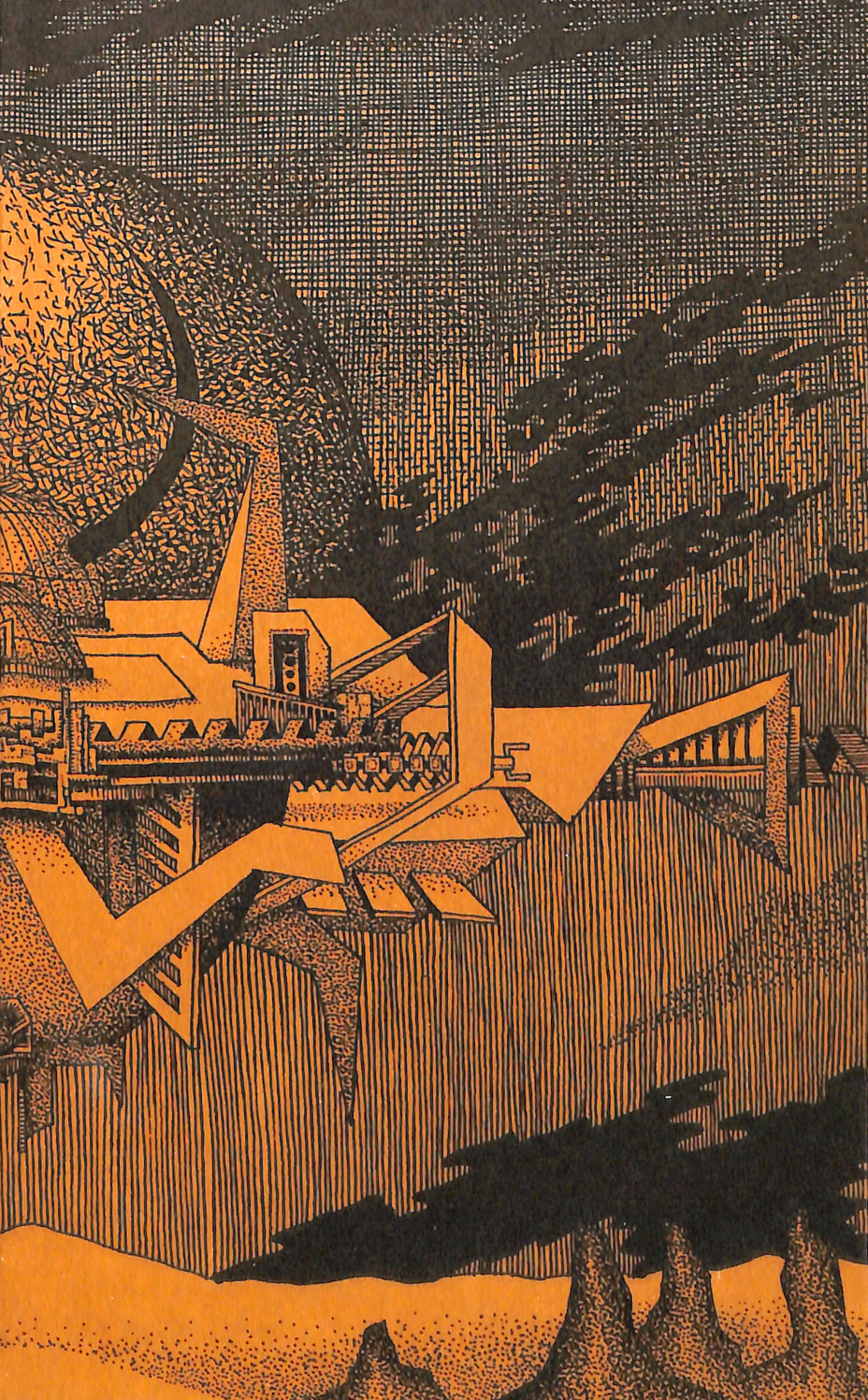

КЕН
КЕН
КЕЙДЖ
Гнев небес

KEH

КЕН

ФОЛЛЕТТ

Гнев небес

Сфера процветания

Садо

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 29

Като К.
К 29 Гнев небес: Романы / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1997.— 432 с.
ISBN 5-7906-0015-8.

Предлагаем вниманию читателей первый том захватывающего сериала Ямато, написанного в жанре «космической оперы».

Далекое будущее. Галактика разделена на крупные национальные сектора. Могущественный сектор Ямато, возродивший древние самурайские традиции, развязывает захватническую войну. Ему противостоит разоренный бесконечными междоусобицами сектор Американо...

К 8200000000 **ББК 84(7США)**

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-7906-0015-8

© «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1997

Посвящаю Джеймсу Клэвелу,
попросившему меня написать эту книгу

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Четыре участника торговой экспедиции

Эллис Стрейкер — капитан торговой флотилии, астронавт, талантливый специалист по пси-излучению. Родился в 2396 г. н. э. Назначен командующим пакетбота «Дуайт Д.», в 2421 г. н. э. Занимался торговым бизнесом в спорном районе Освоенного Космоса между Ямато и Американо, названным Нейтральной Зоной.

Дюваль Стрейкер по прозвищу Стрелок — создатель «Теории хаоса», военный инженер. Брат Эллиса Стрейкера, младше его на два года. Закончил РИСК (Ракетный институт систем космоса). Отправлен в Нейтральную Зону на борту «Томаса Дж.». В его задачи входит техническое обеспечение кораблей и обслуживание новых видов оружия.

Джос Хавкен — командор экспедиции. Ранее служил на военном флоте, теперь занимается частной торговлей. Выдающийся деятель фракции экспансии, выступающей за развитие американской торговли в Нейтральной Зоне.

Джон Уюку — один из капитанов торговой флотилии Хавкена.

Тринадцать американских политических деятелей

Алиса Кэн — президент фракции экспансии. Находясь в оппозиции к правящему клану семейства Хенри, провела много лет под домашним арестом. Ее приход к власти в беспокойный 2411 год был связан с падением популярности Люсии Хенри и концом политики проямато.

Люсия Хенри — президент (2407—2411). Осуществляла политику фракции проямато. В целях пресечения возвращения этой фракции к власти отправлена в ссылку.

Стрэтфорд Хенри — президент (2362—2400). Основатель правящей династии могущественного клана Хенри, управлявшего Американо почти целый век. Отец Люсии.

Хальтон Хенри — вице-президент, брат Люсии Хенри, интриган. Его предательство по отношению с сестре открыло Алисе Кэн дорогу к власти.

Конрой Лаббэк — главный союзник президента. Ведущий идеолог экспансии.

Реба Лаббэк — дочь Конроя Лаббэка.

Дзиро Ито — экс-ниндзя. Личный курьер Конроя Лаббэка.

Фарис Кассабиан — профессиональный шпион, ловкий политик. Еще более крайний экспансионист, чем Конрой Лаббэк.

Тимо Фаррен — компаньон Фариса Кассабиана, отличается значительным интеллектом.

Ганеш Рамакришна — крупный ученый-теоретик в области психоизлучения. Основатель научно-религиозного общества «Ашрам» на Либерти (американская зона).

Курт Райнер — наследник могущественной корпорации «Халид» — гигантской системы компьютерного сервиса. Собирался жениться на Ребе Лаббэк.

Отис Ле Гран — финансист и политик. Его цель — жениться на Алисе Кэн.

Ким Вон Чун — свободный корейский бизнесмен.

Десять самураев Ямато

Муцухито — Небесный император Ямато. Пришел к власти в эпоху Канэй в 2402 г. н. э.

Барон Харуми — Верховный главнокомандующий Вооруженных сил Ямато.

Окубо Сигэнори — посол Ямато в Амераноке; резидент на Либерти.

Нисима Юн — наместник (даймё). Назначен командующим стратегической военной системой Садо в Нейтральной Зоне.

Фумико — жена даймё Нисимы Юна.

Курита Имари — адмирал императорского конвоя в Нейтральной Зоне, командующий Кин кайгуном, офицер гвардии Ямато.

Кондо — офицер, подчиненный адмиралу Курите.

Хасэгава Кэни — крупный землевладелец на Садо.

Кацуми — сын Хасэгавы Кэни.

Мити — дочь Хасэгавы Кэни.

Восемь остальных

Као — сангокуин, бежавший от преследования властей Ямато.

Чой Ки Вон — благовоспитанный кореец.

Фукуда Икку — усердный мэцукэ, главный инспектор кэмпэя.

Элен ди Баррио — капитан флота Хавкена.

Хорс Смит — астронавт в экспедиции Хавкена, специалист по изотопам.

Инграм — астронавт на борту корабля «Ричард М.».

Ватару Хосино — старый солдат, друг Дюваля Стрейкера.

Яо Вэньюань — сангокуин, главный техник на производстве Хасэгавы.

ПРОЛОГ

Старый пруд
лягушки прыжок
волноваться заставит...
Мацуо Басё

Жизнь зародилась на Земле, как в колыбели. Земля была тогда, как голая скала, сурова. Глубины Океана рыб согрели и тварям бедным помогли. Века прошли... Земля оделась лесом. Зашевелились воды. И из глубин их вышли те, кто воздухом дышал: все черви, насекомые, чудовища огромные. От этих тварей лягушки, ящерицы, птицы и звери, шерстью защищенные, пошли.

...И поедал зверь зверя. И порождал. И было так из века в век, пока не появились три племени людей. О, человек был не такой, как его братья-звери, с которыми он узами Творения был связан. Человечьи две руки, язык и разум победили. И вот Земля владеньем человека стала.

...Рождались царства, гибли царства, подобно грозному дыханью Океана, его приливам и отливам. Земля наполнилась враждой, и род на род восстал. И кровь текла в великой бойне — река ее не иссякала. И содрогнулась вся Земля от ужаса.

...Но вслед за ночью день пришел. И убоялся человек оружья своего: могло оно разрушить Землю и все живое враз на ней убить. Взмолился человек. И в Небеса простер бессильный и усталый взор,— быть может, Небеса, как Океан, согреют.

...Но был безмолвен Космос, холодный и далекий. А Хаос наступал — топил в своем безумии людей и уносил

их жизни в бесконечность. Но Космос сжалился над слабым человеком, и приоткрыл свои глубины Небесный Океан. Тогда увидел человек, что есть далекие планеты. И поселился он на них, освоил и возделал.

...В последние же дни Земли людьми Эдикт был принят, гласивший, что все народы и культуры составят Землю, и каждый место в Космосе получит. Так разделен был Небесный Циферблат: Богам — тем посвящались два первых часа; Китаю с Индостаном отводилось шесть часов; и по два часа получали европейцы, приверженцы ислама и славяне, романские народы и бразильцы, народы Африки, Американо, Ямато — так стали называть себя японцы.

Книга Земли

ЯМАТО. Книга I

Сфера

外血姫王伊牙

20-й год Канэй (2421 г.н.э.)

Империя Ямато
Подобна Поднебесью.
Я в ней господствовал —
Я тот, кто царствовал на ней.

Ёрияку, японский
император (457—479)

Фрагменты рукописи «Летопись Космоса», извлеченные А. Хаккером:

«Изученная космическая сфера, словно апельсин, была разделена на двенадцать равных долек-секторов. Согласно принятому Эдикту, каждый сектор отводился для одной из основных земных культур. После этого произошло Великое Переселение, начавшееся около 2100 г. н. э...

(Фрагмент утрачен.)

Освоенный Космос состоит из двенадцати равных секторов, что уподобляет его циферблату часов — Небесному Циферблату. В целях упрощения ориентации земная система координат была спроецирована на космическую сферу в пределах расстояния трех световых лет. Пространство Освоенного Космоса ограничено этим диаметром, исключая Зону...

(Фрагмент утрачен.)

Империя Ямато

Название Ямато принято для сектора, отведенного японской культуре. Он расположен между 36-м (нуле-

вым) и 33-м галактическими меридианами, у самой границы Освоенного Космоса. 36-й меридиан отделяет Ямато от Нейтральной Зоны (0 — 30° галактической долготы), а 33-й меридиан — от зоны Санаду, также называемой Китаем или Срединным Государством (330 — 300° галактической долготы).

Сектор Ямато состоит из нескольких тысяч звездных систем, большинство которых необитаемы. Эти системы занимают четыре квадранта. Обитаемы лишь шестьдесят звездных систем Ямато, на них живет около миллиарда человек. Первое заселение ближайших к Земле звездных систем произошло около трехсот лет назад, в эпоху письменности.

Столица империи Ямато — город Киото. Форма правления — монархическая. Государство возглавляет император, который традиционно признается главным духовным лицом, избранником небес. Тем не менее реальной властью обладает министерство обороны Сёгун, управляемое Верховным главнокомандующим — генералиссиму...

(Фрагмент утрачен.)

...ато был полностью закрыт для других государств в течение долгих лет. Первые мероприятия, проведенные в этих целях, заключались в установлении высоких налогов на въезд и выезд, введении иммиграционных законов и запрете на земельную торговлю для иностранных граждан и законных владельцев. Позже государственная граница оказалась полностью закрытой. Ни жители Ямато, ни кто-либо из представителей других государств просто физически не могли ее пересечь. К тому же в начале периода царствования Канэй правительственные войска провели незаконную аннексию Нейтральной Зоны, которая...»

(Рукопись обрывается.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Место действия:
где-то в Нейтральной Зоне

Капитан Айртон Родриго умер в полночь. К рассвету, когда у самого горизонта чуть прорезалась голубоватая полоска, его тело уже заморозили и поместили в герметичный пластиковый контейнер соломенного цвета, по форме напоминавший зерно.

В этом пустынном уголке Вселенной нетрудно оказалось найти место для могилы, где и решили похоронить навечно замороженное тело капитана Айртона Родриго. Никакая сила природы не сможет расколоть плексовую скорлупу — ни вулканическая лава, ни океаническое давление, ни тектонические сдвиги...

«Спи спокойно, капитан,— мысленно обращался к Родриго Эллис Стрейкер,— никто не потревожит твой прах. Не сомневаюсь: придет час, и империя Ямато за все заплатит. Клянусь, я отомщу за тебя!»

Айртон был учителем Эллиса, и теперь Стрейкеру не с кем стало посоветоваться в трудную минуту. А ситуация сложилась невероятно тяжелая, практически безвыходная. Пять сильно потрепанных кораблей американского флота с четырьмя сотнями человек на борту были отброшены на одну из пустынных планет Нейтральной Зоны.

Эллис вспомнил жену, ребенка, их уютный дом в Линкольне. «Черт бы побрал этот пси-шторм! — с досадой подумал он.— Мы бы давно уже могли спокойно сидели дома... Во всяком случае, находились бы в американском секторе, а не в этой дыре!»

Нейтральная Зона славилась неустойчивой гравитацией. Обычным делом здесь были пси-штормы — настоящие космические цунами, которые захлестывали даже соседние области. Пси-шторм изменял пространственно-временные характеристики, порой делая их вовсе непредсказуемыми, выводил из строя навигационные приборы и калечил разум астронавтов. В таких условиях рассчитать курс корабля было практически невозможно. Именно поэтому «бурный» сектор нарекли Нейтральной Зоной и смотрели сквозь пальцы на попытки Ямато ее аннексировать.

Словно отзываясь на космическую бурю, воздух этой пустынной планеты, едва пригодный для дыхания, наполнился песком, который забивался в складки одежды и сильно сковывал движения. Небо хмурилось, флагманский корабль «Томас Джефферсон» стал совсем незаметным в тени бледно-розовой мраморной скалы. Четыре других корабля, напоминающие рыб, выброшенных на берег во время шторма, находились поодаль. Сильный ветер трепал волосы безмолвно стоящих у гроба людей.

Смерть не бывает многословной. Поражал не только сам факт гибели капитана флотилии, но и то, как он погиб. Капитан был убит японским снайпером на Палаване, одной из планет Нейтральной Зоны. Ему выжгло внутренности, и он пролежал без сознания почти семь недель, прежде чем жизнь окончательно оставила его сведенное судорогой тело.

Пятьдесят дней назад они покинули Палаван, прорвавшись сквозь огонь орбитальных лазерных пушек. Американская флотилия направлялась в Нейтральную Зону, чтобы наладить торговые отношения с местными жителями, но натолкнулась на неожиданное сопротивление. Где бы ни выставляли свои товары американцы, везде разыгрывалась одна и та же сцена:

«Да, это очень хорошие вещи, очень».

«Будете брать?»

«Нет».

«Почему?»

В ответ покупатели лишь пожимали плечами и боязливо оглядывались. Наконец кто-то из местных жителей проговорился, что на Ямато так вести торговлю не принято и вообще скоро нагрянет кэмпэй.

— Их тайная полиция,— пояснил командор экспедиции Джос Хавкен.

Когда же он сообщил местным жителям, что планета не принадлежит Ямато, те посмотрели на него как на сумасшедшего.

На следующий день действительно появилась полиция. Черные сапоги. Черная униформа. Черные очки, скрывающие взгляд. Оружие. Такое жители Либерти могли видеть только в исторических фильмах, повествующих о войнах и страстях давно покинутой всеми Земли.

Полицейские ворвались на торговую площадь и без лишних слов учинили обыск, переворачивая все вверх дном. Хавкен отдал приказ вести себя достойно и быть максимально сдержанными, чтобы не дать полицейским повода для конфликта.

Но один из японцев неожиданно направил луч своего оружия на Айртона Родриго — просто потому, что капитан вел себя несколько высокомерно. Астронавты отступили к кораблям и под сильным обстрелом спешно покинули Палаван.

Чтобы избежать потерь, они попытались скрыться на одной из ближайших планет, но были обстреляны с орбиты Палавана. Тогда им пришлось отправиться в район гравитационных аномалий, где орбитальное оружие не могло достать их. Оказавшись в безопасности, астронавты вышли на связь с Либерти и легко рассчитали начальную скорость и направление трансгалактического пути, который позволял им вернуться в свой сектор, однако неожиданно разразившийся пси-шторм оборвал связь и спутал все карты. Проложить траекторию в подобных условиях было невозможно.

Никак не удавалось наладить связь с Либерти. Шторм бушевал с такой силой, что перегорели все пси-предохранители, а систему связи вместе с обслуживающими ее

роботами захлестнула мощная гравитационная волна. В результате одно лишь прикосновение к приборам вызывало вспышки биоэлектрической активности мозга, приводившие к эпилептическим судорогам.

Ничего другого не оставалось, как направить корабли к единственной в этом пустынном районе планете. Она имела горный рельеф, была необитаема и к тому же безжалостно лишена всякой растительности и воды (весьма характерная примета для многих планет Нейтральной Зоны). Здесь американцы и решили похоронить умершего в полночь капитана флотилии Айртона Родриго.

Зажгли бортовые огни, и Джон Уюку — дюжий негр с горящими глазами и густой бородой — принялся читать погребальную молитву: «Рождается человек от женщины, и жизнь его полна страданий...» Низкий глубокий голос Уюку, казалось, возносил слова молитвы к самому небу этой неизвестной планеты, пробуждаля в людях воспоминания. Картины недавних событий замелькали перед мысленным взором Эллиса Стрейкера.

Он видел, как тащит к кораблю смертельно раненного Айртона, тело которого оставляет на белом песке кровавую полосу. Айртон, еще не потерявший сознания, просит Эллиса избавить его от невыносимых мучений... Затем Стрейкер увидел тех астронавтов, что не успели добраться до кораблей и остались на Палаване. Лица их были прозрачны, призрачны. В голубом ореоле они проплывали перед Эллисом, и ему казалось, будто он смотрит на них со дна глубокой реки. Астронавты о чем-то тихо беседовали, но толща воды скрадывала их голоса. До него донеслось лишь: »...ожидая воскресения, когда Небеса откажутся от смерти... Аминь».

Последние слова погребальной молитвы вернули его в реальность. По знаку Хавкена гроб опустился в могилу.

— Прими его в свое лоно, Господи! — невольно вырвалось у Эллиса, и он увидел, как небо озарилось красновато-синими всполохами — астронавты корабля «То-

мас Джефферсон» почтили память своего капитана прощальным салютом. У Эллиса сжалось сердце. Он вспомнил, как Айртон признался ему, что это последняя его экспедиция, что он хочет оставить дальние путешествия и поселиться в своем уютном домике в пригороде Линкольна. Экспедиция действительно оказалась для него последней... Бросив прощальный взгляд на уже засыпанную могилу, Стрейкер направился к своему кораблю, отныне ставшему флагманским. На его борту должны были собраться наиболее опытные астронавты, чтобы почтить память Айртона Родриго и выработать план дальнейших действий.

Ситуация была крайне сложной. Потери экспедиции не ограничивались человеческими жертвами. В области гравитационных аномалий флотилия попала в сильный метеоритный поток, и корабль «Миллард Филмор» потерпел крушение. Обшивка других кораблей была в таком состоянии, что при длительном перелете участь «Филмора» могла постигнуть любой из них. Требовался срочный ремонт, но все ближайшие порты с ремонтными доками находились в Нейтральной Зоне, аннексированной японцами. Ямато и Либерти же находились на грани войны, так что появление американской торговой флотилии, в состав которой было включено два военных корабля, могло не только погубить всю экспедицию, но и дать повод японскому императору для вооруженного конфликта. Ко всему прочему, разыгравшийся пси-шторм вывел из строя систему связи, и астронавтам пришлось самим прокладывать курс.

Хавкен вытащил карту и поместил ее в проектор. Перед астронавтами появилось объемное изображение сферы Освоенного Космоса с расходящимися линиями, на которых были зафиксированы границы изученного пространства. Размытые туманные тени и разноцветные символы отмечали звезды и планетные системы, цифры указывали расстояния до них.

— По самым утешительным расчетам, мы находимся на планете, которую японцы называют Танимбар. В

тридцати световых годах отсюда — граница Ямато, примерно на таком же расстоянии или чуть больше — Либерти, так что нам нужно преодолеть десять парсеков, чтобы оказаться в американском секторе.

— А нет ли другого пути, командор? — спросила Женева.

— Есть. Но это верная гибель.— Хавкен обвел астронавтов флегматичным взглядом.— Да, мы можем двинуться на Тиамоту, но в таком случае нам придется пересечь пояс астероидов, который отделяет Тиамоту от Либерти. Я думаю, что и для «Ричарда М.», и для «Томаса Дж.» этот перелет окажется губительным. Нам необходим ремонт.

— Полагаю, есть еще один вариант,— вступил в разговор Уюку.— Нам надо добраться до Большого Маркиза; там начинается путь, ведущий мимо астероидного кольца. К тому же мы сможем зайти в какой-нибудь промежуточный порт. Правда, есть шанс повстречать наших друзей с Ямато... Но мы ведь вооружены до зубов, даже гравитационные пушки имеются. И вообще, почему мы все время должны скрываться, точно контрабандисты?

— Чтобы избежать межсекторного инцидента,— ответил Хэмптон.

— Да мы кашу заварили покруче всяких инцидентов!

— Покруче?!

— Естественно, Хэмптон,— ответил Уюку.— Мы ведь развязали войну.

— Джон, мы не воюем с Ямато,— Хавкен взволнованно повернулся к Уюку.— Мы должны поддерживать добрососедские отношения с императором и его подданными. Запомни это...

— О каком мире с Ямато может идти речь, когда японцы стреляют в нас?! — запальчиво перебил его Уюку.

Лицо Хавкена побледнело.

— Я сто раз говорил об этом. Успех нашей и будущих экспедиций зависит от того, сохранится ли мир с Ямато, поэтому мы не должны применять оружие, даже если нас будут провоцировать.

— Уже спровоцировали,— не сдавался Уюку.

Спорить с ним было бессмысленно, и Хавкен решил обратиться к самому опытному капитану — Элен ди Баррио. Ей сорок шесть лет, она человек сдержанный и немногословный.

— Что скажешь, Элен?

— Не знаю... Вероятно, есть еще какие-то варианты. Но всякий, кто попытается пересечь отметку нулевого градуса, обречен. Наши потрепанные корабли не выдержат ни еще одного обстрела, ни длительного перелета. Поэтому прямой путь не для нас.

— Фай, а ты что думаешь?

Эллис наблюдал за Женевой Фай, склонившейся над экраном и изучающей карту. Он знал, что, как и многие прославленные астронавты, ди Баррио и Женева питали суеверную неприязнь ко всяческим планам. Они не любили просчитывать все заранее, предпочитая полагаться на интуицию.

Эллис почувствовал, как невидимая волна легонько толкнула его в грудь,— возникло предчувствие, что сейчас отыщется неожиданный выход.

Женева Фай оторвалась от экрана и, словно рассматривая что-то вдалеке, задумчиво проговорила:

— Мне кажется, надо лететь прямо...

— Прямо?! — поперхнулся Уюку.

— Да. Мы на полпути к Садо.

— Это самоубийство! Садо — ближайшая к Ямато планета!

Хавкен жестом успокоил Уюку и попросил Женеву продолжать.

— Если мы прорвемся сквозь кольцо астероидов и двинемся против течения, нам предстоит совершить двадцать перелетов до Либерти, а с нашими кораблями это нереально. Но если мы отправимся на Садо, то сумеем попасть домой всего за два легких перелета.

— Легких? Мы потеряем все корабли! — убежденно сказал Уюку.

— Вероятно.— Женева даже не посмотрела в его сторону.— Если мы попытаемся совершить десять или

двадцать перелетов, то первый же поток астероидов превратит корабли в звездную пыль.

— Пусть лучше наш прах рассеется по Космосу, нежели мы станем пленниками Ямато. Они распинают чужеземцев на крестах — в назидание остальным,— возразила ди Баррио и обратилась к Хавкену: — Не забывайте, сэр, что «Томас Дж.» и «Ричард М.» предоставлены вам самим президентом, они официально числятся в составе американского военного флота. Появление нашей флотилии в секторе Ямато будет расценено как акт агрессии!

Эллис взглянул на озабоченные лица астронавтов. Уюку погрузился в угрюмое молчание, Хавкен склонил голову; Хэмптон, кажется, соглашался с ди Баррио. Все знали, что Ямато и Либерти находятся на грани войны. Несанкционированный выход флотилии на орбиту Садо будет воспринят как вторжение, что даст повод японскому императору начать военные действия.

Демократические свободы, лежащие в основе государственности Либерти, лишили покоя императора Ямато. Он считал их опасной болезнью, заразой, которая может проникнуть и в его империю. Мечтой, делом всей жизни императора стала борьба за избавление от демократической ереси и установление в Либерти порядков Страны Восходящего Солнца. Он искал любой предлог, чтобы послать в американский сектор японские легионы, прославившиеся своей фанатичной жестокостью.

Хавкен опять склонился над экраном.

— Черт побери, но почему именно Садо?

Женева Фай загадочно улыбнулась и провела тонким пальцем по мерцающей поверхности карты.

— Почему Садо, командор? Потому что она находится в стороне от кольца астероидов и потому что именно она лежит на нашем пути. Мы доберемся туда приблизительно через неделю и если опередим флотилию Ямато, то сможем без суеты заняться ремонтом.

— Военные корабли постоянно заходят на Садо. Это мышеловка! — воскликнул Уюку.

Хавкен, казалось, колебался.

— Эллис, а ты что скажешь? — обратился он к Стрейкеру.

Эллис вновь почувствовал толчок невидимой волны, на этот раз гораздо большей силы. Его как будто что-то приподняло и опустило. Тело расслабилось, он закрыл глаза и увидел голубоватые всполохи, густым дождем падающие на ярко-зеленое поле. Видение длилось лишь мгновение, но именно в этот момент Стрейкер осознал, что найдено единственно верное решение.

— Понимаешь, дело в том, что мы находимся вовсе не на Танимбаре. Я уверен, что пси-шторм отнес нас гораздо дальше, чем мы предполагали. Думаю, мы сейчас на Талоуде, и, если я прав, у нас нет другого выбора, как лететь в сторону Садо. Это самый короткий и надежный путь.

В отсеке повисла полная тишина. Астронавты растерянно смотрели друг на друга, лишь Фай слегка улыбнулась Эллису. Пауза была прервана самым неожиданным образом. Словно специально для подтверждения догадки Стрейкера явился взволнованный лейтенант Боуэн, все это время находившийся на вахте и наблюдавший за небом.

— Извините, что прерываю вас, сэр, но приборы зафиксировали второй спутник.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно, сэр.

— Благодарю вас, мистер Боуэн. Вы свободны.

Хавкен встал и резким движением выключил проектор. На этот раз слова его прозвучали отрывисто и жестко, как пистолетные выстрелы.

— Согласно карте, у Танимбара только один спутник, а у Талоуда — два. Игра началась. Делаем ставки, господа. Мы направляемся непосредственно в пространство Ямато. Стрейкер, распорядитесь рассчитать курс к планете Садо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Место действия: Садо

Корабль вошел в зону визуального контакта с Садо. Младший брат Эллиса Стрейкера — Дюваль по прозвищу Стрелок — поднялся на галерею, что окружала капитанский мостик.

— Садо! — радостно крикнул он.

Все уже собрались у наблюдательного пункта, и Дюваль с трудом протиснулся, чтобы рассмотреть приближающуюся планету. На экране пока был виден небольшой бледный диск.

Корабль продвигался к цели, выходя на эллиптическую орбиту, и наблюдателям постепенно открывалась дневная сторона Садо. Красновато-коричневое побережье переходило в зеленые предгорья, за которыми виднелись горные вершины. Уменьшенное экраном ущелье напоминало акулью пасть. Изображение медленно померкло и вскоре исчезло — корабль нырнул в верхний мезоновый слой, затруднявший видимость. Но через несколько минут картина изменилась, и возглас изумления раздался на наблюдательном пункте: на экране возникли удивительно яркие цвета, ставшие еще более сочными, когда корабль вошел в плотные слои атмосферы.

Темно-синий океан окружал белую как снег песчаную пустыню. На его поверхности мерцали три розовых атолла — два пустынных и один с крошечными строениями. Пронзительный сигнал «К посадке» прервал разговоры.

Еще через минуту Дюваль Стрейкер увидел прозрачную линию побережья, от которой вдаль уходила черная лента взлетно-посадочной полосы с дюжиной кораблей

Ямато — то был космопорт Ниигата. С высоты птичьего полета он напоминал всплывшую на поверхность океана огромную рыбу. Остров едва возвышался над водой, и сильные волны непрерывно бились о его скалистые берега. За посадочной полосой лежала расчищенная от леса площадка. У ее дальнего конца рабочие Ямато соорудили несколько доков, возле которых стояли космические корабли. Дюваль направился к нише с оружием, чтобы проверить его на случай непредвиденных обстоятельств. В оружейном отсеке среди лазерных установок приютился миниатюрный макет древней пушки. Дюваль прикоснулся к ее стволу и вспомнил Американо. «Господи, как далеко нас занесло, на самый край света!» — подумал он.

Затем взглянул в противоположную сторону. В двухстах ярдах от него, на соседнем корабле, под таким же прозрачным куполом находился его брат Эллис. Точно тигр он носился по капитанскому мостику, выкрикивая приказы. Корабль брата назывался «Дуайт Д.».

«Мой брат,— с гордостью подумал Дюваль,— хотя никто этому не верит». Стрелок огляделся. Пять американских кораблей составляли впечатляющую эскадру. Но на сердце у Дюваля было неспокойно.

«А если правитель Садо получил те же распоряжения, что и правитель Палавана, и нам окажут здесь столь же горячий прием?»

Он взглянул вверх. Там, в темной нише, своего часа ждала автоматическая система наведения — предмет его постоянной заботы. Дюваль сравнил свою модернизированную установку с неуклюжим лучевым оружием японцев. «В случае чего мы сумеем постоять за себя»,— подумал он.

— Это и есть Ниигата? — презрительно осведомился Боуэн.— Места-то — с гулькин нос...

— Командор сказал, что здесь расположен единственный на весь этот захолустный квадрант порт с ремонтными доками,— пояснил Дюваль.— Вполне подходящее место для космических кораблей. Недалеко, за лесом расположен город Ниигата. Там на поверхность выходит золотая жила. Поверь мне, трюмы улетающих

отсюда японских кораблей набиты битком. Есть и серебро — говорят, попадаются самородки величиной с куриное яйцо.

— Ты знаешь такие подробности, будто уже побывал здесь,— с недоверием проговорил Боуэн.

— Нет, просто командор много слышал об этой планете. В прошлых экспедициях японцы кое-что рассказали ему, да и наши жрецы оказались не такими уж молчунами.

Действительно, на одном из кораблей американской флотилии летели два японских жреца. Примкнули они к экспедиции по чистой случайности: после бегства с Палавана астронавты совершили вынужденную посадку на планете в зоне гравитационных аномалий. Оказалось, что по приказу японского императора местные жители покинули ее, но два жреца синто и еще какой-то человек по имени Ивакура отказались подчиниться высочайшему повелению. Опытный Хавкен, никогда не упускавший случая использовать местных жителей в качестве проводников, предложил им примкнуть к экспедиции. Те согласились и теперь находились на борту «Томаса Дж.».

Между тем флотилия готовилась к посадке. На капитанском мостике появился Хавкен — в черном, тщательно выглаженном мундире. Белоснежный воротничок оттенял загорелую шею.

Корабль начал тормозить и вскоре коснулся земли.

— Великолепная посадка, сэр, не правда ли? — обратился Боуэн к Дювалю, который рассматривал роботов-спасателей, окруживших корабли. Фиолетовые лампочки в центре их светящихся цилиндрических тел мерцали в туманной дымке.

— Такое впечатление, что эти чудовища заинтересовались нашими кораблями. Полагаю, командор, нам нельзя снимать защиту,— как бы эти циклопы не разнесли нас в щепки.

— Вы правы, сэр,— отозвался Хавкен и повернулся к Боуэну: — Лейтенант, защиту не снимать.

Двигаясь по главной дорожке, флотилия медленно приближалась к межпланетному порту Ниигата. Вскоре астро-

навты увидели низкое серое строение, на котором красовался традиционный японский символ — красный круг на белом фоне. А самое удивительное заключалось в том, что незваных гостей, похоже, никто не замечал и появление флотилии застало Ниигату и всю планету Садо врасплох.

Но астронавты заблуждались. Когда они подошли к порту и начали маневр разворота, в их сторону метнулись два луча лазерного прожектора, скрытого где-то у залива.

— Стрелок, стволы орудий — прочь от залива! Дай понять, что мы не хотим причинить им вреда! — закричал побледневший командор.

Дюваль быстро нажал несколько кнопок, и трехфутовый ствол начал разворачиваться в противоположную от залива сторону. При этом Стрейкер-младший подумал, что его оружие сильно отличается от любого уже изобретенного. Выстрел из него создавал гравитационную воронку, которая могла всосать более тысячи фунтов материи. Причем давление в воронке было таким, что попавший в нее объект исчезал практически бесследно. Защиты против гравитационного оружия не существовало.

Лучи предупредительного прожектора погасли, в порту вновь прекратилось всякое движение. Астронавты томились ожиданием, когда на корабле «Томас Дж.» раздался оглушительный хохот Боуэна.

— Ты чего?! — вздрогнул Дюваль.

— Нет, ты только посмотри на это! — застонал от хохота Боуэн.

Дюваль взглянул в его иллюминатор... Паланкин. Да-да, именно паланкин — один из тех, на которых разъезжали японские императоры и их наместники еще в первые века нашей эры,— мерно покачиваясь, приближался к кораблю. Несли его восемь человек. Небольшая кабинка была отделана небесно-голубым бархатом и украшена золочеными кисточками. Светло-зеленый шелковый балдахин трепал ветер, поднятый работающими двигателями. Процессия направлялась к «Томасу Дж.», и вид у нее был совершенно нелепый.

Несколько секунд Хавкен смотрел на это причудливое зрелище, а затем спустился на грузовую палубу, чтобы пригласить японского посла на борт. В качестве переводчика Хавкен взял с собой Ивакуру.

— Стрелок, пойдем с нами. Мне понадобится твое знание японского.— Дюваль довольно сносно владел разговорным японским языком, и Хавкен решил взять его с собой, дабы не сомневаться в точности перевода Ивакуры.

Паланкин приблизился к кораблю и опустился на землю. Занавеска откинулась, и астронавты увидели выбирающегося из кабинки посла. Он носил белое кимоно, украшенное желтыми лентами, шелковый красный пояс туго стягивал одежды и своими кисточками почти касался земли. На его ногах красовались деревянные сандалии, из-за пояса торчали самурайские мечи. В сопровождении полуобнаженных носильщиков он подошел к кораблю и, увидев Хавкена, замер.

Ивакура сразу же обратился к хозяевам. Дюваль заметил, как японские представители смутились, когда поняли, что на Садо прибыли чужеземцы. Хавкен снял перчатку и подал руку в знак приветствия, но человек в кимоно словно оцепенел.

— Я — командор Джозеф Хавкен, а это мой флот. Мы ведем торговлю под флагом Объединенных Миров Американо. Я прошу разрешения на временную стоянку для моих пяти кораблей — нам нужен срочный ремонт. Будьте уверены, мы не причиним вам вреда и за все честно заплатим.

Когда Ивакура перевел слова Хавкена, чиновник побледнел. Взгляд его заметался между переводчиком и Хавкеном. Он энергично затряс головой и быстро-быстро заговорил. Дюваль с трудом разбирал речь японца.

— Его зовут Угаки Нобутака, он местный губернатор. Говорит, что нам нельзя здесь оставаться. Он также считает, командор, что наше появление без предварительного уведомления является незаконным и мы преднамеренно обманываем честных людей.

Лицо Хавкена ожесточилось.

— Скажи ему, что мы не пираты. Ни одна станция Ниигаты не ответила на наши сигналы. Мы нуждаемся в ремонте, и у нас нет другого пути на Либерти, кроме как через Садо. Мы должны здесь остановиться! Так ему и передай.

Последовали длительные переговоры между Ивакурой и губернатором. Последний умоляюще смотрел на Хавкена. Наконец Ивакура сказал:

— Губернатор Угаки Нобутака сожалеет, но этот вопрос не подлежит обсуждению. Мы должны немедленно покинуть Садо. Японцы не могут разрешить стоянку для ваших кораблей.

Хавкен обратился к Дювалю с вопросом, правильно ли понял его губернатор.

— Да, командор,— ответил Дюваль.

Хавкен снова повернулся к Нобутаке. Рука его незаметно легла на кобуру лучевого пистолета.

— Спроси губернатора, почему он отказывает нам. У взлетной полосы шестьдесят пустых стоянок и не больше двенадцати кораблей.

Губернатор заговорил. Ивакура начал переводить:

— Губернатор хочет сказать командору, что скоро сюда прибудут корабли Ямато. Много кораблей, больших кораблей. С тяжелым лучевым оружием на борту, с тысячью храбрых самураев на борту. Военный флот императора под командованием старого воина, адмирала Куриты. Его огромные корабли в два раза больше того красавца, в тени которого мы сейчас находимся.

Дюваль нахмурился, разобрав хвастливую речь губернатора, приблизился к Хавкену и тихо сказал:

— Не верьте ему, командор. Они ждут Золотой флот. Я слышал вчера, как об этом шептались наши жрецы.

Ивакура злобно посмотрел на Дюваля и отвел взгляд.

— Нобутака-сан, вы не обманываете меня? — Хавкен пристально глядел на губернатора.— Может быть, вы ждете другой флот — Кин кайгун?

Губернатор запнулся на полуслове, услышав японское название Золотого флота. Лицо его заметно побледнело и покрылось испариной.

«Ах, вот почему он встретил нас в паланкине,— догадался Дюваль.— Японцы по ошибке приняли нас за флагманские корабли Золотого флота. Губернатор не успел даже спрятать свиток с приветственной речью — вон он, зажат у него в руке. Теперь они испуганы вдвойне — и нашим прилетом, и тем, что мы знаем о Золотом флоте. А Ниигата, должно быть, сегодня напичкана золотом и серебром, предназначенными для перевозки в имперскую столицу!..» — Все эти мысли мгновенно промелькнули в голове Дюваля. Его размышления прервали резкие слова Хавкена:

— Отвечайте! Вы действительно ждете Золотой флот?

— Губернатор Нобутака говорит, что войско Ямато должно прибыть со дня на день. Самураи будут весьма недовольны, когда увидят здесь американскую флотилию. Планета Садо принадлежит Небесному императору Ямато,— перевел ответ Ивакура.

Услышав это, Хавкен мгновенно выхватил из кобуры лучевой пистолет и направил его в лицо губернатора.

— Так, значит, самураи будут недовольны и, наверное, немного удивлены, да?

Нобутака осторожно кивнул.

— Он сожалеет, командор, но не может гарантировать вам безопасность,— перевел Дюваль.

— Безопасность нашей экспедиции — это моя забота,— отрезал Хавкен.

— Губернатор хочет сказать своему гостю,— вновь начал переводить Ивакура,— что тот либо очень смелый человек, либо бака — безумец.

— Скажи ему: все, чего я требую,— это пять стоянок. Мы задержимся ненадолго. Через несколько дней ремонт закончится, и мы покинем Садо. За действия ваших подчиненных на станции и взлетной площадке вы, губернатор, несете личную ответственность! — заключил Хавкен.

Губернатору ничего не оставалось, как уступить, и пять американских кораблей, неуклюже развернувшись, медленно поползли к ремонтным докам. Японцы все еще не могли прийти в себя; появление динозавров, вероятно, поразило бы их меньше, нежели прибытие американского флота.

После того, как корабли прибыли на стоянку, Хавкен составил официальное заявление, адресованное императору Ямато и его наместнику на Садо. Сухим дипломатическим языком в нем излагались причины вынужденной посадки и выражалась благодарность за гостеприимство. Наконец процессия Нобутаки в сопровождении «почетного караула» американских солдат покинула порт. Хавкен приказал им следить за малейшим движением губернатора, дабы предотвратить инцидент.

Только после этого астронавты принялись подготавливать корабли к ремонту. Дюваль наблюдал, как его люди разбирают лучевые установки и отдирают истрепанную обшивку. Стрейкер-младший обследовал станцию — удлиненное здание со множеством коридоров, подсобных помещений и мастерских. В одном из ангаров он обнаружил миниатюрную гробницу Синто, искусно сложенную из обломков погибших кораблей. Вплотную к восточной стене станции примыкал храм дзэн, окруженный ухоженным садиком с заботливо подстриженными низенькими кустами. Между ними петляли песчаные дорожки, складываясь в некий иероглиф, который Дюваль не сумел расшифровать. «Ну что ж, может быть, через несколько дней мы прочтем эти письмена, а пока лучше позаботиться о защите».

Он распорядился выставить караул у каждого угла здания и разместил рядом гравитационное оружие, чтобы обеспечить прикрытие кораблей, если появится военный флот Ямато.

Поскольку командор больше не отдавал никаких распоряжений, многие астронавты, освободившись после работы, направились в город, где каждый искал развлечения на свой вкус. Одни уже успели посетить японские ресторанчики, где по традиции подают горькую рисовую водку сакэ, и теперь шатались по городу, неистово горлания национальный гимн.

Других заинтересовало изобилие торговых лавочек, где они за бесценок скупали японские украшения и одежду. Ну а самые мужественные рыскали по увеселительным заведениям — там их ждали очаровательные гейши, кото-

рые больше прочих обрадовались вторжению американской флотилии.

Дюваль все это время провел на станции, проверяя механизмы двигателей и следя за тем, как рабочие снимают прохудившуюся корабельную обшивку. Вечер не принес прохлады, и жара по-прежнему донимала Стрейкера-младшего. Изредка он позволял себе передохнуть и с любопытством смотрел в сторону городка, но отлучаться не смел. Терпению его пришел конец, когда на станцию явился пьяный Том Флеминг — астронавт с «Ричарда М.». Он притащил с собой миниатюрную гейшу, посадив ее прямиком себе на плечи.

— Эй, Дюваль! Ты давно не трахался? — прицепился Флеминг к обалдевшему от жары Стрейкеру.

— Пошел вон, потаскун чертов! — огрызнулся тот.

— Брось, старина. Лучше посмотри, какую деточку я снял. Могу поделиться — всего пять долларов в час. Хотя по дружбе уступлю и за три. Бери, а я пока смотаюсь в город за бутылкой. Вместе и выпьем.

Дюваль растерялся от такого предложения и не мог вымолвить в ответ ни слова. Он посмотрел на девушку; та улыбнулась и приветливо кивнула. Неожиданно для себя он полез в карман, достал первую попавшуюся купюру — это была десятидолларовая бумажка,— скомкал ее и сунул в карман Флемингу.

— Держи, Том, и проваливай отсюда, чтоб я тебя больше не видел.

Флеминг опустил гейшу на землю и, пошатываясь, вновь направился в город, а Дюваль тупо уставился на девушку. Теперь ее можно было рассмотреть получше. Было ей не больше двадцати лет, и она ничем не отличалась от обыкновенной японочки. Быть может, лишь сильно подведенные глаза и глубокие вырезы на кимоно, открывавшие молодое, крепкое тело, намекали на ее профессию.

— Как тебя зовут? — спросил Дюваль. Он с трудом выдавил из себя эти слова, но ведь нужно было что-нибудь сказать.

— Дэсо,— ответила девушка.

«Дэсо, Дэсо... Где-то я слышал это слово... Интересно, что оно значит»,— задумался Дюваль, а потом сказал:

— Дэсо, хочешь вернуться домой?

— Да. А тебе не будет без меня скучно?

— Нет, что ты. У меня куча дел. Нам нужно поторапливаться, чтобы спокойно вернуться на Либерти. Иди, я не держу тебя.

— Спасибо, господин.

Девушка повернулась и пошла вдоль длинного здания станции. Дойдя до его восточной стены, она неожиданно повернулась и прокричала Стрейкеру:

— Да поможет вам Небо вернуться домой!

Дюваль посмотрел ей вслед, но девушка уже скрылась за кустарником. Он перевел взгляд на небо и увидел, что с моря надвигаются тяжелые тучи, походившие на космических китов.

Он вспомнил, как совсем недавно их корабли попали в стаю этих животных. Таинственно фосфоресцирующие, выведенные с помощью генной инженерии существа — длиной до трехсот метров — путешествуют по всему космосу, пожирая обломки астероидов. Несмотря на устрашающий вид, киты редко ведут себя агрессивно.

Дюваль вновь взглянул в небо. Тяжелые тучи заволокли весь небосклон.

Сильный ветер с океана принес прохладу и дождь. Стрейкер поднялся по трапу и вошел в кают-компанию. Все уже были в сборе. Он поздоровался и приветливо улыбнулся брату. После гибели Айртона Родриго у Эллиса прибавилось работы, и братья виделись реже. Дюваля это немного тревожило, потому что экспедиция была для него первой, а Эллис ранее опекал его. Если б не поддержка брата, неизвестно, как бы Дюваль перенес тяготы многомесячного путешествия — ведь он не был профессиональным астронавтом.

Его взяли в экспедицию по рекомендации Эллиса, и должность стрелка была введена специально для него. Дюваль, один из самых талантливых военных инженеров на Либерти, давно мечтал попасть в трансгалактическую

экспедицию, а тут как раз предоставился случай. После обострения отношений с Ямато американские корабли нуждались в надежной защите, и гравитационное оружие, разработанное Дювалем несколько лет назад, могло им весьма пригодиться. Эллис обратился с поручительством к Хавкену, и тот согласился: Стрейкера-младшего назначили стрелком и взяли на борт «Дуайта Д.». И Хавкен ни разу не пожалел об этом.

Дюваль посмотрел на командора. Он был одет в военную форму, на поясе поблескивал серебряный кортик. Выражение лица Хавкена бало жестким и непроницаемым. Дюваль уже успел заметить, что таким оно становится в самых трудных случаях. Держа в руках бокал красного вина, командор о чем-то глубоко задумался.

Был четверг, и по традиции в этот день капитаны собирались у Хавкена, дабы провести вместе несколько часов. Командор пригласил и Нобутаку, но тот отказался, сказав, что будет весь вечер молиться, прося небо, чтобы японский флот побыстрее прибыл на Садо. Однако не скорое появление вражеского флота тревожило Хавкена: экспедиции угрожала другая опасность.

Дюваль появился, когда астронавты о чем-то горячо спорили — ему показалось, что спор шел не о том, как уцелеть самим, спасти флотилию и добраться до дома.

— Каким образом мне переубедить свою команду? — воскликнула ди Баррио, злобно глядя на Хавкена.— Да и какой смысл переубеждать?

— Какой смысл? — переспросил тот тихо.— Вспомните, Элен, сколько из-за этого погибло экспедиций. Со времен Христофора Колумба такая опасность — пострашнее любого вооруженного противника. Вы же одна из самых опытных астронавтов.

— А вы рассуждаете как конторский служащий. Не похоже на вас, командор! — огрызнулась ди Баррио.

Хавкен откинулся на спинку стула и внимательно оглядел лица астронавтов. На многих он читал опасные мысли. Наступила тягостная пауза, и никто не решался нарушить тишину. Хавкен глубоко задумался. Еще под-

летая к Садо, он предчувствовал новую беду и теперь пытался отвести ее от экспедиции.

«Самая разрушительная идея, которая может овладеть умом человека, это возможность разбогатеть, не прилагая никаких усилий,— думал Хавкен.— Отважусь ли я открыто предложить им выбор или буду сохранять спокойствие, пока они не узнают, о чем я думаю?.. Будь осторожен, Джос Хавкен, за год, проведенный вместе в Нейтральной Зоне, они уже научились читать твои мысли. Доверяешь ли ты им, и можно ли им довериться? Если начнется «золотая лихорадка», то все погибло. Уже поползли слухи. Японские чиновники в Ниигате дрожат, как испуганные кролики. Корабли, ожидающие Золотой флот, напичканы золотом. По самым грубым подсчетам, его там на двести миллиардов. Раздели это на четыреста американцев — по полмиллиарда на брата. Неплохо, несколько тысяч среднегодовых зарплат на каждого участника экспедиции. Толпы убивали своих капитанов, а капитаны — своих командоров за кусок и поменьше...»

— Я догадываюсь о ваших мыслях, господа,— прервал затянувшуюся паузу командор.— Если мы захватим золото, хранящееся в порту Ниигата, каждый из нас вернется на Либерти Ротшильдом. Но не слишком ли много ротшильдов для одного государства?

Он увидел, как алчно загорелись глаза Уюку. Хавкен с досадой отвернулся и вновь задумался.

Триста восемьдесят шесть сенаторов, сто десять конгрессменов Объединенных Миров Американо. Самая могущественная группа людей на Либерти финансировала эту рискованную экспедицию. Вильям Конрой Лаббэк, личный советник президента, поддержал их. За десять последних лет президент наконец осознал, что необходимо внести изменения в Декрет Центральной Власти, принятый семьдесят пять лет назад,— декрет, позволявший Ямато безнаказанно грабить всю Нейтральную Зону. Но кроме дипломатических шагов нужен имперский капитал, чтобы положить конец японской монополии. Нужны люди, готовые рисковать собой и попытать счастья в

Нейтральной Зоне. Таких людей трудно сбить с пути, который они когда-то сами для себя выбрали.

Раздумья командора прервала обычно хладнокровная Женева,— на этот раз она разволновалась и отважилась взять слово:

— Мы уже рисковали и выигрывали. Почему бы и сейчас не рискнуть? Неужели нам сидеть сложа руки, когда за дверью находится приз в пятьсот миллионов на каждого? Половина золота, которое корабли Ямато собираются отсюда вывезти, по праву принадлежит нам! Если японцы провозгласили свое право на добычу в Нейтральной Зоне, почему мы молчим, трусливо поджав хвост?! Половина принадлежит Американо, а значит, и нам. Бог дал нам свободу воли — мы вправе выбирать!

— Не забудьте, что Бог дал нам еще и совесть,— невозмутимо возразил Хавкен.

Уюку горячо поддержал Женеву:

— Я же говорю, давно пора разнести Ниигату к чертовой матери!

Командор выпрямился и гневно посмотрел в сторону Уюку. Ситуация выходила из-под его контроля.

— Если мы возьмем хоть один императорский слиток, наш же собственный суд назовет нас пиратами и ворами и будет абсолютно прав,— парировал командор выпад Уюку.— Напоминаю вам всем, что «Томас Дж.» и «Ричард М.» еще числятся кораблями американского военного флота. Может быть, вы и их готовы украсть? А вам придется украсть их, если вы, как предлагает Уюку, разнесете Ниигату к чертовой матери,— заключил Хавкен.

— Командор, но японцы задолжали нам слишком много. Вспомните о судьбе Айртона,— мрачно проговорил Хэмптон.

— Да, командор! Подумайте о несчастной семье, которая осталась на Либерти. Несколько слитков могли бы значительно облегчить ее участь,— поддержала Хэмптона Женева.

— Правильно! Нам следует получить компенсацию за ущерб, причиненный нашей торговле,— добавила ди Баррио.

Хавкен пригубил красное вино. Рука его непроизвольно коснулась серебряного кортика.

— О Господи! Элен, опомнитесь! Кто вы? Честная американка или воровка? — попытался успокоить ее Хавкен.

— А нельзя быть и тем, и другим? — прошипел Уюку.

Хавкен схватился за кортик и впервые за все одиннадцать месяцев экспедиции прокричал:

— Нет, нельзя! Вы не должны воровать! Это мой приказ. Всем ясно?!

Наступила зловещая тишина. Астронавты не смели смотреть друг другу в глаза. Обстановку попытался разрядить Эллис Стрейкер.

— Если мы разграбим Ниигату, то обречем Американо на кровопролитную войну,— раздался его спокойный голос.

— Засунь свою рассудительность в одно место! — не унимался Уюку.— Мы и так вынуждены воевать.

— Однако мы не на войне,— столь же спокойно возразил Хавкен.— Стрелок, когда Золотой флот будет здесь?

— Ивакура говорил, что он опаздывает. Два дня назад должен был прибыть,— с готовностью ответил Стрейкер-младший.

Уюку вскочил, распрямил свои сильные плечи и грохнул кулаком по столу:

— Когда бы они ни прибыли, мы захватим их корабли!

— Возможность эта послана нам самим небом! — мечтательно улыбнулась Женева Фай.

Хавкен опять погрузился в размышления. «Один неверный шаг — и Американо будет втянут в войну»,— говорил он себе, сдерживая гнев на Женеву.

— Ко всему прочему, мы пребываем в неизвестности,— задумчиво произнес Дюваль.— Если пси-шторм приблизил нас к Садо, то японцев он, наоборот, мог отбросить.

— В таком случае, Стрелок, у нас еще есть время отремонтировать корабли, запастись провизией и, взяв

честную компенсацию за убытки из запасов Ниигату, отправиться домой,— заключил Уюку.

— Честную компенсацию? — переспросил его Эллис Стрейкер.— Я так не думаю, мистер Уюку, закон...

— Американский закон здесь неприемлим,— перебил его Уюку.— А Верховный Суд заседает на Либерти, в семидесяти световых годах отсюда.

— Достаточно близко, чтобы твоя задница прилипла к скамье подсудимых! — разозлился Эллис.

— Все вы тут задницы! — заорал Уюку. Казалось, он потерял над собой контроль и уже плохо соображал, что говорит.

— Командор пообещал губернатору, что мы честно за все заплатим и мирно покинем планету. Ты хочешь, чтобы он нарушил слово? — пытался успокоить его Хэмптон.

— Слово?! Хрен с ним, со словом!

— Ну, это уж слишком...

Все повернулись в сторону Хавкена. Командор угрожающе смотрел на Уюку.

— Сэр, запомните мои слова. Я не потерплю на своем корабле и на кораблях, мне подчиненных, никакой болтовни о сокровищах. Ни от вас, ни от кого другого.

Взгляды их встретились, и Уюку отвел взор.

— Император закрыл для вас Нейтральную Зону, но так долго продолжаться не может,— убеждал Хавкен.— Жители Нейтральной Зоны заинтересованы в торговле с нами, и это приносит нам хорошую прибыль. Итак, мы должны ждать, пока отношения между Американо и Ямато не нормализуются. Что произойдет, очевидно, в самое ближайшее время. Только после этого у нас появится возможность безопасной торговли. Не забывайте, что мы прежде всего торговцы, и наша цель — получить постоянное и надежное место на рынке Нейтральной Зоны и в секторе Ямато.

— Я согласен с командором,— поддержал его Хэмптон.— Если японцы поступают несправедливо, рано или поздно они расплатятся за это. Но мы не должны выступать в роли мстителей, а то нам же самим придется

расплачиваться. Мы и так неплохо поработали в этой экспедиции. Лучше отправимся домой. И пусть курица высиживает золотые яйца, пока ее не бросили в суп.

Хавкен увидел, как Уюку, угрюмо нахохлившись, все же неохотно кивнул, и это несколько успокоило командора. После ужина, когда страсти немного улеглись, Хавкен с серьезным видом обратился к астронавтам:

— Господа, я отдаю приказ, который вы обязаны довести до сведения всех членов своих экипажей. Во исполнение статьи десять, пункт два, Американского кодекса свободных предпринимателей, приказываю: начиная с двадцати трех часов Всеобщего времени сегодняшнего дня всем членам американских экипажей запрещается приближаться к японским кораблям, стоящим в порту Ниигата, ближе чем на сто ярдов, какая бы тому ни была причина. Всем членам экипажей запрещаются любые попытки проникнуть в здание станции, кроме как по особому распоряжению Дюваля Стрейкера. Возле здания станции будет выставлен караул. Запрещается покидать свой корабль без особого распоряжения. Нарушение любого из этих трех предписаний карается полным замораживанием. Приказ подписан в четверг, 24 ноября 2421 года от Рождества Христова.

Когда братья Стрейкеры покидали корабль, Дюваль услышал подозрительную возню и писк на капитанском мостике. Затем он увидел, как несколько серых комочков скатились по трапу и понеслись прочь от корабля.

— Крысы! — воскликнул Дюваль.

— Догадываюсь,— ответил Эллис.— Бегут с корабля, как будто Крысолов уже сыграл им свою мелодию...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вернувшись на свой корабль, «Дуайт Д.», Эллис Стрейкер поручил трем вооруженным сержантам прочесать станцию и здание порта, после чего зачитал экипажу приказ Хавкена. Стрейкер выполнил все наставления командора, но его не покидало тревожное чувство. «Обязательно найдется какой-нибудь негодяй, которого поймают с поличным и заморозят из-за дрянной золотой безделушки».

Корабль «Томас Джефферсон» требовал серьезного ремонта и выйти в пространство мог не раньше, чем через неделю. Безделье утомляло людей, поэтому Стрейкер пытался найти для своего экипажа хоть какую-нибудь работу, чтобы немного отвлечь их и не оставить времени на размышления. Сделать это было очень трудно даже днем, а когда опускался душный безветренный вечер — практически невозможно.

Стояла ночь. По небу рассеялся неровный свет двух лун. Одна из них — огромная красная Тиноцуки — подняла воду в море. Начался прилив, сильные волны захлестывали берег. Эллис вышел из корабля и уселся неподалеку. Весь экипаж спал, только караульный прохаживался по капитанскому мостику, встревоженный присутствием командира корабля.

«Господи, как мне осточертела эта планета,— думал Эллис.— Я бы с радостью, прямо сейчас улетел отсюда куда глаза глядят. Экспедиция и без того затянулась на несколько месяцев дольше обычного, а тут еще полная неизвестность впереди... Интересно, сколько сейчас времени на Либерти? Спит ли Янка или еще кормит грудью

Гарри? А он сосет молоко, сладко причмокивая... Боже мой! Так ведь он уже большой, он уже, наверное, научился есть самостоятельно — ведь ему почти два года. Я путешествую уже половину его жизни. Что-то делает сейчас Янка? Ей недавно исполнилось двадцать. Наверное, похорошела, обзавелась поклонниками... Вот если б можно было летать как во сне и попадать домой хотя бы по воскресеньям! Всего раз в неделю! Просто заглянуть и убедиться, что все в порядке. И мне было бы спокойней, и Янке удобней. Уж она-то знает, как трудно быть женой астронавта». Он вспомнил ее хрупкую фигурку, большие серые глаза и мягкие волосы. Как бы он сейчас хотел обнять ее...

Сквозь лохмотья туч на юго-востоке просвечивал красноватый диск луны. Ветер крепчал, нес с берега песчинки, обрывки сухих водорослей и листьев. Чувствовалось, что приближается шторм. Эллис встряхнулся, обошел еще раз капитанский мостик и отправился спать.

Он забрался в уютный кожаный гамак и застегнул спальный мешок. Не спалось. За стеной, в клетке сидели две пушистые маленькие обезьянки — они шумели и повизгивали всякий раз, когда кто-нибудь из старших офицеров проходил по коридору. Со стороны моря доносились раскаты грома. Гамак под Эллисом скрипел и покачивался.

Наконец где-то в середине ночи он провалился в глубокий тяжелый сон. Отвратительный неповоротливый зверь с огромной пастью и гладкой бледно-желтой кожей пытался схватить его и утащить куда-то, но Эллису удавалось вырваться. Затем он неожиданно перенесся на Либерти и очутился в столице, около Белого дома. На остроконечный прут ограды была насажена живая голова Джона Уюку — она приветливо ему улыбалась и подмигивала. Но когда Эллис подошел ближе, голова нагло рассмеялась и закукарекала. Эллис в ужасе пробудился...

За окном стояло раннее утро, откуда-то издалека, кажется, из города, доносился едва слышный крик петуха. «Странно, откуда тут взялся петух? Наверное, привез

кто-нибудь из торговцев»,— подумал Эллис. Он окончательно проснулся и взглянул на барометр. Прибор показывал, что ветер стих, давление упало. Страйкер вышел на площадку — проверить, надежно ли закрыты двигатели. Тяжелые капли дождя освежили его, а ветер унес остатки сна.

Воздух был напоен пряными ароматами тропических деревьев. Взлетная полоса поблескивала на солнце, уже выглядывающем из-за туч. Невдалеке Эллис увидел большую желтую бабочку. Крылья ее намокли, и она никак не могла взлететь. Ему почему-то стало жаль бабочку. Он поднял ее и отнес на корабль. «Полежи здесь, обсохни, а потом мы выпустим тебя на волю, и ты полетишь домой»,— сказал Эллис бабочке и вновь было направился к взлетной полосе, когда вдруг услышал с корабля крики:

— Капитан, капитан!

Подойдя ближе, Стрейкер увидел Моритона.

— В чем дело, лейтенант?

— Корабли, капитан! Корабли! Дюжинами спускаются в восьмидесяти милях отсюда!

— Сколько их? — насторожился Стрейкер.

— Не знаю, сэр. Было несколько дюжин.

«Черт, отсюда ничего не видно,— подумал Стрейкер.— Мальчишка мог и ошибиться — испугался, например, сполохов на экранах». Стрейкер встал на подъемник и нажал кнопку пуска. Лифт поднимался, но медленнее, чем обычно. «Плохая примета,— мелькнуло у него в голове.— Спокойно. Скорее всего, Моритон ошибся».

Подъемник дополз до середины галереи. Не дождавшись, пока лифт завершит подъем, Эллис в нетерпении выпрыгнул и побежал к наблюдательному пункту. От открывшегося зрелища у него пересохло в горле.

На переднем экране был прекрасно виден приземляющийся на большой скорости четырехдвигательный авианосец. За ним на расстоянии двух миль следовал второй, затем третий, четвертый... Стрейкер насчитал тринадцать больших кораблей.

Пока они находились слишком далеко, чтобы их можно было хорошо рассмотреть, но Эллис не сомневался: это Золотой флот, гвардия Ямато. «Надо же, как некстати,— подумал он.— Корабли совершенно не готовы, только-только начался ремонт. Японцы уничтожат нас в два счета».

Эллис ткнул кнопку боевой тревоги. Астронавты выбегали из кают заспанные, полуодетые.

— Инграм! Вайсер! Флеминг! Немедленно отправляйтесь на другие корабли и объявите о приближении флота Ямато! — приказал Стрейкер.

Завыли сирены, на капитанских мостиках послышались крики. Стрелки побежали к станции и зданию порта, чтобы усилить лазерную и гравитационную защиту. Хавкен отвел Эллиса в сторону и приказал отправиться на переговоры с адмиралом флота.

— Полетишь на корабле «Томас Джефферсон». Пошлешь сигнал «перемирие». Передай адмиралу, что линия обороны Садо находится под моим контролем. Прежде чем пустить его сюда, мы должны придти к соглашению. Думаю, ты сумеешь найти достаточно вежливые слова, чтобы высказать наши требования.

— Адмиралу это не понравится,— возразил Стрейкер.

— Ему еще больше не понравится, если мы продержим его флот в воздухе, а к соглашению так и не придем,— ответил Хавкен.

— А разве мы сможем договориться?

— С оружием твоего брата — вполне.

— Но если мы не пустим корабли адмирала Куриту в его собственный порт, им некуда будет лететь,— вновь возразил Стрейкер.— Они не могут долго кружить на орбите. Кроме того, Ниигата — единственная удобная база для таких кораблей. Эти неуклюжие чудовища разобьются при посадке — они не могут сесть на жесткий грунт.

— В таком случае Курита должен принять наши условия.

— Гордость самурая никогда...

— Гордость самурая никогда не допустит того, Эллис,— перебил его Хавкен,— чтобы рисковать грузом стоимостью в двести миллиардов. А теперь — в путь!

Эллис направился к кораблю. По дороге он пытался представить себе эти фантастические двести миллиардов...

Переговоры не заняли много времени, и через час Стрейкер вернулся. С ним прибыл посланец адмирала Куриты — самурай, одетый в голубую, отделанную золотом форму, с маленькой косичкой на бритой голове; из-за пояса торчали два меча. Держался он неестественно прямо, но по-английски говорил свободно.

— Я — вице-адмирал Кондо, уполномоченный адмирала Куриты и его превосходительства Нисимы Юна, являющегося даймё на планете Садо. Его превосходительство приветствует вас. Он интересуется, что привело вас сюда, и предлагает немедленно покинуть порт.

У Хавкена перехватило дыхание, когда он услышал слово «даймё». Если наместник здесь, значит, его корабли несут полное вооружение. Командор обратил внимание на то, сколь высокомерно держит себя Кондо, и подумал, что только колесо фортуны позволило торговому флоту избежать гибели и поставило японцев в трудное положение. Прилети американцы раньше, и флот был бы уничтожен, вероятно, еще на орбите Садо...

— Вы согласны на наши условия? — спросил Хавкен.

Кондо решительно шагнул вперед. Лицо его выражало презрение.

— Сожалею, командор, но все ваши требования отвергнуты. Вы должны покинуть порт в течение часа.

Хавкен отрицательно покачал головой.

— Сэр, я не могу этого сделать. Сообщите его превосходительству, что в данной ситуации приказывать могу только я. Вы должны выполнить наши условия.

Кондо мужественно снес оскорбление.

— Это ваше последнее слово, командор?

— Да.

— Я все в точности передам его превосходительству.— Кондо повернулся на пятках и вышел.

Эллис проводил его и заодно проверил защитные системы выхода. Высокомерие японца произвело на него сильное впечатление, и он разозлился на себя за это.

Уюку с ненавистью посмотрел вслед ушедшему вице-адмиралу, потом нагнулся к Хавкену и прошипел:

— Если мы хотим спастись, надо немедленно уничтожить эту свору жирных псов! Давайте захватим их, Джос,— лучшего случая не представится!

Хавкен впился взглядом в Уюку.

— Они возвратятся, и на этот раз на наших условиях.

Уюку вскипел:

— Вы позволите им сесть?! Да они шутя прорвутся сквозь нашу защиту!

— Если японцы в соответствии с нашими требованиями предоставят двенадцать самураев первого ранга в качестве заложников и согласятся, что порт будет находиться под нашим контролем, тогда, пожалуйста, я впущу их.

— Командор, вы не должны доверять им! Самураи — вероломные люди. Им плевать на человеческую жизнь. Вспороть кому-нибудь живот для них все равно, что в сортир сходить. У них даже слова такого нет — «заложник». Не доверяйте им, командор!

— Будем надеяться, что вы не правы,— ответил Хавкен.

В этот же день Эллис еще раз отправился за Кондо. Вместе с вице-адмиралом появился и ответ даймё. На этот раз в послании, подслащенном лестью, говорилось, что японцы согласны на все условия Хавкена. Прибыли двенадцать заложников, и в пятницу, с наступлением ночи в небе Садо появился идущий на посадку Золотой флот.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тмостика адмиральского корабля «Тиёда» Хосю-но Нисима Юн с удовлетворением наблюдал за подготовкой. Был он высокого роста и обладал мрачной привлекательностью. Седая с голубым отливом борода, пучок умащенных волос на выбритой макушке — знак принадлежности к самурайской касте. Нисима Юн носил синее кимоно, брюки хакама и жакет хаори, на рукавах и спине которого был вышит трилистник — символ его рода. Его Императорское Величество, Сын Небес, назначил Нисиму даймё на планете Садо. Это был первый визит наместника.

Планета Садо встретила своего нового даймё неприветливо. Поднялся сильный ветер, и небо, на котором всего лишь час назад не было ни облачка, потемнело.

Ветер в небе
Лезвием меча режет
Белых облаков одежды...

Наместник вспомнил это древнее хокку, потому что оно лучше всего подходило к настоящему моменту. Внизу, неподалеку от корабля, залезали в кабины аэромобилей последние пассажиры. Среди них были монахи-конфуцианцы, жрецы синто, секретари и весь штат новой администрации. Разумеется, были там и женщины.

Одетая в шелковое кимоно персикового цвета, завязанное вокруг пояса белой лентой оби, изящно поднималась в аэромобиль восхитительная Урава-но Хасэгава Мити — она прилетела вместе с женой наместника.

К очаровательной Мити была неравнодушна вся мужская половина экипажа. Даже много повидавшие на своем веку ветераны — сподвижники Куриты — бросали рабо-

ту и во все глаза смотрели, пренебрегая незыблемой дисциплиной на флагмане, как прогуливается Мити. Сейчас она находилась вместе с другими дамами и штатскими, прибывшими на Садо в составе делегации Ямато.

«В Ниигате Мити будет в безопасности,— думал Нисима,— надо бы уделить ей немного времени...— И он сладострастно улыбнулся в предчувствии радужных перспектив.— Однако долг — прежде всего.. Я уже выбрал полдень — лучшее время для того, чтобы обелить нашу честь и восстановить верность императору. Да, я должен это сделать».

В течение двух дней грузовые корабли Ямато приземлялись в порту Ниигата. Посадочная площадка была переполнена. Уже к утру мокё — дня Юпитера, или «четверга», как американцы называли его,— все было приготовлено, и торговая флотилия попала в ловушку, словно рыба в садок. Все, что слышал наместник о варварах-американцах, оказалось правдой. Дурно воспитанные, хуже, чем хини, хуже изгоев буракуминов,— просто нелюди. К тому же невероятно глупые.

«Обманывая их, чиня им мелкие препятствия,— думал Нисима,— мы отняли у американцев уже три дня, отведенные ими для ремонта. Пусть теперь они кинутся на свои корабли, пытаясь поспеть к сроку. Впрочем, вскоре я их разочарую».

— Почему американцы так нагло ведут себя? — спросил он Куриту, на подлете к Садо.— Трудно поверить, но они абсолютно не знают цивилизованных способов ведения переговоров. Думаю, они умышленно нас оскорбили.

— Они просто ничтожества, ваше превосходительство,— ответил адмирал, презрительно сморщившись. Лицом он напоминал птицу.

Курита смело смотрел вперед, используя все преимущества пятилетнего опыта и положение единовластного хозяина Золотого флота. Именно поэтому он держал себя на равных с даймё, ставленником императора. «Знаем мы этих наместников,— думал Курита,— больше полугода никто на одном месте не задерживается».

— Есть ли у них лицензия на торговлю в Сфере Процветания великого Ямато? — спросил Нисима. В нем зародилось сомнение. Он сделал ударение на слове «процветание», и ему показалось, что этот термин не очень подходит для недавно захваченной территории.— Есть ли у них лицензии, как у китайских торговцев?

— Нет, Нисима-сан,— рассмеялся Курита.— Этот Хавкен уже много раз пытался подольститься и получить официальное благословение. Предлагал немыслимые взятки. Даже посоветовал использовать свое влияние в Белом доме, чтобы помочь добиться признания за Ямато права на владение половиной Нейтральной Зоны.

— Боги позволяют им делать все что угодно. Но это не означает, что и мы должны закрывать глаза на творимые ими беззакония,— сказал Нисима.

— Они привозят на продажу кучу второсортных товаров.

— На которые наши колонисты слетаются тучей, чтобы купить по дешевке,— добавил наместник.

— О, они берут только самое необходимое, ваше превосходительство,— возразил адмирал.

— И чтобы избежать налогов, не так ли, Курита? — уточнил Нисима.

Курита едва заметно улыбнулся:

— Ваше превосходительство, Сфера Процветания еще мало освоена. Она таит множество опасностей и пока непригодна для нормальной жизни. Никто не летит сюда без особой причины. Все колонисты появляются здесь в надежде разбогатеть. Им приходится очень много работать, а американцы скрашивают их жизнь.

— Каким же образом? — холодно спросил Нисима.

— Видите ли, ваше превосходительство, американцы — довольно-таки слабые и глупые люди. Но они мастера выдумывать всякие безделушки-однодневки — детские игрушки, развлечения, предметы роскоши. Наши колонисты должны хорошо работать, а поэтому имеют право хорошо отдохнуть и развлечься. Так что небольшое ко-

личество незаконно купленных товаров неизбежно,— заключил Курита.

Нисима вспыхнул, разозленный надменностью и высокомерием адмирала. Он поклялся себе сбить с него спесь, как только они приземлятся на посадочной площадке Ниигаты и Золотой флот официально перейдет в распоряжение наместника.

Наступил юи — десятый час. Нисима увидел, как последние женщины-пассажиры забираются в аэромобиль, приподнимая подолы кимоно. Он с раздражением подумал о беспокойстве, что причиняют ему американцы. «Я мог бы сейчас улететь в Канадзаву и наслаждаться чайной церемонией тяною в обществе моих женщин, если бы не эти отвратительные пираты. Они просто хини — никакого уважения к закону. Но здесь я — закон! Еще до захода солнца американцы будут корчиться на крестах. Курита выполнит мой приказ, и его корабли принесут мне победу!»

Подготовка к нападению была почти закончена. Вчера вечером наместник принял Ивакуру, явившегося к нему с повинной. Ивакура был осужден за убийство и бежал из каторжной тюрьмы на Кровавой Луне. Воспользовавшись прилетом американцев, он покинул планету, а теперь пришел к наместнику — с просьбой простить ему все преступления в обмен на услугу, которую он мог бы оказать. Эта идея показалась Нисиме привлекательной, и он согласился.

Три секретных посланника отнесли тайные письма губернатору Угаки Нобутаке. Тот уже набрал около тысячи солдат в гарнизоне Садо и спрятал их в разбитом корпусе связного корабля, что стоял у края взлетной полосы Ниигаты. На большой корабль грузоподъемностью девять тысяч тонн осторожно перетаскивали лазерное оружие. Дула пушек скрыли в глубине корпуса так, чтобы по сигналу Кондо тотчас дать залп по врагу. Три сотни вооруженных самураев собрались невдалеке от «Ричарда М. Никсона» и были готовы по первому же сигналу выскочить из своего корабля и атаковать американцев.

Кондо с поклоном вошел к наместнику. Американский пират сопровождал его.

— Этого человека прислал командор,— сообщил наместнику Кондо.

— В самом деле? — спросил даймё.

У незваного гостя были слишком ярко выраженные для американца восточные черты лица. Даймё несколько раз видел издали, как он работал на береговых батареях, столь ревниво охраняемых американцами. Наместник попросил Кондо выяснить, не дезертир ли он и, в таком случае, не будет ли он чем-нибудь полезен, подобно Ивакуре.

— Что привело вас сюда? — спросил Нисима пришедшего.

Американец прочистил горло.

— Мой командор считает, что по площадке разгуливает слишком много людей. Больше, чем мы оговаривали в соглашении. Он спрашивает: не будете ли вы так добры приказать им вернуться на корабли?

Нисиму охватило возмущение. Бестактность вопроса усугублялась еще и тем, что задан он был младшим по чину офицером на безбожно исковерканном японском. Однако даймё сдержал гнев.

— Это всего лишь подсобные рабочие. Они необходимы для поддержания порядка в помещениях кораблей,— спокойно объяснил он.

— В таком случае не прикажете ли вы им вернуться на борт и не расхаживать по площадке в непосредственной близости от наших кораблей? — не унимался американец.

Глаза даймё засверкали от ярости, но он вновь был вынужден скрыть свои чувства. «Придет время, и этот мальчишка заплатит за свою наглость. Не так уж долго осталось ждать»,— подумал он. Тщательно подбирая слова, Нисима принялся уверять, будто эти люди не представляют опасности для американских кораблей и что вскоре они покинут площадку. Однако посланник командора не успокаивался. Настойчивость его утомляла, и тем не менее даймё сохранял спокойствие, чтобы не расстроить свои планы.

— В соглашении точно сказано...— пытался возразить американец.

— Да, да! Передайте вашему командору, что все, о чем он просит, будет выполнено,— раздраженно ответил даймё и встал, показывая, что аудиенция окончена, но американец не уходил.

— И еще я бы хотел...

— Что еще вы бы хотели выяснить? — нетерпеливо перебил его Нисима.

— Простите мой скверный японский, но командор также интересуется, почему один из ваших кораблей встал вплотную к нашему кораблю.

Кондо подался вперед, желая резко прервать разговор, но даймё неприметным жестом остановил его. Вице-адмирал сжал рукоять кривого самурайского меча и с ненавистью взглянул на американца, тогда как наместник вел себя подчеркнуто вежливо.

— Понимаете ли, площадка переполнена. Корабль, о котором вы говорите, встал рядом для разгрузки. Мы выбрали это место, потому что все остальные оказались заняты.

Американец поклонился и вышел.

— Они стали чересчур подозрительны, ваше превосходительство,— обратился Кондо к Нисиме.— Лучше убить этого американца. Разрешите мне сделать это немедленно.

— Я буду рад, если вы расправитесь с ним чуть позже. А пока, вице-адмирал, держите себя в руках. Сейчас американские пираты беседуют с Ивакурой. Все приготовления будут закончены через два часа, и я надеюсь, что в течение этого времени нам удастся проявлять выдержку,— холодно ответил Нисима.

Кондо отвернулся, дабы не выдать своих чувств. Он был уверен, что план наместника обречен, ибо американцы, кажется, разгадали его. Когда даймё вышел, Кондо выхватил меч и в ярости рассек им воздух. «Мы не можем больше ждать»,— сказал он себе и бросился к самурайскому корпусу — предупредить полное крушение плана Нисимы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Буфетчики-компании на «Томасе Джефферсоне» накрыли стол. На белой скатерти сверкало столовое серебро и лежали отточенные японские палочки, с которыми столь трудно управиться и столь же легко потерять достоинство. Лучшие деликатесы, синтезированные в корабельных машинах, были настоящим украшением стола.

Рядом с Эллисом Стрейкером сидели ди Баррио и Хэмптон. Напротив них — Ивакура и двое жрецов. Накануне Ивакура предложил Хавкену устроить прощальный обед, и командор согласился. Эллису этот жест показался слишком щедрым, но повод для него все-таки был: сегодня, наконец, он проверил грузы и велел сложить их штабелями на площадке, пока заканчивался капитальный ремонт. Завтра вечером флот уже сможет выйти на орбиту.

Когда Хавкен занял место во главе стола на шесть персон, его официант Чамберс, разлил по крошечным керамическим чашечкам сакэ, принесенное Ивакурой. Эллис молча чокнулся с командором, чувствуя некоторую неловкость оттого, что нужно соблюдать этикет непривычной японской церемонии — сейчас он предпочел бы заняться погрузкой. Корабли были приведены в должное состояние и, кажется, находились в безопасности.

Эллис вспомнил, с каким трудом удалось ему убедить изворотливого даймё в том, что значительное расстояние между флотами обезопасит обе стороны. «Но почему тогда наместник все время злился? Почему постоянно переглядывался с Кондо?» — тревожился Эллис.

Чашечка Ивакуры поднялась в знак приветствия.

— За наших американских хозяев и их выдающегося президента! — провозгласил Ивакура первый тост.

— За наших друзей в Нейтральной Зоне и народ Ямато! — ответил ему Хавкен и чуть пригубил сакэ.

«А может быть, я просто слишком мнителен и причин для беспокойства нет? — пытался успокоить себя Эллис.— Разве самураи и американцы не могут жить в дружбе? Почему нет? Так ли уж я ненавижу японцев? Разве не колонист Ямато купил мне роскошный особняк в Линкольне? Разве не на золото Ямато я приобрету свой собственный корабль, когда вернусь? Лучше принимать мир таким, каков он есть. Улыбаться. Вести себя приветливо с гостями командора».

— За Джоса Хавкена с Либерти, за великого командора! — прозвучал следующий тост.

— И за вас, мистер Ивакура, лучше сказать — Ивакура-сан, за честного самурая! — ответил Хавкен.

Эллис поднял чашечку, но на этот раз не смог пригубить сакэ. «Из-за самураев я стал капитаном флотилии. Это они выжгли внутренности Айртона. Именно предательство Ямато чуть не погубило целый флот! Хватит обманывать себя. Японцы уже нарушили договор. Расставили корабли по всей площадке. Уже толпятся повсюду, самураи бритоголовые. Даже не смотрят в глаза, когда с ними разговариваешь... Нет, что-то здесь не так! — с тревогой думал Эллис.— Ведь они воины, да, именно воины, и собираются напасть на нас!»

В тот момент, когда все подняли чашечки, Эллис вдруг заметил блеск стали. Правая рука Ивакуры в просторном рукаве скрывалась под столом. Легким движением предплечья он незаметно вытащил сверкающий кинжал танто — длиной не менее фута. Ни о чем не подозревая, Командор наклонился вперед. Эллис с отчаянием понял, что Ивакура готовится нанести удар. Эллис находился слишком далеко, чтобы схватить, остановить убийцу. В любой момент Ивакура может пырнуть Хавкена. Нет времени думать и рассчитывать. Инстинкт Эллиса оказался быстрее его беспомощных

мыслей. Он действовал внезапно, подчиняясь некоей толкнувшей его силе. Без предупреждения Эллис ударил командора в челюсть. Тот свалился со стула, и сакэ разлилось по скатерти. В ту же секунду воздух был рассечен острым клинком танто. Эллис схватил Ивакуру за горло, и никто из сидящих за столом ничего не мог понять. Началась паника.

— У него нож! — закричал молодой официант Хавкена. Растерявшийся Хэмптон ударил Эллиса по руке, тем самым заставив выпустить убийцу.

— Он сошел с ума! — воскликнула ди Баррио. В этот момент жрецы, все время остававшиеся в тени, вскочили и бросились к двери.

Ивакура все еще держал кинжал. Блестящее лезвие мелькнуло в воздухе и распороло мундир Эллиса, но тот с невероятной ловкостью увернулся, отбросив Хэмптона. Ивакура пытался сделать еще один выпад, но рука его застыла в воздухе, схваченная, точно клещами, лапищами Эллиса. В этот момент Хавкен пришел в себя. Он бросился через стол и сжал запястье Ивакуры с такой силой, что кинжал упал на стол. Официант схватил оружие и приставил к горлу Ивакуры. Двери распахнулись, в кают-компанию вбежал Боуэн в сопровождении двух рослых сержантов. Сержанты крепко держали жрецов, вознамерившихся придти на помощь убийце.

Хавкен схватил Ивакуру за горло и с силой сжал пальцы.

— Лживый ямато! Подлая тварь! — закричал командор.

— Осии дэсу нэ! Сонно! Дзой! Слава Императору! Долой варваров! — прохрипел сквозь зубы Ивакура. Лицо его налилось кровью, на лбу выступили капли пота. Хавкен разжал руки и отпустил Ивакуру. Тот закатил глаза и потерял сознание.

— Боуэн! Заприте его, пока я не убил эту тварь! Всех их заприте! — Хавкен сбросил залитый сакэ вельветовый пиджак и выскочил из кают-компании, по дороге прихватив со стеллажа лазерный пистолет.

Эллис рассматривал дырку на мундире. Лезвие прошло сквозь куртку, распороло рубашку и лишь слегка поцарапало тело.

— Соберите людей! — приказал он Боуэну.— Подготовьте пушки и раздайте оружие!

Вслед за Хавкеном Эллис спрыгнул в проход между грузами, сложенными неподалеку от «Томаса Джефферсона», и тут же увидел пятерых самураев, набрасывающих трос на якорь «Ричарда М.». Другой конец троса был закреплен на огромном погрузчике — японцы собирались лишить корабль возможности двигаться по площадке. Самураями руководил Кондо.

— Что это значит?! — в изумлении заорал Хавкен и тут же открыл огонь.

Кондо отшатнулся, когда мощный поток излучения ударил в грудь самурая, стоявшего позади него. Самурай упал, забрызгав вице-адмирала кровью.

— Банзай! — выкрикнул Кондо и выхватил меч.

Боевой клич Ямато эхом разнесся по площадке, и сотни самураев откликнулись на него.

Завыли сирены. Появились американцы, многие при полном вооружении, в герметичных костюмах и шлемах.

За их спинами внезапно открылись люки гигантского японского корабля, и из них высыпали отряды самураев, которые жаждали в рукопашной схватке обагрить кровью свое древнее оружие. Засверкали лучи лазерных пистолетов. Японцы обстреливали проходы между грузами, разя людей из экипажа «Ричарда М.». Но, встретив сопротивление, самураи отступили, готовясь к новой атаке. Хавкен бросился назад, к «Томасу Дж.» — за подкреплением.

Эллис был отрезан от своих. Попав в ловушку рядом с корпусом японского корабля, он безуспешно пробивался назад и беспорядочно стрелял в всех направлениях. Огнем из лазерных установок «Томаса Дж.» удалось приостановить наступление японцев. Американцы ринулись в рукопашную, но собственная атака поставила их в трудное положение: первая группа оказалась в грузо-

вых проходах «Томаса Дж.» под перекрестным огнем из отсеков сверху; и в этот момент поднялась вторая волна самураев, окружая американские корабли.

«Где мои люди? — в отчаянии думал Эллис.— Нет времени размышлять об этом. У них своя голова на плечах, сообразят. Надо уходить прочь от «Ричарда М.». Не дать японцам подняться на борт».

Над его головой с ужасающим шипением ударила лазерная молния и отсекла сегмент защитного покрытия корабля. Эллис выхватил тяжелый инструмент для резки металла и отдал его тому, кто был ближе остальных — китайцу по имени Као, которого американцы освободили на Палаване.

— Доберись до троса! — закричал Эллис.— Мы должны выйти из-под обстрела!

Ловкий и сильный Као полез вперед, к участку изуродованной обшивки, чтобы отсечь его и освободить корабль для маневра. Резак завибрировал, и фиолетовая струя ударила в обшивку, медленно разрезая ее. Не было времени контролировать движение и выровнить корабль на взлетной полосе, Эллис пытался заставить его хотя бы двигаться. Он послал людей на капитанский мостик, чтобы те выключили наземные двигатели и помогли судну грузоподъемностью три тысячи тонн избавиться от покореженной обшивки.

В здании порта загрохотало орудие. Взглянув в ту сторону, Эллис увидел, что люди Куриты устанавливают вокруг беззащитных американских кораблей лазерные пушки. «Почему мы не ведем ответный огонь?» — подумал Стрейкер и побежал к оружейному отсеку. Там он увидел трупы Элли де Сото, начальника оружейной части на «Томасе Дж.», и его талантливого помощника Дени Джордана, разрезанные лазерными лучами.

Эллис посмотрел вниз, на стартовую площадку, и ему открылось жуткое зрелище. То была настоящая бойня. Самураи теснили американцев по всей площадке. Взлетно-посадочные полосы были сплошь усеяны трупами. Более сотни изрубленных тел лежали у водосточных канав,

и вода окрасилась кровью. «Дюваль! Где же Дюваль?! — с ужасом подумал Эллис.— Еще немного, и он не сможет попасть на корабль...»

В этот момент «Ричард М.» двинулся по площадке, удаляясь от «Томаса Дж.», чьи открытые проходы между грузами кишели отрядами Ямато. Начался обстрел из тяжелых орудий. Батареи порта извергали потоки смертоносных лучей, добираясь до корпуса «Томаса Дж.», разрезая люки грузовых отсеков, расположенных по бокам, как крылья жука. Но оба корабля — и «Томас Дж.», и «Ричард М.» — вырвались из окружения воинов Ямато и теперь продвигались под шквальным огнем.

Попав на борт флагманского корабля, Эллис подобрал оброненный кем-то меч и с криком бросился на трех вооруженных самураев. Зазвенела сталь, ударившись о нагрудник одного воина, посыпались искры, когда Эллис нанес мощный удар по шлему другого, но третий внезапно сбил Стрейкера с ног. Упав, Стрейкер сильно стукнулся о стенку корпуса.

Самурай был совсем рядом. Оскаленные белые зубы японца отражались в пластинках его нагрудника, гребешок на шлеме качался, и над Стрейкером блеснул острый самурайский меч. Эллис попытался увернуться, но не успел: лезвие глубоко вонзилось в его плечо. «Я погиб...— промелькнуло у него в голове.— Теперь я мертвец...»

Стрейкер бессознательно ухватился за рукоять меча здоровой рукой и лягнул ногой самурая. Противник отлетел в сторону, но тут же поднялся и вытащил из-за пояса кривой кинжал. В этот миг батареи дали еще один залп. Корабль резко качнулся, металлическая обшивка разошлась над головой самурая, и он вновь потерял равновесие.

Вскочив на ноги, японец бросился на внезапно появившегося младшего офицера Престона. Юный лейтенант героически оборонялся, но самурай почти сразу же зарубил его.

«Господи! — мысленно воскликнул Эллис, увидев это.— Мальчишка погиб, а я еще жив. Я должен сражаться

свободной рукой!» Лезвие, вошедшее в плечо прямо над царапиной Ивакуры, застряло в теле и причиняло невыносимую боль. В глазах у него помутилось, время как будто замедлило свой бег...

На голубой куртке Эллиса расплылось розоватое пятно. Рубашка под ней, превратившаяся теперь в лохмотья, промокла от крови и окрасилась ярко-красным. Собрав все силы для последнего рывка, Стрейкер втиснулся в узкую щель между переборкой и корпусом. Волна боли и ужаса захлестнула его, когда он дернул за рукоять и вытащил клинок из раны. Эллис не мог остановить кровь, но, по крайней мере, теперь мог защищаться.

Самурай продолжил атаку: замахнулся и ударил, но на этот раз неудачно — лезвие не задело Стрейкера. Невероятным усилием Эллис отбросил противника и левой рукой вонзил меч в бычью шею японца — точно над центром нагрудника. Японец зашатался, обхватил Эллиса, и вместе они с грохотом повалились на палубу. Спиной Стрейкер почувствовал холод палубы. «Надо встать,— сказал он себе.— Я должен перевязать рану и остановить кровь». Силы оставляли Эллиса. Казалось, мутный поток обволакивает его, и он, захлебываясь, медленно уплывает куда-то.

«Я обязан выбраться...— с трудом думал Стрейкер.— Нельзя терять сознание... надо найти брата...» Тело мертвого самурая вдавливало его в палубу. Сбросить труп у Эллиса не было сил. В последнее мгновение он увидел, как черные волны сомкнулись над ним и погрузили в темноту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не стрелять! Там Дюваль!

— О Боже! Стрелок!

Дюваль Стрейкер добрался до «Ричарда М.» и рухнул на грузовой подъемник. Он лежал на окровавленной палубе и смотрел, как выбрасывают тела. Из его орудийного расчета он единственный остался в живых. Когда завыли сирены, из здания порта выбралось человек пятьдесят, но только Дюваль смог пробиться к кораблю.

Он увидел Хавкена в военной форме, отдававшего приказы. «Упрямый болван! — подумал взбешенный Дюваль.— Если б ты прислушался к моим донесениям, мы могли бы спокойно подготовиться к нападению. Но ты не захотел. Ты думал выйти сухим из воды. Думал, будто твоя честность и уверенность произведут впечатление на самураев. Эллис предупреждал тебя, что нужно быть бдительным. Предупреждал о предательстве. А теперь две сотни человек заплатили за твое упрямство».

— Где мой брат?

Хавкен смутился. Фиолетовый кровоподтек обезобразил его щеку.

— Где Эллис?!

— Его корабль захвачен. Может быть, и он сам — тоже.

— Мертвый? — Дюваль вдруг почувствовал всю силу этого слова.

— Как и все мы, если ты не заставишь заговорить свое оружие.

— Я видел твоего брата на борту «Томаса Дж.», он истекал кровью! Эллис напал на самураев, проникших на

корабль, а потом мы потеряли его из виду! — крикнул Боуэн.

Флагманский корабль двигался замысловатыми кругами. Его антенны были сломаны, люки грузовых отсеков беспомощно волочились по площадке. Капитанский мостик опустел.

Несмотря на сильный батарейный огонь, «Ричард М.» был приведен в полную боевую готовность; якорные тросы отрезаны, наземные двигатели включены. Для рукопашной атаки самураев оба военных корабля были неприступны, но уязвимы для установленного в порту лазерного оружия. Стремясь сохранить «Ричард М.», Хавкен попытался подвести его поближе к «Томасу Дж.». Заметив это, адмирал Курита приказал своим кораблям отрезать пути к отступлению «Ричарда М.» и зайти с другой стороны, чтобы оттуда вести лазерный огонь.

Подготавливая оружие к стрельбе, Дюваль послал младших офицеров за слитками серебра, которыми необходимо было зарядить пушки. Работа не могла отвлечь его от тяжких мыслей; Стрейкер не мог не думать о брате. «Где он? Что с ним? Как ему помочь и можно ли еще помочь?.. Брат многое предвидел. Он говорил, что человек, повинующийся пси-инстинкту, не рассуждающий и полагающийся лишь на судьбу, гораздо мудрее того, кто все время анализирует и дрожит от страха... Это верно... Еще... Он предвидел, что понадобится мое оружие. И оказался прав...»

Дюваль внезапно осознал, что Эллис почти наверняка мертв. Мысль эта причинила ему такую боль, что он на несколько секунд оставил работу, не в силах сделать вздох, но тут же взял себя в руки. Необходимо было точно определить свою задачу.

Дюваль собрал оружейную команду. Подчиненные привели в боевую готовность пять экспериментальных пушек, зарядили их серебром, набрали секретный код и вставили запалы. Затем они навели орудия, вычислив азимут и угол прицеливания. Дюваль приказал связному на капитанском мостике передать сигнал: «Порт не

трогать! Дать кораблю пройти мимо! Стрелять по грузовым кораблям Ямато!»

Послышались свист двигателя «Ричарда М.» и быстрые приказы; члены экипажа заняли места согласно боевому расписанию. Взревели турбины, извергая пламя, заработали двигатели, и нос корабля резко развернулся.

— Приготовиться к бою!... Огонь! — раздалась команда.

Мгновение спустя отошли пять спусковых крючков, и «Ричард М.» содрогнулся от залпа орудий; корабль наполнился острым запахом озона.

Поток ионизированного воздуха светящейся дугой вырвался из стволов. В полете образовывались темные шары величиной с бейсбольный мяч — квазичерные дыры, которые засасывали вещество, не оставляя от него ни следа.

Первый выстрел оказался не точным. Помощники Дюваля моментально перезарядили пушки, и на этот раз залп достиг цели.

«Тиёда», корабль адмирала Куриты, был подбит. Выстрел угодил в крюйт-камеру — нос корабля оторвало взрывом, который потряс всю площадку. Огромная оранжевая волна подбросила половину корабля вместе с находящимися там людьми и сожгла ее в воздухе, усеяв весь порт догорающими обломками.

Дюваль отвернулся от этого жуткого зрелища. Команда «Ричарда М.» оцепенела, завороженная силой действия нового оружия. Третий выстрел также оказался удачным — он поразил корабль вице-адмирала. Одна за другой черные дыры засасывали внутренности прочих японских кораблей. Корпус большого грузового судна с оторванными шасси неуклюже опрокинулся на бок и беспомощно лежал на площадке, исторгая дым и пламя.

— На борту этого корабля Нисима! — выкрикнул кто-то.

Дюваль был оглушен грохотом и взрывами. Запах озона, распространившийся по кораблю, вызывал тошноту и мешал сосредоточиться. Он увидел, как справа от

них засверкали двигатели корабля Уюку «Юдифь Л.», который отодвинулся немного назад и готовился присоединиться к обстрелу. «Джон, по крайней мере, в безопасности»,— подумал Дюваль.

«Ты получил то, что заслужил,— продолжал упрекать он Хавкена.— Самураи дорого заплатили за свое вероломство, но и наш флот обречен. «Джон Ф.» горит, «Дуайт Д.» захвачен, и летательные аппараты на них изуродованы. «Томас Дж.» покинут и беспомощен. Остались только «Ричард М.» и «Юдифь Л.»... Бог осудит тебя за гибель нашего флота и смерть Эллиса!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На противоположной стороне площадки, ближе к зданию порта, Курита Имари с тревогой принимал донесения своих самураев. Сопротивление, оказанное американцами, застало его врасплох. Больше всего его тревожило неизвестное оружие, выстрелами которого были изуродованы японские корабли. Сейчас перед ним встала новая проблема. Связной не выполнил его приказ и не смог вызволить тех, кто остался на горящем флагмане. Он доложил, что даймё отказался покинуть гибнущий корабль. На лице связного, перепачканном грязью, застыли страх и мольба.

— Гнев его превосходительства выше всех разумных доводов. Он ничего не желает слушать. Он предпочитает подвергать свою жизнь опасности вместо того, чтобы покинуть «Тиёду».

Выругавшись, Курита отправил связного в безопасное место и под страхом смерти приказал малодушным подчиненным охранять корабль наместника, вне зависимости от исхода сражения. Затем он вышел вслед за вице-адмиралом Кондо. «Если Нисима Юн погибнет из-за своего упрямства, это мало опечалит Кондо»,— думал Курита.

Они сели в бронированный автомобиль и помчались сквозь хаос сражения по площадке.

На борту горящего корабля Курита увидел даймё. Тот гневно указывал мечом в сторону американцев, но был не в силах предотвратить гибель японских кораблей. Курита послал пожарных, чтобы те попытались сбить огонь.

— Ваше превосходительство!..

Неожиданно даймё заметил Кондо, и лицо его налилось кровью.

— Ты отважился ступить на борт моего корабля?! Отвечай, ты, вероломный сирами!

Не ожидавший такого приема Кондо побледнел, однако преклонил колени и смиренно изложил свои оправдания:

— У меня не было выбора, ваше превосходительство. Они раскрыли наши планы. Их командор чуть не убил меня выстрелом из лазерного пистолета. Офицера, стоявшего рядом, он сразил наповал. Я вынужден был дать сигнал к наступлению.

Курита посмотрел на коленопреклоненного Кондо. «Так-так,— говорил он себе,— смирись! Ты знаешь, что дал сигнал к атаке слишком рано. Если б мы были подготовлены, американцы и их корабли погибли бы так же быстро, как и те, кого зарезали в порту. Вместо этого мы потеряли три флагманских корабля, а американцы до сих пор живы. Какое несчастье! А еще хуже то, что Нисима никогда не участвовал в настоящем сражении. Он не осознает, что произошло, и нет никакого способа объяснить ему. Но, во имя всех богов, что за оружие используют американцы?»

Нисима, широко открыв глаза, с недоверием взглянул на Кондо.

— Американский пират жив? Лжешь! Разве Ивакура не получил от меня приказ убить его? Ты дал сигнал к атаке, чтобы спасти свою жалкую шкуру!

— Это не так, ваше превосходительство. Наш план стал им известен. Нас предали. Клянусь!

Нисима не ожидал такой дерзости. Курита шагнул вперед.

— Мои люди захватили линию обороны Садо. Они собираются уничтожить американский флагман, и тот, что вооружен ужасными новыми пушками. Кстати, последний прекратил стрельбу.

Отвернувшись, даймё пристально расглядывал американские корабли.

— Что они собираются делать? Они усилили защиту и сидят тихо как мыши. Почему не отступают?

— Враг сломлен, ваше превосходительство. Все, что у него осталось,— это корабль. Без корабля ему некуда деться.

— Приготовить корабль-камикадзе!

— Но, ваше превосходительство, обстоя...

Глаза Нисимы вспыхнули как угольки.

— Ты осмеливаешься сомневаться в правильности моих приказов?

— Конечно, нет, ваше превосходительство,— сердито ответил Курита вместо Кондо, который все еще стоял на коленях.— Ты разве не слышал приказ? Немедленно подготовь корабль для атаки камикадзе.

Кондо беспомощно оглянулся, вскочил на ноги и отправился выполнять распоряжение.

На противоположной стороне площадки лазерные пушки пробивали защиту американских кораблей. Люди Куриты на «Тиёде» сдерживали распространение пожара, поэтому необходимость эвакуировать даймё пока отпала. Несмотря на освежающий ветер, воздух был тяжкий и душный от озона. Сквозь лохмотья дыма Курита увидел, что оба американских корабля каким-то невероятно искусным маневром ухитрились отъехать от площадки. Не было сомнения, что оставшийся пиратский корабль обречен. Люки его грузовых отсеков жалко волочились по земле, а корпус начал мерцать и переливаться всеми цветами радуги — верный признак того, что компьютерная система лазерной защиты выходит из строя. Увидев это, самураи издали радостный крик.

«Корабль стар и потрепан. Корпус его вот-вот развалится,— удовлетворенно думал Курита.— Скоро нервной системе корабля придет конец, и корпус его станет прозрачным. Хромовое покрытие не сможет обеспечить защиту, и лазеры выжгут внутренности корабля. Скоро от американского флота останутся только куски обожженного металла, и тогда Нисима возьмет реванш... Но, во имя всех богов, что у них за оружие? Даймё ничего не

понимает в войне, а то он бы догадался, что уж точно не лазерное. Надеюсь, он захватит пленных и распнет их за то, что они гайдзины — пираты, однако сначала, я надеюсь, он выпытает у них все об этом оружии... Корабль-камикадзе... Безумие!»

Курита с трудом подавил негодование.

Руки даймё крепко сжимали эфес меча, но когда он увидел, в каком положении находится его противник, лицо его прояснилось, и он успокоился. «Я — Хосю-но Нисима Юн, почетный командир императорской армии, даймё Садо, командующий флота Ямато, преданный вассал Его Императорского Величества, императора Муцухито,— говорил он себе гордо.— Я знаю, как поступить с безбожными гайдзинами, как только они попадут ко мне в руки».

— Когда будет готов корабль-камикадзе? — спросил он Куриту.

— Ваше превосходительство, может быть, мне удастся вас переубедить, если...

— Когда он будет готов?!

— Как только Кондо-сан сможет выполнить ваш приказ,— сдержал неповиновение Курита.

— Хорошо. Никто из американцев не должен сбежать.

В течение нескольких минут Нисима безостановочно шагал по палубе. Его измазанная копотью одежда промокла от пота, потяжелела. Он был в бешенстве из-за потери лучших имперских кораблей. «Как им это удалось? Как могли эти истрепанные пиратские корабли причинить такой страшный вред? Можно ли было предполагать, что эти насекомые издают зловоние скорпионов? Как теперь объяснить ситуацию императорским камергерам?..» — гневно размышлял даймё. «Зря я рассчитывал на адмирала. Курита выказал откровенное неуважение, он назвал меня новым даймё. Да, я действительно назначен недавно, но он не имел права так меня называть, да еще в присутствии Кондо. Нечаянный промах? Не похоже. В таком случае я должен преподать

урок Курите Имари. Ну, а теперь нужно взять себя в руки и успокоиться».

Нисима наблюдал, как недавно перезаряженные лазерные батареи терзают американский флагман усиленными потоками энергии. Хромовое покрытие было уже почти разрушено. Зловещая улыбка искривила вытянутое лицо наместника. Оскалившись, он повернулся к Курите.

— Американские корабли разбиты. Теперь, наверное, пираты не скоро появятся в Ниигате. Не так ли, Курита-сан?

— Возможно,— холодно ответил адмирал, не желая вступать в спор с наместником.

— Разве они не полностью разбиты? Разве не послужит им это хорошим уроком?

— Американцы — упрямый народ, ваше превосходительство. Они дерзнули появиться в Зоне Процветания, хотя это запрещено нашей Центральной Властью. Я думаю, их не смутит войско императора, и ваше присутствие их не остановит.

— Вы, кажется, им сочувствуете? Или, быть может, боитесь их?

— Нет, ваше превосходительство. Не мне критиковать действия даймё, но следовало предвидеть, что противник окажется более умным, чем мы думали.

— Кто скажет, что я действовал неправильно? — раздраженно спросил Нисима.— Если американцы были слишком глупы или легкомысленны, дабы поверить в то, что я попытаюсь их уничтожить, разве это не их ошибка?

Адмирал, задумчиво глядя на американский флагман, ничего не ответил, и это привело даймё в бешенство.

— Что общего у самураев с гайдзинами — этими шантажистами?! Ничего! — закричал Нисима.

— Не уверен в этом.

— Лучше исчезнуть в ледяной преисподней, чем произносить такие слова. Разве не сделала наша Центральная Власть Зону Процветания владениями Ямато? Этот эдикт поставил территорию, расположенную в од-

ном перелете от границ Ямато, в японскую зависимость и под протекторат империи. Разве не по желанию богов империя защищена от этих мародеров?

Курита ничего не ответил, но взгляд его стал тяжелым.

— Теперь я — даймё, и здесь будет установлен новый порядок. У меня есть личное предписание императора превратить Садо в безопасную планету, и, клянусь, я выполню приказ! — закричал Нисима.

Семья Куриты Имари была невысокого ранга. Происходил он из древнего рода, однако плоское лицо выдавало в нем примесь плебейской крови. Даймё часто встречал таких людей, как Курита. Подобных типов нужно держать на расстоянии, иногда напоминая им об их происхождении. Можно, конечно, простить им некоторые амбиции, но лишь до тех пор, пока они не превышают пределы допустимого. Еще на пути к Садо Нисима заметил, что адмирал держит себя высокомерно. «Этот плебей не успокоился, получив Золотую Звезду — символ власти,— думал Нисима.— К тому же он достаточно глуп и не понимает, что власть эта дана ему в обмен на преданную службу и лояльность во время космического перелета Золотого флота. И вот теперь, адмирал, твоя лояльность подверглась проверке. И ты уличен в неповиновении! Я уничтожу тебя, жалкий паромщик!»

Нисима представил свой первый доклад имперским чиновникам. Он уличает глупого Кондо в том, что тот разрушил великолепный замысел Нисимы, слишком рано дав сигнал к наступлению. Кондо, вне всякого сомнения, достоин позорной смерти. Потом он рассказывает о неповиновении Куриты...

Внезапно злая улыбка сошла с лица даймё. Он увидел, что маленькому американскому кораблю удалось сзади подойти к флагману. Именно в этот момент началось нечто невообразимое.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На мостике «Ричарда М.» бледный и решительный Хавкен отдавал приказания. Казалось, лицо светится от напряжения. Дюваль внимательно вслушивался в слова командора, понимая, что они почти обречены, но сдаваться не собираются.

Несколько минут назад Джон Уюку сумел вывести «Юдифь Л.» из-под огня и прорвался на орбиту. Но Хавкен видел, что его собственный корабль не в состоянии это сделать. Во-первых, на «Ричарде М.» даже не приступали к погрузке, когда началось сражение, и на его борту не было синтезаторов пищи, без которых экипаж погибнет от голода. Во-вторых, на «Томасе Дж.» оставалось несколько гравитационных орудий, и нельзя было допустить, чтобы оно попало в руки японцев.

Оставался единственный шанс: «Ричард М.» должен встать под прикрытие корпуса «Томаса Дж.», чтобы избежать смертоносного огня батарей Садо. А затем экипажи попытаются втащить на борт ценный груз, находившийся в грузовых отсеках флагмана. Это давало бы им призрачную надежду выжить.

«Ричард М.» медленно развернулся и двинулся в сторону батареи Ямато. Поначалу японцы просто не поверили в то, что корабль направляется к ним, вместо того, чтобы сбежать на орбиту, как это сделало другое американское судно. Пушки замолчали на несколько секунд — воины Ямато ждали капитуляции. Этого мгновения хватило на то, чтобы оружие Дюваля Стрейкера вывело из строя главные батареи, из которых японцы вели огонь по «Томасу Дж.». «Ричард М.» молниеносно

развернулся по крутой дуге и скрылся за бортом флагмана. Корпуса двух кораблей соприкоснулись, и Хавкен приказал:

— Командиры! Собрать по двадцать человек, распределить на группы по четыре. Брать только воду и синтезаторы пищи. Будьте осторожны возле обшивки. Приступайте! — Потом он обернулся к Хэмптону: — Идите со мной! И ты тоже, Сандерс. Оторви свою задницу от стула, а то она станет мишенью для жирных японских снайперов! Доберитесь до пробоин в нижней части корпуса. Заделайте их, иначе мы не сможем даже выйти на орбиту!

Сандерс отдала честь, едва заметно улыбнулась и бросилась выполнять распоряжение командора.

В этот момент Дюваль увидел, как первая группа, подбежавшая к «Томасу Дж.», внезапно отпрянула: часть обшивки — обожженные, исковерканные полосы металла — неожиданно оторвалась от мостика «Томаса Дж.» и обрушилась на людей. Один астронавт замешкался и был погребен под обломками. Двое его товарищей бросились помогать несчастному. Раскидав обломки и перевернув его, они увидели, что тот уже мертв. «Командор ведь предупреждал!» — подумал Дюваль и вдруг понял, что прокричал эту фразу вслух, но в грохоте Стрейкер едва расслышал свой собственный голос. Сердце неистово колотилось в груди, но голова была ясной, когда он обдумывал приказы Хавкена.

«Ричард М.» опустился бок о бок с бортом флагмана. Хорс Смит, изотопист, потянул на себя рычаг выключателя тока и ударом ноги заставил работать подъемник контейнеров. Астронавты начали рискованную операцию по переноске запасов. Корпус «Томаса Дж.» переливался всеми цветами радуги. Нервная система компьютеров почти полностью была выведена из строя, и хромированная «шкура» корабля, лишенная энергетической защиты, стала легкой мишенью для лазерных лучей.

Отсеки корабля напоминали бойню. Были убиты сотни людей, палубы усеивали тела американцев и японцев.

Трупы тех астронавтов, что попали под лазерный обстрел, превратились в кровавое месиво. Дюваль Стрейкер, преодолевая тошноту, переворачивал трупы лицом вверх в надежде найти брата.

Астронавты сновали по всему кораблю, словно обезьяны. Опасности подстерегали их на каждом шагу. Местами лазерные лучи прорезали обшивку насквозь и превратили некоторые приборы в груду металлолома, готовую в любой момент рухнуть на того, кто к ней приблизится. Главная цистерна оказалась пробита, и в трюм хлынули тысячи галлонов воды, машинного масла и охлаждающей жидкости. Время от времени на борту флагмана появлялся Хавкен в сопровождении Хэмптона — они перетаскивали информационные модули, навигационные приборы и систему дистанционного саморазрушения корабля.

Обстрел почти прекратился, и в течение получаса астронавты работали спокойно. Люди Дюваля вытащили из трюма и погрузили на подъемник двадцать контейнеров с оксидом дидейтерия в сто двадцать шесть галлонов каждый. В случае чего, экипаж сможет употреблять это вещество в пищу, даже неразбавленным.

Астронавты вынесли с «Томаса Дж.» пятьдесят контейнеров генетического сырья, перфокарты для атмосферных мониторов, упаковки со сверхстойкими зернами пшеницы. Дюваль переносил синтезаторы пищи и ящики мороженой рыбы, которую ди Баррио привезла с Палавана. Они работали в трюме, стоя по колено в воде и вдыхая удушливый дым, который заполонил весь корабль.

Лазерные лучи превратили капитанский мостик в груду расщепленных стальных подпорок со сбитой обшивкой. Правый борт корабля был разворочен. Повсюду в беспорядке валялись дула лазерных пушек. Увидев картину полного разрушения, Дюваль пришел в бешенство. В этот момент в его голове мелькнула мысль получить компенсацию за неудачную экспедицию, и он молниеносно составил план действий.

— Сэр, мы расчистили весь нос корабля,— доложил Корнелиус. Его взгляд был прикован к «Ричарду М.», который находился в безопасности. Хавкен и Сандерс со своими отрядами уже ушли. Дюваль увидел, как Диаз спрыгнула на руки своих товарищей с «Дуайта Д.». Они остались одни на бывшем флагмане. С «Ричарда М.» уже раздавались приказы подниматься наверх и задраивать люки.

Дюваль схватился за ручку уцелевшей гравитационной пушки и повернул орудие на шарнирах. Его дуло было направлено на внутренности корабля. Дюваль ударил по ограничителю, и дуло уставилось на ирландца.

— Корнелиус, ты хочешь возвратиться домой богачом?

— Да, я бы не отказался...

— Тогда возьми с собой пятерых и отправляйся на корму, к трюму! Доберитесь до громкоговорителя и руководи мною оттуда. Этим жирным свиньям я не хочу оставить и медного гроша!

— Но командор распорядился взять только самое необходимое. Я не собираюсь нарушать его приказ,— запротестовал Поллак.

— А что ты привезешь детям, когда вернешься? Кусок дерьма? Не бойся, с тобой будет полдюжины охотников! — попытался уговорить его Стрейкер, но Поллак так и не решился нарушить приказ Хавкена.

Вслед за Корнелиусом во внутренности корабля отправились пять человек. Дюваль сбил ограничители с установки, и пронзительно яркий голубой свет вырвался из пробитого основания прицела. В этот момент из трюма сквозь лопнувшие трубы на палубу хлынула вода. Яркий свет, лившийся из пушки, отражался на ее мутной поверхности. Дюваль с содроганием увидел, что рядом с ним всплыло чье-то изуродованное тело с обезображенным лицом, окруженным маслянистым нимбом. Он перешагнул через труп, втиснул опасно перегруженное зарядом орудие между опорами палубы и выстрелил.

Раздался взрыв. С грохотом обвалилась стена отсека; пушка зашаталась. Дюваль услышал крик Корнелиуса:

— Целься левее! Сумасшедший, ты нас всех убьешь!

Два параллельных луча диаметром с глубокую тарелку прошили корабль, оставляя в переборках цепочку отверстий с ровно обрезанными краями.

Дюваль прицелился и вновь выстрелил. Раздался еще один взрыв и послышался крик Корнелиуса. Так повторялось несколько раз, пока он не услышал голос из громкоговорителя:

— Стрелок, ты слишком далеко взял! Еще немного — и ты, идиот, отправил бы нас всех на тот свет! Ради Бога, не стреляй больше из этой штуки!

Стрейкер очистил жерло пушки от остатков металла, подержал их, обжигаясь, секунду в ладонях, потом бросил на пол, уничтожил из лазерного пистолета, и, не теряя времени, бросился вслед за Корнелиусом и остальными.

Дюваль нырнул в трюм, и, когда его глаза привыкли к темноте, увидел металлические полосы обшивки, ровно, как скальпелем, отрезанные «особым оружием». По палубе было разбросано очищенное золото в тяжелых пятидюймовых шариках-слитках. Здесь же находились три огромные запечатанные канистры с радиоактивным золотом.

— Они прекратили стрелять. Доставай канистры, болван! — закричал Стрелок Инграму.

Тот вспыхнул от гнева и тряхнул копной слипшихся от грязи и пота волос. В это время Ривелли и кадет Мортон пробрались к пробоине в борту, возле которой плавал чей-то труп. Оттолкнув его, Ривелли выглянул в пробоину и с ужасом увидел гигантский грузовой корабль Ямато, разворачивающийся на площадке.

— О, черт! Мы погибли! — закричал Ривелли, и его нежное, почти женское лицо перекосилось от страха.

— Что ты там увидел? — с тревогой спросил Дюваль.

— Надо выбираться отсюда! Смотрите, он идет прямо на нас! Это корабль-камикадзе!

— Что такое? — закричала Джеб Мун, шеф-повар на «Дуайте Д.». Колено ее было разбито, и она прихрамывала.

— Камикадзе! — кричал Ривелли.— Я слышал, японцы мастера на такие фокусы. На каждом корабле есть система самоуничтожения. Сейчас он врежется в нас и взорвется. Мы погибли...

Всех охватила паника. Стараясь сохранять самообладание, Дюваль просунул голову в дыру в изуродованном корпусе — выяснить, что происходит на площадке. Адмирал Ямато послал один из самых мощных своих кораблей водоизмещением около двух тысяч тонн. Его блестящий белый корпус сиял в красных лучах заходящего солнца. Корабль медленно двигался в их сторону. Астронавты оцепенели, не могли двинуться с места...

Вся жизнь мгновенно пронеслась перед мысленным взором Дюваля, и в его памяти неожиданно всплыл эпизод из раннего детства. Было ему тогда три года. Он вспомнил яркие бело-красные знамена, поднятые на Орегоне, и сумасшедших палачей из Кайовера. На пляже планеты-заповедника сектанты-фанатики Ямато без всякого повода распяли на крестах двадцать американских туристов...

Усилием воли Дюваль прогнал воспоминания и преодолел страх. «Если это камикадзе,— думал он,— то очень скоро мы будем уничтожены. Но время еще есть. Быть может, нам повезет и компьютер на приближающемся корабле выйдет из строя. Корабль не взорвется, и тогда мы уцелеем». Дюваль не мог смириться с неминуемой смертью, и разум его питали самые призрачные надежды. Наконец он сбросил с себя оцепенение.

— Выносите канистры, живо! — закричал он растерявшимся астронавтам, что толпились в отсеке.

— Камикадзе отправит нас всех к праотцам! «Ричард М.» улетит, а мы сгорим здесь заживо! — огрызнулась Мун.

— Нужно бежать! — взвизгнул Мортон.

— Я не могу...— беспомощно заскулила Мун. Колено ее начало сильно кровоточить, и она едва ходила.

— А я не хочу бежать,— неожиданно заявил Корнелиус.

— Идиоты, вы тратите время! — вновь закричал Дюваль.

Его мощная фигура возвышалась у выхода. Он схватил Инграма, который попытался проскользнуть мимо, и с силой его толкнул. Тот упал в мутную воду, постоянно прибывавшую из пробоины в цистерне, но тут же вскочил и приготовился к прыжку. Невероятным усилием Дюваль остановил его.

— Выполняй приказ, сукин сын! Бери канистру, или мы все тут сгорим! — Слова прозвучали как удары хлыста. Стрейкер выдержал взгляд пяти пар горящих глаз. Он не шелохнулся, и астронавты повиновались. «Отдавай приказы, которые не придется отменять. Но если уж приказал — никогда не отступай»,— вспомнил Дюваль наставления командора.

Мутная вода в отсеке неожиданно озарилась яркими отблесками. В коридоре появились языки пламени. Кадет Мортон истерично зарыдал, но это Дюваля не разжалобило. Он сгреб восемнадцатилетнего юношу в охапку, подтащил к люку и вытолкнул наружу.

— Проваливай отсюда! Эта работа для настоящих мужчин! — бросил вслед ему Стрелок.

Корнелиус и Инграм схватили канистру и поволокли ее к выходу. Канистра весила три-четыре сотни фунтов и была слишком громоздкой и тяжелой даже для двух мужчин, зато стоила целое состояние. Остальные присоединились к ним. Через минуту им удалось вытащить канистру из трюма.

За это время камикадзе преодолел около полумили — почти половину пути. На корпусе корабля сверкала эмблема Ямато, двигатели его завывали, из них вырывались мощные потоки воздуха. Судно шло на большой скорости, объезжая попадающиеся на пути обломки. Собрав последние силы, астронавты выволокли канистру на временно сооруженный подъемник, вытолкнули ее из грузового отсека в открытое брюхо «Ричарда М.», и она с грохотом упала на грузовую палубу.

Дюваль стоял на палубе «Томаса Дж.». Он был последним, кто остался на гибнущем корабле. Повсюду валялись мертвые тела, огонь охватил уже почти весь звездолет. Ужас нахлынул на Стрейкера, когда он услышал, как пилот Линекс вновь начал разогревать стартовые двигатели «Ричарда М.». Щель между корпусами медленно увеличивалась. Дюваль почувствовал приближение камикадзе, услышал леденящий кровь рокот его моторов. Последовал взрыв, судно резко качнулось, и Стрелок, сильно обо что-то ударившись головой, полетел на палубу. Удушливый черный дым клубился над ним. Воздух был пропитан запахами озона и горящей плоти. Боковым зрением он увидел чью-то руку в куртке астронавта. Дюваль медленно повернул голову и обнаружил на мизинце этой руки знакомое золотое кольцо с черным агатом...

— Прыгай, Стрелок... Прыгай...

— Эллис! — Дюваль увидел пепельно-серое лицо брата.

Стрелок подбхватил Эллиса под мышки, и темная кровь хлынула из раны на плече Стрейкера-младшего. «Боже, он жив!» — промелькнула мысль. Кругом все полыхало. Приборы над головой с треском лопались от невыносимого жара. Многоцветные блики метались по обваливающимся стенам отсеков и корпусу.

— Прыгай, ради Христа... Спасайся...— прохрипел Эллис из последних сил.

С нечеловеческим напряжением Дюваль взвалил его на спину. Десять футов, двенадцать, пятнадцать... Расстояние между кораблями все увеличивалось, уже не перепрыгнуть...

Дюваль в отчаянии огляделся и вдруг увидел сквозь дым разбитый подъемник, медленно ползущий вверх — такие подъемники астронавты использовали для переноски оборудования с корабля на корабль. Он был прикреплен к люку грузового отсека «Ричарда М.» и, когда корабль начал двигаться, потянулся следом; за ним волочился трос с абордажным крюком.

Дюваль подхватил крюк и зацепил его за пояс Эллиса. Подвешенное тело нелепо болталось и двигалось, словно ожившая неуклюжая кукла. Руки висели плетьми, по ним струилась кровь, крупными каплями скатывалась с пальцев. Раскачиваясь, Эллис медленно приближался к открытому люку «Ричарда М.». Наконец люди Хавкена затащили его на борт и с немым ужасом наблюдали, как камикадзе разворачивается для последнего удара.

Внезапно двигатели «Ричарда М.» резко толкнули корабль, и он поднялся над площадкой. Те, кто был в грузовом отсеке, увидели внизу Дюваля, бегущего вслед за улетающим кораблем. Его беспомощная фигурка становилась все меньше и меньше. В этот момент камикадзе врезался в «Томаса Дж.». Раздался оглушительный взрыв, полнеба заволокло фиолетовое облако дыма, и Стрелок исчез из вида.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Место действия: Тиноцуки

Всю ночь «Ричард М.» держался темной стороны большой красной луны Садо, названной японцами зловещим именем Тиноцуки — Кровавая Луна. Корабль Уюку «Юдифь Л.» исчез, «Дуайт Д.» захвачен, «Джон Ф.» и «Томас Дж.» — уничтожены. Хавкену пришлось потратить большую часть оставшегося топлива, чтобы найти удобное место для посадки.

Поверхность луны была сплошь покрыта сухими кочками, едва выдерживающими тяжесть корабля. Когда поднимался ветер, шасси «Ричарда М.» начинали медленно погружаться в пылевую трясину, грозя людям быстрой гибелью на мрачном и негостеприимном спутнике.

Единственных их утешением было то, что они ушли из-под огня батарей Ниигаты. Но и возможность погони исключать было нельзя. Ярость даймё не знала границ, он мог заставить Куриту преследовать американцев, пока они, подобно Уюке, не покинут систему Садо.

Экипаж находился в плачевном состоянии: все помещения корабля были заполнены людьми, в большинстве своем тяжелоранеными. Хирурги не отходили от операционных столов, но у них под рукой не было даже самого необходимого. Кондиционер не работал, и воздух, наполненный дыханием почти двухсот человек, был спертым.

На верхних палубах слышались проклятия и стоны раненых. В одних еще теплилась надежда выжить, другие уже твердо знали, что обречены.

— Все, чего мы добились, пропало! — неслось со всех сторон.

— Бог милостив. Быть может, мы доберемся до Либерти,— возражали редкие голоса.

К утру отчаяние переросло в мятеж. Хавкен отправил к раненым Боуэна, чтобы тот немного охладил их пыл.

— Эй вы, слюнтяи! — заорал Боуэн.— Постучитесь лучше головой о стену! Американцы вы или тюфяки? Плюньте на все! Дай Бог, доберемся до дома.

— Заткни пасть, сукин сын! Не видишь, что люди уже спят?

— Подвинь свою задницу, Инграм!

— Не наезжай!

— Давай, давай. Не мешай мне выполнять приказ командора.

Когда Боуэн доложил на бриффинге о тех, кто еще жив и в состоянии двигаться, Хавкен понял, насколько подорваны силы экипажа. За его спиной сидели Хэмптон, капитан «Ричарда М.», Боуэн и Джон Бен — младшие лейтенанты, кадет Поллак, все серьезны и внимательны. Однако те люди, в которых сейчас особенно нуждался Хавкен,— Элен ди Баррио, Эллис Стрейкер, Джон Уюку — отсутствовали. Женева Фай была мертва.

Хавкен встал, сделал шаг вперед. Наступила почтительная тишина.

— Вот что я хочу вам сказать,— начал он как обычно спокойно и неторопливо.— Нас подло предали, но мы доказали, что Ямато не сможет помыкать нами, как жалкими рабами. Японцы получили достойный ответ! — Хавкен оглядел присутствующих. Астронавты были потрясены происшедшим. Некоторые что-то шептали и кивали в знак согласия. Несколько человек отважились поднять глаза.

— Не время впадать в уныние и дрожать от страха,— продолжал командор.— Нельзя сложа руки ждать смерти, если есть шанс выжить. Мы доберемся до дома, если сохраним веру.

Снизу вверх на него смотрели мрачные и возмущенные лица.

— Сохраним веру во что? — раздался чей-то хриплый голос.

Хавкен посмотрел на говорящего. Это был Инграм — упрямый, изворотливый человек, частенько распространяющий самые грязные слухи. На Палаване он был наказан за то, что уснул на посту.

— Веру друг в друга и в Бога, мистер Инграм! Только тогда мы сможем довести наш корабль до Либерти.

— Ваш корабль! — презрительно повторил Инграм. Поднялась волна ропота.— Кое-кто полагает, что вы совершили грубую ошибку, сделав первую остановку на Садо! — выкрикнул он.

— Да... Это верно,— раздались голоса.

— Кое-кто из вас? — резко осведомился Хавкен.— Кто здесь капитан? Если есть кто-нибудь поумнее вашего командора, предлагаю выйти вперед!

Никто не отважился это сделать.

— Мы не хотим умирать, командор! — сказал кто-то за спиной Ингрема.

— Тогда объясните, чего вы хотите. Я бы предпочел, чтобы вы высказались сейчас, а не шушукались потом за моей спиной. Каков ваш план? — решительно спросил Хавкен.

— Мы хотим увидеть Либерти!

— И увидите, но только под моим командованием. Либо вы вообще никогда не вернетесь домой! Здесь две сотни людей. Без дисциплины все развалится, и мы погибнем. Поймите это. Тот, кто нарушит устав, будет отправлен на гауптвахту. Если там не найдется места, он будет висеть с внешней стороны корпуса, в скафандре. Я не потерплю неподчинения, и не выводите меня из себя, не вынуждайте идти на жесткие меры!

Командор спустился вниз по проходу, обошел всех и отправил экипаж выполнять свои обязанности группами по два-три человека.

— Порция воды — полчашки в день на человека,— сказал Хавкен Боуэну.

Они взяли на борт слишком мало воды и не намного больше компонентов для синтезирования пищи. Из четырехсот человек, приземлившихся на Садо, уцелела лишь половина. Но Хавкен знал, что приблизительно четвертая часть людей, находящихся сейчас на корабле, обречена. Но, отвечая мольбам людей, можно было рискнуть на еще один перелет.

— Джос, что ты собираешься делать? — спросил Хэмптон, когда они остались вдвоем в капитанской рубке. Хавкен посмотрел на его вспотевшее, испачканное грязью лицо. Хэмптон был очень сдержанным человеком и всегда скрывал свои чувства. Он умело управлял кораблем и мог быть жестоким. Впервые Хавкен взял его на работу десять лет назад и с тех пор ни разу не усомнился в его порядочности.

— Во-первых, мы должны найти воду,— сказал он.

Морщинистые щеки Хэмптона дрогнули.

— Учитывая наши запасы, мы сможем добраться только до гряды Гуам, не дальше. Затем нам нужно будет приземлиться и набрать воды. Однако я думаю, вода — не самая сложная из всех проблем.

— Почему? — спросил Хавкен.

— Видишь ли, Джос,— Хэмптон понизил голос,— синтезаторы пищи не смогут работать без катализатора, а у нас его очень мало. На две сотни ртов пищи хватит от силы на пять дней. Если урезать рацион в четыре раза — то на двадцать. А теперь прикинь, сколько дней нам лететь до Либерти...

Хавкен знал, что при самых благоприятных обстоятельствах они доберутся до дома не раньше, чем через семьдесят пять дней, а случись что — так и через все сто. Многие из раненых, вынужденные голодать, умрут уже через месяц, ну а оставшиеся превратятся в ходячие скелеты, обтянутые высохшей кожей, у них не будет сил даже для того, чтобы вылезти из кожаных гамаков. Хавкена ужасала перспектива обречь умирающих от

голода астронавтов на столь трудный перелет, от которого зависит судьба экспедиции и их жизнь. «Но у меня нет выбора,— думал он.— Все двести человек до дома не доберутся, выживет разве что несколько каннибалов».

— Каждому положить рацион в четверть пайка. На всякий случай организуйте сухие пайки для пси-специалистов. Выделите наркотики для раненых, но в руки им ничего не давать. И обеспечьте быстрый вынос умерших,— распорядился Хавкен.

— А потом? — грустно спросил Хэмптон.

— А потом мне надо будет принять трудное решение.

Хэмптон понимающе кивнул.

Хавкен прошел на корму и закрылся в своей каюте. Оставшись один, он вытащил из ящика командорский значок и крепко сжал его в кулаке. Рухнув в гамак и прижав значок к губам, Хавкен начал истово молиться. Он пытался найти выход, увидеть хоть какой-нибудь знак, который ободрил бы его, помог решить трудную задачу. Затем командор поднялся и подошел к трансформатору, кожух которого украшали пси-девизы. Рядом стояло черное кресло. На стене висели древний медный сектор и циркуль, рядом — оплавленная рукоять самурайского меча.

...Пит Гросс озабоченно нахмурился. Черная хирургическая шапочка чуть сдвинулась набок, на красном лбу выступили капли пота. На операционном столе лежал Эллис Стрейкер. Тело было почти мертво, но дух еще боролся со смертью. В операционную зашел Хавкен.

— Как он себя чувствует? — спросил командор.

— У него необычайная сила воли, Джос. Однако, думаю, даже он не смог бы выкарабкаться,— сердито ответил Гросс, взболтав пузырек с антисептиком. Его хирургический фартук был весь запятнан кровью — свидетельство ночных трудов. Жиденькие бакенбарды и свиные глазки врача зачастую отпугивали членов экипажа, а варварские методы приводили в ужас всех астронавтов. Но Гросс клялся, что его глубокие познания в древней медицине

спасали жизни, когда бессильны были помочь современные средства. Никто не мог забыть, как он отрезал конечности больным, словно плотник, отпиливающий ножку стула. «Это называли ампутацией,— объяснял хирург.— Старый метод. Выглядит, конечно, премерзко, но суть в том, чтобы тело сохранило жизнь и отрастило новую конечность». В ответ астронавты возмущались и не позволяли ему проводить на самих себе эксперименты.

— Может быть, мне придется его прооперировать,— сказал Гросс, внимательно глядя на Эллиса.

— Не прикасайся к нему,— холодно возразил Хавкен.

— По крайней мере, я должен сделать ему несколько уколов. Плохая ци — это убивает человека. Нет другого средства, кроме ампутации.

— Я сказал — оставь его в покое.

Гросс выпрямился.

— У него будет прогрессирующее заражение, и он умрет.

— Ему не нужны ваши иглы и скальпели. Кто послал вас сюда?

— Капитан Хэмптон.

— Хорошо. Займитесь своими делами внизу или вздремните, если сможете.

Когда хирург вышел, Хавкен посмотрел на пропитанный антисептиком бандаж, которым было перетянуто плечо Стрейкера. Около стола работал освежитель воздуха, чтобы облегчить больному дыхание. «Здесь мог бы лежать я,— думал Хавкен,— а он бы стоял надо мной». Командор дотронулся до синяка на скуле и пощупал место, где теперь не хватало двух зубов.

Когда Эллис ударил его, Хавкен изумленно отшатнулся. В первое мгновение он ничего не мог понять, и в его голове мелькнула мысль об измене. Теперь он клял себя за эту недостойную мысль.

Хавкен наклонился пониже. «В твоих жилах течет кровь семьи моей жены. Именно поэтому я воспитывал тебя с младых ногтей и вырастил из тебя хорошего ас-

тронавта. А теперь ты спас мне жизнь. Ты умный и смелый человек. Янка — счастливица, раз у нее такой муж, а у маленького Гарри — такой отец. Они не перенесут твоей смерти».

Хавкен прервал тяжелые размышления, когда в дверях с докладом появился Боуэн. Лейтенант заметил, как изменилось лицо командора, который не мог оторвать взгляда от лежавшего на столе Стрейкера.

— Командор, разрешите доложить? — мягко спросил Боуэн.

— Докладывай.

— Я провел звуковое зондирование. Корпус и двигатели в порядке. Воду из трюма можно откачать сегодня вечером, если на корме восстановят синтезатор растительной пищи. Я думаю, у нас хватит мощности, чтобы приподнять эту лошадку, хотя вряд ли удастся привести ее в полный порядок раньше завтрашнего дня. Астронавты ждут вашего решения.

— Хорошо, Боуэн. Я поговорю с ними. Пока что займи чем-нибудь людей и объяви о собрании на корме. Вынеси кожаные гамаки, чтобы там можно было разместить и раненых.

— Есть, сэр.

— И еще, Боуэн...

— Да, сэр?

Хавкен искоса посмотрел на своего офицера.

— Не кажется ли тебе, что на последнем собрании я был слишком груб с экипажем?

— Я... Я не могу сказать точно,— замялся Боуэн.— Думаю, нет.

— Хорошо. Проследи, чтобы никто не болтался без дела и работа была распределена по справедливости. Можешь идти.

— Есть, сэр.

Хавкен проводил лейтенанта взглядом. «Жалко, что другие не похожи на тебя,— подумал он.— Ни одного взыскания за пять лет службы. Но смогу ли я продвинуть тебя дальше по служебной лестнице? Понятия не

имею. Знаю только, что твоя задача очень скоро усложнится. А насчет растительной пищи... Экипаж будет легко убедить перейти на нее, когда иссякнут остальные припасы».

Оставшись наедине со своими мыслями, командор задумался о крушении своего предприятия. «Мы потеряли все, что приобрели за год тяжелейшего труда,— думал он, медленно опускаясь в кресло.— Ничего не осталось, кроме двух канистр с тринитридом и радиоактивным золотом, да еще шкатулка с конвертируемым кредитом — вот и все. Десять или пятнадцать миллионов. Мы разорены!»

Потеря «Томаса Дж.» поставила Хавкена в очень сложное финансовое положение. Заем у военного флота подразумевал, что любой ущерб, причиненный во время путешествия, будет возмещен братьями Хавкена, но если корабль погибнет, убытки понесет правительство. Разбейся «Томас Дж.» где-нибудь в поясе астероидов или на заброшенной планете вроде этой Кровавой Луны — Хавкен легко бы оправдался. Но он не сумеет объяснить президенту, что потерял корабль во время атаки Ямато. От одной этой мысли у него похолодело внутри. «В таком случае брат Билли заплатит колоссальные пени. Никто из нас не выйдет сухим из воды»,— осознал Хавкен.

Он вспомнил президента Либерти Алису Кэн — очень талантливую, но жесткую женщину, что правила страной более десяти лет. Ее любила и боялась администрация, ею восхищался американский народ, ее ненавидели в Ямато, но при этом везде уважали.

Внешняя политика Алисы Кэн была направлена на то, чтобы сохранить полную экономическую и политическую независимость Либерти. Именно поэтому она стала главным спонсором Хавкена. Другими ведущими инвесторами выступили Конрой Лаббэк, ближайший и самый верный советник президента, и Отис ле Гран, союзник президента в Конгрессе, а кроме них — несколько членов Совета Безопасности. Хавкен представил себе их раздражение, когда он сообщит, что обещанные им миллионы

потеряны... Тогда как сам он возвратился живым и еще имеет наглость принести дурную весть.

Финансирование экспедиции происходило на очень рискованных условиях. Все потери и вся прибыль должны были распределиться в соответствии с первоначальными вкладами. Однако владельцы акций были не только бизнесменами, но и ведущими политиками на Либерти, поэтому и его экспедиция являлась не просто заурядным торговым предприятием. Никто из инвесторов, он был в этом уверен, не понесет убытков. Каждый будет стремиться получить компенсацию за счет увеличения налогов, установления грабительских цен на торговые лицензии или просто путем увеличения последующей собственной прибыли. Эти люди стоят между Хавкеном и президентом, поэтому у них есть тысяча способов уменьшить свои убытки за его счет. Хавкен незаметно подменил коммерцию политикой — это увеличивало не только возможную прибыль, но и долю риска.

«Если б это была обыкновенная неудача,— мучительно размышлял командор,— я мог бы продать свои корабли и дом на Либерти, чтобы раздать долги. Да и братья предоставили бы кредиты. Этого вполне хватило бы, чтобы удовлетворить и президента, и ее сторонников. Но здесь совершенно особый случай — нельзя спастись бегством, когда тебя уже обвили кольца удава».

Хавкен поднялся и принялся ходить кругами, лихорадочно размышляя о политических последствиях происшедшего. Перспективы представлялись ему во все более мрачном свете. Совет Безопасности президента раскололся на две основные фракции: партию мира — тех, кто считал, что Ямато видит в Американо ценного потенциального союзника в борьбе против их главного соперника, Китая, и партию войны — тех, кто считает Ямато извечным врагом, пытающимся сокрушить оплот демократии и свободной торговли.

Последняя группировка настаивала на значительном увеличении вооружений в ответ на угрозы Ямато. Именно эти люди и вложили свои деньги в экспедицию. Но

среди них оказался один человек, явившийся исключением — Отис Ле Гран, богатейший финансист, чьи инвестиции держались в строгом секрете.

Сложилась опасная ситуация. Как известно, семейство Ле Гран принадлежало к клану предателей. Дедушка Отиса был льстивым подхалимом в прояпонской администрации предшественницы Алисы Кэн — Люсии Хенри (за измену та была сослана Алисой). Отец Ле Грана строил из себя демократа, когда работал казначеем в той же администрации — он погиб в собственном доме от руки наемника. Брат Ле Грана уже больше десяти лет находился в ссылке.

«Не может ли этот человек оказаться полезным в создавшейся ситуации? — напряженно думал Хавкен.— Есть ли способ заставить Ле Грана поддержать меня? Ведь он — единственный, не считая Лаббэка, кто достаточно близок к президенту и способен охладить ее пыл. Но как уговорить его, чтобы он замолвил за меня словечко? Пожалуй, есть способ! Ле Гран не захочет, чтобы остальные члены Совета Безопасности узнали, будто он вкладывал деньги в мою экспедицию и публично поддерживал перемирие с Ямато. О, Ле Гран не захочет обнаружить свое двуличие, особенно при Алисе Кэн. По сравнению с этим потеря нескольких миллионов, вложенных в экспедицию, покажется ему пустяком».

Хавкен вздрогнул при мысли о шантаже Ле Грана. «Очень скользкий человек,— раздраженно думал командор.— С ним нужно быть крайне осторожным. Пятно измены ложится на все его деяния. Он честолюбив, никому не верит, кроме самого себя. Однако президент терпит его. Ле Гран остается ее фаворитом в Конгрессе. Неужели она настолько слепа, что не видит его истинной природы? Как она может полагаться на такого человека? Он был ее другом детства, получил такое же воспитание. Она с юности доверяет ему и не хочет слышать о нем ничего дурного. Он деликатно сумел найти ключик к ее страстям. Разве Алиса не понимает, что он не удовлетворит свое честолюбие, пока не женится на ней и сам не

станет президентом? Говорят, восемь лет назад он убил свою жену, чтобы пресечь сплетни, и я верю в это».

Хавкен отвлекся от мыслей о Ле Гране и задумался над более важными проблемами. После сражения в Ниигате на карту оказалась поставлена политическая судьба Либерти.

Без сомнения, один из скоростных кораблей даймё уже готовится к перелету в Хонсю с докладом для императора о происшедшем инциденте. Если император разгневается, результатом может стать вооруженный конфликт между государствами. А выиграть в войне с могущественной империей Ямато у Американо не было шанса. «Экономически мы бедный сектор,— напомнил он себе,— сектор с тремя с половиной миллиардами населения — долька апельсина в пространстве между 30-м и 60-м градусами. Кругом тоталитарные режимы — Китай, Африка, Ислам и мощный Ямато. Пятнадцать миллиардов японцев, подданых императора, который уверен, что он Сын Неба, и чтит божественное право распоряжаться Освоенным Космосом. Его до зубов вооруженные самурайские отряды способны проникнуть в любую планетарную систему. Сотни лет они не проигрывали сражений. Эти непобедимые батальоны даже сейчас наказывают европейцев, отважившихся отправиться в Нейтральную Зону за золотом. Японцы твердо убеждены, что только они имеют на это право, согласно решению их Центральной Власти.

За одну экспедицию Золотой флот вывозит с Садо больше ценностей, чем их существует на Либерти. Доход только от одной области Хонсю равен доходу всего Американо! Если император решится разрушить наш сектор, он сделает это с легкостью, как таракана раздавит,— и без малейших угрызений совести. Конфликт в Ниигате может привести к ужасающимым последствиям и для меня, и для всего Американо.

С какой яростью должна теперь бороться Алиса Кэн, чтобы избежать войны! Сколь искусно будет она пытаться зашить рану и залечить рубец... Для того чтобы убе-

речься от войны, ей придется сражаться, как дикой кошке. За ней не так уж много сил. Она будет предлагать заключать браки, раздавать подарки в качестве компенсации, попытается привлечь на свою сторону надменных имперских послов... И будет наказывать. Чтобы спасти свое государство, она отправит меня и моих людей в огненную печь императорской ярости. В любом случае — мы погибли!»

Эти мысли тяготили Хавкена. Стук молотков на палубе постоянно напоминал ему о том, что корабль принадлежит военному флоту.

«Пусть лучше «Ричард М.» разобьется вдребезги и тем самым положит конец всем нашим страданиям,— угрюмо размышлял Хавкен,— потому что впереди нас ждет еще более худшее». Он вспомнил Либерти. Когда подлетаешь к ней, она похожа на зеленовато-голубой мячик. Но попасть туда сейчас означает позор, наказание, морозильную камеру для изменников в Лагере Расплаты... Может быть, лучше отправиться к крюйт-камере и покончить со всем разом? Нет! Дома Кэт, дома восьмилетняя Ричи...»

Хавкен поджал губы... Единственное, что он мог сделать, это привести корабль домой, чего бы это ни стоило.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Всю ночь «Ричард М.» скрипел и резко вздрагивал. Часто приходилось включать двигатели, чтобы корабль удержался на поверхности, покрытой сухими кочками, которые то и дело предательски разъезжались под ним. Иногда казалось, что «Ричард М.» вот-вот развалится. Погони пока не наблюдалось, и можно было не спеша принять какое-то решение.

К полудню следущего дня по Всеобщему времени умерло четырнадцать тяжелораненых. Их вынесли и похоронили со всеми почестями, насколько это было возможно. Голоса офицеров, выкрикивающих приказы в громкоговорители, от жажды превратились в хриплое карканье. Необходимо было найти воду.

В отсеке, где лежал Эллис Стрейкер, находились приборы дальновидения, и Хавкен внимательно изучал их показания. Он надеялся, что удастся обнаружить грунтовые воды и наполнить резервуары, но приборы молчали. «Попытаемся взлететь и поискать свежей воды на экваторе Кровавой Луны,— решил командор.— Должна же где-то здесь быть вода».

Сюда, на Кровавую Луну, Садо ссылало преступников. Колония и тюрьма находились в более теплых широтах, на юге, в восьми тысячах миль отсюда. Чтобы добраться туда, нужно было целый день ползти на низкой орбите, чтобы не быть обнаруженными. Хавкен выключил приборы и собрался пройти на капитанский мостик, но внезапно услышал стон, и обернулся.

Эллис Стрейкер чуть вздрогнул и приоткрыл глаза, словно человек, только что очнувшийся от ночного кош-

мара. Командор послал Чамберса принести болеутоляющее и чашку драгоценной воды. Лицо Эллиса было попрежнему мертвенно-бледным, сухие губы обветрились и потрескались, резко выступали скулы, обтянутые желтой кожей... Как бы там ни было, он впервые пришел в сознание. Хавкен помог ему приподняться и поддержал голову.

— Мы летим? — тихо произнес Стрейкер.

— Конечно, Эллис, мы в безопасности и направляемся домой. Ты летишь вместе с нами.

— Мы на борту «Томаса Дж.«?

Он попытался сесть, но ему удалось лишь чуть приподняться. Тяжело дыша, он вновь откинулся на подушку.

— Мы на борту «Ричарда М.». Ищем воду, все наши люди тоже здесь,— успокоил его Хавкен.

— «Дуайт Д.»... Кто его ведет? Или он разбился?

— Эллис, тебе нужно поспать, расслабься. Скоро мы приземлимся на площадке в Гаррисбурге и будем готовиться к новому путешествию.

— Как долго я был...— Эллис вновь попытался подняться, но волна боли сдавила его грудь.— Что случилось? — вдруг забеспокоился он.— Почему я не могу встать? Почему у меня на груди точно раскаленный камень?..

Он ощупал себя, осторожно прикоснулся правой ладонью к горячей шее и провел рукой по левому боку. Острая боль заставила его отдернуть руку.

— Ты не слишком сообразителен, Эллис,— усмехнулся Хавкен.— Тебя ранил самурай, ты чуть не умер.

Словно сквозь туман Стрейкер медленно посмотрел на свое плечо и увидел повязку. Приподнял ее и тяжело застонал. Под бинтом обнаружилась глубокая багровая рана — кожу вокруг нее покрывал сплошной черный кровоподтек.

— Ничего,— едва слышно проговорил он,— ничего страшного. Однажды я видел, как человек сражался, потеряв полруки...— И ворчливо добавил: — Почему рану не зашили?

— Позже. Говорят, воины гвардии Ямато часто смазывают свои мечи сильным ядом. Пит Гросс считает, что рана должна некоторое время «подышать».

— Так, значит, самурай ранил меня мечом, да?

— Тебе еще повезло. Рана только одна.

— А где Дюваль? — неожиданно спросил Эллис.

Воспоминания о битве медленно всплывали в его памяти. Он увидел надвигающегося на него самурая, дышащего тяжело, словно бык, в развевающихся шелковых одеждах, в блестящих доспехах. «Я убил его»,— подумал Эллис. Он вспомнил свой корабль — весь в дыму, усеянный телами погибших астронавтов.

— Какое вероломство,— сказал Стрейкер,— они набросились на нас уже после того, как даймё дал слово чести...

— Японцы дорого заплатили за свое предательство,— заговорил Хавкен,— но и мы понесли страшные потери. «Дуайт Д.» захвачен, очень много убитых...

— Сколько?

— Две сотни.

— Половина наших людей. А мой брат?

Глаза Хавкена сузились, лицо стало серьезным.

— Остался там.

Командор рассказал Эллису о камикадзе, о том, как «Ричард М.» вынужден был спасаться бегством, и о том, как самого Эллиса подняли на борт в самую последнюю секунду.

— Значит, Дюваль мог остаться в живых?

— Вероятно, он погиб на площадке. Или же его захватили самураи. А они никогда не проявляют жалости к нашим людям.

— Но кто-нибудь видел его мертвым?

— Нет.

Эллис погрузился в тяжкие раздумья. «Я виноват,— говорил он себе.— Это моя ошибка. Я нарушил обещание, которое дал матери, что присмотрю за ним. Именно я нашел ему место в экспедиции, именно я первый ввязался в битву, именно я задержал его в последний момент на «Томасе Дж.«! Во всем виноват я...»

Эллис закрыл глаза и тяжело вздохнул. Хавкена срочно вызвали на капитанский мостик, и его сменил Чамберс. Стюард дал Эллису воды, чтобы тот смочил горло, покормил супом из ложечки, а потом заботливо уложил спать. Но Эллис не мог успокоиться. Сотни вопросов бурлили в его голове: «Уцелели какие-нибудь корабли, или «Ричард М.» остался один? Кому еще удалось спастись? Неужели на борту две сотни человек? Что стало с Джоном Уюку, Доном Хэмптоном, Элен ди Баррио? Видел ли кто-нибудь мертвого Дюваля?..»

Когда Чамберс перевернул его на спину, Эллис попытался приподняться. Он свесил обнаженные ноги с гамака и медленно встал, ухватившись за стул, но тут же рухнул на руки стюарда. «Вы еще очень слабы, капитан. Лучше отдохните»,— сказал Чамберс.

Глаза Эллиса медленно закрывались, но он все еще не мог успокоиться. Чамберс тихо разговаривал с ним, и голос его звучал гипнотически и успокаивающе:

«Мы летим домой. Возвращаемся на Либерти, к нашим родным. Скоро вы увидите свою жену и сына, а я — свою возлюбленную. Моя доля от этого предприятия позволит мне жениться. Я куплю небольшой участок земли на Айове, построю дом и поселюсь там. Моя невеста очень симпатичная, ее зовут Бекки. Она ждет меня. У нее такие розовые щечки — как налитые яблочки, а волосы мягкие-мягкие, словно пух. У нас будет шесть сыновей и шесть дочек. Они будут мне помогать, как и я помогал отцу в детстве. И все благодаря этому путешествию, командору Хавкену и стараниям вашего брата. Я видел, как втащили канистры с «Томаса Дж.» на борт «Ричарда М.». У нас куча денег. Золота и серебра — килограммы. Часть — для президента, часть — для командора, часть и для нас, тех, кого он взял на свои корабли... А теперь спите, капитан. Сон — лучшее лекарство. И вам приснится дом».

Как только глаза Эллиса закрылись, Чамберс аккуратно укрыл его и вытер ему лицо. «Ты родился в ру-

башке. Смерть прошла сквозь тебя и оставила в живых. Пси-лучи не сожгли твое тело, а лишь слегка поджарили, словно бекон. Вместо тебя погиб твой брат Дюваль. О, жуткое зрелище — мне будет что рассказать своим внукам вечерком у камина. Корпус корабля расплавился, превратившись в сверкающие багровые обломки. Небо светилось, словно десять фейерверков разом. Корабль погиб вместе со Стрелком. Я сам видел, как это произошло. Своими собственными глазами».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Провалившимися глазами Эллис с усилием смотрел на унылое собрание. В животе было пусто, очень хотелось есть. Рана затягивалась медленно. Болезнь никак не отпускала Стрейкера, и он был еще очень слаб. «Нужна вода,— думал Эллис.— Много воды. Хорошо бы сейчас нырнуть в прохладное озеро! Нет, лучше не думать об этом. Встань, пройдись, делай что-нибудь, только не валяйся в гамаке...»

Прошло пять дней. Астронавты ловили крыс и другую живность, снующую возле кабелей. Вчера исчезли обезьянки. Эллис арестовал Леона Сведберга, ответственного за прием и выдачу грузов, когда тот освежевывал одну из них. Слухи о наказании отрезвили экипаж.

Оснащенный перезаряженным трансформатором, «Ричард М.» медленно двигался вперед. Скважин нигде не было видно, а воды оставалось последняя цистерна. Эллис старался не думать о надвигающейся трагедии. Внезапно он услышал громкие голоса. Вбежал Као. Лицо его было взволнованно, он бешено размахивал руками.

— Чамберс... Чамберс их видел,— задыхаясь, проговорил Као.

— Что случилось? — насторожился Стрейкер.

— Дома, он увидел дома...

Послышались приказы Хавкена. Десятки астронавтов побежали к мостику. Хэмптон подтвердил информацию кратким кивком и повел «Ричард М.» на снижение. «У них может быть оружие или, по крайней мере, связь с Садо»,— промелькнуло в голове Эллиса. Несколько минут они шли по крутой дуге, а затем скорость корабля

заметно снизилась. Каждый раз, когда они пролетали над чем-то, хоть отдаленно напоминающим поселения, Хэмптон внимательно вглядывался в мониторы — не идет ли какая-нибудь передача на орбиту. Но, кажется, все было спокойно.

Хэмптон приказал выпустить шасси, и корабль коснулся поверхности луны. Эллис подошел к Хавкену.

— Мы можем угодить в ловушку, командор, но я знаю, как из нее выбраться,— сказал он медленно, официальным голосом.

Хавкен повернул к нему задумчивое, серьезное лицо.

— Да, я слушаю. Продолжайте.

— Ивакура говорил, что Кровавую Луну используют для ссылки преступников, это планета-тюрьма. Мы подобрали его на лунном шаттле класса «Д», так что он вполне мог оказаться беженцем. Однако кем бы он ни был, я думаю, что японцы посылают сюда и другие корабли. Вспомните, командор, эти корабли стояли на площадке в Ниигате, когда мы приземлились. Мне кажется, корабли сюда летают, но не очень часто. Если мы ляжем на дно, то рано или поздно сможем захватить один из них, забрать оружие, а затем...

— Вы говорите об агрессии, капитан. О пиратстве! — резко оборвал его Хавкен.

— Можете называть это как угодно, но путь, который я предлагаю...— начал оправдываться Эллис.

— Да, я называю это пиратством.— Лицо Хавкена побелело от гнева.— И слышать не хочу. «Ричард М.» — корабль американского флота. Я обязан привести его домой.

— Но, командор, после того, что произошло... Мне кажется, мы имеем право...

Хавкен впился в него взглядом.

— Вы забываетесь, капитан. Не провоцируйте меня на самые жесткие меры. Я поднял вас вверх по служебной лестнице, но могу так же быстро и понизить. «Ричард М.» должен добраться до Либерти, чего бы мне это ни стоило, пусть и ценой моей жизни!

Эллис взглянул на Хавкена и вздрогнул. «Правда,— подумал он,— ты в самом деле можешь умереть, но при этом погубишь всех нас. Тебе мало двухсот трупов, тебе нужно, чтобы погибла вся экспедиция...»

— Пожалуйста, командор, выслушайте меня спокойно,— сказал Эллис ровным голосом.— Вполне может статься, что «Миллард Филмор» не погиб. Джон Уюку сейчас на полпути к Либерти. Мы же слишком далеко от дома. Вот уже почти год, как мы находимся вне политики. Я уверен, что за это время многое изменилось. Можете ли вы быть в чем-нибудь абсолютно уверены? За это время могла начаться война. Алиса Кэн, вероятно, уже смещена, а ее место заняла Люсия Хенри...

Вместо ответа Хавкен подошел к Стрейкеру и ударил его по лицу. Он сделал это молниеносно, и Эллис был застигнут врасплох.

— Это измена, Стрейкер!

Эллис вскипел от гнева и с трудом сдержался, чтобы вновь, как это уже один раз случилось, не отправить командора в нокаут. «На этот раз я разворочу тебе челюсть, болван!» — подумал Стрейкер и опустил глаза.

— Извините меня, сэр. Мне не следовало высказывать свои мысли вслух,— холодно проговорил Эллис.

Хавкен ждал продолжения, но Стрейкер молчал.

— В таком случае я принимаю ваши извинения. Будем считать, что вы ничего не говорили.

Эллис посмотрел вслед уходящему Хавкену. «Идиот! — ругал он себя.— Нельзя было говорить ему прямо, да еще в такой неподходящий момент. Нетрудно было угадать его реакцию. Ведь он сущий маньяк... Какая глупость! Придумать такой план и разрушить его в одну минуту! Зря я ему сказал...» Эллис вытер пот со лба и взглянул на поселение, которое было видно в иллюминатор. Оно казалось пустым и покинутым.

«Ты стареешь, Джос Хавкен,— думал Эллис.— Наверное, пришло время занять твое место. С гравитационным оружием мы сможем торчать на этой луне сколько угодно! Мы можем подкарауливать караваны, идущие с

Садо! Такая мысль, старый упрямец, конечно, не могла прийти в твою башку. Здесь огромные запасы воды, к тому же у нас куча времени, чтобы отремонтировать корабль. Если тут жили преступники, то, думаю, мы тоже сумеем прокормиться. Мы будем угрожать любому кораблю, приближающемуся к Садо. Мы парализуем всю торговлю золотом в Ямато! А когда наберемся сил, то захватим транспортный корабль японцев и с триумфом доставим его домой — с тоннами чистого золота в трюмах! Если уж нас назвали пиратами — так будем ими!» — гневно размышлял Стрейкер.

Завыли сирены. Экипаж получил приказание собраться в пустом грузовом отсеке. Площадь его была гораздо больше, чем у носового отсека для собраний. Хавкен стоял в центре, опираясь о перила. Голос его звучал уверенно и громко. Он зачитал список тридцати шести членов экипажа, которые должны были собраться по правому борту корабля.

— Ежедневно я наблюдал за вами. До меня дошли разрозненные слухи,— начал он зловеще.— Всякому, я думаю, ясно, что в полном составе мы не можем добраться до дома. Некоторые из вас хотят сдаться в плен, другие — остаться на этой луне. Выслушайте теперь мое решение. Я намереваюсь разделить экипаж корабля на две половины. Люди, которых я назвал и которые станут по правому борту корабля, попытаются вместе со мной добраться до Либерти. Нас ожидает голод, мы можем попасть в пси-шторм... Будущее неизвестно. Если кто-то из остальных захочет, то может присоединиться к нам. Вторая группа останется на Кровавой Луне и попытает счастья здесь. Быть может, им предоставится шанс договориться с заключенными или с властями Ямато. Если вы не согласны, бросайте жребий.

Тревожный шепоток прошелся по отсеку. Астронавты нерешительно переглядывались. Были названы все члены экипажа, нужные для нормальной работы корабля. Еще пятьдесят человек должны были встать рядом. В этот момент раздался голос Эллиса Стрейкера:

— Командор, я хочу остаться.

Наступила полная тишина, а затем желающие занять его место стали жалобно просить об этом командора.

Хавкен заставил всех замолчать.

— Эллис Стрейкер был назван в первом списке. Он должен остаться на борту.

— Нет, командор,— обратился тот к Хавкену.— У людей, что останутся здесь, нет лидера. С ними должен быть уважаемый ими человек, иначе начнется разброд и они сразу погибнут.

Мнения членов экипажа разделились. Чтобы предупредить конфликт, Хавкен спустился по лестнице туда, где стоял контейнер. Он отбросил крышку, нагнулся и, достав несколько слитков, высоко поднял их над головой — так, чтобы все видели. Слитки ярко блестели: это было золото.

— Я не забыл о ваших клятвах. Никто из вас не нарушил присягу по отношению ко мне. Поступки некоторых даже превзошли мои ожидания. Я тоже не собираюсь обманывать вас. Каждый, кто решит остаться, получит свою долю. Если он пожелает, деньги могут быть переданы семье, но только в том случае, если «Ричард М.» благополучно доберется домой. Более того, я обещаю вернуться через год и забрать вас отсюда; я заплачу за ожидание вдвойне.

Крышка контейнера была открытой, и свет играл на увесистых золотых слитках.

Первым не выдержал Филлер.

— У меня жена и трое детей. Вы можете передать им мою долю?

За Филлером шагнул второй, третий...

Эллис молча наблюдал за происходящим на палубе. «Поселение находится, вероятно, недалеко отсюда. Разреженный воздух, тяжелый климат, жаркие болота, заросли, где таятся множество опасностей. К тому же — никакой гарантии, что здешние жители не распнут нас. Но у меня нет другого выбора. Я должен узнать, жив ли мой брат. Именно поэтому я не могу подчиниться Хавкену».

Тридцать членов экипажа вышли вперед. Остальные пока сомневались. Хавкен записал имена добровольцев в

вахтенном журнале и закрыл собрание, предоставив нерешительным время на размышление. Затем он распорядился спустить большой шаттл — в него погрузились те, кто решил остаться на Кровавой Луне. Они высадились в нескольких милях от корабля, по другую сторону болота. Оставшиеся же члены экипажа починили устройства для переработки грязной воды, а затем наполнили цистерны. У них был маленький шанс заставить работать синтезаторы пищи.

Все это время Эллис переписывал информацию, собранную компьютером в течение последних недель, в астрономический журнал. Он не обмолвился с Хавкеном ни словом до 18.00 по Всеобщему времени. Хэмптон сказал Эллису, что все, кому было предписано возвращаться домой, должны оставаться на борту, но Стрейкер отправился к командору и попросил разрешения слетать вместе с остальными к болоту, из которого они брали воду.

— Если я сумею найти что-нибудь съедобное, то это здорово поддержит нас в пути,— сказал он.

Командор внимательно посмотрел на него и тихо произнес:

— Только без глупостей, Эллис. Возьми с собой Чамберса и ответственных за воду.

На бледном небе появилась первая звезда, когда они пролетели милю или две на север, огибая болото. Это был их последний полет на Кровавой Луне, и пилот вел неуклюжий шаттл осторожно и медленно. Позади был трудный день, а небольшая бортовая качка навевала дрему.

Эллис уселся на заднее сидение и с тревогой смотрел на темнеющий на западе горизонт. Над ними висел желтоватый диск Садо. Период обращения Кровавой Луны составлял около двенадцати дней. Название «луна» было не совсем точным. На самом деле Садо и Тиноцуки являлись двойной планетой: вполне сопоставимая по массе с Садо, Тиноцуки вращалась по орбите, центр которой располагался на поверхности Садо. Но залежи железной руды Кровавой Луны находились в плену «золотой планеты» Садо, поэтому оба небесных тела все время были

обращены друг к другу одной стороной. Этот планетарный "тандем" заинтересовал Эллиса, но категорически не нравился ему в отношении климата и комфорта. К тому же местные жители вряд ли будут гостеприимны.

Долгий день близился к концу, когда шаттл пересек экватор. Внизу мелькал унылый пейзаж — сплошь болота и заросли. Воздушные потоки резко усилились, на севере показались тяжелые, свинцовые тучи. Надвигалась гроза. «Плохой знак,— подумал Эллис.— Возможно, мы попали сюда в сезон бурь, о которых сообщал компьютер. И вообще, наши корабли не приспособлены для работы в таких трудных условиях. Нужна обширная площадка или ровная поверхность для приземления. И для взлета требуется хорошо оборудованный порт. К тому же при старте нас затянут атмосферные потоки, и мы надолго застрянем в стратосфере, пока не наберем необходимое ускорение — 0,9 километров в секунду за секунду,— представляя тем самым удобную мишень для вражеских кораблей на орбите. Может быть, мы строим слишком комфортабельные корабли, а для работы в Нейтральной Зоне необходимы другие, более обтекаемые, с прочными «плавниками», которые создают сферическую защиту от лазерных лучей. Впрочем, наше новое гравитационное оружие позволяет нам...» — Эллис застонал, вспомнив о Дювале.

Они приземлились на илистом берегу, окаймляющем заболоченное устье реки. Пока астронавты наполняли цистерны, Эллис со своей командой обследовал окрестности. Они нашли авокадо и доверху набили его плодами шесть плетеных корзин. Вернувшийся Чамберс принес какие-то другие плоды, напоминающие маленькие огурцы.

— Японцы называют их «куири». Собрал сколько мог.

— Там есть еще?

— Да, капитан.

Эллис поправил повязку на плече и взглянул в небо, освещенное с двух сторон. «Здесь поздно темнеет,— подумал он,— но, кажется, пора». На небе уже высыпали зеленоватые звезды. В дымке мерцали посадочные огни

«Ричарда М.». Эллис подождал, пока наполнится последняя цистерна, и поднял корзину с фруктами.

— Пора. Покажите, куда идти.

Они быстро вышли из леса и принялись перетаскивать фрукты в шаттл. Над головой выделывали замысловатые петли крупные летучие мыши, в лесу стрекотали цикады, а с болота слышалось кваканье. Неожиданно Чамберс выпрямился и обратился в Эллису:

— Я подумал, капитан, что мне, наверное, лучше остаться здесь.

Стрейкер с удивлением взглянул на него. Стюард ему нравился — тем, что сумел сохранить человеческое достоинство среди тягот корабельной жизни.

— Я слышал, Чамберс, ты собирался жениться.

— Так точно, сэр. Но у меня много долгов. Я предпочел бы получить двойную плату за то, что останусь здесь. Уверен, Бекки меня дождется.

— Если хочешь моего совета, Чамберс, сыграй в лотерею как-нибудь в другой раз, а сейчас выброси эти мысли из головы.

— Но, капитан, вы-то намеревались остаться...

— Да. Однако совсем по другой причине. Я хочу помочь брату. Быть может, он еще жив...

Чамберс промолчал. Эллис отошел в сторону и задумался. Ему открылась вся сложность его положения.

«У меня дома жена и сын, и я в долгу перед ними. Но о каком долге можно говорить, если погиб мой брат... Дюваль наверняка мертв... А вдруг он в эту минуту томится в камере пыток и тщетно ждет помощи? И все-таки я обязан подчиняться Хавкену. Хотя...» Эллис наклонился за очередным фруктом и неожиданно услышал резкий свист над головой. Оглянулся и увидел стрелу, впившуюся в дерево над самой его головой. Еще одна стрела, просвистев, вонзилась в землю у самых его ног.

— Чамберс! Бегом к шаттлу! — закричал Эллис.

Он вытащил лазерный пистолет и попытался выстрелить, но спусковой механизм заело. В сумерках

трудно было разглядеть целившихся в него людей. Эллису пришло в голову, что если уж преступники используют древнее оружие, то они должны быть весьма искусны в устройстве засад.

Он побежал обратно к шаттлу, отчаянно отставая и пытаясь привести оружие в действие. Затвор наконец щелкнул, и Эллис направил дуло прямо в чащу за своей спиной. Истекла мучительная секунда, и яркий луч рассек темноту.

Стрейкер услышал пронзительный крик, и, не теряя ни минуты, не оглядываясь, бросился вслед за остальными. На опушке он догнал Чамберса, и они помчались со всех ног к шаттлу. Стрелы свистели в воздухе, падали в болото, вонзались в деревья. Выстрел из лазерного пистолета словно подхлестнул астронавтов, что поджидали их возле челнока, и они стали действовать быстро и слаженно.

Один забрался на место пилота, другой прикрывал отступление лазерным огнем. Наконец беглецы забрались на борт и закрыли люк. В этот момент из-за деревьев на поляну выбежали полуодетые длинноволосые люди. Их было около дюжины. Они кричали и размахивали руками. Шаттл быстро взлетел и скрылся за верхушками деревьев.

Эллис пересчитал астронавтов: двоих не хватало. «Слишком поздно,— подумал он.— Ничего не остается, как возвращаться на корабль». Ветер резко ударил им в борт, и челнок приземлился возле «Ричарда М.». Хэмптон поинтересовался, что произошло. Эллис объяснил.

— Сволочи! — выругался Хэмптон.— Лучше не говорить ничего тем, кто должен остаться здесь. Их жребий уже брошен.

Как только были погружены цистерны с водой, Хэмптон приказал несчастным разместиться в большом шаттле. Пока Эллиса не было на борту, Хавкен решил, что Чамберс и четверо других ответственных за воду должны остаться на Кровавой Луне.

— Оказывается, решение за меня уже принято,— грустно вздохнул Чамберс. В глазах его был страх — нападение в лесу сильно его напугало.

— Бог в помощь,— сказал Эллис.

— И вам, капитан.

Они пожали друг другу руки.

— Передай своим товарищам: у меня сильное психувство, подсказывающее, что вам нужно добраться до тюремного комплекса. Это в пятидесяти милях отсюда. Там не так опасно.

Эллис стащил с пальца кольцо, которое никогда не снимал,— золотое, с большим черным агатом, на котором был вырезан орел,— посмотрел на него в последний раз и протянул Чамберсу:

— На, держи. Это тебе.

— Нет, не надо, капитан.— Чамберс смутился и хотел было отказаться, но Эллис уговорил его:

— Если найдешь Дюваля, отдай ему кольцо — в знак того, что я вернусь и за ним, и за всеми вами...

Чамберс сунул кольцо в карман рубашки и забрался в шаттл. Начался сильный дождь, и на «Ричарде М.» закрыли люки. Люди махали друг другу в иллюминаторы и что-то кричали на прощание, но слов уже не было слышно.

Вскоре шаттл приземлился. Чамберс выбрался наружу и посмотрел вслед улетающему кораблю. Оставшиеся астронавты стояли под проливным дождем, прижимаясь друг к другу, чтобы не замерзнуть. Пламя двигателей осветило полнеба, и корабль начал набирать скорость. Он прорвался сквозь тучи и вскоре пропал из вида. Чамберс вытащил кольцо и попытался надеть его, но оно было велико для любого пальца. Он вновь взглянул на небо и увидел лишь едва заметные огоньки. Дождь заливал ему лицо, однако он продолжал следить за ними — последними напоминаниями о покидающем его родном мире. Наконец и эти огни скрылись за облаками, и Чамберс окончательно понял, что он никогда больше не увидит Американо и своей Бекки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Место действия: Садо

Зрелище пленных американцев заинтересовало и взволновало Урава-но Хасэгава Мити, дочь Урава-но Хасэгава Кэни — одного из крупнейших помещиков на Садо и богатейшего землевладельца в области Канадзава. По просьбе отца она покинула Киото, чтобы присоединиться к своей семье у постели больной матери. Такова была официальная причина, которую изложил Хасэгава Кэни в письме императорскому двору. Конечно, он ни словом не обмолвился о деликатном деле принца Коно.

Напротив Мити сидела царственная Хосю-но Нисима Фумико, внимательно глядя на доску го со сложными узорами черных и белых камешков. Фумико недавно исполнилось сорок лет. Она была набожной и честной конфуцианкой — из того поколения, что расцвело в славные дни правления Муцухито. На Садо ее привез муж — новый даймё, недавно назначенный императором. В пути Фумико сильно страдала от качки. Она возненавидела корабль, команду и даже саму планету еще до того, как впервые ступила на нее. Мити заметила, что та же ненависть вспыхивает во взгляде Фумико, когда она смотрит на своего мужа.

Две женщины, занятые игрой, уединенно сидели на веранде дома губернатора. Из сада, окружавшего дом Угаки, веяло прохладой и терпкими запахами тропических цветов. Их спокойствие нарушил новый узник. Сначала они услышали крики с улицы. Грязные бородатые американцы, столпившиеся у тюремных решеток, принялись хрипло переругиваться с охраной. Но на этот

раз, как ни странно, в их криках можно было услышать веселые нотки.

Мити выглянула на улицу. Новый узник был облачен в грязные, слипшиеся лохмотья. Запястья и лодыжки пленника были закованы. Несчастного вели трое солдат; каждый из них держал конец длинного каната, привязанного к деревянному диску-хомуту — тяжелому колесу в два дюйма толщиной, надетому на шею пленного таким образом, чтобы пленник не смог дотянуться до рта. Он не мог есть самостоятельно, и это было невероятным унижением. Обычно такой «ошейник» украшал самых опасных преступников. Легко было заметить, что заключенный страдает от голода. Свалявшиеся грязные волосы клоками прикрывали худое бледное лицо, из неглубоких ран медленно сочилась кровь и густыми темными каплями падала на пыльную землю. Но даже в таком состоянии этот человек озирался с нескрываемым любопытством. И еще кое-что показалось Мити необычным. Новый узник поразил ее гордой осанкой, чувствовалось, что он не потерял собственного достоинства.

«Прошло две недели после той страшной битвы,— думала она.— Все это время он должен был скрываться на болотах или в пустующих загонах на плантациях за городом. Наверное, его схватила полиция, или он попался в ловушку, когда скитался в поисках еды».

Шум в тюрьме усилился. Услышав голоса своих товарищей, пленник попытался поднести пальцы к губам, но ему это не удалось. Тогда он пронзительно свистнул, что вызвало одобрительные крики заключенных. Процессия поравнялась с верандой, оказавшись в пятнадцати шагах от сидящих за игрой женщин.

То, что произошло дальше, сильно взволновало Мити, заставило ее густо покраснеть и опустить взгляд. Новый узник резко остановился, пристально посмотрел на нее и неожиданно для всех низко поклонился, не отрывая взгляда от глаз Мити. Солдаты завороженно наблюдали за ним и лишь несколько секунд спустя грубо повалили на

землю. Впрочем, пленник тут же вскочил, проявив недюжинную силу. Ловко орудуя канатами, солдаты вновь бросили его в пыль и потащили за собой, как мешок. Но он уже успел показать всем силу своего духа.

— Их всех нужно распять,— холодно обронила Фумико.— Они не люди, даже не хини.— Она схватила белый камешек го и поставила его в стратегическую точку 3/4.

— О, Фумико-сан, как вы можете говорить такие вещи? У них тоже есть душа, несмотря ни на что,— мягко ответила ей Мити.

— Атари! Остановись!

— Этот сихо — белый пленный на краю доски, да? И вы хотите...

— Ты многим рискуешь! — резко оборвала ее Фумико и сделала ход.

Мити поняла, что потеряла группу из пяти камешков. Она опрометчиво упустила нить игры, и теперь ей трудно было сосредоточиться. Мити вдруг захотелось взглянуть в сторону тюрьмы, но нужно было сдержаться. Непринужденно обмахиваясь веером, она искусно скрыла вспыхнувший на щеках румянец.

— Они хуже дикарей. Воняют, как прокисшее молоко. Разве ты не чувствуешь, Мити-сан?

— Верно, я чувствую запах сильного мужчины в тюремной камере!

— Да ведь они пираты. Вспомни историю своего рода. Император правильно сделал, что закрыл Ямато для иностранцев. Совершенно правильно! Смешение крови — вот что могло получиться в результате. Но вечное колесо истории, благодаря богам, вновь повернулось в нашу сторону. Американцы разбиты. И единственное средство спастись от них — это распятие!

Фумико молча разглядывала молодую женщину. Теперь она понимала, почему офицеры охраны смотрели на нее со скрытой страстью. Мити была прекрасна и недостижима для них. Ее нежная кожа блестела на солнце, как свежий мед. Черные брови, которые иногда недоуменно выгибались дугой, оттеняли карие, влажно свер-

кающие глаза. Взгляд этих глаз мог свести с ума кого угодно.

«Я видела, как ты тайком бросала взгляды на тюрьму,— думала Фумико.— Какое наслаждение испытала в своей глупой гордости, когда этот гайдзин, этот отвратительный вонючий пират поклонился тебе! Девушка ли ты, или уже позволила кому-нибудь испортить твое будущее? Мы вместе вот уже три месяца, а ты еще ничего не рассказала о себе. Что заставило тебя покинуть Киото? Попала ли ты в немилость при дворе, как некогда твоя сестра, или, быть может, ты беременна? Не из-за того ли ты прилетела на эту грязную промышленную планету на самом краю света? Не знаю, почему ты здесь, но твоя привлекательность очень быстро потускнеет. Садо быстро уродует людей. Как я ненавижу эту планету! Будь проклят тот день, когда мой муж впутался в дворцовые интриги и в результате отправился сюда. Лучше бы он покончил с собой, совершив сэппуку».

Злое насекомое прервало грустные размышления Фумико. Прокусив толстую материю на левом плече, оно впилось в кожу и принялось сосать кровь. Фумико со злостью прихлопнула его, и на желтом кимоно осталось грязновато-красное пятно. «Почему этих мерзких тварей не оставили на Земле? — раздраженно размышляла жена даймё.— Что толку от насекомых, какая от них польза на любой планете? А здесь их особенно много. Нет, ты никогда не думаешь обо мне, Юн-сан. А иногда тебе следовало бы прислушиваться к моему мнению... Неужели ты не чувствуешь, что твое назначение на Садо закончится плачевно? Не возомнил ли ты, что император благоволит к тебе и поэтому назначил тебя наместником на самой далекой от Киото планете? Неужели ты такой же сумасшедший, как и принц Коно, и не понимаешь, что это ссылка?! Зачем ты впутался в интриги наследника? Тебе больше нечем было заняться? Садо погубит тебя!»

Фумико откинулась на спинку кресла и посмотрела на свое плечо с размазанным, ставшим бурым пятном от

укуса. «Нужно сменить кимоно... Ладно, чуть позже». Она заставила себя вернуться к игре.

— Губернатор Угаки рассказал мне,— прервала затянувшееся молчание Мити,— что Ниигата — старейший город на Садо. Говорят, первые корабли появились здесь двести пятьдесят лет назад.

— А не рассказывал ли тебе губернатор, что капитану самого первого корабля пришлось вывести из строя систему управления, дабы заставить экипаж остаться на этой планете?

— Нет. Он говорил только, что зеркала, висящие в чайном доме, сняты с первого корабля.

В этот момент из внутренних покоев дома донеслись громкие голоса. Разгневанный даймё целыми днями расследовал обстоятельства битвы. Он постоянно устраивал собрания и проводил допросы. Мити напрягла слух, пытаясь услышать показания свидетелей, хотя заранее подозревала, каков будет результат.

— Ты слушаешь меня, Мити-сан?

— Да, Фумико-сан. Конечно.

Мити коснулась деревянных перил веранды. От них к потрескавшейся белой стене тянулась узкая красная тропинка, протоптанная трудолюбивыми муравьями. Беспрестанно сменяя друг друга, они несли приношения своему хозяину-муравью — сёгуну.

«Да, я слушаю тебя очень внимательно,— говорила про себя Мити,— гораздо внимательнее, чем ты полагаешь. Я слушала тебя и на веранде, и на корабле... и твое бормотание, когда ты выбалтывала во сне ваши тайны. Я прекрасно понимаю, что правит дознаниями твоего мужа,— клевета и подлость, ничего общего не имеющие с правдой».

Нисима пытался переложить вину за потерю имперских кораблей на кого-нибудь другого, например, на адмирала. Но Курита был хитрым и опасным человеком и ловко избегал словесных ловушек даймё. Тогда даймё попытался отыграться на вице-адмирале. Кондо был намного моложе, смел и предприимчив. Он рассматривал

лишь саму проблему, нисколько не заботясь о последствиях. «Несчастный Кондо станет легкой добычей даймё,— думала Мити.— Козлом отпущения в этой кошмарной истории. Всю вину даймё свалит на него. Как я презираю вас, Нисима, за то, что вы с ним делаете! Я знаю, что вы за человек. Вам неведомо слово «честь» — ни во время сражения, ни после».

Мити вспомнила, как вышла на балкон в то ужасное утро две недели назад. Сначала она подумала, что дают церемониальный салют, но когда гул орудий стал нарастать, она поняла, что на посадочной площадке идет бой. На верандах и балконах соседних домов уже толпились люди. Они с любопытством наблюдали за бегущими по улицам самураями, вслушивались в громкие крики и резкие приказы командиров.

На площадке началось движение. Мити с удивлением увидела, как гигантский грузовой корабль вдруг расцвел огненным шаром, а спустя мгновение вся округа была потрясена оглушительным взрывом. Мити сжалась от страха, на секунду сердце ее замерло.

Голос Фумико прервал ее воспоминания и вернул к игре.

— Нет сомнения, очень скоро мой муж расправится с ними,— произнесла спокойно жена наместника, переставляя один из белых камешков и глядя куда-то в сторону.— Не могу понять, почему они еще не болтаются на крестах. Может быть, на этот раз их собираются сжечь? Ну, как бы там ни было, пираты не уйдут от возмездия... Не выношу этих тварей! Меня трясет от одной только мысли о них. А какой у них отвратительный, каркающий язык, какие ругательства они вставляют после каждого слова!

Мити спрятала веер и наблюдала, как бледные пальцы Фумико с коротко обстриженными розоватыми ногтями передвигают на доске белый камешек.

— Американцы доставили твоему мужу много вреда. Но в том, что случилось, виноваты не только они. Разве не произошло обмена почетными заложниками до того, как нам разрешили приземлиться?

— Ты называешь их «почетными»? Все американцы похожи на зверей. Они не чтут традиций, их жизнь бесцельна. Они верят только в свои ощущения. Плывут по течению, беспорядочно проживая свою жизнь, без понимания, без благородства. Они презирают меня — будут презирать и тебя.

— Думаю, ваш муж был неправ, называя их пиратами.

— Разве ты не видела, что сделал пленный? До чего же неприличный жест!

— Ну что вы, он всего лишь поклонился мне.

Фумико положила еще один белый камешек на доску и незаметно придвинулась к Мити.

— Почему ты защищаешь его?.. Вот что я скажу тебе, Мити-сан: я очень хорошо знаю манеры американцев. Четырнадцать лет назад, когда я была чуть старше, чем ты сейчас, в свите нашего дорогого императора я отправилась в их презренный сектор. Император был тогда принцем, ему едва исполнилось двадцать шесть, а американской женщине, с которой он должен был встречаться, уже стукнуло тридцать семь. Она была их президентом. Люсия Хенри — обычная дрянная американка, отродье жирной безбожной свиньи, Стрэтфорда Хенри. Хотя Люсия всегда придерживалась политики проямато, я не сомневаюсь, что проклятие, наложенное на нее отцом, сказалось на всех ее поступках и определило ее судьбу.— Фумико обмахнулась веером.— Была середина лета — ситигацу, или июль, как они называют этот месяц. Мы приземлились на Либерти, в порту под названием Харрисбург, и отправились в Линкольн — столицу, где должны были проходить церемонии. Лето! Неужели ты думаешь, что там бывает лето? Клянусь страданиями всех демонов в ледяном аду Игоку, ты не можешь себе представить, как было сыро и холодно. Все время лил дождь, и наши церемониальные лошади постоянно поскальзывались и спотыкались. Все мои парики и прекрасные платья, сшитые специально для этой поездки, уже на полпути были испорчены дождем!

— По вашим словам, это очень печальное место.

— Печальное?.. Пожалуй. Но американцы заслуживают этого. Крайне примитивные люди! Они живут в убогих домишках с бетонными полами и сплошными стеклянными стенами. А какой от них запах! Не могу выразить словами, насколько он отвратителен. За пределами Ямато действительно нет жизни — вот истина!

Американцы — безнравственные люди. У них нет никакого понятия о долге. Американо давно превратился в Старый Мир, одержимый безумными идеями конца XXI века.— Фумико содрогнулась от отвращения.— Ты, должно быть, знаешь картины Священной Японии и то, что американцы сделали с ней. Повсюду гигантские коробки из стекла и стали — офисы, конторы, банки. Там и сям снуют маленькие грязные автомобили и каждую минуту давят людей. Тяжелый воздух — вонь, смрад. Бесконечная суета. Люди сами не знают, куда бегут. А лица! Тупые, вечно чем-то озабоченные, взгляд блуждает и не может ни на чем сосредоточиться. Кошмар! Американцы превратили человечество в безликую однородную массу потребителей — бесклассовую, безжизненную, бездушную. Все время болтают о своих свободах и правах, но никогда не вспомнят об обязанностях. Безразличные, безродные лжецы, лишенные гордости за своих предков, лишенные достоинства. Все они слабы, все прощают друг другу свои преступления. На этом держится Американо!

— Даже здесь, Фумико-сан, в Нейтральной Зоне?

— Особенно здесь, в Сфере Процветания великого Ямато!

Мити резко сложила веер и отвернулась, не желая больше слушать злобные речи Фумико.

«Ты говоришь так, словно наша империя является воплощением небесного рая,— думала Мити.— Но в последнее время при дворе императора в Киото стало невыносимо находиться — сущий ад! Император женился на своей молоденькой кузине, и она родила ему душевнобольного — принца Коно.— Мити содрогнулась при одном воспоминании об этом жутком хихикающем чудовище. Дурная наследственность была обычным делом

в семье жены императора и к тому же усугублялась династическими близкородственными браками. Принц родился умалишенным. Со временем император все чаще и чаще уединялся в своем дворце, а безумная жестокость принца Коно потрясала императорский двор и держала придворных в страхе.

У Мити все сжалось внутри от ужаса, когда она вспомнила наследного маньяка, который, в своей сексуальной вседозволенности, истязал ее сестру и превратил ее жизнь в Киото в настоящий кошмар. «О да, я помню тебя, принц Коно! — с ненавистью думала Мити.— Жрецы синто должны были продырявить тебе голову, чтобы злой ками покинул твое тело и перестать мучить душу. Дьявольское зло заставляло тебя истязать любого, кто приближался к тебе. Ты сам устроил себе ад еще при жизни, когда ложился жарким летом в постель из льда! В своих покоях ты заживо поджаривал собак и кошек. Ты сдирал кожу с лошадей, наслаждаясь их агонией. Прежде чем изнасиловать мою сестру, ты избил ее до полусмерти. И ничего нельзя было поделать, потому что ты считался сыном Сына Небес. Сейчас ты мертв, но твоя бессмертная душа никогда не познает покоя, вечно мучаясь в бездонных ледяных ямах ада Игоку!»

Мити отогнала злые мысли прочь. Очень скоро она вновь увидит свою мать и брата после долгой разлуки, и они опять будут вместе. Прошло десять лет с тех пор, как они расстались,— с тех пор, как она маленькой девочкой вместе со своей старшей сестрой отправилась в Хонсю, к своей тетушке-фрейлине на воспитание при императорском дворе. «Как быстро летит время!» — подумала Мити и глубоко вдохнула свежий воздух новой планеты, означающий для нее свободу.

Своими костлявыми пальцами Фумико перекатывала белые стеклянные камешки го. Иногда она сильно сжимала их в ладонях, и тогда ее гнусавый голос звучал резче. Веки Фумико были прикрыты — перед ее мысленным взором разворачивались картины давно прошедших событий.

— ...В сопровождении моего отца в Американо с официальным визитом прибыл император. Отец являлся представителем императора и должен был вручить американцам подарок по случаю открытия нашего посольства. Естественно, император хотел взять в поездку своего сына, но, по правилам дипломатического этикета, это было не принято. Принц остался дома со своей второй мачехой. Мы видели, как американский президент принимал императора на лужайке у Белого дома. Знаешь, моя дорогая, Люсия Хенри никогда не блистала красотой. Хоть она и одевалась аккуратно, но мне всегда напоминила старую клячу. Глаза точно стеклянные, нерасчесанная грива отвратительных волос цвета подгоревшего каштана. Говорят, у ее отца волосы вообще были яркорыжие. Представляешь? Люсия Хенри уже тогда была не первой молодости, а кожа у нее на лице, как у старухи — бледная и морщинистая.

Они встретились лицом к лицу в День Мира, но весь этикет был нарушен по вине американцев. Знаешь ли ты, что Люсия нанесла оскорбление императору, заставив его ждать в Капитолии? Она прошла сразу вслед за своими государственными флагами, опередив тем самым нашу процессию. Представляешь себе, американцы завершили церемонию раньше, чем пронесли флаги императора!

Мити покачала головой, подумав о том, какая это большая честь — отправиться с официальным визитом в свите императора Муцухито. Тогда она была еще слишком молода, к тому же в ту пору ее семья находилась в опале. Она вспомнила гнусную историю о связи принца Коно и его мачехи в отсутствие императора. Голос Фумико звучал все более назойливо:

— ...После того, как было потрачено столько денег, после того, как мы раздали подарки этой толпе варваров, все наши были несказанно разочарованы и возмущены. Американцы ненавидели нас — мы читали это в их взглядах. Глупые, ухмыляющиеся рожи, словно у диких свиней. Никто не соизволил встать на колени. Вообще никаких знаков почтения! Люсия Хенри даже не смогла

заставить их обнажить головы; никто из варваров не снял шапку, чтобы приветствовать процессию. А когда мы вошли в Капитолий, нас ждало еще одно разочарование: нашему Божественному императору они оказывали такие знаки внимания, точно перед ними находился простой смертный. Император приказал нам быть сдержанными и не проявлять своих чувств. А мы все ощущали, что нас унижают — на каждом шагу они оскорбляли нас или же вовсе не обращали на нас внимания. Казалось, эти варвары хотят унизить наше достоинство. Никогда еще меня так не оскорбляли. Пока жива, я не смогу ни забыть, ни простить этого!

— Представляю, как вам было трудно...

Мити сложила ладони и глянула вниз. Ее простое светлое кимоно чуть распахнулось, обнажив изящную ножку. Она перевела взгляд на Фумико. У кимоно, стянутого серым поясом, покрой был неудачным, оно плохо сидело на несколько сгорбленной фигуре. Поседевшие волосы Фумико были заколоты серебряными шпильками по моде Киото. Вся внешность этой сорокалетней женщины говорила о не очень хорошем вкусе.

— Да, они были жестоки и непочтительны к нам,— продолжала Фумико.— Но их заставили расплатиться за свои грехи. По возвращении домой император приказал закрыть Ямато для всех гайдзинов. Всем без исключения иностранцам было дано семьдесят два часа на то, чтобы покинуть наш сектор. С теми же из них, кто попытался поколебать власть императора, мы поступили так же, как и с их бесславным Иисусом Христом. Многие тогда были распяты и корчились на крестах. Да, они дорого заплатили за свои дурные манеры в годы правления Люсии Хенри. Ну а сейчас мы расправимся с ними вот как. Атари!

Щелкнул белый камешек, и Мити увидела, что еще одна ее черная группа окружена белыми камешками — она проиграла. Фумико считалась сильным игроком и победила, несмотря на потерю девяти камешков в самом начале игры. Мити часто отвлекалась, и это не могло не сказаться на результате.

Теперь она расслабилась и вновь задумалась. Она вспомнила несколько историй, что рассказывали при дворе. Мити с трудом понимала жизнь в американском секторе.

Люсия Хенри, желая вновь завоевать расположение императора и вернуть американцам Сферу Процветания, захватила лидеров-экспансионистов. Их убивали сотнями, и всем было отказано в праве на сэппуку. «Разве это не еще один пример американского варварства? — спрашивала себя Мити.— Они не разрешали сэппуку — благородное вспарывание живота, которое позволяет человеку покинуть мир смертных, сохранив при этом честь и достоинство».

Только после того, как американские поселенцы потеряли Гонолулу, Люсия Хенри перестала охотиться за экспансионистами. Но вскоре опять раздались голоса американцев, требовавших официального разрешения поселиться в Нейтральной Зоне. Император вновь отказал, и Люсия Хенри была смещена с поста президента. «Американо очень странное государство,— думала Мити.— Говорят, там демократия и большинство людей иногда может выбирать того, кто будет править всеми. А собственная партия Люсии Хенри, те люди, за чье спасение она боролась, предали ее и сослали в самую дальнюю провинцию. Друзья отвернулись от нее, партия распалась. Не имея средств, она отправилась на Неваду и зажила в непривычном для нее монашеском мире. Говорят, всеми презираемая, она уступила место у рычагов управления в Белом доме своему бывшему врагу — Алисе Кэн».

— Скажите, Фумико-сан, а как Алиса Кэн пришла к власти? — решила прервать затянувшееся молчание Мити.

— Эта взбесившаяся кошка узурпировала власть!

— Простите, что вы сказали?

— Девчонка из хини, которая вот уже десять лет занимает президентское кресло, заставила своего любовника купить для себя это место.

В этот момент в комнату вошел слуга-кореец — он принес из кухни зеленый чай в синем фарфоровом чайнике. Мити украдкой глянула на тюрьму.

— А это правда, что в Американо нет слуг?

— Да, но они используют роботов для лакейской работы.

Разлив чай, слуга незаметно удалился. Фумико неторопливо собирала камешки. Игра закончилась в ее пользу, и она была довольна.

— Как вы думаете, а что ваш муж, благородный даймё, сделает с заложниками?

Фумико нахмурилась и неодобрительно взглянула на Мити, задавшую столь щекотливый вопрос.

— Мити-сан, давайте выйдем на воздух. Я вижу, жара несколько утомила вас.

Поднявшись по деревянной лестнице, они услышали окрик часового, который поднял оружие и преградил путь какому-то посетителю. Посетителем оказался адмирал Курита; он пришел просить даймё за своего несчастного заместителя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Разве не мы, японцы, открыли секрет перемещения в пространстве быстрее скорости света? Разве не эффективность и колоссальный труд наших корпораций сделали возможным расселение людей на самых дальних и неприступных планетах? Клянусь предками, именно империя Ямато управляет человеческим прогрессом!

Курита слышал доносившиеся из соседней комнаты выкрики даймё. Главный слуга бесстрастно поклонился ему, и следом за ним поочередно поклонились слуги жрецов синто, лейтенантов, офицеров — личные слуги тех, кто находился сейчас в кабинете даймё.

Стены комнаты для совещаний заменяли бумажные ширмы. Пол покрывали искусно сплетенные рисовые татами, привезенные из Хонсю. За спиной даймё на деревянной стене висел герб рода Угаки и личное знамя Нисимы с тремя вышитыми листьями, черенки которых сплетались, чередуя красный и желтый цвета, подобно Инь и Ян.

Адмирал остановился в коридоре, снял тяжелый шлем и вытер пот со лба. События последних недель прибавили седины его густым черным волосам, ровно подстриженным и аккуратно уложенным. Лакированные обручи стягивали плечи.

Руки были скрыты церемониальными доспехами с кисточками и малиновыми шнурками. Курита носил лимонного цвета брюки хакама и голубой жакет, прикрытый пластинами серебряного нагрудника. Из-за белого пояса оби торчали рукояти двух самурайских мечей.

«В этих дурацких доспехах тело словно в печи горит,— думал Курита. Он чувствовал, как пот струится по спине.

Адмирал рассеянно вытер лоб. В открытое окно дул с залива легкий прохладный ветер.— Как я хочу сбросить всю амуницию и побежать вниз к побережью. Всего на пять минут! Даже на две! Я отдал бы тысячу коку за то, чтобы в такую жару искупаться в заливе. А вместо этого приходится торчать в Совете и выслушивать бесконечные упражнения в риторике господина Нисимы. Да, нелегко приходится самураю, когда он попадает в подчинение к канцелярской крысе! Служить бы сейчас на Гуаме, под началом генерала Ёсиды! Сразиться бы в настоящей схватке!»

Курита отдал шлем слуге; тот почтительно принял его.

Адмирал провел трудное утро на площадке в Ниигате. Он наблюдал за тем, как жрецы синто после всех неприятностей вновь освящают храм. Вот уже две недели с площадки доносилось отвратительное зловоние: там валялись обгорелые трупы американцев, которые даймё велел оставить в назидание.

— В назидание кому? — удивлялся Курита.— Моим солдатам или, быть может, жителям города? Их рабам? Капитану Кондо? Мы здесь не для того, чтобы отравлять жизнь людям из Ниигаты. Нисима-сан, позвольте мне сжечь тела до того, как они окончательно испортят воздух и весь порт будет несправедливо отравлен.

Прошло три дня, и даймё наконец разрешил убрать трупы.

Слуга бесшумно раздвинул ширмы, и адмирал вошел в кабинет Нисимы. Наместник холодно взглянул на него, коротко кивнул и указал на свободное место. Рядом разместились губернатор и два его советника. Офицеры из штаба даймё и Кин кайгуна сидели, выпрямив спины, и внимательно слушали уверенную речь Нисимы. В случившемся инциденте наместник обвинял губернатора:

— Вы позволили американским кораблям войти в Сферу Процветания великого Ямато. Вы знаете, что это запрещено. Вы позволили им приземлиться на Садо. Это тоже запрещено. Вы даже не попытались атаковать их. Вы не выполнили свой долг. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Затаив дыхание, Угаки уставился на даймё. По лицу его струился пот. Он молчал.

— Однако,— продолжал даймё,— нами признано, что вы не сумели бы дать отпор вторгшемуся неприятелю, не причинив при этом серьезного ущерба порту. Учитывая это...— он сделал паузу и надменно посмотрел на собравшихся,— мое решение таково: вам будет позволено совершить сэппуку.

«Быть может, он и не заслужил этого,— подумал даймё,— но головы должны полететь...»

Губернатор Угаки не колебался ни секунды и не пытался что-либо сказать в свое оправдание. Готовясь покончить с собой, он встал на колени и распахнул платье катагину с твердыми плечиками. В наступившей тишине слышалось его ровное, глубокое дыхание. Слуга Нисимы, собиравшийся помочь губернатору, был наготове. Угаки поднял острый как бритва меч и со сдавленным хрипом погрузил его в свои внутренности. Затем распорол живот по диагонали снизу вверх, как того требовала традиция. Покачнулся... и слуга опустил меч катана на его обнаженную шею. Голова отделилась от туловища и повисла на полоске нерассеченной плоти у адамова яблока. Мгновение спустя тело бывшего губернатора Ниигаты Угаки Нобутаки рухнуло ничком, и на искусно сплетенный рисовый татами хлынул фонтан крови.

Подождав, пока тело перестанет конвульсивно дергаться, Нисима повернулся к Кондо.

— Вы умышленно действовали вопреки моим четким приказам, и ваши опрометчивые поступки стоили императору десяти тысяч коку золота, включая четыре сотни коку полуочищенной драгоценной руды, без которой будет полностью парализована Прогрессивная Программа Колонизации. Уничтожены или получили неустранимые повреждения семь кораблей. Четыреста моих людей убиты. Обо всем я подробно доложил императору. И хочу заявить, что вы должны приготовиться к смертной казни. Вам распорют живот, а внутренности разбросают в окрестностях Ниигаты.— Нисима глянул

на Куриту.— Однако ваш адмирал напомнил мне, что вы офицер гвардии и по закону я обязан содержать вас под стражей, пока не получу указаний из Киото. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Взгляд Кондо был тверд как скала.

— Я действовал, руководствуясь самыми благими намерениями, ваше превосходительство.

— Вы действовали как бесчестный хини. Из-за вас я потерпел поражение. Вы предатель, капитан Кондо!

— Нет! Это не так! — Кондо опустил голову, и Курита почувствовал, что он испугался.

— Значит, вам нечего больше сказать в свою защиту?

— Нечего, ваше превосходительство...

— Тогда выслушайте мое повеление. Я не возьму предателя в Канадзаву. Вы будете ждать ответа императора здесь, в Ниигате. В тюрьме. Уберите этого недостойного хини с моих глаз!

Капитан стражи заколебался и не спешил выполнять приказ. Лицо даймё потемнело от гнева.

— Я прошу разъяснения, ваше превосходительство. Должен ли я содержать капитана Кондо вместе с американцами?

— Таково мое предписание.

Самурай все еще колебался, потрясенный неслыханным бесчестьем, обрушившимся на капитана Кондо. Нисима ударил себя по колену.

— Делай, как я сказал! Немедленно! Или ты отправишься вместе с ним!

Курита молча смотрел, как побледневшего капитана Кондо взяли под стражу и вывели из комнаты. Проходя мимо адмирала, Кондо с ужасом и мольбой посмотрел на него и отвернулся. Лишь когда разошлись члены трибунала, а слуга убрал труп Угаки и вынес испорченное татами, Курита уединился с даймё на веранде и тихо проговорил:

— Послезавтра флот отправляется в Хонсю. Я должен взять капитана Кондо с собой.

— Это невозможно,— ответил Нисима.

— Я отвечаю за безопасную доставку имперского золота в Киото. Капитан Кондо, конечно, раскаивается в своем необдуманном поступке; он самый способный офицер и, к несчастью, необходим для обеспечения безопасности во время транспортировки золота импера-тора.

— Он останется здесь.

— В интересах дела я бы мог предложить компромисс...

— Не может быть компромиссов, когда речь идет о чести самурая!

— Я настаиваю на компромиссе именно для того, чтобы защитить вашу честь,— невозмутимо сказал Курита.

— И что именно вы просите? — гневно отчеканил Нисима.

— Я даю вам слово, что в Киото капитан окажется в тюрьме и там будет ждать решения Его Императорского Величества.

— Это к делу не относится. Вопрос решен.

Курита отступил на шаг. «Не стоит давить на него,— думал адмирал.— Пусть он сам примет нужное решение... Впрочем, трудно предугадать реакцию и поступки заносчивого даймё. Он совершенно не знает реального положения дел и непредсказуем, как самурай с мечом в левой руке».

— Но в таком случае я не могу гарантировать вам, что мой собственный доклад Его Императорскому Величеству относительно потерь не будет противоречить вашему донесению,— бесстрастно промолвил Курита.

Нисима побледнел и выпрямился.

— Должен ли я понимать это так, что вы собираетесь послать свое собственное донесение императору?

— Ваше превосходительство, это зависит...

— От чего?

— От того, сумеем ли мы прийти к соглашению о судьбе капитана Кондо.

— Хорошо. Я прикажу доставить его на корабль в арестантских колодках и взять под стражу на борту «Хиэй», где он окажется в вашем распоряжении.— Ни-

сима помолчал и устало добавил: — Потом вы можете делать с ним что угодно.

— Благодарю. Это мудрое решение, ваше превосходительство.

Преемник Угаки, в нетерпении ожидавший за ширмами, воспользовался наступившим молчанием, осторожно вошел в комнату и пал ниц.

— Говори.

— Господин, могу ли я узнать, что вы собираетесь делать с заложниками-гайдзинами?

— Я намерен отправить их в Канадзаву, где их допросят и казнят. Здесь у нас нет места для пиратов-гайдзинов.

— Конечно, они контрабандисты, торгуют незаконно... Но, господин, возможно, они и не пираты. Что, если они собирались появиться здесь еще до Императорского Эдикта, объявившего эту область закрытой?

— Этот человек хочет, чтобы сюда вернулись американские корабли, приносящие ему барыши,— обратился Нисима к Курите, криво усмехнувшись.

— О нет, господин! Я лишь хочу справедливости,— возразил новый губернатор.

Курита решил вступиться за него:

— Нет сомнения, что американцев без колебаний распнут на кресте. Но жрецы синто, ответственные за чистоту Ямато, вероятно, смотрят на сложившуюся ситуацию более узко, нежели мы. Шанс второго появления здесь американских кораблей ничтожно мал, но, наверное, губернатор может успешно торговать жизнями недостойных гайдзинов и получать прибыль. Я уверен, что подобные сделки принесут Ниигате немалый доход.

Коленопреклоненный губернатор закивал в знак согласия с Куритой.

— Ты замечательно трактуешь законы императора,— язвительно заметил Нисима.— Но я утверждаю, что эти люди — пираты! Разве не твой собственный корабль «Тиёда» отправлен ими в ад? Разве ты не видел собственными глазами, как горел «Дзуихо«? Нет, они пираты, и их следует заклеймить как пиратов!

— Возможно, они вернутся,— вдруг отчужденно проговорил новый губернатор.

Курита заметил беспокойство в его глазах. Давно минули те времена, когда битком набитый дешевыми товарами корабль американского свободного торговца мог спокойно появляться на орбите планет Нейтральной Зоны. Давно японцам не приходилось организовывать дружеские встречи, помогающие вести выгодную тор-говлю.

Нисима с ненавистью посмотрел на нового губернатора.

— Новый меч рубит лучше. Именно поэтому император послал меня сюда. Приказы его ясны и должны выполняться неукоснительно! — Голос его возвысился до крика.— Император предвидит последующие вторжения, если мы проявим слабость и не докажем американцам и китайцам, что у нас хватит сил защитить империю! Все порты должны быть укреплены и защищены отдельными гарнизонами! Всем иностранным кораблям должно быть запрещено торговать здесь или пользоваться нашими посадочными площадками и ремонтными станциями. Если бы предыдущий даймё Садо более точно исполнял законы Его Императорского Величества, сейчас мы бы не оказались в столь трудном положении.

— Но, господин, фортификация обойдется нам очень дорого,— ужаснулся губернатор.— В состоянии ли Его Императорское Величество оплатить работы?

— Я уверен, что вы сами можете изыскать способ расплатиться. Ваш город, кажется, самый богатый и бойкий во всей Сфере Процветания.

— Только когда в Ниигату прилетает Золотой флот, насколько вы знаете. Все остальное время это бедная и забытая всеми провинция,— грустно вымолвил губернатор.

Он был прав. С прибытием Золотого флота Ниигата превращалась в оживленное йа — бурлящую разношерстную ярмарку, где можно купить все что угодно. В эти дни к порту стекалось все население, проживающее в радиусе пятидесяти миль. Перекупщики, гейши, игроки в кости, старые самураи и торговцы сакэ, амулетами, ору-

жием, шелком, запрещенными комиксами — вся эта многоликая, пестрая масса шумела, ссорилась, напивалась, совершала выгодные и не очень выгодные сделки. На все время пребывания Золотого флота жизнь в городе как будто выходила из обычного русла и бросала людей в кипящий водоворот. Но так продолжалось недолго. Стоило флоту покинуть Садо, как Ниигата замирала, успокаивалась, затихала, словом, превращалась в заросший пруд.

— Насколько я вижу, единственной причиной этого торжища на Садо является то, что здесь никто не желает зарабатывать себе на жизнь,— злобно проговорил даймё.— Вы все слишком заняты добычей золота и серебра, чтобы производить что-нибудь полезное для самих себя. Все привозится из Сферы Ямато. Разве не так, Курита-сан?

Адмирал рассеянно кивнул. Он наблюдал, как даймё машинально стирает с блестящего шелкового рукава пятнышко крови — оно случайно попало на него во время сэппуку. «Нисима, почему тебя послали сюда? — думал адмирал.— Неужели для того, чтобы, как ты говоришь, выполнить приказы императора и защитить Сферу Процветания от американских торговцев? Да, эти контрабандисты надругались над богами Ямато, но вряд ли они угрожают устоям империи. Неужели император послал тебя воевать с американцами? Или, быть может, была другая причина для твоего назначения? Вероятно, император просто хотел, чтобы ты держался подальше от двора. Нетрудно предположить, почему он отправил тебя в ссылку на далекую Садо. Ты — фанатик, Нисима-сан, ты непревзойденный рекордсмен по проигранным партиям и именно поэтому опасен для императора, несмотря на свою преданность».

Губернатор, по-прежнему стоя на коленях, воспользовался возникшей паузой:

— Умоляю, господин. Я занимаю слишком скромное положение, чтобы решать такие задачи. И пришел я к вам по другому поводу. Не могли бы вы дать разрешение освободить американцев за выкуп?

— Вероятно, мне следует разъяснить тебе мою позицию. До тех пор, пока я даймё, я не потерплю нарушения законов Его Императорского Величества.

— Конечно, господин. Но могу ли я узнать, что вы намереваетесь сделать с американцами в ближайшем будущем?

— Я еще не решил. Я собираюсь остаться здесь еще на несколько недель, у тебя нет причины для беспокойства.

Огорченный губернатор поднял голову.

— В эти дни город наводняют бродяги и преступники. Нам требуется много места для задержанных.

— Не тревожьте меня по пустякам. Не ждите, что я буду заниматься вашими ничтожными проблемами,— раздраженно ответил даймё.

— Конечно, господин. Но если бы у нас было чуть больше места...

— Довольно. Я проинформирую вас, когда вынесу решение.

Мысли Куриты обратились к императору. «Что бы там ни было, но Муцухито крайне мелочен и боязлив. Он не совершит ни одного опрометчивого поступка. Он трижды взвесит все за и против, отложит решение на некоторое время, потом взвесит все еще раз. Ясно. Поспешность Нисимы наверняка претила ему. В таком случае, сонное царство на Садо — самое подходящее место для такого человека, как даймё. Здесь ты можешь заниматься своими пустяковыми делами, а рядом с императором будут находиться его любимые вассалы. Например, барон Харуми — доблестный сёгун, управляющий империей через бакуфу в Киото и держащий в руках все нити власти. Пока золото беспрепятственно и непрерывно течет в столичные закрома, как это происходит последние пятьдесят лет, здесь ты можешь делать все что угодно. Ты не обманешь меня своей ханжеской гордостью, Нисима. Держу пари, что император послал тебя сюда, дабы ты следил за его рабами, контролировал плантации, играл в строительство фортов...»

Размышления адмирала были нарушены движением за ширмой. В комнату быстро вошел лейтенант, которому Нисима поручил охрану заложников. Он был одет в аккуратно подогнанную по его фигуре военную форму и выглядел весьма довольным.

— Ваше превосходительство, мы схватили еще одного американца! — отбарабанил сияющий лейтенант.

Нисима холодно взглянул на него.

— Еще одного?

— Да, ваше превосходительство. Я лично поймал его у южной окраины, когда он пытался проникнуть в город.

— Что вы с ним сделали?

— Я бросил его к остальным, ваше превосходительство.

— Правильно. Хорошая работа.

— Благодарю, ваше превосходительство.

Лейтенант поспешно выбежал, и Курита проводил его взглядом, радуясь одобрению даймё. «Зачем сажать нового пленника к остальным? На твоем месте я бы допросил его, прежде чем он сговорится с остальными о том, как следует вести себя на допросе»,— подумал он, а вслух сказал:

— Интересно, сколько американцев сбежало на корабле? Не удивлюсь, если они улетели на Тиноцуки и оставили на темной ее стороне вооруженный отряд. Я бы именно так и поступил. Вероятно, около сотни этих людей блуждают там по болотам. Лично я удвоил бы охрану.

Губернатор побледнел, а Нисима откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди.

— Пусть только попробуют сунуться сюда. Мы сможем дать отпор любым бродягам-американцам... Сколько их у вас в тюрьме? — обратился Нисима к губернатору.

— Тринадцать, господин.

— Кажется, подходящее число, чтобы отужинать на Тайной Вечере, не правда ли? — зло усмехнулся даймё.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Слушатели азартно вскрикивали и хлопали друг друга по плечам, словно зрители бейсбольного матча, радующиеся точному броску игрока.

— Мы взяли точный прицел. Аккурат продырявили крюйт-камеру, и корабль взорвался к чертовой матери — вместе с парой сотен самураев на борту.

— Ты отличный снайпер, Стрелок! — одобрительно воскликнул Торвин Джонс, улыбнувшись во весь рот, так, что стали видны его крупные зубы и покрасневшие десны.

— У тебя верный глаз, Дюваль!

— И легкая рука!

— Громыхнуло так, что тюряга чуть не развалилась. Пол ходил ходуном,— мы думали «Томас Дж.» взорвался!

— Так вы ничего не знаете? Они вам ничего не сказали?

— Нет, они только издевались над нами.

— К тому же, Дюваль, никто из нас не знает японского.

— Садись, Стрелок! — Ди Баррио подвинулась и освободила место на голом полу.— Нас тут же заперли. Никакой связи с внешним миром. Тюремщики, сволочи, отняли коммуникаторы, деньги и вообще все, что можно было утащить.

— Даже расческу у меня сперли! — кисло улыбнулся Хорнер.

Камера, в которой содержались американские заложники, была не больше пяти квадратных метров, с подпор-

кой посредине. Через узкие зарешеченные оконца под самым потолком едва проникал дневной свет. Одно окно выходило на грязный тюремный двор, другое — на улицу. Во дворе стоял пыточный столб, поэтому заключенные предпочитали смотреть в другое окно. Несмотря на убогую обстановку, дверь была обтянута синтетическим покрытием и снабжена ионным замком. Половина заключенных была прикована к железным кольцам в стенах, испещренных тысячей иероглифов, остальные же были скованы друг с другом. Некоторые стояли у окон, другие сидели, подпирая спинами стены.

Джули Декстер, опытный астронавт, потерявшая глаз еще в первой экспедиции Хавкена, с отвращением сплюнула: жирная черная муха опять села ей на лицо.

— Недавно приходил какой-то японец, тощий как жердь. Худо-бедно он говорит по-английски. Побряцал ключами и похвастался, что всех нас собираются распять.

— Если бы нам тогда удалось добраться до кораблей...— грустно вздохнула ди Баррио.

— Но не удалось.

— И вот теперь мы заперты. На всю компанию три миски дробленого риса в день,— вступил в разговор Дэвей Маркс, прикованный к стене, но одна рука которого была свободна.

— Тебе, считай, повезло, раз ты не попал на борт «Ричарда М.». Нынче это корабль голодающих,— сказал Дюваль, думая о своем брате. Выжил ли он, или Пит Гросс, этот мясник, доконал его своей медициной? Доберется ли «Ричард М.» до Американо?

— По крайней мере, корабль хоть куда-то летит,— проговорил Маркс.

— И командор доведет его до дома.

— У них есть надежда...

— Два года назад я видел голодный экипаж,— мрачно возразил Дюваль.— Это были китайцы, которых едва не захватили пираты на орбите Тайваня. Один парень так исхудал, что брюхо его прилипло к позвоночнику.

Бедняга весил шестьдесят фунтов. Я бы не хотел оказаться в его положении.

— Да, трудно предположить, что будет с «Ричардом М.»,— согласилась ди Баррио, понизив голос.— Дюваль, а как тебе удалось уцелеть?

Стрейкер рассказал о том, что с ним произошло. Окутанный облаком дыма от работающих двигателей «Ричарда М.», он вслепую бежал через площадку, надеясь спастись от неминуемого взрыва. Где-то у него за спиной рванул корабль-камикадзе. Дюваля отбросило взрывной волной, одежда на нем загорелась. Но он сумел добраться до сточной канавы, решетку которой только что сорвало взрывом, и умудрился сбить пламя с одежды. Это и спасло его. Последнее, что запомнил Стрейкер, был покалеченный Ивакура — он застрял в сточном люке. Дюваля долго преследовало воспоминание о белом от ужаса лице Ивакуры, который из последних сил молил вытащить его из колодца, протягивая к Дювалю окровавленную руку.

— Я так и не смог его спасти,— покачал головой Стрелок.

— Черт с ним. Пусть мучается в аду... Гори они все синим пламенем! — злобно выкрикнул Мэт Кайзер, низкорослый толстяк-повар с выцветшими волосами и бегающими глазками. Он только что отошел от окна, позвякивая цепями.— Я видел, как наместник шел из своего дома к тюремному двору. Ну и рожа — хорошего от него ждать не приходится. Интересно, для чего он здесь?

— Стрелок, ты понимаешь их гнусавый язык? — спросила Декстер.— Может, они собираются убить нас?

— Отсюда ничего не слышно,— ответил Дюваль.

— Впервые я столкнулся с жителями Ямато, когда мне было лет двадцать пять,— пустился в воспоминания Маркс.— На Алабаме. Мы собрались к корейцам, торговать презервативами. Ну так вот, корейцы по сравнению с ямато — ангелы небесные. С ними всегда можно договориться, а эти точно воды в рот набрали. Держат кинжал за пазухой и готовы, как только ты отвернешься,

всадить его тебе в спину. Я никогда им не доверял. Из-за болвана Хавкена и его дурацкой честности мы упустили верный шанс. А могли ведь преспокойно завернуть этих сволочей в их же шелковые пижамы и в два счета вышвырнуть из порта! До того, конечно, как прибыл Золотой флот!.. А теперь сиди тут и корми вшей...

— Мы же не знали их намерений,— возразил Дюваль.

— И не знаем до сих пор, Стрелок,— вмешалась в разговор ди Баррио.— В нашей ситуации это самое ужасное.

— О Господи, я чувствую, как от меня смердит... Не могу больше,— простонал Джеб Вомак. Он вылез из угла и встал рядом с Дювалем. Даже на корабле Джеб не отличался чистоплотностью, а здесь, в тюрьме, он совсем опустился. — Они морят нас голодом,— завывал он.— Мы все подохнем. У меня аж двое суток маковой росинки во рту не было. Стрелок, ты не принес с собой воды?

Дюваль с отвращением посмотрел на Вомака и отвернулся.

— Не обращай на него внимания. Он все время скулит и просит пить — наверное, из-за какой-то болезни, что он здесь подцепил.

— Насекомые так и кишат...

— Заткнись, Вомак! — огрызнулся Форест; его руки были свободны, а ноги закованы.— Выхлебываешь всю воду и скулишь, чтобы дали еще. Это невыносимо!

Они помолчали; затем Дюваль продолжил рассказ о своих скитаниях. Когда грохнул взрыв, он находился всего в пятидесяти ярдах от «Ричарда М.» и отчетливо видел, что корабль успел стартовать.

Сдаться в этот момент было равносильно верной смерти. Дюваль пробрался к побережью и две недели, вконец выбившийся из сил, жил среди отмелей как бродяга, охотясь за мелкой живностью вроде устриц и крабов — их можно было поймать во время отлива. Несмотря на безвыходное положение, Стрелок не переставал размышлять о том, как помочь своим соотечественникам...

Дюваль взглянул на грубый каменный сточный желоб в углу камеры. Сток был до черноты засижен мухами, из него несло невыразимым смрадом.

— Я догадывался, что найду вас в какой-нибудь чертовой дыре, вроде этой. Но меня схватили прежде, чем я смог что-нибудь придумать.

— Чертова дыра — это точно. Извините, мальчики, мне приспичило.

Тони Джэкоб, один из двух биологов с «Томаса Дж.», встала, расстегнула комбинезон и присела над сточной трубой, отогнав рой жужжащих мух. Мужчины машинально отвернулись.

— Ночные насекомые доконают нас,— сказала она, чтобы заполнить неловкую паузу.— Это какой-то вид комаров, выведенный с помощью генной инженерии. У них волчий аппетит — кровь обожают. Если такого комарика прихлопнуть, когда он кусает, то укус превращается в зудящий нарыв. А если позволить ему напиться крови, то вреда от него не больше, чем от обыкновенного клопа.

Вомак принялся чесаться и опять заныл. В ответ раздались грубые ругательства, а затем послышался смех.

— Снимите его с меня! Снимите! — орал Вомак.

— Сиди спокойно, слюнтяй! — гневно схватила его за локоть Декстер. Оказалось, сверху на Вомака упал большой рыжий паук величиной с ладонь. Из окна, выходящего на улицу, донеслись детский смех и топот улепетывающих проказников. — Что, паучка испугался? — Декстер взяла насекомое за брюшко и перевернула его на спину; паук задрыгал лапками.— Это еще не самая обидная их шутка... Маленькие отродья!

Она протянула паука Вомаку, и тот в ужасе отпрянул; лицо его скривилось и порозовело.

— Не надо! Пожалуйста, убери его! Я не выношу пауков! Ненавижу, говорю тебе!

— У-у-у-у! — Декстер поднесла паука к самому лицу Вомака и скорчила злодейскую рожу.— Это, малютка Джеб, всего лишь старый крошечный паук. Посмотри на него и попроси у него прощения.

Тони Джэкоб подошла поближе и пристально посмотрела на насекомое.

— Давайте бросим его вон на тех двух женщин на дороге,— невинно предложила она.

— Тихо! — закричал вдруг Дюваль.— Что это?..

Все уставились на него и прислушались. С тюремного двора доносились душераздирающие крики.

— О Господи, кого это они истязают?

Все, кто мог, столпились у окна посмотреть, что происходит во дворе. Крики усилились, потом показалась группа самураев — они тащили двух закованных в цепи китайцев-рабов.

— Стрелок, что они говорят?

— Не могу разобрать.

— Это ругательства?

— Нет.

Процессия остановилась, и офицер зачитал приказ. Насколько понял Дюваль, в нем упоминались побег и смертная казнь. Солдаты раздели рабов и подвесили их кверх ногами бок о бок, привязав лодыжки к перекладине так, что головы несчастных болтались в футе от земли. Стоявший рядом жрец синто читал молитвы и окроплял рабов водой.

«Быть не может! — содрогнулся Дюваль, когда понял, что именно собираются сделать с рабами палачи.— Никакая измена, никакое преступление не заслуживают такого. Их собираются разрубить мясницкими тесаками!» — Он отвернулся, не в силах смотреть. У окна осталась одна Декстер. Лицо ее перекосилось, когда крики усилились и ножи вонзились в плоть.

Стрейкер почувствовал, что пот ручьями струится по спине. Вдруг крики разом смолкли и повисла оглушительная тишина. Декстер покачала головой и сползла на пол. Лицо ее было мертвенно-бледным.

— Они разрубили их пополам,— сдавленно сказала она.— От задницы до адамова яблока. Точно свиные туши.

Подавленные происшедшим, пленники на несколько минут замолкли. Они вдруг по-настоящему задумались о

своем положении. Несколько раз до этого они заговаривали о побеге. Но жестокая расправа, свидетелями которой они стали, кажется, сводила на нет любую их попытку.

— В городе полно людей,— прервал затянувшееся молчание Дюваль.— Вчера я притаился за одним из помостов, что идут вдоль дороги. Хотел незаметно проникнуть в город. И увидел процессию. Она проходила в нескольких футах от меня. Какая-то дурацкая церемония — наместник на лошади в сопровождении пяти охранников. А у меня был нож. Я мог бы напасть на него и вспороть ему брюхо.

— Жаль, Стрелок, что ты этого не сделал. Теперь, наверное, он сам вспорет брюхо нам, как и тем несчастным китайцам.

— Дюваль, как тебя схватили?

— Я попался очень глупо. Когда я прятался в канаве, меня случайно заметил мальчишка. Со страху он побежал к матери и все ей рассказал, ну а та подняла крик.

— А что потом?

— Потом почти весь гарнизон приставил лезвия своих мечей к моему горлу.

— Какое несчастье, Стрелок...

— Да уж, хорошего мало.

— Может быть, наша судьба тоже решена?

— Кто знает...

— Черт, как кости ноют! — выругался Маркс.

— Знаешь, Стрелок, у тебя не было ни одного шанса вызволить нас отсюда,— тихо проговорила Джэкоб.— Когда мы увидели, как они волокут тебя с надетым на шею «ошейником», мы подумали, что тебя схватили в бою. У нас тогда оставалась надежда на тех, с кем мы приземлились на эту планету...

— Ну, с таким командором, который, задрав хвост, бросился прочь, не посмотрев, что сталось с его экипажем...— фыркнула Декстер и отвернулась. — Конечно, корабль с твоим оружием мог бы открыть огонь и вызволить нас отсюда.

Дэйл Сибэк показала Стрейкеру ладонь, обернутую в лохмотья окровавленной рубашки.

— Они звери, эти ямато! Посмотри на мою руку, Стрелок. Они на мелкие кусочки разорвут всех, кто приблизится к ним — так же, как они раздробили мои пальцы.

«Легионы самураев держат в страхе весь христианский мир,— размышлял Дюваль.— Вооруженные до зубов, уверенные в своем превосходстве, безжалостные к противнику... Мы слышали жуткие истории о расправе с пленными после того, как барон Харуми вошел в Нейтральную Зону со своими полками».

Вслух же он сказал:

— Но пока мы живы...

— Можешь предложить какой-нибудь выход?

В этот момент снаружи донесся шум. В замке повернулся ионный ключ, раздались короткие выкрики на японском, и дверь камеры резко распахнулась. Оттолкнув Джонса, вошел толстый тюремщик с подстриженными черными усиками и встал в проеме двери, поигрывая красной палкой. Носил он грязную одежду с мешковатыми штанами ниже колен, заправленными в желтые гетры.

Охранник недовольно заворчал, посмотрел вокруг и быстро зачитал приказ.

— Стрелок, что он говорит?

— Ему нужен один из нас.

— Кто?

Второй тюремщик, у которого на поясе позвякивал ионный ключ, указал на ди Баррио и отодвинул ее в сторону.

— Не прикасайся ко мне, сукин сын! — огрызнулась та.

Другой взялся за цепь на запястье Дюваля, но Стрейкер оттолкнул его и приготовился защищаться до последнего. Декстер бросилась на одного из тюремщиков и как кошка вцепилась ему в лицо. В этот момент в камеру ввалились солдаты, до той поры стоявшие за дверью, и оттащили тех, кто не был прикован к стене, осыпая остальных ударами дубинок.

Они схватили Дюваля и поволокли во двор. Дверь камеры с грохотом захлопнулась. Оставшиеся заключенные, не в силах помочь Дювалю, столпились у окна, громко крича. Один из стражников хлестнул кожаной плеткой по решетке, задев Декстер по лицу.

— Сука, удушила бы! Дай мне только добраться до тебя! — завизжала та.

— Они убьют нас всех!

— Мы никогда не выберемся отсюда,— завыл Вомак.

— Заткнись, ты, грязная тряпка! — заорала на него Декстер.

— И ты тоже заткнись! — прокричала ди Баррио.

— Господи, что они с нами делают!..

Арестанты прилипли к решетке, чтобы стать свидетелями участи Дюваля Стрейкера. Сержант, держащий красную палку, приказал солдатам расковать и раздеть Дюваля. Перед американцем возник жрец синто в просторном черном платье, с длинным тохэем — символом божественности, отдаленно напоминающим лопату — в руке.

Развевающиеся на слабом ветру одежды жреца были скреплены на шее и перехвачены у пояса тонкими витыми шелковыми шнурками со множеством узелков. Широченные рукава приоткрывали желтые морщинистые ладони, а под капюшоном виднелось старческое лицо с длинной седой бородой и перебитым носом. Взгляд его темных глаз был отрешенно устремлен на землю, залитую уже потемневшей кровью.

Послышалось странное бормотание, напоминающее жужжание потревоженной пчелы, готовой вот-вот ужалить...

«Вот здесь я и умру,— подумал Дюваль.— Они вздернут меня и сдерут кожу. Господи, помоги... Я должен умереть достойно». Стрейкер почувствовал, как в груди натянулась и резко дернула за сердце невидимая нить. Он вдруг услышал его биение — размеренное и гулкое. «Странно,— думал Дюваль,— почему я никогда не прислушивался к своему сердцу? Какие сильные удары, и

звук похож на колокольный». Он взглянул в бледно-голубое небо с чуть заметным зеленоватым отливом у побережья. Солнце цвета переспелой дыни медленно клонилось к морю, готовясь на ночь погрузиться в его волны. Своими лучами оно озаряло разгоряченную землю тюремного двора, превращая капли разбрызганной крови в россыпи блестяще-черного агата. «Неужели через минуту все кончится, неужели меня не станет?» — думал Дюваль. Он вновь взглянул в небо и почувствовал, как его тело становится прозрачным и легким. Ему показалось, что оно хочет оторваться от земли...

В этот момент стражники сняли с него огромную колодку и отбросили ее в сторону. Слуга-китаец принес коромысло с двумя ведрами воды, и сержант вылил одно из них на Дюваля. Затем китаец принялся тереть мочалкой его тело — голову, лицо, шею, плечи, живот, ноги. Когда грязь полностью сошла, сержант вылил на Стрейкера второе ведро, и китаец вытер пленного махровым полотенцем.

Через минуту Дюваля расковали. Он стоял на тюремном дворе совершенно обнаженный, только что вымытый и чувствовал себя заново родившимся. В довершение всего ему выдали просторную рубашку и мешковатые брюки, которые он не замедлил надеть. Затем на него вновь водрузили круглое ярмо и защелкнули кандалы на запястьях. Дюваль все еще ничего не понимал.

Жрец повернулся к главному тюремщику.

— Коко э досо!

— Куда вы собираетесь меня вести? — спросил потрясенный Дюваль.

— Мы собрались ходить даймё,— ответил жрец на ломаном английском.

— К даймё?..— Слабая надежда на спасение затеплилась в его душе.

— Его желание — допросить тебя.

— Меня?..

Он еще не пришел в себя от потрясения, и тело его била нервная дрожь. Мысли путались, в ушах по-пре-

жнему звучал назойливый голос жреца, похожий на жужжание.

— Но почему только меня? А как же все остальные? — глупо улыбаясь, спросил Дюваль.

Жрец уставился на него с прежней отрешенностью во взгляде.

— Камой масэн. Додзэн, окамай наку. Икимасо ка? Это не имеет значения. Пожалуйста, не беспокойтесь. Мы можем идти?

У Дюваля мурашки пробежали по коже, когда он услышал подчеркнуто вежливую официальную японскую речь с отчетливо различимыми древними интонациями диалекта высшего общества Киото. У Стрейкера такая речь была связана с жуткими воспоминаниями юности. «О, мне хорошо знакома эта нарочитая вежливость, цинично рассчитанная на то, чтобы указать человеку его место. Какой страшный язык! Он позволяет говорящему, не прибегая к прямому унижению, втоптать собеседника в грязь. Есть масса способов сказать «я», подняв при этом собственную персону на недосягаемую высоту. Какой лживый язык! Он дает возможность скрыть подтекст, а если понадобится, то и изменить его на прямо противоположный. Глагол стоит в конце предложения, и никто не сумеет понять твоих намерений, пока ты не закончишь говорить. Отрицание тоже ставится в конце, и ты можешь легко переиначить то, что намеревался сказать, если тебя не устраивает реакция слушающего... Японцы и ведут себя так же — в любой момент готовы предать! Да, будь у них другой язык, он сразу бы обнажил их двуликую сущность! В детстве я видел людей, одетых так же, как ты, и так же, как ты, подчеркнуто вежливых. Они благословляли террористов, когда те затягивали проволочные петли на шеях американских женщин и детей... Вы не использовали оружие, но до полусмерти запугивали наших колонистов, когда фанатично пытались отбить у них охоту селиться в Нейтральной Зоне. Мои родители погибли из-за таких подлецов, как вы, любители хороших манер и изощренных пыток!»

— Но почему именно я?

— Возможно, его превосходительство распорядился, чтобы вас отделили от всех.

— Почему меня?

— Простите. Я не могу обсуждать этот вопрос.

Стражники повели Дюваля по улице, которую хорошо было видно из узенького окошка тюремной камеры. Прошли мимо веранды, где недавно сидела молодая японка, поразившая Стрелка своей красотой. Повернув налево, процессия вышла на небольшую площадь, выложенную серыми плитами и заполненную торговцами фруктами.

Торговцы сидели на грубых циновках, разложив товар прямо на земле. На другой стороне площади велись учения: около тридцати солдат с деревянными мечами атаковали отряд противника, которым командовал высокий сержант, в то время как офицер на белом коне молча наблюдал за ними.

Низко над домами висело солнце. Оно было того же размера и цвета, что и солнце его родной планеты, и мало отличалось от «Первоначального Солнца» — земного. «Все они похожи,— подумал Дюваль. В его памяти непроизвольно всплыли астрономические параметры: — Звезда типа «GO», световой класс — 5, приблизительная визуальная величина — 27,2, абсолютная визуальная величина — 4,4. Цветовые параметры: В-У-0,62; И-В-0,1. Температура поверхности — 5,800 КМ».

Солнце, висевшее над причудливо изогнутыми кровлями, напомнило Дювалю Либерти и заставило его почувствовать, сколь далеко он сейчас находится от родной планеты.

Они подошли к белому административному зданию, покоющемуся на массивном фундаменте, с двумя тяжелыми бронзовыми дверями и выложенной серой черепицей кровлей в форме пагоды. Пройдя мимо, стражники подвели Дюваля к другому большому строению, фасад которого, с двумя невыразительными колоннами, выходил на площадь.

Стражники бесшумно открыли массивные двери и провели Стрейкера внутрь. Солнце не заглядывало в затемненный вестибюль, и там было неожиданно прохладно. Сквозь жалюзи проникал легкий ветерок с залива. Он обвевал еще не высохшую кожу Дюваля, разметал его волосы. Стрейкер пригладил их ладонью; звякнули наручниками.

На циновке посередине комнаты его заставили опуститься на колени. Через раскрытые ширмы он видел балкон резного дерева и посадочную площадку порта Ниигата. Его взгляд тут же наткнулся на «Дуайт Д.». Дюваль подумал о команде корабля, вспомнил брата и понял: что бы раньше ни случилось, он, Стрелок, уже дважды избежал смерти. Первый раз — в горящем грузовом отсеке «Томаса Дж.», второй раз — после взрыва корабля-камикадзе. «Что ж, пусть они убьют меня. Два раза уже выиграл, и к пыточному столбу отправлюсь смеясь. Я расхохочусь им в лицо!» Но тут он подумал о своих гниющих в грязи, опустившихся товарищах. Дюваль осознал вдруг, что должен вызволить этих людей — нравится ему это или нет. Он обязан сделать все, чтобы спасти их жизни.

Одетый в голубое кимоно с поднятыми плечиками, даймё сидел в центре маленького помоста, находившегося в задней части комнаты, в десяти ярдах от Дюваля. Рядом расположились самураи при полном вооружении, городские чиновники в менее вычурных нарядах и жрецы, позабавившие Дюваля своми шапочками в форме кирпича — шапочки эти, венчающие лысые головы жрецов, делали их похожими на карнавальных кукол. Среди всей этой разношерстной публики Стрелок заметил единственную присутствующую здесь женщину. У него мелькнула мысль, что где-то он ее уже видел.

«Ну и рожи — хоть сейчас в балаган. Интересно, что хочет выпытать у меня даймё? — спрашивал себя Дюваль, пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли.— Сосредоточься! Постарайся представить, что бы ты сделал на их месте, о чем бы хотел узнать. О

наших кораблях? О торговле? С планах Хавкена? Что именно?.. Конечно, как я сразу не догадался — особое оружие! Немедленно выбрось из головы! Не позволяй себе думать об этом — оружия не существует... Может быть, там высаживался наш десант, как предположила Декстер... Нет! Глупость — ему неоткуда было взяться. Господи, помоги мне придумать, как спасти их жизни...»

— Аната-но онамэ ва? Вакри масу ка, американу? — спросил даймё, внимательно вглядываясь в лицо Дюваля.

Стрейкер тупо уставился на даймё, делая вид, что ни слова не понимает по-японски. Нисима что-то прошептал женщине, и та с заметным акцентом перевела:

— Как тебя зовут? Американец, ты понимаешь меня?

— Меня зовут Дюваль Стрейкер. И я заявляю протест по поводу моего тюремного заключения.

— Что он говорит, Фумико-сан? — обратился даймё к женщине.

Она в точности перевела ответ Стрейкера.

«Пожалуй, нужно сбить спесь с этого хини»,— подумал даймё и обратился к Фумико:

— Скажи ему, что хозяин этой планеты — я и чтобы он последил за своими манерами. Не то я прикажу вырезать ему язык.

Фумико перевела, и Дюваль не задумываясь ответил.

— Он говорит... он говорит, что не сможет тебе ничего рассказать, если ты отрежешь ему язык.

— Дай ему понять, что он обращается к даймё планеты Садо! — рассердился Нисима.

Дюваль спокойно выслушал перевод и сказал несколько слов в ответ.

— Он понимает, что ты даймё, и называет тебя «Тот, кто принимает решения».

— Хорошо. Спроси его, куда удрали американские корабли.

Перевод Фумико превратился в торопливое стаккато. Ответ же заключенного был спокоен и нетороплив.

— Он говорит, что ничего не знает о намерениях остальных кораблей американского флота. И добавляет, что даже если б знал, то не сказал бы тебе.

— Флота?

Писец позади даймё осторожно обмакнул кисточку в чернила и аккуратно записал показания пленного.

Пристально глядя на Дюваля, Нисима думал: «Наглый щенок, за такую дерзость я утоплю тебя в море. У меня нет времени учить тебя почтительным манерам. Ты даже не успеешь испытать все муки тюрьмы, которые ждут твоих спутников. Недаром говорится, что у всех американцев повадки животных. Возможно, если б ты повисел на дыбе, как летучая мышь на стене, то вел бы себя вежливее... Ну да ладно, надоели они мне все,— решил он внезапно.— Губернатор просит заплатить за тюрьму, так что прикажу жрецу просто распять их на кресте. Но сначала нужно исполнить долг...»

— Он говорит, что американские корабли ждут на дальних орбитах Садо, дабы из засады напасть на Золотой флот. Он знает, что обычно наши корабли в течение нескольких дней остаются на орбите, прежде чем покинуть систему, поэтому американцы используют гравитацию Кровавой Луны, чтобы пересечь траекторию наших звездолетов.

Даймё хитро прищурился. «Ты отвечаешь как астронавт,— подумал он.— Ты, конечно, не глуп и не простой член экипажа. Из твоих слов я могу заключить, что ты привык мыслить научно. Вероятно, как раз ты и сможешь кое-что рассказать нам об особом оружии...»

— Кто ты, Дюваль Стрейкер? Какая у тебя должность и что ты знаешь о том странном оружии, что использовали твои соотечественники?

Ответ Дюваля был намеренно груб. Фумико перевела его, и даймё вспыхнул от гнева. Его главный слуга шагнул вперед и пригрозил узнику обнаженным мечом.

— Предупреждаю! — вскричал он.— Отвечай хозяину уважительно и честно! Иначе я прикажу отрезать веки и губы у всех заключенных!

Дюваль едва не расхохотался. «Я полностью во власти наместника,— подумал он.— Не могу увиливать и лгать...»

— Я являюсь — вернее, являлся — начальником артиллерийской части на корабле «Томас Дж.»,— произнес он отчетливо.— Именно я взорвал самый большой ваш корабль. И достаточно много знаю об этом оружии.

Пульс Нисимы участился. «Начальник артиллерийской части! — возликовал он.— Теперь мы узнаем, каким образом были уничтожены корабли Куриты!» Повернувшись к помосту, Нисима взглянул на жену. Лицо ее было спокойным и невозмутимым.

— Расскажи мне об этом оружии.

— Мы разработали оружие, от которого нет и не может быть защиты. У него небольшая дальнобойность, но в радиусе его действия противнику не поможет никакое укрытие. Траектория выстрела прямая, как и у лазерного, но выстрел нельзя отразить, преломить или рассеять. Оружие это пробивает любой щит, покрытие любой толщины для него — семечки, и не возникает скачка температуры.

Когда Фумико перевела его слова, присутствующие изумленно переглянулись, однако быстрый взгляд даймё успокоил их. «Воистину это дар богов! Такая находка!» — возликовал Нисима.

— Он говорит, что после битвы отправился на побережье. Две недели назад.

— Спроси его, какой вред он причинил нам за этот промежуток времени.

Дюваль коротко ответил.

— Он заявляет, что все это время жил в заброшенной хижине.

— Конечно же, воруя еду?..

Дюваль произнес несколько слов, но Фумико покачала головой и рассмеялась, потому что ответ пленного прозвучал раньше ее перевода.

— Что он говорит?

— Он ответил, что питался отбросами с помоек.

«Догадливый! — подумал даймё.— Ты лжешь, ты опять угодил в ловушку».

— Скажи ему, чтобы он не боялся. Я не накажу его, если он крал еду.

— Ты полагаешь, что его можно простить? — спросила Фумико.

— Нет, нет. Но скажи ему именно так!

Наместник внимательно смотрел на Дюваля и заметил, что пленник понял его без перевода. «Ты действительно знаешь японский,— подумал он.— Да, я вспомнил тебя. Ты именно тот человек, которого Хавкен послал на борт моего корабля, чтобы договориться о перемещении наших звездолетов по площадке. Значит, командор должен был доверять тебе. Вероятно, ты из командного состава. Определенно, Дюваль Стрейкер, теперь я могу тебя использовать!»

Даймё обратился к заключенному напрямую, не прибегая к помощи Фумико:

— А флот, о котором ты говорил?

Дюваль заколебался, но, поняв, что даймё раскусил его, ответил по-японски, не таясь:

— Скажу лишь, что он поджидает ваш Золотой флот в системе Гуама.

— Значит, именно на Гуам направился ваш командор? На разведку? На встречу с американскими военными кораблями?

— Большое я ничего не могу сказать вам.

Нисима откинулся на спинку стула и задумчиво пососал ус. Ему надоело играть в кошки-мышки с этим наглым лжецом, к тому унижающим его перед женой и чиновниками, однако этикет требовал, чтобы допрос продолжался в присутствии местных сановников. В это утро он выслушал доклады губернатора и его помощников, и никто из них не упомянул об американском флоте. «Я вижу тебя насквозь, лгун несчастный. Однако ты можешь оказаться полезным, тогда как остальные твои соотечественники не скажут мне ничего из того, чего бы я уже не знал. Они мне больше не нужны. Что ж, уст-

роим для горожан маленькое развлечение. Я прикажу жрецам распять американцев на побережье во время отлива, и пусть море унесет их, как в моем любимом хокку:

Волны прилива подняв,
Луна принимает и топит
Жертвы несчастные в море...»

— Если ты будешь послушен, я сохраню тебе жизнь,— сказал Нисима.

— Послушен?..

— Если ты будешь вести себя так, как тебе велят. Нет — я прикажу, чтобы тебя распяли вместе с остальными.

— Вы убьете беспомощных военнопленных?

— Военнопленных? Американо и Ямато не воюют друг с другом. Мы добрые соседи, не правда ли? А добрые соседи должны уважать чужую собственность. Этого ты не можешь отрицать. Но вы оказались не соседями, а бродячими псами, которые забрались в наш сад. Вы пираты, контрабандисты, и вам следует преподать урок.

— Вы первыми, без предупреждения открыли огонь по нашей флотилии, в состав которой входили два корабля американского военного флота.

— О, нет! Мы ни в коей мере не собирались оскорбить ваше правительство. Мы всего лишь намеревались избавить Садо от банды контрабандистов.

— Мы не контрабандисты.

— Вы законченные варвары. А в Ямато принято...

Нисима вдруг осекся.

«Мы не в Ямато,— сказал себе даймё, снова вспомнив, почему он оказался на Садо.— Я был послан из Ямато Его Императорским Величеством. Даже Фумико не догадывается об этом. Только мы с императором знаем истинную причину, по которой я нахожусь здесь. Муцухито уже стар, и разум его слабеет с каждым днем. Мне пришлось действовать решительно, чтобы он не потерял трон. Именно я не позволил его сыну принцу Коно стать

центром всех интриг против империи. Да, именно я, своими собственными руками, убил его!

И как вознаградил меня император за верность? Он велел мне укрепить границы новых территорий в Сфере Процветания, он временно скрыл меня в ночной тени. Но наступит день, и я с триумфом вернусь в Ямато. Тогда император поймет, что я ему действительно необходим. Для этого требуется оружие. Не старое — бесполезное, лазерное,— но вроде того, что производят американцы; оружие, которое сочетает в себе силу и точность и пробивает любую защиту».

Даймё знал, что до сих пор лучшими гайдзинами, производящими оружие, были англичане. Их военные комплексы были рассеяны по планетарным системам Лондона, Манчестера и Бристоля. Европейские компании изготовляли большую часть лазерных установок для кораблей Ямато, но ни за какие деньги не выдавали секреты технологии. Кроме того, с тех пор, как Ямато превратилось в закрытое государство, торговые отношения с европейцами заметно ухудшились. «Если я сумею добыть для Ямато секрет нового американского оружия, наши корабли станут такими же непобедимыми, как и наша армия,— все больше возбуждался даймё.— Мы сможем завоевать Китай и полностью завладеть так называемой Нейтральной Зоной. Затем мы уничтожим американцев на их собственной земле и присоединим ее к империи Ямато. И все заслуги будут принадлежать мне!»

Он сложил руки на груди и задумчиво посмотрел на Дюваля Стрейкера.

Он принял окончательное решение.

Даймё повернулся к жрецу синто и сказал:

«Ты распнешь этого варвара через тринадцать дней. А завтра на побережье начнешь распинать остальных. По одному человеку в каждый отлив. Тем же способом, что и их бога, Иисуса Христа».

Сад

ЯМАТО. Книга II

21-й год Канэй (2422 г. н.э.)

Прекрасна моя империя Ямато—
Летающего дракона царство.

Емэй, японский
император (629—641)

Перехваченное секретное радиодонесение (составлено по материалам новостей и газетных некрологов). Отпечатано на принтере 555435. Линкольн, Либерти, 2425 год.

«Алиса Кэн. Родилась в 2386 году в Линкольне. Президент сектора Американо Освоенного Космоса. Единственный ребенок Оттомана Кэна и Анн О'Бостон. Возглавила правительство в 2411 году. Пыталась примирить фракцию экспансии и фракцию сторонников Ямато при поддержке К.Р.Эймса и В.К.Лаббэка. В 2412 году отказалась от династического брака с Муцухито, императо...

(Фрагмент утрачен.)

...предпринята попытка устроить дипломатический брак Алисы Кэн с девятнадцатилетним китайским принцем Пи Ву. Она отвергла это предложение, спровоцировав политический раскол с Санаду (китайский сек...

(Фрагмент утрачен.)

...Е Чан, дочь корейской марионетки Хо Кум Суна, невеста Муцухито. Если она станет его последней женой, этот брак значительно укрепит политическое положение Ямато. В настоящее время она находится на Сеуле, где расположен самый большой космодром в

Освоенном Космосе. Разведка сообщает, что невеста императора собирается вскоре отправиться в Киото. Необходим значительный эскорт для защиты корабля от корейских пиратов. Эскорт уже начал собираться на Сеуле. Предстоящие события позволят Муцухито истолковать Главный Эдикт Земли как оправдание давно готовящегося широкого вторжения в...»

(Сработала защита. Донесение обрывается.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Место действия: Вайоминг

В ночном мраке показался чей-то силуэт. Он отделился от сырого соснового леса и под прикрытием дождя быстро двинулся к перекрестку. Не дойдя до него десяти ярдов, человек притаился. Нарастающий гул мотора говорил о приближении автомобиля. Мощные фары высветили гладкую ленту дороги за завесой дождя. Едва проехав перекресток, автомобиль резко затормозил и сполз на обочину. В этом месте мощеная дорога была сильно повреждена — машина увязла в грязи и уже не могла самостоятельно из нее выбраться.

Трое мужчин вылезли из пикапа и стали толкать его, пытаясь высвободить из раскисшей земли, а тем временем девушка ругала водителя. Неожиданно завелся двигатель, заглушив перебранку. Из-под колес полетели брызги, сверкая перед горящими фарами. Яркий свет, неожиданно разрезавший темноту, заставил Дзиро Ито отбежать от дороги. Свой собственный побитый автомобиль он оставил на обочине, так что заметить его было невозможно. Он достал спрятанный в ботинке нож с зазубренным лезвием и криво улыбнулся. «Не одно горло перерезано этим ножом»,— подумал он и прикоснулся губами к холодному клинку.

Он бесшумно приник к земле и, не обращая внимания на дождь, наблюдал за людьми, которые возились возле застрявшего пикапа. Согласно донесениям, на этой дороге за последние шесть месяцев было замечено передвижение подозрительных личностей — иностранцев и прочих мерзавцев, направлявшихся к особняку Кассабиана.

Дзиро Ито понял, что эти люди возле автомобиля — местные.

Дождь по-прежнему не прекращался. В этой области Вайоминга он лил постоянно почти круглый год. Какой-то чиновный болван, вероятно, шутки ради, назвал это место Пресной Водой. Местные жители уверяли, что они живут во времена потопа, и, проклиная Пресную Воду, называли эту область просто адом. К тому же толстосумы из корпораций, любящие детские игры с живыми людьми вместо оловянных солдатиков, запретили использование самолетов на всем континенте. Правда, это не очень благотворно отразилось на туризме.

Дзиро Ито разглядел людей у пикапа и понял, что это не туристы. Они хорошо знали дорогу, как будто ездили по ней много раз, в том числе и ночью. Они увязли на размытом шоссе именно там, где и предполагал Дзиро Ито. По их акценту, ноткам покорности в грубых голосах и тому, как они ругались, он признал в них местных, откуда-нибудь из Зеленой Реки или Черных Бочек. Они изо всех сил толкали машину, не желая оставлять ее на ночь возле шоссе.

«Всему этому может быть только одно объяснение,— думал Дзиро Ито, не позволяя себе ни на секунду расслабиться.— Целую неделю шел снег, а затем сменился градом и леденящим дождем. Сегодня — первая ночь, когда следы от колес не сохранятся до утра». Жители Зеленой Реки, видимо, провозили контрабанду, которую доставил накануне владелец грузового судна. Корабль причалил ночью, а потом двинулся дальше по реке в глубь континента. На этом же корабле прибыл сюда и Ито.

«Черт, как жаль, что я не могу выдать себя и должен сидеть в укрытии, думал Ито. Я бы с радостью столкнул этот пикап с обрыва, а его пассажиров утопил в реке. Представляю, как бы они заорали, узнав, что за ними наблюдает человек Конроя Лаббэка. Но увы, я должен остаться незамеченным, иначе мне не добраться до особняка Кассабиана. Собственно, ради этого я и свернул с дороги и теперь мокну под дождем».

Он наблюдал, как автомобиль медленно выполз из грязи. Затем заработал мотор, хлопнули дверцы, и красный свет старомодных фар скрылся за ближайшим поворотом. Дзиро Ито поднялся с земли и отряхнулся.

На нем были черные ботинки и черный плащ. Он выбрал эту одежду и нанес на кожу темный грим, так как хорошо знал, что его ждет на Вайоминге. Проведя одну половину жизни в синто-буддийском монастыре, а другую — на службе у Конроя Лаббэка, он в совершенстве овладел искусством добывания и передачи секретной информации. Дзиро Ито проделал огромный путь. Он пересек всю американскую зону за двенадцать перелетов на двенадцати кораблях, истратив по два кредита на каждый перелет. За два дня он прошел Калифорнию, еще за два — Техас, вторую американскую звездную систему, и четверо суток отнял перелет через Гавайи. На Вайоминг, расположенный вблизи Нейтральной Зоны, он прибыл с расстройством желудка — мало того, что путешествие было изнурительным, на кораблях еще и кормили ужасно.

Обычная доставка корреспонденции занимала вдвое больше времени, и эту задачу выполняли рейсовые корабли. Но курьер советника Президента должен передвигаться быстрее и отдавать секретные донесения лично в руки. В данный момент от этого зависела безопасность сектора. Ито шел вниз по пологой дороге, под прикрытием дождя и темноты. Недалеко за обрывом бежал стремительный поток. Он разбух от ливней и наполнял ущелье гулом, перекатывая крупные камни.

Вайоминг — суровая планета, а Пресная Вода считалась на ней самым неприветливым местом. Чужака здесь повсюду подстерегали опасности. Когда-то Вайоминг был отведен под национальный заповедник, но постепенно в этом «заповеднике» воцарился хаос. Сотнями лет сюда стекались самые подозрительные личности, преимущественно наркоманы. Федеральные власти предприняли несколько попыток возродить туризм и даже объявили планету освобожденной от трудоемких

технологий и экологически чистой. Здесь действительно не производили ничего, кроме газовых двигателей и электроэнергии. Но это мало что изменило — планета была слишком суровой для туризма и слишком сырой для заповедника.

В непроходимых лесах и глухих ущельях водились волки, медведи и неизвестно зачем завезенные сюда уссурийские тигры. Местное население коротало досуг за охотой. Хуже всего, что выслеживали туземцы не диких зверей, а одиноких путешественников. Самой популярной ловушкой был трос, натянутый через дорогу на уровне шеи. Когда какой-нибудь незадачливый любитель велосипедной езды валился на землю, у него изымалось все, что только можно было унести. Немногим посчастливилось остаться при этом в живых.

Дзиро Ито застал на Вайоминге конец года — пору студеных туманов, топких дорог и кромешной темноты. В таких условиях мог выручить только пси-талант. Дзиро Ито обладал этим даром, благодаря чему и считался лучшим курьером на Либерти. Последние двенадцать с половиной лет он не просто доставлял важнейшие секретные послания, но был доверенным лицом своего хозяина и Президента. Всего лишь десять парсеков отделяли его от комфорта и изысканной до неприличия неги Колумбии. Здесь же стояла ночь, а мерзкая погода превратила Вайоминг в мрачную и враждебную планету, словно она находилась в одном из неосвоенных миров.

Сквозь облака Либерти казалась едва заметным пятнышком, мерцавшим возле звезды пятой величины, которая висела теперь у самого горизонта. Свет ее запаздывал почти на тридцать три года. Дзиро Ито вернулся к спрятанной машине и протер забрызганное дождем ветровое стекло. Влезая внутрь, он проклял запрет пользоваться самолетами. Осветив березы, стоящие вдоль дороги как призраки, автомобиль двинулся по направлению к особняку Кассабиана. Дорога петляла вдоль Зеленой Реки. Проехав Кеммер, он немного прибавил скорость. Через полторы мили Дзиро Ито увидел слабый свет в

окнах дома, стоящего на холме. Это и был особняк Кассабиана.

Старое помпезное здание в готическом стиле было окружено высокой стеной; стальные ворота запирались на ночь. Пирамидальная крыша, красный кирпичный фасад, деревянные балконы и запущенный сад превращали особняк в мрачное старомодное сооружение весьма причудливой архитектуры.

Дзиро Ито свернул на узкую дорожку, ведущую к особняку. До цели оставалось около двухсот ярдов, но дом не подавал признаков жизни. Он знал, что управляющий всегда оставляет слугу наблюдать за дорогой. Сегодняшний вечер, несмотря на ужасную погоду, не был исключением. Все курьеры — заложники удачи. Ито не питал иллюзий насчет своей профессии, но понимал, что у него нет выбора. Он не был женат — семья стала бы обузой. В мире политики дружеские отношения недолговечны. Союзы переплавлялись в новые формы, силовые структуры, разъедаемые интригами, быстро разрушались. В такое смутное время японец, живущий на Либерти, должен быть особенно осторожным. Дзиро Ито никогда не забывал об этом.

Полвека династия Хенри удерживалась у власти только благодаря грубой силе, попиравшей хваленые демократические права. Сын Стрэтфорда Хенри, Хэмптон, привлек на свою сторону банкротов и должников и установил Центральную Власть, нарушив тем самым демократический порядок. За последние десятилетия в секторе произошли значительные политические перемены. Сначала из-за действий самого Хэмптона, затем из-за неспособности его сестры Люсии управлять государством. Она была последним Президентом Либерти из рода Хенри. Теперь у власти стояла твердая, как алмаз, Алиса Кэн. Постоянные чистки правительства вызвали недовольство, которое переросло в массовые волнения. При таких обстоятельствах всегда необходимо найти козла отпущения...

Новые люди, пришедшие к власти, были осторожны и наблюдательны. Они легко меняли свои убеждения, что-

бы приспособиться к конъюнктуре. «Человек, к которому я направляюсь,— думал Дзиро Ито,— партнер Конроя Лаббэка и, возможно, даже разделяет его взгляды. Он депутат парламента и рьяный экспансионист. Год назад его имя никому не было известно, но не исключено, что еще через год он будет строить планы свержения Алисы Кэн. Когда мы встретились в Белом доме, он предложил мне сотрудничать с ним за хорошие деньги. Его намерения были достаточно ясны — он просто хотел заманить меня в ловушку. Но я не слаб и не жаден. Я помню о своем долге перед хозяином и сохраню ему верность».

Дзиро Ито тихо выругался, когда автомобиль занесло и упругие ветки хлестнули по борту. Он вгляделся в темноту, но ничего не увидел. «Осторожно! — сказал он себе.— В такую ночь, да еще после утомительного путешествия в двенадцать тысяч миль, теряешь бдительность. Начинаешь думать о комфорте, о том, чтобы срезать путь. Но я всегда тем и отличался, что, как и всякий ниндзя, презирал комфорт. К тому же я предпочитаю соблюдать элементарную предосторожность. Вот почему я жив, а другие — нет».

Он опять свернул с дороги и замаскировал автомобиль в кустах. Отыскав забор, Ито вынул отмычки и датчик безопасности. Этот механизм позволял настроить вживленные в его кожу электроды, которые пропускали сквозь себя лучи, сплошной сетью опутывавшие забор. Став таким образом недосягаемым для электронной сигнализации, Ито направился к стене. Он взглянул вверх на круглую башню, а затем натянул на лицо черный шарф, чтобы заглушить прерывистое дыхание. Стена была высотой около десяти футов. Он подпрыгнул, ухватился за верхний край, бесшумно подтянулся на руках и спрыгнул в сад.

Дождь барабанил по черепичной крыше, вода лилась из водосточного желоба. К стене примыкали гаражи, возле них стоял пикап и два других автомобиля, а рядом, под высоким навесом, плохо спрятанный самолет. Ито улыбнулся. «Дисциплина и настойчивость — вот что тре-

буется настоящему курьеру,— подумал он.— Девять раз останешься ни с чем, но на десятый тебе повезет».

Самолет, который удалось обнаружить, был из Бристоля. Роскошная английская модель, очень дорогая и очень редкая в Американо. Он знал, что самолет не мог принадлежать Кассабиану. С такой информацией не стыдно возвращаться к хозяину. Внезапно заработали датчики, предупреждая его об опасности. Он нырнул в темноту и затаил дыхание. Проснувшийся слуга-водитель приподнялся на сиденье и начал вглядываться в сад. Дзиро Ито бесшумно пополз обратно к забору, тихо дуя себе на руки, чтобы не коченели от холода. Тем же способом он выбрался обратно на дорогу и подъехал на машине к воротам.

В небольшом прямоугольном отверстии на воротах показалось худое бледное лицо слуги. Ито ненавидел разговоры с роботами.

— Кто вы? — монотонным голосом спросил робот.

— Дзиро Ито, курьер министра Лаббэка, по личному делу.

— Предъявите карточку-пропуск.

Ито вытащил из перчатки изящную карточку и просунул в щель. Отверстие исчезло. Через несколько минут тяжелые ворота приоткрылись. Его встретил робот в дождевике с капюшоном. Появился шофер, который отвел машину в гараж, заметив при этом, какая она удобная. Предупредительность и вежливость были характерны для здешних слуг. Вообще, роботы корпорации «Халид» были здорово вышколены, но им не хватало воображения.

Синтетические гены позволяли выполнять любое пожелание клиента. Большинство хозяев предпочитало покорных, честных и необидчивых. Шофер обладал всеми тремя качествами, к тому же он выполнял охранные функции. «От этих пластиковых шлюх из мира Диснея у меня мурашки по коже.— думал Ито.— Ты розовый чурбан с бесполым хрящиком. Жизнь твоя прекрасна, но оборвать ее ничего не стоит!»

У двери его встретил домашний слуга Томас — огромный, сильный, медлительный, он растягивал слова и был глуп, как китайский болванчик.

— Здравствуйте, сэр. Меня зовут Томас. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

— Доложи обо мне, Томас.

— Я не могу сделать этого, мистер Ито.

— Делай, как я сказал.

Томас тупо уставился через окна вестибюля на покрытую коврами прихожую. Темные лепные стены рельефно выступали в электрическом свете, падавшем из стеклянных шаров, напоминавших глобусы. Между ними висели фотопортреты, у стен стояла невероятно старая мебель с Земли.

Ито обратил внимание на стол из фанеры и реек и скамейку, которые были специально выставлены и ярко освещены лампами. Этим вещам было не менее пятисот лет, и они были бесценны. «Стыдно за Землю,— подумал Ито.— Все эти легендарные дома и сокровища... А теперь? Трагедия...»

Слуга хлопнул тяжелой дверью. Ито, кажется, не убедил его в том, что просьбу гостя он должен ставить выше распоряжения хозяина. Ковер у ног Ито потемнел от стекавших с его плаща капель.

— Хозяин сказал, что никто не должен ему мешать. Без исключения.

— Да,— ответил Ито, едва сдерживая гнев на слугу.— Но он не знает, что я здесь.

Томас отвернул от него свое круглое лицо и неуклюже направился к кабинету. Ито последовал за ним. Слева от него находились деревянные двери, обитые рейками, с железными крючками, на которых висело старое, вышедшее из употребления, оружие шерифа Пресной Воды. Маленькие стекла чуть подрагивали в свинцовых рамах под ударами дождевых капель. Томас осторожно постучал в дальнюю дверь, но никто не ответил. Разговор за дверью стих. Ито нетерпеливо дернул за ручку, но дверь была заперта.

— Это вы, Ито? — голос был немного сердитый из-за внезапности вторжения.

— Простите, сэр. У меня срочное послание для вас.

— Подождите, я сейчас отопру.— Секундой позже дверь отворилась. За нею был виден чуть более светлый, чем в коридоре, интерьер комнаты, в камине горел огонь и потрескивали дрова. Показался человек на вид лет сорока. На нем была черная войлочная шапочка, простая куртка с льняным воротником, нижнюю часть его лица закрывала аккуратно подстриженная борода. Фарис Кассабиан — а это был именно он — имел средний рост и тщедушное телосложение, но его проницательные темно-карие глаза и низкий спокойный голос давали представление о его душевных качествах, которые за один год сделали его одним из самых влиятельных людей в Американо.

Фарис Кассабиан был официальным представителем на Вайоминге. Сейчас, хотя он уже и не занимал этой должности, он имел все основания тщательно запирать двери и заботливо устанавливать датчики у дороги. Недавно он принял управление разведкой в новых секторах и являлся теперь координатором шпионских сетей, разбросанных в Нейтральной Зоне и даже в самой Ямато.

— Благодарю вас, Томас. Вы все правильно исполнили.— Кассабиан закрыл дверь и повернулся к Ито.— Пожалуйста, садитесь. Ужасная ночь. Вы, наверное, насквозь промокли.

— Спасибо, сэр.

Ито прошел к одному из двух кресел, придвинутых близко к камину. Когда он сел, бесшумно отворилась вторая дверь, и в комнату вошел человек нелепого вида.

— Какие новости? Надеюсь, хорошие? — спросил он.

Это был Тимо Фаррен — эксперт по шифрам, сутулый близорукий старик с хроническим насморком. Его тело, изъеденное тяжелой болезнью, источало отвратительный запах. Носовой хрящ провалился, но его прикрывал полый платиновый протез, от которого голос его пронзи-

тельно звенел при разговоре. Перевязанные руки являлись самой большой помехой, и по тому, как он держал предметы, Ито сделал вывод, что Фаррен уже совсем не чувствовал обрубков своих пальцев, куда раньше всего проникла инфекция. «Грязное извращенное ничтожество»,— подумал он о Фаррене.

— Хорошие новости, мистер Фаррен. Хотя для кого как.

— Пожалуй. Плохие новости приходят быстрее всего, правда? И всегда самой темной ночью.

Фаррен внимательно наблюдал, как курьер поудобней устраивается в кресле. Ито был в расцвете лет, сильный, здоровый. Черная одежда плотно облегала его крепкую фигуру и, казалось, подчеркивала особенности его профессии. Но Фаррен не любил Ито. Насмешливость и высокомерие курьера Конроя Лаббэка выводили его из себя. К тому же Ито презирал проказу, хотя и старался не показывать этого. «Жестокий невоспитанный чурбан,— думал Фаррен добродушно.— Ты такой же, как и все самураи Ямато,— параноики, в безумии уничтожающие все вокруг себя. Вы превращаете западную цивилизацию в лохмотья своими острыми как бритва мечами. Не понимаю, почему такой умный человек, как Лаббэк, окружает себя подобными типами».

Кассабиан предложил курьеру кружку дорогого пива, и Фаррен с неприязнью наблюдал, как Ито взял ее и уселся, не сделав ни глотка.

— Благодарю вас, мистер Кассабиан,— сказал Дзиро Ито. «А я не употребляю алкоголя, даже импортного,— продолжил про себя Фаррен, словно читая мысли курьера.— Алкоголь развязывает язык, а я чертовски опытен, чтобы попасться на эту удочку». Фаррен едва заметно кивнул Кассабиану, как бы желая сказать: «Я ведь предупреждал тебя об этом».

Хозяин особняка обладал утонченным вкусом. Он всегда тщательно соблюдал законы вежливости и отличался незаурядным интеллектом, хотя и не проявлял математических способностей. Кассабиан слыл убежден-

ным экспансионистом и умел сплотить вокруг себя союзников.

Они впервые встретились с Фарреном еще на Лондоне, пятнадцать лет назад, когда Люсия Хенри только начинала свое правление. Будучи людьми расчетливыми, они покинули Американо, когда она пришла к власти. Кассабиан был тогда студентом. Еще свежи воспоминания о Йельском университете, Кембридже и РИСКе. Фаррен — сердитый пятидесятилетний академик, бросивший Кембридж и РИСК. Они решили не возвращаться в Американо, пока к власти не придет более либеральный Президент. Они путешествовали несколько лет, переезжая из сектора в сектор, попадая лишь туда, где их принимали.

Фаррен удовлетворял проявившиеся у него мазохистские сексуальные влечения с любой женщиной-садисткой, которая соглашалась лечь с ним в постель. В результате он подцепил где-то проказу. Кассабиан иначе проводил время. Он неустанно плел искусную паутину знакомств и связей. Наконец они вернулись на родину, чтобы стать свидетелями вступления в должность Алисы Кэн. Это произошло десять лет назад, и с тех пор Фаррен не расставался со своим другом.

Болезнь конструктора, казалось, не отталкивала от него Кассабиана, а их недавно завязавшееся знакомство с Конроем Лаббэком очень обнадеживало Фаррена. Сейчас он больше всего хотел бы устроиться в один из престижных колледжей, и возглавить кафедру по новым разделам математики, в которых он считался одним из лучших специалистов. Но ему не предоставляли профессорского кресла. Он упорно ждал, когда его математический гений будет наконец признан, но за это время тело, отягощенное ужасной болезнью, неумолимо превращалось в беспомощный обрубок.

«В этом бесконечном ожидании я сгнию заживо,— думал Фаррен.— Скоро я уже буду не в состоянии держать в руках даже карандаш. Но я докажу вам, уважаемый Конрой Лаббэк, что достоин университетской кафед-

ры. Вот увидите!» За пять лет пребывания за границей в Освоенном Космосе они посетили Корею, Маньчжурию, Китайскую империю, Европу, побывали на многих планетах и познакомились с сотнями людей. Когда в прошлом году на их горизонте появился Лаббэк, они оказались для него очень полезными, сумев перечислить названия, местонахождение и текущие дела практически всех враждебных Американо партий в Освоенном Космосе.

— И все-таки, какие же новости заставили вас срочно прибыть сюда, мистер Ито? — обратился к нему Кассабиан.

— Довольно плохие.

Ито расстегнул куртку и вытащил прикрепленный к груди бумажник, а затем достал из него один из характерных изящных конвертов Конроя Лаббэка. Кассабиан взглянул на ботинки Ито, от которых поднимался пар.

— Кажется, ваша обувь из натуральной кожи, мистер Ито. Не думаю, чтобы она была прочней искусственной.

— Я выбрал эту пару, потому что на Вайоминге запрещены некоторые современные технологии.

— Да, как видите, мы живем здесь очень просто.

— Вы даже не установили никакого современного оборудования?

— Это считается противозаконным.

— А ваши синтетические роботы не в счет?

— Вряд ли кому-нибудь удастся доказать их синтетическое происхождение,— пожал плечами Кассабиан.

Серое лицо Ито окаменело. Он резко повернулся к Кассабиану и пристально посмотрел на него.

— Как вы узнали, что это я стоял за дверью?

— Простите?..

— Я спрашиваю, как вы узнали, что это именно я? Сейчас, вот только что, сквозь закрытую дверь.

Кассабиан взял изящный конверт, осмотрел печати и опустился во второе кресло возле камина, даже не взглянув на курьера.

— Каждый человек имеет свой собственный почерк, мистер Ито. Вы всегда одинаково бесцеремонно обращаетесь с дверными ручками.

Особняк принадлежал семье Кассабианов уже сорок лет, и его владелец упрямо оставался в нем, несмотря на неудобства, связанные с отдаленностью от Либерти. Кассабиан родился здесь и знал каждый угол, скрип половиц и выбоины в ступеньках. Год назад он женился во второй раз и снова на вдове. Урсула была хорошей женой. В качестве приданого он получил от нее двух взрослых сыновей от предыдущего брака и крупный счет в банке. Последнее было очень кстати, так как сам Кассабиан не обладал значительным состоянием, а установление личных связей с иностранцами обходилось очень дорого.

Он распечатал конверт и мгновенно понял, что информация, переданная ему, была первостепенной важности. Еще не дочитав послание до конца, Кассабиан уже осознал, что описанная Лаббэком ситуация может оказаться гибельной для Американо. Он задумался, анализируя известие. «Правда ли все это, и если да, то действительно ли это несчастье? Кому на руку, чтобы я думал именно так? В чьих интересах было представить эту историю как резню? Кто из сторонников Президента может воспользоваться случаем, чтобы усилить свои позиции? Или, возможно, это письмо — всего лишь подлог?»

В камине уютно потрескивали поленья. Вдруг от них отскочил раскаленный уголек и упал прямо на куртку Дзиро Ито. Тот спокойно взял его пальцами и бросил обратно в горящий камин.

— Не ожидал, что здесь настоящий огонь.

— Как я уже говорил, мы живем тут естественно, просто и по закону, как вы только что могли убедиться.

Кассабиан молча размышлял о том, можно ли доверить Ито доставку ответного послания. Он дважды встречался с ним и знал, что курьер решителен, осторожен, физически вынослив. Он обладал всеми необходимыми для своей профессии качествами, был дотошен и исполнителен. Во всяком случае, Лаббэк вполне доверял ему. Послание являлось секретным, и оно могло сильно повредить как карьере государственного секретаря, так и адресата. Но хозяин связного знал, что вручить конверт

Дзиро Ито — все равно, что отдать письмо лично адресату. Ито был к тому же тщеславен, считая себя непревзойденным специалистом в своей профессии, и думал, что никто не умеет лучше него тайно пересекать на грузовых кораблях различные участки сектора. Но, как только что выяснилось, и он иногда ошибался. Тем не менее курьер был преданным слугой и доверенным лицом Лаббэка, а письмо действительно принадлежало перу государственного секретаря.

«Ну а что же сам Лаббэк? — спокойно размышлял Кассабиан.— Есть ли ему смысл лгать? С первого взгляда кажется, что он потерял больше всех. Лаббэк вложил собственные триста тысяч в экспедицию Хавкена и, что гораздо важнее, потратил три года на создание иностранного страхового полиса. Теперь над всеми нависла серьезная угроза, как следует из письма. Правда, государственный секретарь начал использовать мои связи, и, возможно, он уже сейчас чувствует зависимость от меня. С другой стороны, мои экспансионистские взгляды, быть может, кажутся ему слишком радикальными... Так стоит ли мне в этой ситуации доверять Конрою Лаббэку? Следует ли считать, что он верит мне, и можно ли рассматривать его как единственную надежду Американо на избавление от угрозы Ямато? Да, и трижды да! Я не могу поступить иначе. Надо понимать сообщение буквально».

— Ну, что там? — спокойно поинтересовался Фаррен.

— Прочти.

Фаррен надел очки и погрузился в чтение. Через несколько минут он отложил конверт и взглянул на своего друга.

— Стало быть, Джозеф Хавкен мертв...

— Если верить сообщению Сумитомо,— ответил Кассабиан.

— Ясно, что Лаббэк верит ему. И Билли поверит тоже, когда услышит завтрашнее сообщение о том, что его брат мертв, а пять американских кораблей с экипажами на борту уничтожены лазерным оружием. Да, приятный подарочек к рождественским праздникам.

— Я полагаю, что говорить об этом пока что преждевременно.

— А, стало быть, ты не вполне веришь всему этому?

— Я этого не говорил.

— Сколько ты вложил в эту авантюру? — усмехаясь, спросил Фаррен.

— Не очень большую сумму.

— Тогда остерегайся выдавать желаемое за действительное. Ты думаешь, Сумитомо выдумал эту басню?

Кассабиан не ответил. Сумитомо Номура являлся представителем имперского банка Ямато на Либерти. Но источником информации был не он, а Ы То Мэн, кореец, который выехал несколько дней назад из Нейтральной Зоны и находился теперь на пограничной с Американо планете Пуэрто-Рико.

— Мистер Ито, что вы думаете об Ы То Мэне? — спросил Кассабиан.

— Кореец. Думаю, такой же отвратительный лжец, как и любой из них.

— Но он способен добывать информацию, достойную рассмотрения?

— Я хорошо заплатил ему. Думаю, он сказал правду и мне, и секретарю Лаббэку.

— Правду? Но как он ее понимает?..

— Он сказал, что в Ямато очень вдохновились новостями, пришедшими от наместника с планеты Садо. Там не считают это вероломством. Они утверждают, что Золотой флот целым и невредимым отправился в обратный путь, после того как Хавкен пытался уничтожить его внезапной атакой. Ходят слухи, что Ямато собирается ввести эмбарго на торговлю с Американо.

— Ха! — Фаррен ухмыльнулся.— Все слухи в Ямато вырастают за день, как грибы после дождя. Давайте не будем забывать, что если Сумитомо истолковал дело в свою пользу, то он не одинок в этом. Вероятно, то же самое сделали официальные власти Ямато. Почему бы и нет? Главная их цель — подорвать американскую торговлю. Они получат от этого крупные барыши — вот что

для них важнее всего. К тому же, если бы Сумитомо являлся представителем независимой банковской корпорации, ему можно было бы доверять, и то со многими оговорками. Но он находится под прямым контролем правительства Ямато. Так что сейчас, когда император обвиняет Хавкена в пиратстве...

— Если Хавкен мертв, а его флот уничтожен,— перебил рассуждения Фаррена Ито, резко повернувшись в кресле,— то никто уже не будет в состоянии опровергнуть это обвинение. Это очень удобный предлог, чтобы навсегда захлопнуть двери Нейтральной Зоны перед носом американцев. Император уже много лет пытается найти способ удушить нас. Если они закроют Нейтральную Зону для американского транспорта, на Либерти наступят паника и хаос. Многие корпорации разорятся, большая часть производства просто остановится. Ямато при этом не потеряет ничего, кроме конкурента в торговле.

Кассабиан откинулся в кресле назад, скрестив пальцы.

— Не знаю,— проговорил он.— Я предполагаю, что Сумитомо умышленно исказил информацию, чтобы устроить панику на американских биржах.

— Может быть, ему это как раз и удастся,— отозвался Фаррен.— Если бы меня спросили, что нас ожидает, я бы ответил, что впереди у нас такое банкротство, которое мы вряд ли сможем пережить.

Кассабиан отрицательно покачал головой и упрекнул Фаррена за его мазохистский восторг. Между тем подозрение медленно росло в душе Кассабиана. Он попытался подавить возбуждение.

— Ради бога, Тимо! Неужели ты не понимаешь, что сейчас мы балансируем на грани войны?

— Ты говоришь о войне? Это вполне вероятно,— насмешливый голос Фаррена стал почти визгливым.— Конечно! Смертоносные орды барона Харуми ждут удобного момента, чтобы хлынуть на орбиты.

— Да. К сожалению, мистер Ито скорее всего прав. Это именно тот предлог, которого они ждали, а в резуль-

тате — военная аннексия всей Нейтральной Зоны. Далее — насильственное изгнание всех иностранных кораблей. Именно так они поступали в своем секторе пятьдесят лет назад. Почему бы нет? Ямато способен на это.

Фаррен коротко рассмеялся.

— С Хавкеном все о'кей. Я не верю ни одному слову этого спекулянта.

— Почему вы не верите фактам? — мрачно поинтересовался Ито.— Может быть, там действительно разыгралась трагедия. Слова Чжи, кажется, звучали убедительно. Он описал внешний вид и маршрут кораблей Хавкена, назвал имена пленных, находящихся в тюрьме в Ниигате, —именно туда, как будто, поместил их наместник. Расчеты верны. Два месяца и неделя — столько времени занимает путь с планеты Садо, но пакетботы Ямато могут лететь и быстрее.

— Нет! — отрезал Кассабиан.

Он снова погрузился в молчание, потом встал и заходил по комнате. «В какую игру они играют? — спрашивал он себя.— Наибольшая опасность исходит сейчас от банковской корпорации «Сумитомо». Они такие же самураи, как и члены императорского правительства, но гораздо хитрее. Используя рычаги ссуд, представители «Сумитомо» имеют влияние практически во всем Освоенном Космосе. Они просочились в правительства всех секторов. У них есть агенты в каждом порту, шпионы на всех кораблях и слуги в каждом значительном семействе. Со времен Эдикта торговые банкиры вроде Сумитомо и Ясудо сказочно разбогатели, финансируя программу Центральной Власти по созданию земноподобных форм.

Легендарный банк «Сумитомо» мог бы сокрушить любую армию и создать непобедимый флот с любым количеством кораблей. В их власти посадить и поддерживать угодное им марионеточное правительство. Их богатство позволяет им владеть наиболее искусными наемными солдатами, а их взятки могут открыть ворота любой крепости. Именно Сумитомо обеспечил выборы второго Совета Центральной Власти, который проложил

гладкую дорогу для вступления на престол императора Муцухито. Именно Сумитомо является символом и гарантией богатства империи».

Кассабиан снова уселся. Дзиро Ито, гревшийся у огня, чуть шевельнулся.

— Если вы голодны, я попрошу Томаса принести вам кусок тыквенного пирога. У вас впереди длинная дорога. Ито вздохнул, отогнал незаметно наплывавший на него сон и почесал затылок.

— Нет, нет, спасибо. Будет ли какой-нибудь ответ?

Кассабиан приказал Томасу вывести из гаража машину курьера, а затем попросил Фаррена найти ручку и начал медленно диктовать. Перо Тимо Фаррена быстро выводило на бумаге цифры, которые с абсолютной точностью всплывали в его памяти. Письмо проверили, запечатали секретным кодом Кассабиана и вручили Ито через несколько минут.

— Отдайте это Конрою и скажите ему, что он должен использовать шестнадцатый модуль из красного протокола, чтобы вскрыть послание.

Ито поднялся, положил письмо в бумажник, а бумажник — обратно в карман. Когда он вышел, и дверь за ним захлопнулась, Фаррен посмотрел на Кассабиана.

— Теперь, вероятно, ты собираешься разложить пасьянс?

Кассабиан кивнул.

— Конечно. Но все может пойти насмарку из-за одного неосторожного шага,— заметил он.

— Печальные известия распространятся завтра по всей Либерти.

— Именно поэтому мы должны дать указания на биржах. Я хочу, чтобы наши люди пустили слух, будто бы Хавкен тайком приземлился — лучше всего на Делаваре — с очень большим грузом золота. Он собирается распорядиться им до того, как официально прибудет под государственную юрисдикцию Американо. История эта должна ходить наравне с японской версией. Утверждения Сумитомо о том, что корабли Хавкена погибли, следует опровергать.

— Это поддержит оживленную работу на биржах в течение недели или двух,— уточнил Фаррен.

— Затем мы спокойно объявим в Харрисбурге, Норфолке и других портах Либерти, что все военно-грузовые корабли Ямато, находящиеся на нашей территории, должны быть задержаны и вежливо, но тщательно досмотрены.

Фаррена наморщил лицо.

— Ты ожидаешь японский конвой?

— Я думаю, что пять или шесть небольших маневренных кораблей уже покинули Ямато и направляются на Гуам. Это то, чего нам следует ожидать. Ни при каких обстоятельствах этот конвой не должен добраться до места назначения.

— Я не согласен...— попытался возразить Фаррен.

Кассабиан нетерпеливо прервал его, постучав кончиками пальцев по столу.

— Во-первых, у барона Харуми миллион самураев в Нейтральной Зоне. Их содержание стоит денег, и немалых. Конечно, я знаю, что они готовы вылететь бесплатно хоть завтра, если барон их попросит, но им все-таки надо что-то есть. Еда для миллиона самураев обходится в кругленькую сумму. Каким образом Харуми сожмет в железный кулак Нейтральную Зону, если он не сможет прокормить свои отряды?

Фаррен попытался вмешаться, но Кассабиан прервал его резким жестом и продолжал:

— Во-вторых, многочисленные попытки японцев, столь дорого им стоившие, создать в Нейтральной Зоне земные формы жизни не всегда достигали успеха. Три из четырех главных стратегических систем, где размещены люди Харуми,— Ломбок, Гуам и Маршалл-1 — пустынные миры. Там не выращивают рис и не добывают морепродукты. Они сумели развести только несколько съедобных видов. Этого едва хватает тем немногим поселенцам, которые там живут. С другой стороны, четвертая система, Маршалл-1, вся — почти сплошной океан. Несколько клочков земли, а остальное — море с высокой

концентрацией солей тяжелых металлов. Таким образом, никакой натуральной пищи.

— Итак,— произнес Фаррен,— существуют только два способа, которыми они могут добывать пищу: или путем ввоза ее на грузовых кораблях с других планет, что невероятно дорого, или с помощью системы, которой они всегда пользовались.

Кассабиан снова кивнул, поняв, что Фаррен имеет в виду синтез пищи в дуврских установках. «Свежая ветчина, виски и какие-нибудь овощи за несколько секунд из пинты воды и пары пригоршней подходящей горной породы,— подумал он.— Мы привыкли к синтетической пище так, что она кажется нам самой естественной вещью в мире. Но не всегда в породах содержатся необходимые для синтеза вещества. Вы будете обладать рогом изобилия при помощи нажатия одной кнопки только в том случае, если у вас имеется этановое золото, чтобы синтезировать необходимые белки и олеиновые кислоты. Если золота не будет, планы Ямато рухнут».

Кассабиан вновь вернулся к своим рассуждениям:

— В третьих, мы знаем, что император расширил свои фонды в китайских банках за счет золота, которое добывается на Садо. Те же самые банкиры теперь обеспокоены переправкой золота с планеты Садо. Нет гарантии в том, что весь Золотой флот доберется до планет системы Ямато. Но флот уже покинул Садо. Таким образом, наиболее опасная часть пути уже пройдена. Однако для китайских банков риск достаточно велик, чтобы они могли расширить кредиты для лучшего из своих клиентов в размерах той суммы, которую он пожелает назвать. У Муцухито мышление бухгалтера. Я полагаю, что достаточно хорошо знаю его намерения, чтобы предсказать: ему уже сообщили точное количество очищенного этанового золота, необходимого для синтеза пищи отрядам Харуми в ближайшие шесть месяцев.

Фаррен нервно рассмеялся.

— Две тысячи калорий на одного человека в день. Для миллионной армии это астрономическое количество,

может быть, тысяча галлонов катализатора. Для этого необходимо пять кораблей. Их можно ждать на Гуаме в любое время в ближайшие несколько недель.

— Жизненно необходимо, чтобы они были обнаружены и захвачены.

— Значит, ты действительно думаешь, что Хавкен уничтожен?

— Да, может быть...— задумчиво проговорил Кассабиан и вновь погрузился в глубокие размышления. «Мы можем отомстить императору, и он этого вполне заслуживает,— думал он.— Если наши корабли захватят Золотой флот Харуми, возможно, мне удастся убедить Конроя, и он потребует освобождения заложников. В этом случае мы перехватим инициативу и будем удерживать ее в своих руках несколько месяцев».

— Что ты намерен предпринять? — прервал молчание Фаррен.

— Мы должны выработать твердый план, Тимо. Если отряды барона Харуми снабжены продовольствием, то необходимые силы для готовящегося вторжения уже собраны. Его самураи — это страшная сила. Я не сомневаюсь, что если бы они оказались по эту сторону границы, на Орегоне или в какой-нибудь другой планетной системе Калифорнии, они бы в ближайшее воскресенье направились прямиком в Белый дом с обнаженными мечами.

Лицо Фаррена задрожало. Его руки тряслись так, что он выронил карандаш.

— Да, но они еще не пересекли границу. Они сейчас на расстоянии пяти световых лет от Калифорнии, хотя это всего лишь один перелет!

— И только в этом наше спасение.

Кассабиан подошел к окну и дотронулся до поляризатора. Через кристаллическую пластинку он увидел двор и прикрытую капюшоном темную фигуру Ито, который забирался в свою потрепанную машину. Кассабиан отвернулся и направился к двери, из которой появился Фаррен в начале их разговора с курьером. Он

открыл ее и прошел через несколько комнат в небольшой зеркальный зал, где его жена занималась классическим балетом.

— Он ушел,— сказал Кассабиан Урсуле.

Это была стройная прелестная женщина лет сорока. Два часа назад она отпустила учителя танцев, но сама еще продолжала упражнения, доводя их грацию до совершенства. Она театрально повернулась к мужу, на ее лице блестели прозрачные капельки пота.

— Этот человек — воплощение дьявола.

— Возможно, моя дорогая. Но судьба Американо сейчас зависит от таких, как он.

— Я думаю, в этом ее трагедия.

Стены зала были увешаны зеркалами в резных деревянных рамах. Пространство между ними заполняла декоративная позолоченная лепнина. У дальней стены стояло древнее фортепиано, украшенное тяжелыми бронзовыми подсвечниками.

Кассабиан подошел к инструменту и отодвинул его от стены, а затем нажал на кнопку, умело замаскированную в лепнине. Зеркало чуть дрогнуло и бесшумно поднялось на несколько футов, открыв темное пространство между двойными стенами. Это был один из тайников, встроенных в зал во время «крестовых походов» Люсии Хенри. Здесь мать Кассабиана бесстрашно прятала экспансионистов, скрывавшихся от политического преследования.

Внезапный визит Дзиро Ито заставил хозяина особняка воспользоваться старым тайником, чтобы скрыть в нем своего гостя, которого он ни в коем случае не хотел показывать курьеру государственного секретаря. К тому же гость, все это время просидевший в укрытии, не мог слышать ничего из их разговора с Дзиро Ито.

— Все в порядке. Опасность миновала. Можете выходить, Отис.

В черном проеме показалась высокая стройная фигура человека лет тридцати пяти, темноволосого, с длинными ухоженными усами, одетого в простой, но элеган-

тный костюм. Это был Отис Ле Гран. Он прилетел сюда на бристольском самолете, игнорируя запрет. Ле Гран с достоинством поклонился и обаятельно улыбнулся Урсуле.

— Я искренне благодарю вас, мадам, за то, что вы взяли на себя труд сохранить мою анонимность.

Кассабиан жалел, что Ле Гран не принял меры предосторожности. «Как может человек, столь изощренный в политических хитростях и способный по своей воле обезоружить Президента, быть таким легкомысленным и беззаботным?» — промелькнула у него мысль.

Урсула улыбнулась, очарованная манерами Ле Грана.

— Сэр, своим прибытием вы оказали честь нашему дому. Мы обязаны были сделать это для вас.

— Кроме того,— иронически заметил Кассабиан,— еще до конца недели Конрой Лаббэк узнает, что вы посетили наш особняк.

— В самом деле? Каким же образом?

— Вы поступили опрометчиво, прилетев сюда на самолете.

— Неужели вы позволили ему увидеть мой самолет? — спросил изумленный Ле Гран, когда его отвели обратно в комнату, где их ждал Фаррен.

— Я не сомневаюсь, что он заметил его. Курьер Конроя Лаббэка очень наблюдательный человек. Не забывайте, что Дзиро Ито — профессиональный ниндзя. Мне известно, что в его тело вшита ампула с ядом на тот случай, если ему срочно понадобится покончить с собой. Кроме того, в него вживлены особые электроды — что-то наподобие искусственных желез внутренней секреции, которые выбрасывают в кровь синтетические гормоны. Если он попадает в трудное положение, то может мгновенно мобилизовать фантастическую физическую силу одним лишь усилием воли.

— В таком случае это довольно опасный человек,— промолвил Ле Гран.

— Да. Его черное обмундирование служит не только для красоты, как вы понимаете.

— Я знаю, что на Либерти Дзиро Ито называют «вороной». И это не случайно,— сказала Урсула, вытирая капельки пота батистовым платком.

Кассабиан вздохнул.

— Я заметил у него на куртке зеленые пятнышки. Сначала я не придал этому значения, а потом они озадачили меня. Внимательно присмотревшись, я понял, что это мох. Да, именно мох, которым поросли стены нашего особняка от непрерывных дождей. Прежде чем появиться в моем кабинете, Ито все разведал. Он просто не мог не заметить ваш самолет. Можете держать пари, Отис.

Лицо Ле Грана порозовело.

— Вероятно, вам следовало спрятать его получше. Если Лаббэк узнает, что я был здесь, у нас возникнут большие неприятности.

«Да,— подумал Кассабиан,— Конрою ненавистна твоя высокомерная манера держаться. Он завидует твоему богатству, связям, доверию к тебе Президента. Он убежден в твоей ненадежности. Не случайно Лаббэк пытался оживить слухи о том, что ты убил свою жену. Он не оставит тебя в покое, пока ты не последуешь за своими родственниками и не попадешь в настоящую опалу».

— Должен сказать, Отис, у меня больше оснований бояться того, что Лаббэк узнает о нашей встрече.

— В самом деле?

— Вы — один из самых богатых людей в Американо, а деньги в этой ситуации — хорошая защита от Лаббэка. Я же — всего лишь неофициальный советник. Кому из нас следует испытывать больше беспокойства?

— Не знаю. Во всяком случае, мне есть что терять, хотя и вам тоже. Я думаю, если Лаббэк узнает о нашей встрече, мы оба можем оказаться в тюрьме на орбите.

Кассабиан заметил, что тон Ле Грана стал жестким. Это его насторожило.

— Вам, наверное, известно, Отис, о тех чувствах, которые испытывает к вам Конрой Лаббэк. Он убежден, что вы состоите в лиге защитников бывшего Президента.

— В то время как вы, кажется, являетесь его близким другом.— Глаза Ле Грана сузились.— Лаббэк опасен для нас всех. Президент Алиса Кэн находится в опасности, пока этот человек вьется вокруг Белого дома.

— Полагаю, что у вас имеется детально разработанный план защиты Президента.

Ле Гран подозрительно взглянул на Кассабиана.— Что вы имеете ввиду?

— Вы и Хальтон заключили договор о борьбе против Лаббэка.

— Договор?..— растерянно переспросил Ле Гран.

Кассабиан улыбнулся. «Кажется, приближается псишторм. Ну что ж, нужно обезопасить свой корабль»,— подумал он. Отис сильно смутился и не мог скрыть этого:

— Вы говорите загадками, мистер Кассабиан...

«А это из соображений безопасности,— подумал Кассабиан.— Мы оба знаем, что заставило нас встретиться в это смутное время. Прибытие Люсии Хенри из ссылки угрожает тебе не меньше, чем Президенту. Если Алиса Кэн потеряет власть или умрет, что вовсе не исключено, ее место займет Хальтон Хенри, и ты окажешься не у дел. Ты потеряешь все свое могущество и влияние...»

— Отис, если вам нужна моя помощь, давайте поговорим откровенно,— предложил Кассабиан.

Ле Гран взглянул в сторону Фаррена, который отошел в угол и, казалось, забыл обо всем на свете, погрузившись в созерцание голограммы.

— Я не могу говорить об этом сейчас,— он с презрением посмотрел на Фаррена.

Тот развалился в кресле.

— Что знает Кассабиан, соответственно знаю и я. Мы вполне доверяем друг другу,— проговорил Фаррен.

Урсула улыбнулась Ле Грану:

— Вы прибыли обсудить возвращение Люсии Хенри из ссылки, не так ли?

— Да, именно,— поколебавшись, ответил Ле Гран.

— Тогда продолжайте и не беспокойтесь. Кассабиан посвящает нас во все свои дела.

Ле Гран по-прежнему колебался, не зная, как приступить к делу. Люсия Хенри фактически унаследовала власть от своего отца, Стрэтфорда Хенри. Но ее неудачная экономическая политика и отказ от экспансионистских идеалов отца вызвали недовольство и лишили ее популярности. Она вынуждена была уступить президентское кресло Алисе Кэн, чьи проэкспансионистские взгляды были широко известны. Люсия Хенри потеряла поддержку избирателей и вынуждена была уйти в отставку. Но Кэн не добилась бы успеха без помощи брата Люсии, Хальтона.

В благодарность за помощь Алиса Кэн назначила его вице-президентом. Всем были ясны личные мотивы Хальтона — его стремление к власти, мучительное желание обыграть старшую сестру, преступив семейные традиции. Он совершил подлость. Хальтон купил себе второе по значению место на Либерти, продав президентский пост собственной сестры Алисе Кэн. Люсия покинула Либерти и удалилась в свои обширные поместья на Неваде. Но сейчас она возвратилась, и похоже было, что на этот раз Хальтона и его сестру что-то объединяло.

«Трудно предсказать, чем все это закончится,— размышлял Кассабиан,— но как бы то ни было, Алису Кэн необходимо защитить. Если она провалится, вся игра завершится сокрушительным поражением. Экспансионизм рухнет, и к власти придут изоляционисты. Нейтральная Зона целиком отойдет во владения Ямато. А если это произойдет, сектор Американо погиб. Он будет расчленен и сольется в ближайшие десять лет со Сферой Процветания Ямато.

— Я слышал, что Президент чувствует себя несколько стесненно,— сказал Кассабиан.

Ле Гран наконец собрался с духом:

— Я приехал сюда для того, чтобы обсудить с вами, каким образом отвести опасность от Алисы Кэн. Для

этого Люсию Хенри необходимо выслать с Либерти. Я хочу обвинить Хальтона в государственной измене. Но мне необходимо знать, на чью поддержку я могу рассчитывать до того, как начну действовать.

Кассабиан знал, что Президент мало поддается влиянию извне. Лишь точно рассчитанные манипуляции с банковским капиталом могли поколебать ее курс.

— Алиса Кэн не захочет арестовать и выслать Люсию Хенри. Зачем ей это делать, если Люсия уже лишена президентского кресла? — спокойно возразил Кассабиан.

— Но Люсия угрожает безопасности Президента. В этом нет никаких сомнений. В Калифорнийской системе существует множество изоляционистов, которые считают Алису сатаной, а Люсию — настоящей защитницей Американо. Половина изоляционистов хочет, чтобы Алиса Кэн потакала Ямато, остальные желают, ни много ни мало, возвращения Люсии Хенри обратно в Белый дом. Алиса должна действовать.

— Извините, Отис, но я думаю, что она не будет играть в эту игру.

— Если она хочет убедиться в намерениях Люсии Хенри, ей не надо далеко ходить — достаточно просмотреть последние речи Люсии. Из них недвусмысленно следует, что она не оставила надежды вернуться в Белый дом. Большинство сторонников Алисы считают ее опасной. Какие еще нужны доказательства?

— Не забывайте, Отис, что вице-президентом Либерти является Хальтон Хенри, и всего лишь шаг отделяет его от президентского кресла. Если, не дай Бог, с Алисой Кэн что-нибудь случится, он немедленно займет ее место. Будет ли Люсия помогать Хальтону после того, как он ее предал? К тому же Алиса ничего не предпримет против Люсии по той причине, что Ямато видит в Люсии своего союзника. Пока у нее остается перспектива вернуть себе президентское кресло, Ямато может не спешить. Он знает, что с победой Люсии он также выигрывает. Но как только она окажется сломлена, Ямато отбросит свои планы

захватить Американо при помощи кукольного спектакля — он захватит его силой.

Пока Ле Гран выслушивал все это, Кассабиан пытался бесстрастно проанализировать причину нараставшей в нем тревоги. «Почему Ле Гран позволил ему, а значит и Лаббэку, узнать о своих намерениях? Что заставило его раскрыться? Причина, по которой он пришел обсудить свои планы объявления недоверия вице-президенту, была совершенно непонятна. Вероятно, он думает, что я донесу о нашей беседе Лаббэку и спровоцирую его таким образом на нападение. Не секрет, что Ле Гран ненавидит Конроя, но хватит ли у него наглости идти против Президента? Ведь он просто ее комнатная собачка. Весь его престиж зависит только от нее, и как только ее сместят, его разорвут на куски».

Кассабиан почувствовал, как ладони его повлажнели. Через несколько секунд разрозненные детали сложились в цельную картину. Растущая угроза войны с Ямато, конфликт в Нейтральной Зоне, прибытие опальной Люсии Хенри и, наконец, бессовестное вранье Ле Грана. Мощный интеллект Кассабиана сработал очень четко — все это приобрело ясный и угрожающий смысл.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Место действия: между Науру и Пальмирой. Нейтральная Зона

— Капитан, говорят, что космические киты чувствуют препятствия.

Слова рулевого оторвали Эллиса Стрейкера от размышлений о судьбе экспедиции. Он не спал уже двадцать четыре часа. Несмотря на усталость и голод, Эллис хотел проследить, как «Ричард М.» минует трудный участок.

Часы, проведенные на капитанском мостике, заставили его наконец принять решение, но тяжелое предчувствие, связанное с орбитой Пальмиры-Альфа-3, все еще не покидало Стрейкера.

— В чем дело, Брофи? Перенервничал?

— Нет, только пытаюсь помочь, сэр.

— Спасибо. Лучше позаботься о своих прямых обязанностях и предоставь управление кораблем мне.

— Слушаюсь, сэр.

Экипаж был в ужасном состоянии. Люди превратились в скелеты с изможденными, серыми лицами. Многие из тех, кому удалось улететь с Садо, уже умерли. Остальные голодали или заразились той же лихорадкой, что сразила командора. Появление инфекционного заболевания ужасало их всех.

В самом Американо эпидемии были изжиты, и за последние триста лет их просто не случалось. Лишенные медикаментов, люди оказались бессильны против внезапно обрушившейся на них болезни. Эпидемию принесли корабельные крысы.

Эллис собрался с духом и посмотрел на экраны у капитанского мостика. Вдалеке светилось смутное голубое пятнышко звезды, к которой они направлялись. Последняя планета на их пути осталась далеко позади. Индекс вероятности был очень низок. Он позволял им спокойно двигаться под острым углом, но за это приходилось расплачиваться низкой начальной скоростью. Они вынуждены были включить двигатели, чтобы достичь необходимой скорости, только так можно было добраться до Пальмиры-Альфа-3 за один перелет.

С постоянным ускорением в сто единиц индекс небесного эквивалента поднимается до 0,9 за три дня и шесть часов. При таком ускорении приборы должны были работать на полную мощность. Без этого они все превратились бы в фольгу и невидимой пылью рассеялись по Вселенной. Оба стабилизатора были заражены вирусами и значительно потяжелели. Эллис глубоко вздохнул и почувствовал, что от усталости все перед его глазами начинает расплываться.

Последние три дня на экранах постоянно маячило стадо космических китов. Они представляли собой трубовидные сгустки живой материи длиной в милю. Киты путешествовали по системе звезд, сметая на своем пути обломки астероидов и засасывая их в пасти мощными магнитными полями. Ели они понемногу, но часто, превращая пожираемое вещество в живую плоть. Все время увеличиваясь в размере, киты передвигались, как кометы, по большим орбитам. Периодически они направлялись к родной звезде, чтобы почувствовать тепло лета и, вероятно, для продолжения рода. Киты были изобретены биоинженерами. Они имели нестареющий мозг и были бессмертными, грозными на вид и невероятно спокойными животными. Киты могли общаться и очень точно корректировать свою траекторию, выпуская потоки газа. Они служили хорошими помощниками для операторов на орбитальных кораблях, очищая пространство от опасных обломков. Некоторых китов обнаруживали на гиперболических орбитах в тысячах парсеков от родных звезд.

Они были обречены на вечные скитания в межзвездном пространстве.

— Я слышал, что это изобретение ученого-путешественника Колкинса,— вполголоса сказал Брофи Боуэну, видя, что Эллис как будто задремал.— Говорят, он всю жизнь путешествовал по Освоенному Космосу в одноместном корабле, оставляя зародыши в каждой системе, которую посещал. Невероятно! Такая громадина может вырасти из булочки с сосиской...

— Брофи, заткнись наконец и перестань говорить о еде,— отозвался Боуэн.

Его грубоватый юмор и оптимизм поднимали настроение у всех присутствующих на капитанском мостике. У поста возле мониторов двое дежурных с завистью наблюдали за резвящимися впереди китами. Их вечное блаженство, казалось, было вызвано полной свободой.

— Неужели ты не понимаешь? Если мы поймаем хотя бы одного из них, то наверняка спасемся от голода!

— Я никогда не слышал ничего подобного, Ланк.

— Это не значит, что их нельзя есть! Ты только подумай: сочное мясо космического кита! Полные тарелки с подливкой, соусом и разными гарнирами!

— Заткнись, Ланк, а не то я сверну тебе шею!

— О, господи! Ты только посмотри, как они удирают...

Все киты одновременно выпустили потоки газа и стадо удивительно слаженно изменило курс.

— Они удрали чертовски далеко, словно прочли твои мысли. Эх ты, простофиля!

— Вот это жизнь! Летай себе в космосе и ни о чем не думай. В голосе Ланка послышались нотки сожаления.— По-моему, мы были совсем близко от них.

Наступила пауза.

— Мне не нравится, что они так резко изменили курс,— прервал молчание Брофи.— Это может быть признаком надвигающегося пси-шторма на Пальмире-Альфа-3.

— Чтобы лучше всего определить надвигающийся пси-шторм, достаточно взглянуть на лицо астронавта,— пробормотал Боуэн.

— Держите свои мысли при себе и не заставляйте меня их выслушивать, Боуэн! — прервал его Эллис.

— Слушаюсь, капитан.— Брови его поднялись, и он еле слышно пробормотал: — Кажется, я был прав.

— Общий приказ по кораблю: приготовиться к перелету! — раздалась команда Стрейкера.— Тревога номер один. Брофи, встаньте рядом для координации.

— Есть...— прозвучал невнятный ответ Брофи: его рот гноился от черных ранок.

Никто из них не ел вот уже много дней. Но они продолжали делать свое дело. Эллис знал, что еще один пси-шторм означает для них гибель. В то же время нельзя было допустить падения индекса, иначе они умрут от голода. У него вошло в привычку никогда не лгать себе ни при каких обстоятельствах, и он вынужден был признать, что они не доберутся до американского сектора напрямик.

Вот почему он приказал изменить курс. Все подпорки и крепления на корабле были прочно соединены, и Эллис видел, что распределение тяжести скорректировано. Наступил час перелета.

Стрейкер передал управление рулевому, спустился вниз, туда, где находился центр тяжести, и заперся в «каюте астронавта». Он должен был подготовиться к тяжелому испытанию. Эллис расслабился и позволил себе поразмыслить на самые навязчивые темы, прежде чем выбросить все из головы на время перелета.

После Садо запасы пищи быстро истощились. Съедено было все подчистую. Наконец невыносимый голод привел людей в трюмы и заставил охотиться на крыс. Японцы называли такое извращение «но». Если с крысы содрать кожу, отрезать голову и хвост и выварить в наперченной воде, она по вкусу напоминает цыпленка. Но голодающим астронавтам крысы казались слишком костлявыми и жилистыми, им недоставало мяса.

— Американцы обладают достаточно сильным желудком, чтобы переварить и подкову,— говорил тогда Хавкен Эллису.— Голод не тетка...

Они наблюдали, как на камбузе старший кок показывал младшему способ превращения жалких остатков этанового золота, лежащего на куске бумаги, в пищу при помощи дуврских машин. Затем он объяснил ему, как извлечь вещество, по вкусу напоминающее грибы, из органических тканей — шелка, хлопка и шерсти. Когда Эллис вспомнил эту сценку, в его памяти зазвучала песенка мичмана Вандера:

Когда я деньги получу,
То целый день я прокучу!
С утра поем, как конгрессмен,
Осилю ланч борца,
Потом — порядочный обед
С бутылочкой винца.
Пыхтеть я буду и сопеть,
Чтоб это все запить. И пусть
В Линкольне, славном городке,
Я, как свинья, упьюсь!

Мичман Вандер умер неделю назад. Струны гитары продолжали жалобно звенеть. Перед смертью он завещал друзьям напиться за его счет.

Эллис благодарил природу за свое телосложение. За время их торговой экспедиции он стал еще более подтянутым и мускулистым. До столкновения на Садо он каждое утро делал зарядку, и теперь это здорово поддерживало его. На своем корабле он всегда стремился делать все сам, даже самую тяжелую работу. Хавкен считал, что офицеру не пристало так себя вести.

— Соблюдай дистанцию с подчиненными, Эллис,— наказывал ему командор.— Дай им шанс показать тебе, на что они способны. Если будешь все время метаться, как сейчас, экипаж в конце концов осудит тебя за это.

На «Дуайте Д.» Эллис последовал его совету. Он настроил службу на корабле, словно гитару мичмана, и корабль стал надежным и удачливым. Быть капитаном означало не только носить удобный костюм, но и ощущать ответственность за все происходящее на борту, постоянно помнить о прошлых ошибках.

Первые полеты вместе с американской торговой компанией по всему сектору, вплоть до Виргинии, стали для него настоящим испытанием. Позже, когда Стрейкеру доверили межсекторный корабль, этот первый опыт очень пригодился Стрейкеру. Но не обошлось без ошибок и тяжелых потерь. Сейчас он вспомнил, как в одной из экспедиций глупо потерял члена экипажа в воздушной пробке. Эллис запомнил этот эпизод на всю жизнь — выжег в памяти, словно клеймо на преступнике. Он ничем тогда не мог помочь погибшему, но до сих пор не переставал винить себя.

Стрейкер вспомнил и тот день, много лет назад, когда он заснул на посту. Это был необычный для него случай — неожиданный и потому запомнившийся. Айртон Родриго залепил ему пощечину и обругал. То, что он сказал потом, Эллис запомнил на всю жизнь:

— Не позволяй себе скучать. Хороший офицер на корабле никогда не скучает. А если он заскучал, значит, задумался не о том, о чем должен думать капитан.

Стрейкеру было тогда всего лишь семнадцать лет. «Как много воды утекло с тех пор»,— подумал он.

Эллис вспомнил свой погибший «Томас Дж.». Это был большой корабль, там всегда находилось дело для человека, ищущего себе занятие. На нем было четыре палубы — расположенные одна над другой во вместительном носовом отсеке. Эллис знал каждый дюйм на своем корабле. «Томас Дж.» попадал во многие переделки. Это был один из тех американских кораблей, которые отбивались от атаки китайцев в системе Аляски, когда «Теодор Рузвельт» перевернулся в космосе и раскололся на части. «Томас Дж.» и «Лу Маккензи» пытались спасти его, но это оказалось им не под силу, и «Теодор Рузвельт» погиб.

Стрейкер долго учился, старательно набираясь опыта в каждой экспедиции. Наконец он понял, что знает все необходимое, чтобы стать настоящим капитаном. Но только когда он надел шлем погибшего Айртона Родриго и поднялся на борт «Дуайта Д.», он понял, что для

командования кораблем нужно обладать еще чем-то, кроме знания. У него случалось много поводов вспомнить те уроки, которые преподал ему замечательный астронавт, и Эллис знал, что очень многое зависит от него самого.

Стрейкер повернулся в кресле и взглянул на экран, где постоянно мелькали данные полета. Глядя на них, он вспомнил о Хавкене. Оставалось еще полчаса до следующей инъекции, которую необходимо было сделать командору. Болезнь Хавкена затягивалась, и силы его были на исходе. Он не мог вставать. Хотя лихорадка спала, командор оставался еще очень слаб и весь покрыт язвами. Эллис знал, что за следующие несколько дней у Хавкена либо прибавится сил, либо болезнь окончательно поборет его. Возможно, командор именно этого и хотел. Он был на пределе и потерял последнюю надежду, а именно это зачастую приводит к смерти. «Мы должны вернуться домой»,— спокойно подумал Эллис.

С тех пор как они покинули орбиту Садо и «Ричард М.» миновал последние опасные участки пси-эффектов, погрузившись в спокойный космос, Стрейкер постоянно пытался выбросить из головы чувство голода и занимался мелкой работой на корабле. Сосредоточенность была сильным оружием против лишений, и только тот, кто владел собой, мог надеяться владеть и межпланетным кораблем.

Хотя Эллис ел не больше любого другого члена экипажа «Ричарда М.», он оставался бодрым, потому что экономно расходовал силы. Глубокий сон сохранял энергию, к тому же Эллис строго ограничивал свой рацион и отказался от омерзительной падали, которой питались некоторые из членов экипажа. Стрейкеру необходимо было доказать себе, что он может быть их капитаном.

— ...Шесть-ноль, шесть десятых, девять-пять-семь, зеленый, пять минут до перелета...

Голос Брофи резко повторил: — шесть-ноль, шесть десятых, девять-пять-семь, зеленый, сэр.

— Притормозить!

— Есть, сэр.

Рулевой из последних сил повиновался. Координаты и угол атаки корабля резко изменились. Эллис почувствовал, как пси-волна пробежала по его спине. Стрелки приборов плясали как сумасшедшие. Эллис максимально сконцентрировал волю, но пол как будто уходил из-под его ног, перед глазами все поплыло, и он почувствовал, что не может найти дверь. Его не оставляло чувство голода, и он вынужден был повысить уровень кислорода в отсеке. Стрейкер надавил на педаль у своих ног, чтобы обогатить воздушную смесь.

— Руль в сторону!

Эллис почувствовал, как курс «Ричарда М.» изменился еще больше. Твердый голос Брофи перекрыл звон в ушах Стрейкера:

— Четыре-два, четыре-два. Скорость растет. Приготовиться к перелету!

Носовые двигатели корабля были слабее двигателей в центре тяжести. Вскоре стрелки индикаторов поползли от нулевой отметки. Астронавты почувствовали, что давление увеличилось, затем корабль пошел нормально, и они сделали вторую корректировку курса. Нарастал глухой шум. Было смертельно холодно. «Плохо дело»,— размышлял Эллис. Корабль идет на одной десятой, подсказывала логика, когда он смотрел на дисплей индикатора, расцветший великолепным изображением. Мысли не давали покоя, мобилизуя все новые резервы. Теперь он видел, что допустил несколько ошибок. Это угрожало провалить весь перелет, если он не соберется и не сконцентрирует внимание. «Проклятье! Корабль уже на трех десятых и волочит брюхо, как будто полон свинца...» — Эллис посмотрел на колебания большого индикатора: корабль трясло в космических вихрях.

— Стоп машина!

Брофи передал приказ Эллиса команде на капитанском мостике и остановил корабль. Но Стрейкер все еще был не удовлетворен. В лучшие времена «Ричард М.» мог дать задний ход и снять увеличение гравитации на корме, потому что силы прилива и отлива, идущие от

звезды, перевели бы корпус как раз в оптимальное положение. Между тем индекс неумолимо падал. Тяжелые белые волны голограммы наплывали с экрана, захлестывая комнату, словно протоплазма. Эллис сильно забеспокоился. Он покрылся холодным потом и стиснул зубы. Когда он интуитивно почувствовал направление траектории корабля, желваки его заиграли. Скорость стремительно снижалась. Через несколько минут заработали двигатели, и Эллис услышал голос Брофи, доносившийся откуда-то издалека:

— Десять секунд! Удачи!

В этот ответственный момент, находясь в самом чреве корабля, Эллис мобилизовал всю свою волю, необходимую для пробуждения пси-энергии. Он почувствовал, как она поднимается по его телу и охватывает мозг. Все параметры корабля стали осязаемы, он и корабль превратились как бы в единое целое. Эллис осознал, что компьютер методично обследует корпус, пытаясь вычислить конечный курс, согласно которому Стрейкер должен командовать отбой. Логика компьютера, работавшего в академическом стиле, не годилась для критической ситуации. Орбита была плохой, но и состояние корабля — не лучше. Кровь закапала из ноздрей Эллиса. Он закричал. Затем все погрузились в темноту.

Стрейкер очнулся, когда перелет уже почти закончился. Его тело было покрыто холодным потом, и он чувствовал огромную усталость. Замедлители работали на полную мощность, но ускорение достигало отметки ста единиц даже при хорошем действии стабилизаторов. «Главное — не превратиться в пыль»,— промелькнула у него мысль.

Эллис приказал Боуэну помочь рулевому и умылся как сумел остатками воды. Затем направился на корму, в кабину Хавкена. Глаза командора были желтыми, на лице разлилась зловещая бледность.

— Где мы, Эллис?

— В Корее.

— Какая система? Сколько до нее?

Стрейкер глубоко вздохнул и наклонился над терминалом, едва удерживая равновесие.

— Шесть или семь астрономических единиц — достаточно, чтобы найти хорошую орбиту.

Хавкен с трудом сел.

— Нет... Ты не должен вести мой корабль на Сеул... Корейцы...

— Не на Сеул, а на Чеджудо.

— Чеджудо? — голос Хавкена чуть оживился, в то время как сам он находился в полуобморочном состоянии.

— Индекс против нас на всем пути от Садо. Мы не можем прямиком лететь домой.

Область Чеджудо находилась в той части системы корейского квадрата, на которую претендовал Ямато несколько лет назад. Здесь были две населенные планеты: сама Чеджу и Мокпхо, где находилась совершенно изолированная религиозная колония Солнечной Луны Мун. Иногда американские торговцы останавливались на Чеджу. Корабли вроде «Ричарда М.» делали там мелкий ремонт. Только здесь они могли получить помощь.

— Ты знаешь, какой сегодня день? — спросил Эллис Хавкена.

Тот с трудом откинулся назад.

— Нет.

— Рождество.

— Рождество?

— Да,— ответил Эллис мрачно.— С Новым годом, командор!

Стрейкер спустился вниз к рабочему отсеку корабля и снова поручил черную будничную работу Инграму и Бонетти, которые были заняты стабилизаторами. Но Инграм обратился к нему вместе с пятью другими членами экипажа и доложил, что за прошедший день в стабилизаторах обнаружились новые неисправности.

— Мы боремся и проигрываем, все из-за этого дерьмового корабля! — злобно проговорил Инграм.

Эллис уловил страх в его голосе и прочитал на лицах астронавтов немой вопрос. «Что вы собираетесь делать, капитан?» — казалось, хотели они спросить. Если бы произнесли это вслух, он не нашелся бы сразу с ответом. Стрейкер спустился вниз и осмотрел оборудование, окружавшее главные модули. Он знал, что при растущем ускорении все сложнее и сложнее ликвидировать неисправности.

Как и Хавкена, многих членов экипажа свалила лихорадка. Каждый день из кожаного гамака вытаскивали мраморно-серый труп и относили к спусковому желобу. В редкие дни не было ни одного трупа, в другие же умирало по три-четыре человека. В течение последней недели, когда уровень кислорода заметно снизился, погибло столько, что трудно было сосчитать. В живых осталось около тридцати человек. Они ослабели от голода, их внутренности опорожнялись быстрее, чем в них поступала вода. Половина уцелевших была близка к сумасшествию. Они не работали и не спали, а голодали и чахли, тупо уставившись в одну точку. Существовал только один способ бороться с психозом — дисциплина, хотя и в этом случае шансы на выживание были весьма призрачные.

В этой безвыходной ситуации Эллис вдруг услышал мягкий знакомый голос, доносившийся из небытия. «Заботься прежде всего о своем экипаже. Будь добр к людям»,— спустя годы слышались наставления его первого пси-учителя Айртона Родриго. Эллис смотрел на своих людей — с ввалившимися глазами, голодных, требующих его объяснений. «Относись к ним с уважением. Не приказывай того, чего не хотел делать сам, когда был рядовым. Борись за жизнь даже самых паршивых из них, потому что они — единственное, что отделяет тебя от могилы».

— Эта скверная течь произошла из-за интенсивной работы двигателя на орбите,— сказал Эллис собравшимся вокруг него астронавтам.— Но стабилизатор продержится, пока мы не достигнем Чеджу.

Голос его звучал искренне, но делегация осталась на месте.

— Где мы сейчас находимся, капитан? Нам необходимо знать, потому что мы теряем этот стабилизатор,— наконец задал волнующий астронавтов вопрос Инграм.

— Корабль не протянет и дня. Чеджу слишком далеко отсюда! — в отчаянии выкрикнул Бенетти.

— Протянет. Я вам обещаю,— попытался успокоить их Эллис. Стрейкер солгал, но в этой ситуации он был вынужден скрыть правду.

— Как это?! Стабилизатор протянет потому, что вы так сказали, или потому, что вам так кажется? — взорвался Инграм.

— Послушайте меня...

— Нет! Это вы послушайте, капитан!

Эллис с трудом сдержал раздражение.

— Позаботьтесь лучше о ваших непосредственных обязанностях, Инграм. Мы должны продолжать полет. Хотя бы в течение недели.

— Недели?..

— Да. Чеджу находится в нескольких астрономических единицах от следующей орбиты.

— Но мы можем приземлиться на Мокпхо! С нашим индексом мы достигнем ее уже завтра!

Голос Эллиса перешел в рычание:

— Не вы управляете «Ричардом М.», Инграм!

— Этот долбаный корабль развалится к чертовой матери не позже чем через сутки, точно! Он заразился компьютерным вирусом еще до того, как мы приземлились на Садо! Давайте сядем на Мокпхо, капитан... Это самое лучшее,— умолял с выпученными от напряжения глазами Бонетти.

— Он прав, капитан! Да! Или это, или — смерть!

— Хорошо, капитан? — спросил Инграм.

Эллис вспыхнул от гнева. Несколько дней назад он понял, что стабилизаторы на «Ричарде М.» находятся в критическом состоянии. Можно было лишь подлатать их, но не более. Стрейкер сознавал, что сейчас необходи-

мо заставить компанию Инграма поверить в то, что стабилизаторы продержатся и что они еще смогут дотянуть до дома. «Я заставлю их верить! — клялся он себе.— Я заставлю их довести эту бочку с дерьмом до Либерти, несмотря ни на что!»

— Вы хотите на Мокпхо, да?

— Конечно! Все хотим!

— Значит, вы хотите провести остаток жизни на каторге, вкалывал как безмозглые скоты?

Упоминание о религиозном рабстве, в котором заключенные сходили с ума от непосильной работы, смутило их.

— Вспомните корейский корабль, с которым мы повстречались на Бунгуране!

Инграм решил сменить тактику.

— О, Господи! Капитан, но даже это все-таки лучше, чем голод! Я устал от мучений.

— Я вижу, тебя беспокоит вовсе не стабилизатор, Инграм! Ты просто хотел сбежать! Но то, что ждет тебя на Мокпхо, в тысячу раз хуже голода на корабле. Ты хочешь отправиться туда? Они маньяки. Прежде чем убить нас, они выжгут мозг, заберут душу и вытянут остатки сил — вот что ждет нас на этой планете! А теперь отправляйтесь назад к стабилизаторам!

— Не смей мне приказывать! Ты, су...— Инграм резко шагнул вперед, но Эллис схватил его и отшвырнул прочь. Он повернулся к остальным астронавтам.

— Мы все находимся на одном корабле. Моя жизнь в такой же опасности, как и ваши. Еще раз повторяю: стабилизаторы достаточно крепки, чтобы дотянуть до дома. Если кто-нибудь еще желает обсудить это со мной, я готов.

Бонетти повалился на колени, молитвенно сложив ладони, и поднял на капитана искаженное страданием лицо.

— Пожалуйста... Приземлимся... Я больше не могу,— хрипло молил он Эллиса.

Стрейкер с трудом поднял Бонетти и поставил его на ноги. Силы обоих были уже на исходе. Эллис заставил Бонетти посмотреть ему в лицо.

— А теперь отправляйтесь к стабилизаторам!

Бонетти чуть покачнулся, что-то бессвязно бормоча. Эллис увидел в его глазах безумный блеск. В этот момент Бонетти захохотал и бросился на капитана, пытаясь вцепиться ему в горло. Неистовый, нечеловеческий взрыв энергии обезумевшего астронавта привел Эллиса в замешательство. Но порыв быстро угас. Тело Бонетти внезапно обмякло, руки безвольно опустились. Нервно хихикая, он повернулся и направился к внешнему люку. Прежде чем кто-либо успел ему помешать, Бонетти открыл люк, нырнул в шлюзовую камеру и повернул кран. Астронавты отпрянули. Они уже ничем не могли помочь несчастному и с ужасом наблюдали, как тело их товарища уносится в чистый вакуум. Одна из женщин, находившихся рядом, с перекошенным лицом подошла к Стрейкеру.

— Вы получили то, чего добивались, капитан!

— Разойтись по постам! Быстро!

Они повернулись, и Инграм молча увел их прочь, весь дрожа от гнева. Эллис понял, что ни этому человеку, ни кому-либо другому доверять уже нельзя. Но «Ричард М.» должен приземлиться на Чеджу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Место действия: Садо

— Что они с нами сделают, Стрелок?

— Мы погибаем...

— Сто тридцать дней в этой вонючей дыре!

Четыре бледных лица выглядывали из-за решетки тюремного окна. Арестанты каждый раз пытались узнать какие-нибудь обнадеживающие новости от Дюваля с тех пор, как его стали водить на допросы. Прошло уже два месяца, как от них впервые забрали Стрелка. Они по-прежнему находились в Ниигате, а даймё все еще не уехал в Канадзаву, столицу материка. Страх смерти витал над ними, пока наконец они не начали молить о казни как о милости, избавлении от невыносимого страданий. С каждым днем их крики становились все слабее и жалобнее. Тюремщик, смеясь над арестантами, ударил палкой по решетке и низко поклонился офицеру, проходившему мимо, заставив Дюваля сделать то же самое.

Стрейкер поддерживал пленных как мог. Он говорил им, что американцы будто бы приземлились на севере континента и с каждым днем подступают к Ниигате. Но постепенно заключенные поняли, что Дюваль выдумал это. Они лишились последней надежды и совсем пали духом.

— Эй, Стрелок! Что они хотят с тобой сделать?

— Не знаю,— ответил Дюваль, но тут тюремщик подогнал его палкой.

— Сугу! — подал команду всадник, следовавший за ним.

Этот человек появился вскоре после того, как поймали Дюваля. С тех пор Стрейкер видел его дважды. И оба раза он отметил жестокость японца. Ясно, что тот командовал солдатами, потому что при его появлении солдаты становились напряженными и безжалостными. Дюваль открыто посмотрел на тюремное окно.

— Говорят, наместник завтра уезжа...

— Сугу!

Сильный удар обрушился на спину Стрейкера, и он зашатался. Было опасно игнорировать приказы молодого офицера. Он носил щеголеватое серое кимоно, вся амуниция была тщательно приведена в порядок, включая подошвы ботинок.

— Надменный ублюдок,— пробормотал Дюваль.— Ты обращаешься с нами как с собаками, чтобы заслужить одобрение наместника. Я не забуду ни одного удара. Придет время, и ты заплатишь за все. У меня хватит сил, потому что правда на моей стороне. Я обещаю, что когда-нибудь разыщу тебя, и тогда твоя жизнь не будет стоить и цента!

Стрейкер погрузился в мрачные раздумья. Город был спокоен. Он постепенно опустел за последний месяц, но сегодня казался особенно безлюдным. Дюваль знал, что во время сражения торговые биржи понесли значительный урон. Из-за этого цены в Ниигате непомерно возросли. Благодаря своим ежедневным «экскурсиям» по городу в сопровождении конвоя он понял, что торговля находится в кризисе. Несмотря на оживленное заключение сделок, продавцов было немного. Они сидели возле своих товаров и советовали возмущенным покупателям съездить на Палаван, Дзивадзиму или в Корею за более дешевыми вещами.

У бухты шла оживленная торговля рабами. Монахи приходили за бумагой и шерстью, расплачиваясь золотыми квадратными монетами, завернутыми в шелк. Солдаты покупали мечи и лазерное оружие новейших марок, привезенное на кораблях. Продавалось много шелка: из Ямато, с Филиппин и привезенного на маленьком судне

с Санаду, где были лучшие шелковичные питомники в Освоенном Космосе. Все это обменивалось на изотопы серебра и платины со слабой радиоактивностью наравне со слитками местного золота. Благородные металлы непрерывным потоком шли в Ямато, минуя таможни благодаря невероятным ухищрениям купцов. Им удавалось скрывать свои барыши от солдат императора, которые могли конфисковать их или обложить высокой пошлиной.

Каждое утро в течение последних двенадцати недель Дюваля брали под стражу и отвозили на самолете в один из пригородов Ниигаты, где был расположен комплекс оборонительных заводов Хасэгавы. Там его помещали в маленькую комнатку с тщательно подобранными учебниками, которые он усердно штудировал. Он быстро освоил технические термины на японском, и уже вскоре чтение перестало утомлять его.

Во время перерыва ему позволялось сидеть вместе с другими инженерами. Дюваль наблюдал и слушал, а в последние дни начал принимать участие в разговорах. До этого он держался в стороне от людей, которые конструировали лазерное оружие для недавно аннексированной Сферы Процветания. Главные центры Хасэгавы находились в Тибе, около Канадзавы, но в Ниигате имелись небольшие установки, которые обслуживали порт и проходящие через него корабли. Очень скоро Стрелок смог подтвердить свое заявление о том, что является крупным специалистом по оружию. Инженеры Хасэгавы негодовали на нового даймё за вмешательство в их работу и не желали пускать гайдзина в мастерские. Это шло вразрез с принципом военной коммерции, которая была направлена против Американо и даже против его предшественницы на Земле со времен Сойя. Но Нисима являлся даймё, и его слово было законом.

На первых порах Дюваль столкнулся с типично японской замкнутостью. Но позже он постепенно начал завоевывать их уважение и даже уважение Ватару Хосино — старика, который запирал его на цепи в хлеву и прино-

сил ему каждый вечер сырую рыбу и рис. Хосино многое рассказывал Дювалю о Садо, о торговых баржах йа, о системе хан — распределении роскошных землевладений между людьми. Понемногу Стрейкер начал понимать, каким фантастическим достижением являлось освоение гигантского континента и контроль над его климатом.

Он ничего не мог с собой поделать, но испытывал все большее и большее уважение к своим захватчикам. Очень часто, когда Дюваль смотрел в ночное небо на сияющие звезды, которые выплывали с востока, со стороны моря, и уплывали на запад, прячась в горах, он размышлял о том, как далек Американо и каким удивительным и действительно необычным оказалось это место. «Неважно, куда ты направляешься в Космосе,— везде одни и те же звезды». Эта японская мудрость, которую он недавно услышал, успокаивала его, когда он глядел в ночное небо.

В этот день солдаты, как обычно, прикрепили его цепи к дверному кольцу в конюшне и оставили одного. До появления Хосино с едой Дюваль, как правило, заполнял время воспоминаниями о доме. Но сегодня, наблюдая за Кровавой Луной, нависшей над горизонтом, он задумался о своей судьбе. После допроса у даймё его приковали на цепи в конюшне. Пробудившись ночью от кошмарного сна, Дюваль обнаружил на груди и шее кучу жирных клещей. Их упругие, наполненные кровью брюшки блестели в лунном свете и напоминали гроздья черного винограда. Он в ужасе стал срывать их с себя, с отвращением наблюдая, как они лопаются.

Дюваль не мог уснуть до рассвета. Утром его разбудили мягкие лучи солнца, заглянувшего в крошечное окошко на конюшне. Травяная подстилка, на которую падали яркие блики, превратилась в сказочный золотой ковер. В этот момент Дюваль понял, что какую-то часть своей жизни он потерял навсегда. Беззубый старик принес ему ведро воды и миску морской капусты, а потом сел рядом у двери. Он добродушно покачивал головой, глядя, как гайдзин умывается.

— Извините, но мне неудобно умываться в цепях. Не могли бы вы их снять? — спросил он на ломаном японском.

Глаза старика сузились, и он с подозрением нащупал в кармане неоновый ключ.

— Ты — гайдзин.

— Я человек, а не животное.

— Со дэсу ка — все люди животные. И человек должен знать свое место — тару-рэсу дару-ин.

Дювалю показалось, что последние слова были созвучны с именем Чарлза Дарвина, и он с презрением подумал о его теории.

— Я всегда думал, что мое место рядом с другими людьми.

— Интересный ответ. А ты дашь мне слово, что не попытаешься сбежать?

— Куда мне бежать?

— Дай мне слово. Поклянись своей жизнью, гайдзин.

— Она и так в ваших в руках.

— Ладно. Можешь вымыться как человек.

Старик был уже совсем седой, но в тот момент он показался Дювалю молодым. Умываясь, Стрейкер расспрашивал старика о даймё — впоследствии это могло ему пригодиться. За завтраком Дюваль обнаружил, что старик оказался разговорчивым.

— Меня зовут Ватару Хосино. Когда я был в твоем возрасте, я тоже искал приключений. Я был солдатом. Затем, в один счастливый год, я стал участником экспедиции моего господина, известного Есиды Сингена. Ах, что это был за человек! Мне исполнилось тогда двадцать лет, и я мечтал о славе. Я был сильным и ничего не боялся. Во имя императора мы прошли цепь орбит. Мы прилетели сюда, чтобы освоить эту планету. Нас было две тысячи человек, и мы высоко подняли знамена в тот первый день. Немногие колонисты добрались сюда. Садо была тогда совсем дикой планетой. Пять миллионов видов растений — но большинство из них были ядовитыми для человека. До сих пор здесь сохранились ядовитые растения и мно-

жество жалящих насекомых всех видов. Здесь есть змеи, которые могут проглотить целую лошадь.

Тогда мы не знали ничего о Садо. Потом выяснилось, что планета первоначально была участком газовой туманности, захваченным сверхновой звездой. Двадцать пять лет назад, когда мы впервые пришли сюда, все здесь было неизведанным. Но я помню все, как будто это было вчера. Знаешь, гайдзин, некоторые вещи человек никогда не забывает. Нас много прибыло сюда, но в живых остались немногие. Так всегда случается с пионерами. Да, каждому человеку отведен свой срок, и каждый должен стоять перед лицом смерти, иначе как он познает жизнь?

Старик замолчал и о чем-то надолго задумался. Дюваль тем временем жадно ел морскую капусту. Наконец миска опустела. Он отставил ее в сторону и вытер рот рукавом.

— Ты живешь в Ниигате? — спросил Дюваль старика.

— Да, и там тоже, но в основном в Канадзаве. Мне повезло: я постоянно езжу между этими двумя большими городами. Меня назначили заместителем главного инспектора, и я сопровождаю поезда, которые доставляют золото. Но сейчас меня направили сюда от концерна Хасэгавы, потому что я немного знаю ваш язык и потому что мой хозяин надеется, что ты мне станешь доверять.

— Твой хозяин?

— Да. Он — ойабун, а я — койбун. Отец и сын. Понимаешь?

— Нет. Только догадываюсь. Он твой работодатель?

Хосино снисходительно улыбнулся.

— Иэ! Нет! Вам, американцам, трудно это понять. Хасэгава — мой покровитель. Он защищает меня, дает мне одежду и пищу. А я в благодарность должен всю свою жизнь хранить ему верность.

— Значит, ты имеешь какое-то отношение к вывозу золота из Канадзавы?

Хосино гордо выпрямил грудь.

— Да. Но только не очень близкое, конечно. Я занимаю невысокое положение, но мой господин позволил

мне надзирать за поездами, отправляющимися из Бидзена. Это место в самом сердце Садо. Там есть гора с выходами золотоносных жил. Концерн Хасэгавы имеет контракт на вывоз золотой руды на железнодорожных поездах.

— Твой господин оказал тебе большую честь.

Хосино скромно покачал головой, но душа его переполнилась гордостью.

— Поезда идут с большого плато в десять тысяч саку над уровнем моря. Это место называется Равниной Камней. Там, внизу, у соленых и пресных озер, за дымящимися вулканами, охраняющими материковые высоты, лежит земля самых красивых закатов. За нею начинается полоса диких джунглей. Они густые и непроходимые. Дорога до моря оттуда темна и опасна из-за гурэнтаев — рабов, сбежавших с плантаций, и преступников, которые строят там свои жилища.

— А почему золото перевозят на поезде?

— Это очень экономично. Перевозить его другим способом слишком дорого.

— Да. Но в руде 99,9 процента примеси. Почему бы не очищать ее в шахтах? Если извлечь металл из руды на месте, золото было бы гораздо легче и дешевле перевозить.

— Возможно. Но когда велось строительство железной дороги, не было хорошего способа очистки руды. До сих пор обогащающие комплексы очень дороги и стратегически важны.

Воцарилась тишина, но вскоре Дюваль прервал молчание.

— Вы — самурай, Ватару-сан?

— В Ямато немного самурайских семей, еще меньше их на Садо. Большинство людей здесь принадлежит к классу икки — крестьян и рабочих. Я — урожденный досо, торговец.

— А вас не беспокоит, что вы не можете сменить класс?

— Нет. Я такой, каков есть от рождения.

В деревянном храме, стоявшем через дорогу, зазвонили колокола. Постепенно их звук становился глубже. Три человека в набедренных повязках, сандалиях и белых хатимаки на голове раскачивали огромную деревянную чурку, напоминающую средневековый таран. Звук возвратил Дюваля в настоящее. Он увидел, как одетый в черное жрец отвязал тент и вылил скопившуюся на нем воду. Хосино низко поклонился в сторону алтаря.

— Мне надо идти.

— Вы пойдете вместе с церемониальной процессией даймё?

— Хай. Во вторник. Если даймё пожелает, он возьмет и тебя с собой.

Дюваль в растерянности взглянул на старика. Такой поворот событий явился для него полной неожиданностью.

— Вы полагаете, он захочет сделать это?

Хосино пожал плечами:

— Не знаю, но вполне возможно.

Старик замкнул колодки и ушел. Оставшись в одиночестве, Дюваль наблюдал, как со всех сторон стали стекаться люди. Они шли к храму через центральную площадь по красноватой утрамбованной глине. Лужи, оставленные вчерашним дождем, постепенно исчезали, испаряясь под жаркими лучами полуденного солнца. Перед Дювалем мелькали босоногие рабы, хини, икки, жрецы в сандалиях из рисовой соломы, самураи и торговцы, оставшиеся в Ниигате. К вечеру все стихло, улица и площадь опустели.

Вот тогда-то он и увидел ее — девушку, которой поклонился, когда его впервые вели в тюрьму. Сейчас она шла по улице одна, одетая в свободное шелковое кимоно, с распущенными волосами, густые черные пряди которых гривой развевались на ветру. Она тайком выбежала из дома губернатора и поспешила через площадь на конюшню, позабыв о присутствии американца. Дюваль сжался от мучительного стыда за свое тряпье. Он спрятался в тени и наблюдал, как она вошла и остановилась рядом

с лошадьми, гладя их шеи. Девушка разговаривала с ними и ласково дула им в ноздри.

— Вы так добры, госпожа, что навестили нас,— проговорил Дюваль дрожащим полушепотом.

Она отпрянула назад в удивлении, не сумев разглядеть его в темноте.

— Кто здесь?

— Только мы — лошади.

— Лошади?

— Да, моя госпожа. Разве вы не знаете, что на Садо все лошади разговаривают?

Она заметила его белозубую улыбку и встряхнула головой.

— И ослы тоже!

Девушка с достоинством подняла голову и неторопливо вышла из конюшни, нисколько не испугавшись его и даже не смутившись. Весь вечер после этого Дюваль видел перед собой ее образ и не мог от него избавиться. Он смотрел на губернаторский дом, пока от блеска его черепичной крыши у него не зарябило в глазах.

Вот к дому подъехал на белой лошади безупречно одетый офицер. Навстречу ему выбежала та самая девушка, которой Дюваль поклонился и которая заходила сегодня на конюшню, застав американца врасплох. Теперь она была одета в голубое кимоно с белым поясом, а волосы ее были аккуратно заколоты. Дверь в конюшню вновь открылась, но на этот раз вошел Хосино. Он поставил миску с едой и уселся поодаль. Дюваль немного обождал, а затем стал нетерпеливо расспрашивать старика:

— Кто этот человек на белой лошади, Ватару-сан?

— Это офицер гвардии, сын моего господина и его наследник. Он очень важный человек в Канадзаве. Его зовут Хасэгава Кацуми.

— А госпожа, с которой он разговаривает?

— Это его сестра Мити. Настоящая красавица, правда? — Хосино улыбнулся, показав свой единственный оставшийся зуб.— Да... Если бы я был хоть чуть-чуть помоложе...

Дюваль с грустью кивнул в ответ. Он чувствовал что-то, но что — не мог сказать. Словно пьяный, смотрел он через площадь и даже не заметил, как Хосино прикрепил цепи к оковам на его запястьях и лодыжках. На другой стороне площади белый конь нетерпеливо гарцевал на месте. Кацуми умело сдерживал его. Вдруг Мити увидела следы шпор на боку коня и нахмурилась.

— Как его зовут?

— Коня? Его зовут Моку — Юпитер.

Она щелкнула веером, раздраженная хладнокровием брата. «Разве он не понимает, что я Мити-сан, его сестра? — спрашивала она себя.— Он даже не хочет улыбнуться мне. Наверное, недоволен моим приездом. Я просто ничего для него не значу».

— Вы чем-то обеспокоены, Мити-сан?

— Нет, нет. Просто я думаю о предстоящем путешествии. Оно будет, наверное, трудным.

— Не волнуйтесь. О вас хорошо позаботятся. Да и я в случае чего приду на помощь.

— Говорят, в джунглях между Ниигатой и Канадзавой живут опасные преступники. Это правда?

— Они не рискнут напасть на нас, они трусливы и не вступят в бой. Их краденое оружие не может соперничать даже с оружием солдат местного гарнизона и уж тем более с оружием моих людей.

Она уловила безразличные нотки в его голосе и заметила скучающий взгляд, когда он говорил о поездке.

— Скажите, могу ли я попросить вас об одном одолжении?

Он снисходительно улыбнулся ей:

— Вы знаете, что можете попросить меня о чем угодно, Мити-сан.

— Нельзя ли мне поехать верхом на Моку, когда мы отправимся на континент?

Улыбка моментально исчезла с его лица.

— На моем коне?

— Мне легче будет путешествовать, если я поеду верхом одна, в пределах колонны, разумеется.— Она

нахмурилась и прикоснулась веером к губам.— Я неделями нахожусь в обществе Фумико-сан...

— Сожалею, но вы должны понимать, что это не Ямато. Здесь, на Садо, лошади очень дороги.

— Но ведь у вас есть конь...

— Обещаю, что у вас будет самое удобное место в лучшем паланкине, который я смогу разыскать. Я лично отберу носильщиков и прикажу, чтобы они несли вас осторожно под страхом смерти.

Она разочарованно вздохнула.

— Я уверена, что ваш приказ заставит их быть очень осторожными, Кацуми-сан. Но все равно мне придется всю дорогу до Канадзавы биться о стенки, выслушивая постоянное ворчание жены даймё. Боюсь, я потеряю терпение, и мне не удастся сохранить вежливость.

Кацуми сделался серьезным и начал дипломатично уговаривать сестру. Он ударил коленями коня и сжал уздечку.

— Подумайте о вашем здоровье, Мити. Эта несчастная звезда, которую мы называем нашим солнцем, излучает слишком много ультрафиолета, так что вам лучше находиться в тени паланкина. К тому же этот конь очень резвый и игривый. Если он сбросит вас, отец никогда не простит мне, и я сам себе этого не прощу.

— Чего вы не простите себе, Хасэгава? — в дверях показалась элегантная фигура даймё. Он скользнул взглядом по бледному лицу Мити и внимательно посмотрел на лейтенанта.

— Чего именно вы не хотите себе простить?

Кацуми немедленно спешился и низко поклонился даймё.

— Ваше превосходительство...

— Я спрашиваю, Хасэгава, отчего твой голос звучит так виновато. На этот вопрос легко ответить.

Кацуми вытянулся в струнку и приподнял подбородок.

— Я просто объяснял сестре, ваше превосходительство, что не может быть и речи о том, чтобы она ехала верхом в Канадзаву.

— В самом деле? Почему же?

— Это... это ей не совсем подобает, ваше превосходительство.

Мити рассмеялась и прикрыла ладонью рот.

— Это всего лишь моя фантазия. Не беспокойтесь...

— Я и не беспокоюсь, потому что уверен: ваш брат будет рад предложить вам своего коня. К тому же у него будут в пути другие обязанности.

Кацуми постарался сохранить невозмутимость.

— Другие обязанности, ваше превосходительство?

— Да. Вы проявили похвальный интерес к американскому пленному. Вы оказались абсолютно правы, говоря, что новое американское оружие представляет большой интерес для концерна Хасэгавы. Гайдзин доказал, что он опытный специалист, и поэтому я решил взять его с собой. Ему есть о чем рассказать нам, но ему нужно помочь избавиться от своеволия. Я назначаю вас ответственным за его безопасность. Найдите, если сможете, способ раскрыть его секреты.

Когда Нисима отошел настолько, чтобы не слышать их разговора, Мити виновато посмотрела на брата.

— Простите, я кажется...

Он вручил ей уздечку и сказал:

— Вот, берите коня. И попридержите в будущем язык перед моим начальством: помните, что на мне теперь лежит большая ответственность.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Путешествие началось на следующий день в десять часов утра. Дорога из Ниигаты пролегала параллельно железнодорожному полотну, по которому перевозили золото. Когда процессия поднялась из низины, дорога стала сухой и пыльной. Они проходили мимо селений, состоявших из бедных деревянных домиков, традиционно покрытых тростником. Икки бросали инструменты и поспешно бежали с полей к дороге, становясь на колени и ударяясь лбом об обочину. Маленькие дети, напуганные родителями, смиренно и молчаливо следовали их примеру. Время от времени путешественники делали остановки и отдыхали. По вечерам они разжигали костры и натягивали тенты. Они укладывались на пестрые матрасы, набитые хлопком. Вокруг лагеря выставлялись часовые. Днем они шли по аллеям среди океана девственных влажных джунглей, покрывающих холмы и долины и простирающихся до самого горизонта.

Нисима Юн ехал в центре процессии. Его сопровождали три высокопоставленных лица: жрец синто, каро — военный маршал Ниигаты и тайсо — его заместитель. Перед ними шли три взвода самураев, несших сасимоно — привязанные к спинам флаги. Позади — купцы со своими родовыми гербами и положенными по обычаю подарками для прежнего даймё, который еще находился в Канадзаве. Затем следовали женские паланкины, тяжело опирающиеся на спины носильщиков, кожа которых блестела на солнце. За ними шло около тысячи солдат и церемониальные рабы, скованные по три в ряд. Завершали процессию машины с багажом.

Мити получила специальное разрешение даймё ехать верхом впереди колонны на белом коне. Иногда она оказывалась впереди всех, а порой пристраивалась в хвосте процессии. Ей нравилось отпускать коня и позволять ему свободно выбирать соседей, но она не подпускала его к женским паланкинам. Мити послушалась совета своей служанки, надев длинное свободное кимоно и соломенную шляпу с широкими полями, завязанную под подбородком белой лентой. Кацуми шел в нескольких ярдах позади центральной колонны, не сводя глаз с американца. Его раздражал Хосино, который на бивуаках приносил пленнику еду или помогал бриться. Сегодня гайдзин был раскован — с ног сняли цепи, но на всякий случай оставили наручники.

— Я вижу, вам все-таки удалось найти коня,— обратился американец к Мити, когда она подъехала поближе.— Не дадите ли мне тоже прокатиться, госпожа?

Она делала вид, что не замечает его, но краснела всякий раз, когда он обращался к ней. Мити даже не упрекала его за то, что он нарушал ритуал, пытаясь завязать с ней беседу. «Он ведь просто не понимает всей торжественности вступления даймё в свои владения»,— успокаивала она себя. Этой ночью, когда они расположились на постоялом дворе «Три водопада», Кацуми предупредил ее, чтобы она не приближалась больше к пленному.

— О Кацуми-сан, я не...

— Вы знаете, что он гайдзин, испорченный грязными американскими идеями. Я не смогу сдержаться и обнажу меч, если он снова будет оскорблять вас своими разговорами.

Она с недоумением посмотрела на брата. Ей непонятны были его строгость и ожесточенность. Конечно, Кацуми-сан прав, предупреждая ее. Но он приказал ей ехать постоянно в одном и том же месте процессии, не подъезжая ближе, чем на десять саку к любому из его солдат.

— Это опасное место, Мити-сан. Я уже предупреждал вас не один раз, а вы по-прежнему не слушаете меня.

— Извините, но почему я не могу поупражняться в верховой езде? Коню нравится бродить вдоль обочины, и к тому же даймё дал мне особое разреше...

— Упрямая девчонка! Мало того, что вы позорите мой сан, так еще и подвергаете свою жизнь опасности! Я уже говорил вам, что в джунглях бродят гурэнтаи. Это беглые рабы. Они вооружены и могут похитить вас.

— Но я нисколько не боюсь. Дорога хорошо охраняется. А потом, вы говорили, что преступники не отважутся напасть на такую большую процессию.

— Делайте как вам сказано, Мити-сан! Для вашего же блага! И постарайтесь держаться подальше от американца!

Она с грустью посмотрела ему вслед. Думая о брате, Мити не заметила, как на глаза навернулись слезы. «Где тот добрый и снисходительный Кацуми, которого я помнила с детства? Куда он подевался? Почему вместо него теперь какой-то бессердечный и незнакомый мне человек?..» — спрашивала он себя.

Незаметно для самой себя Мити стала вспоминать Дюваля. Он был сильный и стройный, больше шести саку ростом. Это много даже для самого бравого самурая. Теперь, когда ему позволили вымыться и причесать волосы, он казался почти красавцем. Лицом он немного напоминал японца, но не был японцем и поэтому считался гайдзином.

Ее начали терзать сомнения. «Ведь он ничего не знает о наших традициях,— думала Мити.— Он не умеет себя вести. Разве можно обращаться с ним как с нормальным человеком?.. Об этом говорили и Фумико, и жрецы. Наверное, они правы. Странно, но почему я не хочу верить им? Если он не осознает всей странности своего поведения, это его личное дело. Но почему тогда его не поместили вместе с остальными пленными?» Мити пустила коня галопом и направилась к началу процессии. Она вспомнила родителей, с которыми еще не виделась после возвращения на Садо. «Неужели они тоже начнут подавлять мою волю, как Кацуми? Тогда я ни за

что не стану примерной дочерью, как бы мне после этого ни было тяжело. Мои взгляды на жизнь так отличаются от взглядов моих знакомых, что, наверное, лучше скрывать их».

Она с волнением ожидала встречи с отцом. Хасэгава Кэни происходил из древнего, но обедневшего самурайского рода. Он закончил университет в Хонсю и прибыл на Садо десять лет назад. Еще в Киото он пытался создать военно-техническую корпорацию, но его идеи не имели успеха при дворе. Хасэгава познакомился с несколькими высокопоставленными людьми и сумел перебраться на Садо, где он пытался осуществить свои планы, чтобы вернуть богатство древнего рода. Своих маленьких дочерей, Мити и Кинуе, он оставил у сестры в Киото. Во-первых, они постоянно напоминали врагам, что однажды Хасэгава вернется. Во-вторых, девочки воспитывались при дворе и получали хорошее образование — на Садо это было бы невозможно. Позднее, приобретя большое поместье и став влиятельным человеком в администрации Садо, Хасэгава Кэни начал строить планы возвращения в Ямато.

Известие о трагической гибели старшей дочери от рук императорского сына глубоко потрясло его и разрушило все надежды на возвращение. Он распорядился забрать Мити из Киото и решил навсегда порвать все связи с отечественными мирами. Хасэгава знал, что его сын таил желание отправиться в Киото, чтобы восстановить репутацию отца и отомстить за смерть сестры. Мити тоже разгадала планы брата. «По-моему, он совсем не любит меня, а только жаждет отомстить за сестру,— говорила она себе.— Либо я совсем не понимаю его, либо он уже усвоил кодекс самурайской чести. Лучше бы он подумал обо мне, чем бросаться без оглядки в объятия камергеров и офицеров императорской гвардии. Он только опозорит наше имя. Нет, ему нужно оставаться в той среде, в которой он вырос».

Впереди величественно возвышались горы. Ровная дорога кончилась, процессия миновала джунгли и вошла

в саванну. Здесь совсем не было деревьев. Вдали блестело что-то, похожее на реку. Мити пришпорила коня и обогнала авангард. Солдаты не имели права ее останавливать и поэтому лишь крикнули, чтобы она вернулась. Желая напоить коня, она понеслась к мерцавшей вдалеке воде. Дорога сузилась, и в этот момент Мити неожиданно увидела поперек мощеной дороги что-то рыжее, толстое, как ствол дерева.

Конь испугался и прянул в сторону, взвился на дыбы. Рыжая масса отвратительно извивалась и пульсировала, словно змея. Присмотревшись получше, Мити стала различать в ней крупных, толщиной с палец, насекомых с хищными челюстями. Это были гигантские муравьи, живущие в джунглях. Они двигались как военная колонна, перенося в своем непрерывном потоке листья, насекомых и другую добычу. Рассматривая их с удивлением, Мити заметила забавное сходство колонны муравьев с процессией даймё. Она улыбнулась и подумала, что сегодня вечером можно будет сочинить на эту тему изящное хокку.

Она оглянулась и посмотрела, сильно ли отстали солдаты, кричавшие ей, чтобы она вернулась. То, что она увидела, заставило ее похолодеть от ужаса. У муравьиной тропы лежали два человеческих тела, покрытые сплошным слоем рыжих муравьев. Мити поняла, что люди были сознательно брошены кем-то на съедение муравьям, причем совсем недавно, потому что подавали еще признаки жизни. Очевидно, гурэнтаи находились где-то неподалеку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К полудню процессия достигла небольшого селения, где проживало около двухсот человек. Со всех сторон его окружали густые сады, там выращивали хурму и гранаты. Рядом, за рекой, находились солончаки, на которых трудились рабы. Хосино принес чашку с рисом и, улыбаясь, разделил его пополам с Дювалем. Они разговорились. Удобно устроившись в тени, Стрейкер слушал воспоминания старика и изредка поглядывал на Кацуми, который внимательно следил за ним.

— Это дело рук бандитов — гурэнтаев,— пояснял ему Хосино.— На Садо много рабов, и каждый третий бежит от своих хозяев. Они скрываются в джунглях, питаются мясом дикого кабана и почитают языческих богов, как и в Санаду. Иногда они нападают на отдаленные селения и крадут женщин, чтобы продолжить свой род. Рабы ненавидят нас, потому что многие помещики — жестокие люди и думают только о своей выгоде.

— И многих они уже убили? — спросил Дюваль, вспомнив двоих несчастных, подобранных процессией. Кожа на них была полностью съедена, а глаза выжжены муравьиной кислотой до самых нервов.

— Чаще всего они убивают сангокуинов и икки, приехавших из Китая, Тайваня и Кореи. Гурэнтаи не дружат с крестьянами. Они часто грабят их, когда те приезжают в город за солью.

Хосино повел носом, принюхиваясь.

— Чуешь запах рабов? Они употребляют в пищу свинину. Одно время я тоже привозил соль в Ниигату, а оттуда ее отправляли на кораблях на Гуам.

Дюваль задремал. Каждый полдень процессия делала остановку на два часа, и теперь он мог отдохнуть от жары. Закрывая глаза, Стрейкер уловил слабый запах свинарника. Через несколько минут Дюваль зашевелился и сел.

— Что такое? — спросил Хосино.

— Я думал... Так, ничего. Мне послышалось, что где-то поблизости звучит американская речь.

— Ты просто грезишь о доме.

— Возможно.

Дюваль заставил себя расслабиться. Хосино улегся рядом, надвинув на глаза широкополую шляпу из рисовой соломы, и вскоре уснул. Внезапно Дюваль вновь услышал обрывки американской речи. Он медленно поднялся и осторожно, чтобы не звенеть цепями, направился к хлеву.

— Мне нужно облегчиться,— сказал он стоявшему рядом солдату, который равнодушно посмотрел на него и отвернулся.

Свернув за угол дома, он увидел лицо, прижимавшееся к щели между воротами. Дюваль узнал его. Это был стюард Хавкена.

— Джон Чамберс?.. Не может быть!

Человек уставился на него:

— Стрелок?..

— Тише!

Сквозь щель он увидел около двадцати человек, запертых в хлеву. Они были голыми, и от них исходил удушающий запах навоза и грязи. Дюваль подошел поближе.

— А где командор? С вами?

— Нет.

— Какого черта вы здесь делаете?

— Мы приземлились на Кровавой Луне.

Чамберс рассказал, как оставшиеся на Кровавой Луне разделились на три группы. Двадцать пять человек отправились на север, тридцать —на юг, а их группа устремилась на восток, к исправительному поселению. По

дороге на них напали гурэнтаи, похитив у них все сколько-нибудь ценное. Они шли шесть дней без воды и наконец достигли тюрьмы, где их взяли в плен местные власти и отправили обратно на Садо, в Ниигату. Потом их повели по дороге в Канадзаву и заперли здесь без видимой причины.

— Я думаю, они хотят спросить у начальства, что с вами дальше делать,— проговорил Дюваль, пытаясь утешить Чамберса.

Тот был в ужасном состоянии. В глазах у него блестели слезы от невыносимых страданий и чувства несправедливости, голос срывался.

— Они заперли нас в этой вонючей дыре уже несколько дней назад. Знаешь, Стрелок, по-моему, они хотят распять нас. Но лучше это, чем терпеть такие мучения. Они все время издеваются над нами, заставляют есть помои. Многие уже умерли, и никто не может нам помочь...

— Что случилось с «Ричардом М.»?

— Надеюсь, что он уже дома.

— Мой брат жив?

— Да. По крайней мере, был жив, когда я в последний раз его видел.

— Благодарю тебя, Господи! — Дюваль посмотрел в небо.

— Он передал мне кое-что для тебя. Кольцо. Эти пси-таланты все знают наперед. Наверное, он предвидел, что мы с тобой встретимся.

Сзади послышалось цоканье копыт, и они увидели Мити верхом на белом коне.

— Это мои соотечественники,— обратился к ней Дюваль с исказившимся от гнева лицом.— Их держат в грязном хлеву, как свиней! Самураи всегда поступают так с пленными?

Мити испуганно посмотрела на него, быстро развернула коня и ускакала прочь. Она почти сразу же вернулась со своим братом и взводом солдат. Пленные закричали от страха, когда увидели их. У людей Хасэгавы в руках

были веревки, и американцы подумали, что их собираются повесить. Они умоляли Дюваля помочь им. У него сжалось сердце.

— Они собираются повесить нас! Стрелок! Помоги нам!

Дюваль посмотрел на Чамберса и шагнул к Хасэгаве, прося его пересмотреть решение:

— Нет! Они не заслужили смерти!

Самурай грубо оттолкнул его в сторону:

— Отойди с дороги, живо!

— В чем их преступление?

— Убирайся отсюда, грязный гайдзин!

Дюваль оглянулся, ища глазами оружие или какой-нибудь тяжелый предмет, но под рукой ничего не оказалось. Он неистово зарычал и вцепился голыми руками в шею Хасэгавы. Это было безумием, но хотя бы на несколько секунд Дюваль почувствовал себя свободным. Затем шестеро солдат набросились на него и разжали ему пальцы. Хасэгава пришел в себя, задыхаясь и ловя воздух ртом. Несколько мечей уперлись в грудь Дюваля, прижав его к земле и немного оцарапав кожу. Он видел боковым зрением, как Мити спешилась и подбежала к брату, метнув на Дюваля взгляд, полный презрения и ненависти.

— Вероломный гайдзин! — тихо проговорила она.

— Госпожа, он собирался их повесить,— хрипло оправдывался Дюваль.

— Всех бы вас надо повесить!

Солдат Хасэгавы приставил острие меча к сердцу Дюваля, ожидая приказа своего начальника. Но задыхающийся офицер молчал. Солдат взглянул на него с недоумением.

— Прикажете его убить?

— Нет!

Солдат заколебался, ожидая другого решения, а затем нехотя поднял меч.

— Заберите его! — приказал наконец Хасэгава.

Солдаты грубо подняли Дюваля на ноги и поволокли к даймё. Хасэгава, едва оправившись от потрясения, пос-

ледовал за ними. Вид у него был несколько потрепанный: порванное хаори — нараспашку, а под расстегнутым воротником виднелись красные следы от пальцев Дюваля.

— Этот гайдзин пытался задушить меня. Я надеюсь вскоре увидеть его распятым,— зло проговорил Хасэгава, глядя на даймё.

Нисима не спеша оторвался от бумаг и холодно посмотрел на офицера.

— В самом деле? Он хотел убить вас?

Хасэгава гордо продемонстрировал кровавые подтеки на шее.

— Это правда? — спросил даймё Дюваля.

— Извините, ваше превосходительство,— волнуясь, проговорил Стрейкер.— Он собирался повесить моих друзей...

— Ты ошибся. Я приказал, чтобы этих пиратов забрали из хлева и отправили в Канадзаву,— возразил даймё.

— Но у его людей были веревки...

— А ты полагал, что мы отправим их несвязанными?

— Я думал...

— Ты думал? — Нисима дал знак страже.— Уведите его отсюда.

Когда Дюваля увели, даймё, холодно улыбаясь, повернулся к Хасэгаве.

— Итак, насколько я понял, американец все-таки напал на вас? — спросил он с мягким упреком.— А я надеялся, что вы уже успели его приручить...

— Мне кажется, этих варваров невозможно приручить. Они не понимают ничего, кроме силы.

Нисима задумчиво посмотрел на Хасэгаву.

— Быть может, в целом вы и правы, но что касается этого американца, то последний эпизод обнаружил некоторые черты его нрава, о которых вы и не подозревали.

Решив проверить знания американца, Нисима на время отложил казнь. Но когда ведущие инженеры сообщили ему о блестящих способностях пленного, он вообще

отменил приказ. Американец был не только глубоким теоретиком, но, очевидно, работал также и непосредственно над производством оружия. В таком случае, он не солгал, хотя от него пока что и не было получено никакой новой информации.

— Мне кажется,— продолжил после некоторой паузы Нисима,— что этот гайдзин — очень наивный человек.

— Да, ваше превосходительство, но при этом...

Нисима резко перебил офицера.

— Я уже говорил вам, Хасэгава-сан, что американец должен быть доставлен в Канадзаву живым. Я убежден, что он владеет исключительно ценной информацией.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Мне очень жаль, что вы не можете придумать другого способа развязать ему язык, кроме насилия.

— Мне кажется, я понял вас, ваше превосходительство. Если он не боится за свою шкуру, вероятно, его беспокоит судьба остальных пленных.

— Вы абсолютно правы, Хасэгава-сан.

Тот просиял в ответ, услышав одобрение в голосе даймё.

— Вероятно, я должен приказать, чтобы всех пленных с Кровавой Луны отправили в Канадзаву?

— Да, и не только их. Подготовьте приказ губернатору Ниигаты, чтобы он отправил всех американцев, находящихся в его тюрьме, в Канадзаву. Я убежден, что вскоре вы увидите, как сила врага может быть использована против него самого.

Через два дня они прибыли в Камеяму, где находился конфуцианский монастырь. Монахи с участием отнеслись к американским пленным, дав им еду, одежду и мази, чтобы те залечили раны. Оттуда процессия последовала в Отами, находящийся в сорока ри от Канадзавы, а еще через два дня достигла уже Коду. Затем, делая остановки в придорожных поместьях, они отправились в Никасендо, расположенный в пяти ри от Канадзавы. Там они оказались еще через пять дней.

Нисима внимательно наблюдал все это время за американцем и видел, что тот, словно старший брат, заботился о своих соотечественниках. От даймё также не ускользнуло, что Дюваль все время останавливал взгляд на сестре Хасэгавы. Нисима стал догадываться, каким способом можно вырвать секрет у американца. В Гифу они остановились в поместье, где жили жрецы синто. Американцев отвели в святилище горы Ису, где целебные источники облегчили их телесные страдания. Перед тем как отправиться дальше, все самураи, сопровождавшие даймё, посетили святилище. Они преклонили колени и сделали приношения, чтобы уберечься от несчастья. На следующий день в четыре часа процессия вошла в Канадзаву по улице Самых Счастливых Вишневых Деревьев, на которой располагалась резиденция даймё. К этому времени Нисима уже окончательно обдумал план, как раскрыть секрет с помощью сестры Хасэгавы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Место действия: Либерти

— Мы воюем, Спарки?

— Нет,— ответил человек, появившийся на борту «Ричарда М.».

Это был Спарки Хувер, владелец спасательного корабля с Либерти. Направляясь к планетам Аркадии — газового гиганта в системе Юпитера, Спарки наткнулся на «Ричарда М.».

Теперь Хавкен расспрашивал его, с тревогой вслушиваясь в ответы. Все их будущее зависело от того, что поведает им Спарки.

Хувер был приземист, коренаст, издалека напоминал древний пивной бочонок. На его круглом упитанном лице с двойным подбородком росли густые бакенбарды. Они прикрывали толстые щеки, которые немного отвисли из-за постоянного употребления жевательного табака. Спарки Хувер все еще никак не мог прийти в себя от неожиданной встречи.

Он снял асимметричную ковбойскую шляпу и теперь мял ее в ладонях, больших и красных, точно коннектикутские крабы.

— Черт побери, Джос, я никак не ожидал повстречать вас. Мы думали, что вы все погибли.

Хавкен взглянул на приборы. Индекс был низким, а пространство впереди корабля загромождено обломками «Боинга», недавно потерпевшего крушение. Но все-таки они находились в своей зоне, и звезда в системе Либерти сияла невыразимой красотой для каждого астронавта, находившегося на борту «Ричарда М.».

— Ты не знаешь, почему власти Ямато хватают американских торговцев в портах Нейтральной Зоны? — спросил Эллис.

— Блокада. Это стало обычным явлением за последний месяц. Говорят, Ямато в бешенстве из-за какой-то конфискации золота на Маршалле-1. Вроде бы его везли для того, чтобы кормить самураев в Нейтральной Зоне. Они объявили нам эмбарго на всех орбитах, которые они контролируют. Теперь ничего ни ввезти, ни вывезти.

— Сукины дети! Это очень плохо...

Хавкен мрачно посмотрел перед собой. Глаза его глубоко ввалились, а лицо выглядело изможденным.

— Представляю, как разгневана Алиса Кэн. Скорее всего, мы угодим в тюрьму или того хуже...

— Не думаю,— перебил командора Спарки.— Мы в выгодной позиции. Объявляя эмбарго, эти болваны забыли, что они могут попасть в Корею только через Калифорнию. Многие корейские пираты уже поджидают японские корабли, чтобы переправить их через нашу территорию. Но ни одному из них не будет позволено пересечь границу.

— Так значит, Корея закрыта? — спросил с недоверием Эллис.

— Да. Крепко, как утиная задница.

— Но это самоубийство!

— Для корейцев — вероятно.

— Для Американо!

— Ты слишком долго путешествовал, дружище...

— Но мы хорошо информированы. После Рождества мы целую неделю торчали на Чеджудо. Нам сказали, что произошло несколько конфискаций и это отразилось на торговле. Мы не ожидали такого поворота событий.

Хавкен рассказал спасателю, как, едва не погибнув, они все же добрались до корейской зоны. Там им удалось запастись провизией и произвести быстрый ремонт. Они взяли на борт несколько американских торговцев и

срочно покинули планету, прежде чем власти Ямато поняли, что произошло. До астронавтов доходили самые разные слухи об эмбарго. Им пришлось сохранять инкогнито до тех пор, пока корабль не сошел с орбиты Чеджудо.

— Да,— проговорил Хувер,— скоро разразится настоящая буря, после которой Ямато может многого лишиться.

— В самом деле? Но ты не подозреваешь об их силе и подготовленности к войне,— возразил Хавкен.

— За последнее время многое изменилось.

Смахнув каплю с носа, Спарки рассказал им, как процветает теперь торговля в Европе. Брокеры Германии и Объединенных Балтийских Государств принимают практически все товары, которые доставляют туда американские корабли. Судя по тому, что рассказывал Хувер, ситуация была не такой мрачной, как предполагал командор. Хавкен был горячо предан Президенту и хорошо знал Алису Кэн. После событий на Садо его воображение распалилось, и он полагал, что их встретят как предателей, не иначе. Но опасения, кажется, были напрасными — ситуация изменилась.

Корейские пираты должны были приводить корабли, снабжающие Ямато, в Калифорнию. Там они законно попадали под американскую юрисдикцию. Выдворяя затем японские корабли за пределы своей зоны, американцы не нарушали закон. Они могли утверждать, что действовали честно, предоставив кораблям безопасное небо. Однако при этом, согласно установленному эмбарго, американские власти конфисковывали стратегически важные грузы — оружие и этановое золото. Владельцы этого ценного сырья, китайские инвесторы, оказались в незавидном положении, но ничем не могли, изменить ситуацию.

Эллис глубоко задумался, анализируя рассказ Хувера.

— Император Ямато, конечно, будет рассматривать это как дипломатичный способ нанести ущерб и унизить их. Ты понимаешь, о чем я думаю? — обратился Стрейкер к

командору.— Теперь Алиса Кэн, используя этот метод, может отомстить за оскорбление, нанесенное нам на Садо.

— В таком случае наше возвращение только накалит обстановку.

— Поддержит ли нас Алиса Кэн или зароет в землю — трудно сказать. Но я предполагаю первое.

В глазах Хавкена блеснула надежда, и он уже начал раскаиваться в своих мрачных прогнозах.

— Это в ее характере, я знаю,— задумчиво произнес командор.— Она всегда готова сыграть роль оскорбленной стороны, чтобы достичь выгоды. Она способна погразить кулаком Ямато, если этим можно чего-нибудь добиться.

«Если от эмбарго пострадает Корея,— размышлял Эллис,— Ямато тоже придется несладко. Крупные корпорации японцев вскоре потребуют расчета, и барон Харуми начнет раскаиваться, слушая донесения своего посла в Американо Окубо. Вероятно, мы возвращаемся как раз вовремя». Эллис мысленно парил где-то далеко, когда они готовились отделиться от спасательного корабля.

— Мы должны приземлиться на Либерти как можно быстрее! — Это все, что сказал о своих планах Хавкен. Эллису показалось, что командора обуревают мрачные мысли, его оценка перспектив встречи на Либерти была довольно сдержанной.

Новость об их появлении достигла Либерти раньше них самих. Об этом узнали сначала на Бостоне, а затем на Калифорнии. Сообщение пронеслось по авиалиниям, как лесной пожар по Орегону. Оно передавалось по всем главным коммуникационным каналам, так что, когда «Ричард М.» коснулся посадочной полосы в Харрисбурге, уже поджидавшие их самолеты осветили корпус прожекторами. «Ричард М.» салютовал в ответ. Весь Харрисбург пришел встречать легендарный корабль. Знакомая черная физиономия широко улыбалась из машины, подкатившей к самому трапу.

— Чтоб я провалился! Не может быть!

— Ты вытащил меня из постели, сукин сын!

— Это фантастика!

— Рад тебя видеть, Эллис. Ты просто счастливчик.

— С этим счастьем я чуть было не угодил на тот свет.

— А ты неплохо выглядишь.

— Достаточно хорошо для мертвеца.

Уюку вскарабкался на борт, и они обнялись. Холодная, почти безветренная погода превратила площадку в ледяной каток. Несмотря на ранний час, весь порт был заполонен людьми. Наверное, половина Харрисбурга собралась на площадке, встречая тех, кому удалось вернуться живыми. Уюку осмотрелся.

— Трудный перелет, судя по виду твоих людей...

— Нет. Последний был не таким уж трудным. На Чеджудо мы захватили с собой двенадцать хороших парней, а остальные за это время разжирели, как быки.

Эллис выпустил пар изо рта и отвернулся от грузового отсека. Он не был расположен к шуткам и сейчас мог думать только о жене и сыне.

— Где вы все это время скитались?

— Мы увидели нашу систему два дня назад. А ты?

— А я немного раньше. Я успел свить уютное гнездышко в постели у Мэри Ньюмэн, и в последнее время мы не принимаем с ней никаких гостей под страхом смерти. Да, кстати, я стучался в твой обшарпанный дом дней пять назад, но мне почему-то никто не открыл.

Услышав эту новость, Эллис изменился в лице.

— Ну что ты скорчил рожу? — шутливо спросил его Уюку.— Астронавт ты или кусок дерьма?

— Знаешь, я, может, и не в форме сейчас, но надеру тебе задницу одной левой. Так что выбирай выражения, парень.

Уюку захохотал и хлопнул себя по ляжкам.

— Ладно, не сердись. Пошли вниз. Есть интересные новости. У меня тоже есть что порассказать.

— Э!.. Не порти человеку личную жизнь. Я бы для начала хотел попасть домой.

— Да. Это самое важное, насколько я знаю Эллиса Стрейкера!

Уюку оглянулся и увидел, что в проходе «Ричарда М.» стоят совсем не знакомые люди. С его лица мгновенно слетела улыбка, и он с тревогой посмотрел на Эллиса.

— Сколько человек вы привезли с собой?

— Пятнадцать...

— О, Господи! — глухо проговорил Уюку.

— А ты?

— Шестьдесят три.

Эллиса обрадовала эта цифра, но он не подал вида.

— Нам пришлось сесть на Луну.

— И что же?

— Сто человек осталось там. Иначе было нельзя...

В здании порта Билли Хавкен терпеливо ждал своего брата. Рядом собрались сотни жен и детей, обеспокоенных судьбой своих близких. Слезные встречи немногих счастливцев растворились в болезненном разочаровании большинства. Эллис увидел девушку Джона Чамберса. Лицо ее пылало от волнения, она порывисто дышала, слушая, как Хавкен зачитывает список астронавтов, оставшихся на Кровавой Луне.

Эллис с трудом осознавал происходящее. Он неожиданно потерял над собой контроль, дав свободу чувству, переполнявшему его долгие месяцы. Сердце в груди бешено колотилось, перед глазами поплыли круги. Сгорая от нетерпения, он искал глазами Янку и сына. Шумящая толпа оглушила его, и он растерялся. «Господи, где же она? Наверное, не решается подойти вместе с сыном в этой давке. Ждет где-нибудь в уголке, чтобы я сам ее разыскал. Это так на нее похоже...» Эллис представил, как сейчас он обнимет жену и схватит сына на руки. Его взгляд беспомощно блуждал, выискивая в толпе родные лица.

Внезапно он почувствовал, как чьи-то руки вцепились в него. Он обернулся и увидел, что Бекки дергала его за рукав. Лицо ее было бледным и заплаканным.

— Капитан Стрейкер?

Он услышал ее голос словно откуда-то издалека. Не желая вникать в чужую печаль в этот долгожданный

момент, Эллис попытался вырвать руку. «Но где же Янка? Куда она подевалась?»

— Капитан Стрейкер! Послушайте меня. Пожалуйста, послушайте!

Она вновь ухватила его за рукав.

— Нет! Только не сейчас! — Он попытался вырваться.

— Ради Бога, послушайте!

Эллис внезапно заметил серьезные и хмурые лица людей, стоявших вокруг, и его укололо недоброе предчувствие.

— Вашей Янки здесь нет.

Слова Бекки полоснули его по сердцу.

— Здесь нет?..— растерянно переспросил он.

— Она и ребенок... Капитан Стрейкер... Авиакатастрофа два месяца назад.

Он рывком сбросил ее руки и отшатнулся. Слова обрушились на него и придавили к земле.

— Не может быть...— прохрипел Эллис.

— Это правда, капитан.

— Нет!

Совершенно обессиленный, с пустым взглядом, он побрел прочь и забился в дальний угол зала. Опустившись в свободное кресло, он отрешенно закрыл руками лицо и сжался в комок, так что никто не решался к нему приблизиться. Даже Уюку оставил Эллиса, желая отрезать себе язык за слова, сорвавшиеся у него несколько минут назад — он не знал о смерти Янки.

Уюку отправился на площадку, где Билли Хавкен в сером костюме стоял возле большого автомобиля, обнимая своего истощенного брата. Затем Хавкен повел людей к месту пресс-конференции, которую должны были транслировать по трем программам. По дороге братья начали обсуждать дела. Обратив внимание, что Билли говорит полушепотом, Уюку попытался подслушать разговор.

— Кое-кто утверждал, что вы погибли, а другие — что отправились на Делавар.

— Делавар? — фыркнул Джос.— Что за сумасшедшая идея!

— Многие инвесторы в Линкольне поверили в это и продолжают верить до сих пор. Говорили, что ты привез четверть тонны серебра и на двести миллионов золота. Многое придется отрицать, чтобы изменить мнение прессы.

— Пусть думают что хотят,— пробурчал Джос Хавкен.

— Но многие будут слишком разочарованы, если мы поколеблем их веру раньше времени,— возразил Билли.

— И создадим массу проблем, если не сделаем этого вовсе. Мы были на Чеджудо две недели назад. Вся Корея просто кишит слухами и нелепыми выдумками о нас.

— Они поняли, кто вы такие? — поинтересовался Уюку.

— Да. В конце концов они нас раскрыли. Корейцы надеялись получить с нас хороший куш. Они поверили в версию Ямато и думали, что мы напали на японцев, чтобы ограбить Золотой флот. Пришлось их разубедить. Сейчас мне необходимо сразу же отправиться в Линкольн.

— Все, что с вами произошло, вы должны сохранить в тайне, а Президенту и ее команде следует сказать правду,— проговорил Билл.

— Нужно действовать быстро, если мы хотим избежать крупных неприятностей. У нас есть канистра с этановым золотом, куча мелочей, но мало ценного. Тринадцать или четырнадцать миллионов кредита, в зависимости от состояния биржи. Этим все сказано. «Ричард М.» годится только для продажи ребятам Хувера. Черт побери, мне кажется, мы просто разорены.

Билл Хавкен печально вздохнул:

— Такова судьба.

— Да, наши приключения в Нейтральной Зоне закончились. Хотел бы я знать, что собирается делать Алиса Кэн. Я могу с ней увидеться лично?

— Это как распорядится Отис Ле Гран. Он решает.

— Так ты даже не знаешь, сумеем ли мы избежать молотка оценщика?

Билли оглянулся и тихо произнес:

— Сейчас трудное время, невозможно ничего предсказать.

— Почему ты оглядываешься? — спросил его Джос.

— Президент тоже часто оглядывается с тех пор, как Люсия Хенри прибыла сюда. Ходят слухи, что противники загоняют Алису в угол справа и слева. Поговаривают, что в городе отряд убийц-ниндзя. Некоторые полагают, что наступило время поддержать Люсию Хенри.

Джос не поверил услышанному.

— Убийцы? Убить Президента? Какого дьявола распространяются эти нелепые слухи? Оппозиция просто занимается саморекламой.

— Веди себя осторожней, Джос. Алиса может заставить тебя расплатиться за то, что ты вовлек ее в более глубокий конфликт с Ямато, чем ей того хотелось. Но она нуждается в друзьях именно сейчас. Поэтому подумай, как ты изложишь ей всю эту историю.

— Если в Нейтральной Зоне будет еще продолжаться торговля, нам нужно получить ее разрешение или, по крайней мере, молчаливое согласие.

— Мы должны получить разрешение Президента, это правда. Но неизвестно, кто будет сидеть в Овальном кабинете через месяц-другой. Я не уверен, что администрация проямато даст тебе право пересечь границу, оговоренную соглашением. Пока император и Люсия Хенри играли в сотрудничество, по крайней мере какая-то коммерция была разрешена.

— А как насчет твоего обещания вернуться на Тиноцуки? — вмешался в разговор Уюку.

Джос Хавкен посмотрел на него с раздражением:

— Что?

— Как что? Ведь ты оставил там сотню людей!

— С этим придется подождать.

— Ты имеешь в виду — подождать ближайшего дня зарплаты?

Хавкен резко повернулся к нему.

— Я говорю — подождать!

Уюку повернулся и ушел, как только началась пресс-конференция. Он был удивлен ответом Хавкена и сильно на него разозлился. Вместе с китайцем Као, который находился в самом хорошем состоянии из всех, кто вернулся на «Ричарде М.», Уюку стал разыскивать в толпе Эллиса. «Приближается война,— говорил себе Уюку.— А на войне нельзя рассуждать по-торгашески. Надо предпринимать такие действия, на которые никто другой не отважится. Во время войны нужны особые люди». Уюку знал, как вовлечь Эллиса в свое дело. С тех пор, как «Юдифь Л.» покинула Садо, он провел много часов, составляя тщательный план мести. Для начала у него есть деньги, и он может заручиться мощной поддержкой. Нужно использовать время, пока в стране относительно спокойно, разорвать контракт с Хавкеном и осуществить свои планы.

Вечером Уюку разыскал Эллиса. Тот одиноко сидел в своем пустом доме. Уюку знал, что надо делать, и повел Стрейкера в бар «Черная дыра» на углу улиц Потомак и Пересмешника. Эллис шел, словно зомби, пошатываясь и задыхаясь. Уюку и Као поддерживали его под руки. Было холодно. В окнах домов мерцали отблески телеэкранов — передавали какое-то шоу. С тех пор как Уюку последний раз был в «Черной дыре», портрет улыбающегося Джеймса Когни сняли, и теперь грубый картон с изображением императора, сражающегося с Алисой Кэн, заслонял стену возле бильярдного стола. Несмотря на мороз, в помещении было тепло. Из кухни доносились аппетитные запахи. Уюку сунул монету какому-то однорукому, и тот, радостно улыбаясь, занял для них столик в углу. Обыватели с любопытством глазели на них, пока Джон не поднял свой здоровенный кулачище и не погрозил им.

— Ну что уставились? Астронавтов, что ли, никогда не видели?

Они сели за столик.

Уюку подозвал однорукого и заказал бифштексы, хрустящий картофель и кувшин кислого пойла. Као с

любопытством разглядывал бар. Он все еще не мог до конца поверить в то, что судьба его так резко изменилась. В ухе китайца сверкал кусочек металла. Это было сломанное кольцо, которым на Палаване метили рабов. Као преданно служил человеку, который доставил его на эту холодную планету, избавив от голода и сумасшествия.

— Эллис, нам нужно серьезно поговорить,— сказал Уюку, пережевывая бифштекс.

Стрейкер молчал, тупо уставившись в тарелку с нетронутой едой. Он хотел остаться один, закрыть глаза и больше никогда не просыпаться. Но Уюку, не желавший упускать удобного случая для серьезного разговора, не оставлял его в покое.

— Тебе нужно выпить, Эллис. Залей свою рану вином, тогда она не будет гноиться.

— Не могу...

— Помянем тех, кого сейчас нет с нами.

— Да. Они все погибли...

— Не все, Эллис.

Уюку внимательно посмотрел на Стрейкера, который постепенно начинал приходить в себя. В этот момент в бар вошла женщина с заплаканным лицом. Ей было около пятидесяти лет, и она была матерью одного из погибших астронавтов. Кто-то, словно специально для того, чтобы встряхнуть Эллиса, сказал ей, что капитан корабля, на котором улетел ее сын, сидит сейчас в «Черной дыре». Она подошла к столику.

— Где мой сын?

— Я не знаю,— прохрипел Эллис.

— Лучше бы вы никогда не возвращались.— Она молча развернулась и вышла.

Стрейкер посмотрел ей вслед и закрыл руками лицо.

— Знаешь, мы обманули их всех,— проговорил Уюку.

— Почему?

— Если бы погибли все, горе разделилось бы поровну. С вашим приземлением получилось так, что несколько воскресших обманули всех остальных.

— Может быть, ты и прав...

Эллис сделал несколько глотков и заел их остывшим бифштексом. Уюку понял, что теперь можно приступать к делу.

— Я разговаривал сегодня с Хавкеном.

— Ну и что?

— А то, что эта мумия думает только о том, как бы не разориться. Сволочь! Он надул всех! Как вы могли оставить на Кровавой Луне сотню человек?

— Не знаю. Я сам хотел там остаться.

— Хорошо, что ты вернулся. Мы должны выполнить те обещания, которые дал им Хавкен. Этот подлец не собирается ничего делать. Командор — это просто мешок засохшего дерьма. Я слышал, как он сегодня шептался со своим братом. Суки! Они трясутся за свои задницы и будут ползать на коленях и просить прощения у Алисы. До остального им нет дела. Им плевать, что станет с теми, кто остался в Нейтральной Зоне...

— Мне нужно выйти, Джон.

Уюку и Као, поддержая Эллиса, вывели его на улицу. Морозный воздух ударил в лицо. Стрейкер перегнулся через перила и начал корчиться от рвоты, выплескивая на землю все, что только что выпил и съел. Когда он немного отдышался, Уюку и Као затащили его обратно в бар. Они уселись за столик и заказали несколько кувшинов пива.

— Я потерял все, что только мог,— еле слышно проговорил побледневший Стрейкер. Он полез в карман и вытащил бумажник. Порывшись в нем, Эллис достал мелкую монету.

— Все, что у меня осталось от этой жизни, Джон...

Стрейкер повертел монету в руках и бросил ее на пол. Као тут же поднял ее и положил обратно на стол.

— Давай-ка лучше выпьем! — бодро предложил Уюку.

— Я горю как в аду, Джон!

— Пей!

Уюку поднял кувшин к губам Эллиса и заставил его глотать бледно-желтый напиток, пока пиво не потекло по бороде.

— Я хочу умереть...

— Умрешь. Когда придет твой срок.

Они замолчали. В баре было уже жарко. Запах жареного мяса перемешался с запахом вина и пота. Вокруг раздавались пьяные голоса. Эллис почувствовал, что его опять начинает тошнить.

— Мне нужно домой...

Стрейкер встал, чтобы направиться к выходу, но, покачнувшись, вновь уселся за стол. Уюку потянул его за рукав.

— Я хочу тебе кое-что сказать...

— Потом как-нибудь.

— Нет.

— Это подождет.

Уюку опять схватил Эллиса за рукав.

— Нет! Не подождет!

— Отпусти мою руку, Джон!

Уюку отпустил. Эллис одернул рукав и, сильно пошатываясь, направился к двери. Втроем они вышли из бара и остановились.

— Ты не хочешь вернуться за своим братом? Может быть, тебе на него тоже наплевать?

Эллис тупо посмотрел на Уюку.

— Заткнись, идиот! Мой брат мертв!

— Ты ошибаешься, Эллис. Твой брат жив.

Над их головами гудели самолеты, разрезая огнями ночное небо. Стрейкер ослабел и опустился возле стены. Ему показалось, что шум в баре стих. Рана в плече заныла, и боль отдалась во всей груди.

— Жив?..

— Да!

— Ты обманываешь меня, чтобы утешить.

— Нет! Дюваля видели. Двое его людей остались в здании порта. Они выползли из-под трупов и забрались в шаттл. Мы подобрали их, когда вышли на орбиту Садо.

Рот Эллиса открылся, глаза заблестели.

— Это правда?

— Один из них говорит, что видел, как твой брат отбежал от «Томаса Дж.» до взрыва, а другой клянется, что заметил, как он вылез из водосточной канавы и направился к побережью.

— Откуда они знают, что это был именно Дюваль?

— Насколько мне известно, только один человек среди наших астронавтов повязывал шею красным платком.

— Они лгут! Надеются получить от меня вознаграждение!

— Нет, Эллис! Я знаю, когда члены моего экипажа говорят правду!

Стрейкер тяжело вздохнул.

— Господи, неужели это правда?

Уюку склонился над ним. Его глаза засверкали, а рот растянулся в дьявольской улыбке, обнажившей жемчужно-белые зубы.

— Как тебе нравится путешествие вместе со мной? Мы вернемся в Ниигату. На этот раз с полным отсеком оружия. А, Эллис? Что ты на это скажешь?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Перелет на восток из Харрисбурга в Линкольн проходил над заснеженным континентом. За день до этого уцелевший груз был перенесен в четыре небольших самолета и всю ночь охранялся людьми Хавкена. На рассвете они отправились в путь. Он тряски у Эллиса разболелся живот, и каждый раз, когда он вставал, чтобы пройти в туалет, пол под ногами ходил ходуном, так что Стрейкер едва сохранял равновесие. В иллюминаторе не было видно ничего кроме ослепительного снежного покрывала. Только подогретые автомобильные дороги черными лентами рассекали белую поверхность равнин. Кое-где виднелся лес, напоминавший овечью шкуру.

Самолеты пролетали над знакомыми местами, с которыми у Эллиса были связаны мучительные воспоминания. Когда яркое солнце над облаками заглянуло в салон и согрело больное плечо, Стрейкер незаметно задремал.

После Святого Павла полет стал гораздо приятнее. Тряска прекратилась, и в самолете стало прохладней. Они пролетали над замерзшими озерами, фермами, городками с торчащими заводскими трубами, из которых поднимался едва заметный сизоватый дымок. Наконец они приблизились к долине Потомак, густо поросшей лесом. Оттуда самолет пошел на снижение. Увидев Линкольн, показавшийся вдалеке справа, Эллис почувствовал, как в его груди начало что-то оттаивать.

Когда Хавкен предложил ему сопровождать уцелевший груз, Стрейкер согласился. Он делал все, о чем его просили,— выполнял различные поручения, помогал при разгрузке. Но все это он делал механически, с отсутству-

ющим видом. Когда же Хавкен попросил сопровождать его в Белый дом, Стрейкер отказался. В этом он был непреклонен, помня слова Джона Уюку. Хавкен настаивал; он объяснил, что Эллис нужен ему в качестве надежного свидетеля событий.

— Я собираюсь подать жалобу в Совет Безопасности на тот прием, который оказали нам власти Ямато. Я хочу потребовать возмещения убытков. Ты пойдешь со мной?

— Да. Но тогда я буду просить разрешения Президента отправиться в спасательную экспедицию за нашими людьми на Тиноцуки. Ты ведь обещал им, что мы вернемся...

— Я не могу просить об этом.

— Тогда я не могу тебя поддержать.

Но Хавкен рассказал о плане, который позволит вернуться в Нейтральную Зону, несмотря на смуту, угрожающую Американо. Эллис ответил молчаливым согласием. Перспектива, открывшаяся перед ним, притупила горечь и боль, связанные с его прибытием домой. Обещания Хавкена поддержали огонь, который зажег в нем Уюку. Без этой надежды он бы погиб.

Они пролетали уже над западными пригородами и миновали блестящие гражданские здания Вильмонта, Пьемонта и Ричмонда. Университет, возведенный из местного красного камня, устремлялся остроконечными башнями к небу, вокруг них выделялись зеленые купола и зубчатые башенки. Эллис обрадовался, увидев знакомое здание Центральной библиотеки в Ричмонде. Она располагалась на берегу реки, и к ней примыкали фасады других зданий.

Рядом находился центр исследований РИСК. Он был спроектирован в «парящем» стиле XX века, шестиэтажный, с большими стеклянными окнами. Сквозь прозрачную синтетическую крышу виднелся бассейн с подогревом, по краям — металлические трамплины. Присмотревшись, в нем можно было различить плавающих дельфинов.

Берег реки заполонили различные аттракционы. С высоты птичьего полета были видны веселящиеся тури-

сты, бродяги-рыбаки, паром, пересекающий реку. Эллис заметил, как с парома съехал серый автомобиль, и из него высыпали пятеро ребятишек в разноцветных курточках. У Стрейкера сжалось сердце. Он подумал, что у него уже никогда не будет такой семьи. На улицах теснились грузовики и легковые автомобили. Когда они пролетали над широким Гудзоновым озером, Эллису показалось даже, что он почувствовал терпкий запах ила.

Неподалеку отсюда жил пси-советник Президента Ганеш Рамакришна. Стрейкер знал, что Хавкен неоднократно посещал его большой ашрам и беседовал с советником о возможности использования новых орбит или обсуждал последние исследования в области классической астронавтики. Хавкена интересовали те участки Нейтральной Зоны, куда редко заходили корабли.

— Ганеш обладает невероятным пси-талантом. Он фантастически эрудирован,— сказал Хавкен, указывая на жилище Рамакришны.— У него самая богатая библиотека на Либерти, с уникальными древними архивами.

— Я слышал, что он со странностями. Говорят, он маньяк,— поддержал разговор Эллис.

Хавкен кивнул:

— Он странный человек, это правда. Таинственный индус. Пьет ежедневно пинту собственной мочи и тому подобное. Но он настоящий гений. Это слово стало слишком распространенным сейчас, но как еще назвать человека с такими способностями? Он приблизился к единой теории вещества, энергии и пси, с помощью которой может описать Вселенную во всех ее взаимодействиях.

— Ты веришь в это?

— Президент верит, а этого достаточно. К тому же этот человек — хороший политик. Несмотря на мистические противоречия, Рамакришна считает, что Ямато — паразитическое существо с неутолимым аппетитом, которое жаждет превосходства над всеми секторами. Он уверен, что японцы воспользуются нашими затруднениями. Именно эти пророчества мешают врагам Рамакришны убрать его от Алисы Кэн. Они много раз пытались очер-

нить его. Но это довольно трудно сделать, так как Алиса дала понять, что гонения на Рамакришну в академической или какой-нибудь другой сфере будут расцениваться как государственная измена.

— Руки прочь от гуру, да?

— Да. Видишь, что означает благосклонность Алисы Кэн? К тому же он может действительно добиться успеха в своих теоретических изысканиях.

— А если Алиса оставит свой пост?

— Будет другой Президент. Но Рамакришна независим от любого правления. Он свободен и может уехать из Американо в любое время. Но в этом случае мы потеряем настоящий талант.

— Ты так высоко ценишь этого человека?

— Да.

В этот момент самолет мягко коснулся посадочной полосы. Эллис скрестил на груди руки и глубоко задумался. Его разум отказывался принимать антинаучные выводы, но в то же время его заинтриговала единая теория вещества, энергии и пси. Хавкен понял его сомнения и предложил чашечку кофе, пока к самолету подавали трап. Из иллюминатора было видно здание аэропорта с рестораном на первом этаже. Эллис разглядел вазу с апельсинами, которая стояла на столе, покрытом клетчатой скатертью. Они спустились по трапу на холодную площадку и уселись в поданные для них автомобили, которые доставили их в город.

Линкольн. Эллис вдруг ощутил неуемную энергию этого сказочного города. Но когда они понеслись по улицам, освещенным огнями рекламы, он почувствовал себя привидением, соглядатаем, бесстрастно наблюдающим за многоликой жизнью столицы. Это удивительное место — возбуждающая, агрессивная, напряженная сутолока человеческих стремлений. Город, растянувшийся на сотню миль, постоянно притягивающий к себе людей и вещи, словно фантастический пси-магнит. Он удваивается в размерах каждые десять лет и скоро, наверное, не будет знать себе равных.

Эллис разглядывал снующих по тротуарам мужчин и женщин. Словно в калейдоскопе, мелькали богатые особняки, соборы, витрины супермаркетов, низкие навесы над лавочками. Улицы были заполнены многоликой пестрой толпой.

Она бурлила, шумела, переливалась — в общем, жила сумасшедшей жизнью столицы американского сектора. Кричали уличные торговцы, суетились ремесленники, катившие свои тележки по запруженным улицам. Таксисты требовали платы, за ними наблюдали полицейские, желая получить свою долю или арестовать нечестных пассажиров. Казалось, что в любую минуту в центре этого циничного, распущенного и неблагодарного города на тебя могут напасть или завладеть твоей душой ради собственной выгоды.

Они провели ночь в особняке Хавкена на фешенебельной Пенсильвания-авеню. Их обслуживали синтетические слуги, придававшие всему вид слащавой искусственности. С утра их ждал обильный завтрак, так что они вышли из-за стола только к обеду и поехали в черном «Форде» на противоположный конец улицы. Синтетический шофер философствовал, пока Хавкен не приказал ему угомониться. Они подъезжали к Белому дому. Об этом говорила табличка, запрещавшая пользоваться поблизости самолетами.

— В целях безопасности,— пояснил Хавкен.— Все окружено щитами, которые отражают любое нападение.

— Замечательно.

— Помни, о чем я предупреждал тебя, и постарайся не говорить ничего лишнего. Это может повредить не только нам.

— Не беспокойся.

За садовой решеткой виднелись точные копии внушительных правительственных зданий, которые когда-то находились в Вашингтоне на Старой Земле.

Охранники в форме морских пехотинцев с голубыми шейными платками окликнули их и попросили предъявить документы. После проверки они повели гостей через подземный тоннель. Оказавшись за оградой, Хавкен и Стрейкер направились к вестибюлю правого крыла

здания, где находился Совет Безопасности. Множество коридоров, дверей, комнат, залов и вестибюлей образовывали настоящий лабиринт. Паркетный пол был покрыт лаком и выглядел как во всех государственных учреждениях. Повсюду сновали министры, служащие, сенаторы, конгрессмены. Они работали, переходя из комнаты в комнату, болтали, курили или крутились у выхода.

Все помещения были обставлены шикарной мебелью, стилизованной под двадцатый век. На стенах висели зеркала и картины в массивных позолоченных рамах, между ними стояли бюсты великих предков. Суетились кабинетные экспедиторы, помощники чиновников, парламентские приставы. Этажом ниже располагался подземный мир слуг, секретарей, шпионов, снабженцев, охранников, уборщиц и администраторов.

Сначала Хавкен подал прошение в Совет Безопасности, а затем их вежливо встретили офицеры Конгресса. Они повели Хавкена на расследование. Когда Эллис попытался последовать за ним, стража сомкнула оружие у него перед носом и молча преградила путь. Глядя на каменные лица охранников, он понял, что выведен из игры. Как неприкаянный слонялся он за дверью кабинета почти целый час, шагая по толстым коврам в коридоре.

Он не знал, в каком положении находится Хавкен, и вызовут ли его самого в качестве свидетеля событий на Садо. А если вызовут, то что он станет говорить. В тревоге Стрейкер воображал себе советников в темных костюмах — с серьезными лицами, напыщенных, осуждающих Хавкена за пиратство, невозмутимых внешне, а внутренне раздраженных тем, что экспедиция не принесла обещанной прибыли. Этого Хавкен боялся больше всего. Он знал, что прежнего доверия окажется недостаточно. В таких случаях бывшие политические союзники целуют в щеку, а потом поворачиваются спиной и зовут солдат.

В коридоре появился взвод морских пехотинцев, одетых в бело-голубую форму. Каждый охранник был вооружен складным карабином. Они вытянулись по стойке «смирно» в десяти ярдах от Эллиса, застыли, словно оло-

вянные солдатики, и уставились перед собой в одну точку. Появление морских пехотинцев расстроило Эллиса, который не понимал причины их прибытия. Он еще больше разволновался, когда к нему подошел какой-то мужчина, похожий на юриста, одетый в желто-коричневый плащ, и с черной бархатной шапочкой на голове. Его лицо свидетельствовало об интеллекте; у него был звучный голос и влажные карие глаза.

— Капитан Стрейкер?

Эллис выдержал взгляд.

— Да.

— Не будете ли вы так любезны последовать за мной?

Мужчина повернулся и сделал несколько шагов, но Эллис не двинулся с места.

— Я жду командора Хавкена. Он в кабинете...

— Да, я знаю. Пожалуйста, следуйте за мной.

Эллис по-прежнему не двигался.

— Ну что же вы? — настойчиво спросил незнакомец.

— Я не знаю, кто вы и откуда вам обо мне известно,— осторожно произнес Эллис.— Но, кажется, я арестован.

Мужчина мельком взглянул на морских пехотинцев и отрицательно покачал головой.

— Эти парни не имеют к вам никаких претензий, капитан. Меня зовут Фарис Кассабиан.

Он протянул руку, но Эллис не заметил ее.

— Чего вы от меня хотите? — спросил он Кассабиана.

Тот недовольно посмотрел на него, сверкнув глазами.

— Вы стали очень популярны за последнее время. Я хочу поговорить с вами, вот и все.

Эллис почувствовал отвращение к настойчивости этого человека, к его самонадеянным манерам. Но что-то в лице Кассабиана удержало Стрейкера, и, когда его попросили в третий раз, он последовал за советником.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Февральским холодным вечером, около восьми часов, когда уже прозвонили колокола на соседней башне, посол Сацума-но Окубо в одиночестве сидел в своей комнате, скрестив ноги на татами из рисовой соломы. Он сильно вспотел, составляя дипломатическое послание, работу над которым откладывал в течение нескольких дней. «Священное Императорское Величество! — написал он, покорно следуя формуле.— Мой долг — служить Вашему Императорскому Величеству. Беззаветная верность и любовь к Вашему Императорскому Величеству побуждают меня с глубочайшим смирением высказать свои предположения...»

Окубо был неуклюжим коренастым человеком лет пятидесяти. На нем было кимоно военного покроя, такое же черное, как и его глаза. Он задумчиво почесывал затылок, старательно подбирая слова, но никак не мог сосредоточиться. Его брови недовольно поднялись, когда он услышал звук подъехавшей внизу машины. Возможно, это был тот торговый капитан, которому Окубо недавно сделал осторожное предложение.

Второе письмо лежало рядом на татами за подставкой для чернильницы. С беспокойством посол снова обратился к первому, гораздо более важному письму. «Звезда Ямато взошла,— размышлял он.— Мы должны воспользоваться моментом, другого такого не будет. Промедление губительно. Никогда еще нам не предоставлялось такой удачной возможности уничтожить Американо».

Окубо не питал иллюзий насчет своего положения. Он сменил своего предшественника в тот момент, когда

император изгнал американского посла доктора Али Акбара Смита. Окубо вспоминал Смита с негодованием. Его саркастический нрав и отвратительные манеры оскорбляли всю столицу — Киото. А американский посол громко чавкал, ковырял в зубах вилкой и регулярно напивался, как свинья. Однажды в присутствии гостей императорской фамилии он отозвался о Муцухито как о «маленьком лжеце». В конце концов двор подал жалобу императору, который в это время находился на озере Бива в медитации дзэн.

Смит отказался принести извинения Муцухито, и тогда он был изгнан. Конечно, назначение Смита могло быть преднамеренным оскорблением, нанесенным Алисой Кэн. Барон Харуми, очень опытный в американском вопросе, доложил об этом императору. Сам тот факт, что Алиса Кэн командировала человека низкого происхождения, невоспитанного и грубого, способного только на самые пошлые выходки, мог свидетельствовать об умышленном пренебрежении, особенно если учесть, что императорский посол был столь утонченным и изысканным.

«Я тоже так думал четыре месяца назад. Но сейчас я вижу, что утонченность совершенно чужда американцам,— с сожалением размышлял Окубо.— Они считают себя цивилизованными людьми, но на самом деле они такие же варвары, как и китайцы. Однако незнание не оправдывает нарушения законов дипломатии. Пришло время показать Алисе Кэн, что она не может больше безнаказанно оскорблять императора Ямато. Пришло время напомнить всему Освоенному Космосу о нашей силе, которая в любой момент может сделать с Американо то, что уже сделала с Кореей и в настоящий момент делает с Китаем».

«Дружественные отношения между Американо и Ямато должны сохраниться,— напутствовали его советники перед тем, как он забрался в скоростной межпланетный корабль.— Но только при условии, что они будут основаны на почтении американцев к нам. В противном случае посольство должно быть враждебным». Стыд все еще жег

Окубо — он был глубоко оскорблен, когда на борту межпланетного корабля, направлявшегося на Либерти, ему рассказали, как сводный брат императора, принц Сэкигахава, предлагал послать в Белый дом свинью, одетую в американский костюм. Император отверг эту идею и послал Окубо Сигэнори учить американцев хорошим манерам.

Он провел уже четыре месяца на этой ужасной планете, где солнце встает в девять утра, а заходит в три часа дня. Окубо был убежден, что попал сюда в самое трудное для дипломата время.

«Да,— говорил он себе в горестных раздумьях,— позор моего назначения будет изжит очень нескоро. Для меня это обуза, но в то же время я с честью должен служить императору. Честолюбивый дипломат только закалится в очаге конфликта и сделает успешную карьеру. Я куплю победу императору, даже если придется наделать долгов. Но при этом я куплю победу и самому себе, потому что мечтаю увидеть, как экспансионистов Алисы Кэн сожгут на погребальных кострах. Костры разведут на улицах Линкольна, и станет светло, как днем. Осуществить эти мечты мне поможет торговый капитал».

Окубо знал сокровенное желание своего императора. С тех пор, как умер принц Кано, Муцухито становился все более замкнутым и все чаще подумывал о том, чтобы обратить весь Освоенный Космос в конфуцианскую веру. Он был уверен, что эту миссию возложили на него боги. Выполнение ее могло искупить духовные грехи принца Кано и его собственное участие в убийстве сына. Если бы только Окубо удалось связать эти надежды со своей дипломатической службой, репутация его была бы восстановлена. Он написал барону воинственное послание, рассказав о возможностях данной ситуации. Дерзкое нападение на Американо выглядело заманчиво, и у Харуми пробудился интерес. Теперь нужно было убедить Киото.

Письмо, которое Окубо адресовал императору, содержало просьбу увеличить расходы на содержание посоль-

ства. Новые затраты диктовались необходимостью расширения сети шпионов и осведомителей. Содержание письма искусно маскировалось за древними цветистыми выражениями Киото. Его могли расшифровать только частные секретари принца Сэкигахавы с помощью кода каньи.

Суть проблемы заключалась в том, что Окубо не мог позволить себе чрезвычайные траты, в которые его ввергали планы вторжения. Муцухито необходимо было убедить в том, что японское посольство в Линкольне нуждается в средствах. Сейчас. Немедленно! Если император не выполнит эту просьбу, все усилия Окубо окажутся бесплодными.

«Все что угодно, но только не это»,— подумал он, благоговейно глядя на древний меч катана, принадлежавший еще его предкам. Изогнутые деревянные ножны покрывал черный лак; на серебряной рукояти было двенадцать лепестков, напоминающих секторы Освоенного Космоса. Окубо взял в руки катана, поднял и со свистом рассек воздух. «Если бы американский сектор не имел такого удобного расположения,— подумал он,— войска барона Харуми уже несколько месяцев назад уничтожили бы эту грязную дыру и перерезали горло ее последнему упрямому жителю. Но уже скоро американцы узнают, что даже островное положение не защитит их от мощи Ямато.

Белый дом — это высохшее дерево. Искра! Одна лишь искра от удара мечом воспламенит Американо. Война охватит весь сектор. Это будет не просто война, а Эра разрушения: мы истребим навсегда отвратительных варваров. Одним ударом можно устранить все проблемы! И я, Сацума-но Окубо Сигэнори, рыцарь бусидо, член Совета его императорского величества, лично дам сигнал к их уничтожению!» Он закрыл глаза и прогнал образы, вызванные его мечтами. «Для фантазий мало времени,— сказал он себе,— нужно еще кое-что сделать. Капитан купца многое обещает. Но разве не все американцы развязные хвастуны? Следует побыстрей дописать послание императору».

Окубо погрузил кисточку в чернила и стал писать дальше, используя цветистые раболепные выражения, но стараясь при этом точно передать смысл. В конце традиционно следовало «самое важное»:

«Пусть боги хранят много лет священную персону Вашего Императорского Величества.

Из посольства Ямато в Американо. 2-го дня, 2-го месяца, в 21-й год Канэй. Вашего Императорского Величества посол и преданный слуга».

Часы пробили три раза, и Окубо услышал стук в дверь. Он поспешно отложил бумаги, убрал на место меч и распорядился, чтобы слуга впустил посетителя. Сойи скользнули в сторону, и перед послом предстал высокий блондин. Приталенный зеленоватый пиджак и модные брюки подчеркивали достоинства его стройной фигуры; от мужчины пахло дорогим одеколоном. В ухе болталась золотая серьга с изображением орла. Но самой изысканной и вызывающей деталью туалета была массивная платиновая цепочка, три раза обернутая вокруг шеи и уходившая под пиджак. Она была явно японского происхождения и казалась слишком дорогой, чтобы ее добыли честным путем. Окубо на мгновение потерял дар речи.

— Коннити ва, ваше превосходительство! — приветствовал его вошедший.

— Вы... Вы капитан Стрейкер?

— Он самый.

Широкая улыбка и открытый взгляд вошедшего поразили Окубо, но он быстро овладел собой. Этот стройный, худощавый человек с жесткими, аккуратно подстриженными волосами и бронзовой кожей обладал самоуверенными манерами пси-таланта. Его украшение, несомненно, свидетельствовало об удачной сделке, заключенной в Нейтральной Зоне. Капитан шагнул вперед и сжал ладонь Окубо в крепком рукопожатии.

— Вы, конечно, выпьете чаю?

— Да. Благодарю вас.

Окубо ожидал совсем другого: одного из бесхитростных мерзавцев, болтающихся вокруг местного орбиталь-

ного порта на Норфолке, или трусливого вора из какого-нибудь захолустья. Но этот человек не был ни тем, ни другим. Судя по его выговору, он был жителем Либерти. Взгляд казался жестким, но не злым.

«Возможно, мне удастся укротить этого льва,— подумал Окубо, беря в руки фарфоровый чайник.— В своем письме он упоминал о значительной выгоде, которую я смогу извлечь из этого дела. По крайней мере, этот человек достоин чашки зеленого чая».

— Какой чай вы предпочитаете, капитан? Я вам предлагаю тот, что выращен в Киото, в моем поместье.

— Мне по вкусу чай из Фуцзяни, если он у вас есть.

— А, черный чай из Китая,— улыбнулся Окубо.— К сожалению, у меня его нет. А вы бывали в Китае?

— Да, конечно. Если хотите, я могу прислать вам несколько упаковок по сходной цене.

— О, благодарю вас,— отмахнулся Окубо.— Мое положение, капитан, требует, чтобы я, как никто другой, сохранял верность японской продукции. Верность превыше всего, не правда ли?

— Верность? — Стрейкер презрительно усмехнулся.— Если вы и дальше собираетесь хранить эту «верность», за чай вам придется сильно переплачивать.

Окубо поставил чайник на место и опять улыбнулся.

— Я хорошо знаю цену услугам. Известно ли вам, что посол сам должен оплачивать свои расходы?

— В самом деле? Но мне кажется, что император поддержит его, если в этом возникнет необходимость.

Окубо ничего не ответил. Требовались большое искусство и выдержка, чтобы иметь дело с варварами, которые с неприличной торопливостью переходят к делу.

— Итак,— бодро проговорил посол,— вы получили аудиенцию. Что это за крупная выгода, о которой вы упоминали в письме?

Стрейкер наклонился вперед.

— Я имел в виду, что это выгодно для вас и в то же время позволит мне заработать некоторую сумму. Если вы потрудитесь выслушать меня, вам станет ясно.

Стрейкер начал излагать суть дела. Окубо ужаснулся, узнав, что перед ним человек, вернувшийся с Садо вместе с Хавкеном. Посол вспомнил о том, что за дверью стоит стража, а в углуежит кривой меч катана, но ни то ни другое, к сожалению, сейчас не понадобится.

— Сто человек остались на Тиноцуки, ваше превосходительство. Среди них — мой брат. Я хочу вернуть их всех обратно. Мое предложение следующее: в обмен на гарантию их освобождения и возвращения сюда я предлагаю вам значительную сумму золотом и определенные обязательства. Я дам вам ключ к Американо.

Окубо пристально посмотрел на Стрейкера, размышляя, выгнать его прямо сейчас или немного позже. Но серьезность тона капитана удержала посла.

— Продолжайте.

— В Нейтральной Зоне уже собрана армия, готовая в любой момент вторгнуться на территорию Американо. Но у вас на пути стоит Корея. Их пиратские корабли, повинующиеся тайному приказу Президента, могут блокировать ваше продвижение, и вы будете бессильны помешать им.

— Здесь это распространенное мнение,— проговорил Окубо, пытаясь сохранить невозмутимость.

— И оно обоснованно. Самураям барона Харуми требуется регулярное питание. Нарушение сообщения приведет к тому, что вашим войскам придется отступить в системы Гуама и Маршаллов. Корейцы возобновят попытки избавиться от вашего диктата и могут достичь успеха. В этом случае и китайцы не будут сидеть сложа руки. Им понадобится не так уж много времени, чтобы прийти в себя и вернуть то, что вы у них отобрали.

Окубо с неприязнью взглянул на Стрейкера. Этот грубый капитан совершенно четко проанализировал ситуацию — вероятно, он владел достоверными сведениями. Взгляды Стрейкера полностью совпадали с самыми худшими опасениями посла. Именно поэтому Окубо решил выслушать его до конца.

Китай, или Срединное Государство, как он себя называл, исповедовал конфуцианство и обладал самым большим населением. Правящий императорский дом Шан боролся с внутренними фракциями за неограниченную власть над сектором. Астрографически империя занимала самую выгодную часть Освоенного Космоса. Непосредственная близость к азиатским, европейским и американским секторам и беспошлинная торговля с ними представляли потенциальную угрозу Ямато. Наиболее опасным для Киото стало бы объединение миллиардов китайцев под началом сильного правителя. Империя смогла бы тогда соперничать с Ямато за господство в Освоенном Космосе. Аннексировав богатейшие земли, Китай стал бы контролировать соседние квадраты Кореи и Маньчжурии, которые, без сомнения, сделались бы сферой его влияния.

— Вам необходимо удерживать Корею в экономическом ярме,— настаивал Стрейкер.— Но Корея ускользает от вас, и вы ничего не способны с этим поделать. До тех пор, пока Алиса Кэн остается у власти, корейские орбиты не превратятся в артерии Ямато, и Корея всегда будет представлять для вас опасность!

Ладони Окубо повлажнели от волнения. Он потерял инициативу в беседе и теперь пытался ее вернуть.

— Я уверен,— попытался он возразить,— что скоро ситуация резко изменится. Новые таможенные пошлины позволят получить гарнизонам барона Харуми все необходимое.

— Неправда! Харуми просто глупец, если рассчитывает на Корею,— презрительно усмехнулся Стрейкер.

— Вы уверены в этом?

— Да. Корейцы обижены на то, что Ямато вводит новые тарифы на ввоз. Они будут сопротивляться. Но если Ямато все же обложит их непомерным налогом, то тем самым приобретет в лице корейцев новых врагов. Люди, которые создают и контролируют богатство корейского квадрата, окажут вам значительное сопротивление. Если каждая сотая часть собственности, каждая двадца-

тая часть от продажи земель и каждая десятая от всей остальной торговли будет у них отобрана, они попадут под гнет. Что корейцы в этом случае подумают о вас? Господин Якубо, вы не принимаете в расчет их свободы. Даже фракции, дружественно настроенные к Ямато, поймут, что барон хочет сделать из них рабов!

Окубо с ужасом представил ситуацию, которую описал Стрейкер. Сейчас он вспомнил гневные слова, произнесенные главным корейским бунтовщиком Кун Ван Паем, который призвал «сбросить позорную тиранию вторгшихся иноземцев и грабителей». Окубо похолодел. Подобная перспектива заставила его сердце сжаться, он с трудом сохранял невозмутимость.

— Я не разделяю ваших мыслей, капитан,— начал он медленно.

— Если бы я думал так же, как вы, я не нашел бы спасительного решения.

Эллис откинулся назад и серьезно посмотрел на Окубо.

— Сейчас это вообще не принципиально. Либерти накануне больших перемен, и мы ждем их с нетерпением. Ошибочно думать, что все американские торговцы хотят, чтобы у власти остался старый Президент.

— Как? Вы не верны вашему Президенту?

— Зато мы верны неизменным торговым принципам. Такие люди, как я, всегда страдают от введения эмбарго. У меня в Нейтральной Зоне сохранилось много коммерческих соглашений с японскими торговцами, которые разделяют мои мысли.

— И они предполагают, что гражданская война — это выход?

Стрейкер свирепо взглянул на посла.

— Знаете, Президенты приходят и уходят... Я хочу, чтобы мой бизнес процветал вне зависимости от того, кто находится у власти. Я сблизился с людьми, которые стоят между бароном Харуми и Либерти. Мне известны их настроения. Вы только представьте: большое количество доверенных агентов, вкладывающих свои кредиты в надежное дело, могут контролировать корейские орбиты

достаточно долго для того, чтобы отряды барона Харуми успели беспрепятственно достичь Американо. Я лично отдам в ваше распоряжение пять вооруженных межпланетных кораблей, которые гарантируют вам успешное приземление.

Окубо попытался привести мысли в порядок.

— Зачем вам это нужно, капитан? Низкие расценки — в интересах американских торговцев. Здесь у вас нет пошлины ни на десятую, ни на двадцатую долю. Зачем вы стремитесь попасть в положение ваших корейских соперников? Вы знаете, что может произойти, если Американо окажется во власти Ямато?

— Если это произойдет, к некоторым торговцам, без сомнения, будут более благосклонны, чем ко всем остальным. Придет день, и тот, кто проявил себя как друг, сможет рассчитывать на самый лакомый кусок, не правда ли?

— А значит, теперь мы снова возвращаемся к вопросу о верности,— медленно проговорил Окубо. Про себя же он подумал: «Осторожно, американцы обладают изворотливым умом. У них нет четких понятий о чести и верности. Они — сброд и грязь с душою торговцев. Сколько раз мне приходилось слышать их выражение: «Сорвать куш...» Нам, всецело преданным императору, это кажется невероятным. Но вполне возможно, что этот американец готов продать свой сектор и Президента за пригоршню «быстрых долларов».

Американец спокойно вздохнул и положил руки на колени.

— Я предлагаю вам всего лишь обычную сделку. Вам необходима помощь, и вы можете купить ее за два миллиона кредитов в свободно конвертируемых межсекторных облигациях. Вы вправе принять это предложение или отвергнуть.

— На два миллиона кредитов можно многое купить.

— Это зависит от того, что вы покупаете.

— Я подумаю об этом.

— Хорошо, господин Окубо. Но не размышляйте слишком долго. Мое предложение ограничено временем, в

отличие от вашего чая, который может вечно кипеть в чайнике.

Капитан легко поднялся с татами и оставил собеседника в раздумьях.

«Это правда, что американский Президент никогда еще не был так воинственно настроен,— размышлял Окубо.— Правда и то, что за неимением безопасных путей через корейские орбиты интервенция в Американо может оказаться невозможной. Но, как сообщают шпионы, в Американо сейчас миллионы людей оказались без работы из-за введения торгового эмбарго. Терпение их уже на исходе. Рано или поздно здесь возникнут серьезные беспорядки. Пожалуй, этот человек действительно принес ему ключ от дверей Американо. И если это так, то он, Окубо Сигэнори, должен взять этот ключ».

Эхо шагов капитана стихло, и Окубо открыл ящик испанского бюро. Он извлек из него письмо императору. «Если включить сюда предложение, сделанное Стрейкером,— подумал посол,— то каждый иероглиф этого послания может оказаться золотым».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Покинув резиденцию, Эллис направился пешком в сторону Ист-Сайда — района, которого ночью избегал любой здравомыслящий человек. Редкие прохожие смотрели на него враждебно, а из подворотен доносились лай собак и какая-то возня. Стрейкер шагал по грязным тротуарам, не обращая внимания на сомнительные рекламы увеселительных заведений и зазывания сутенеров. Широко размахивая руками, чтобы согреться, он почти желал, чтобы кто-нибудь набросился на него в темноте. У Стрейкера были причины идти именно этим путем: если кто-нибудь попытается следить за ним, он моментально это обнаружит. К тому же он нисколько не боялся нападения. За две недели бездействия в Линкольне он постиг всю глубину произошедшей с ним трагедии, и теперь был готов ко всему. Что еще мог принести ему этот город?

Эллису хотелось избавиться от тягостного впечатления, которое осталось у него после встречи с послом. Любой разговор, наводивший Стрейкера на мысли о брате, был для него невыносим.

— Я заставлю тебя плясать под мою дудку, сукин сын! А потом воткну нож мясника прямо в твою тушу, Окубо! — проговорил он вслух, сжав кулаки.

Две недели назад Хавкен рассказал ему о встрече в Совете Безопасности. Кажется, она не принесла никаких результатов. Командор изложил все факты, касающиеся событий на Садо. Ему назначили еще одну встречу на более поздний срок. Хавкен не питал иллюзий относительно ее возможных последствий, но приказал Эллису

быть наготове и ждать дальнейших инструкций. Стрейкеру очень хотелось отказаться от всех этих условностей. Он желал лишь вернуться в Харрисбург и найти Джона Уюку, чтобы выработать дальнейший план спасения брата и тех, кто с ним остался в Нейтральной Зоне. Сейчас необходимо действовать, а промедление лишь создаст новые трудности.

Едва сдерживая гнев, он шел по городу, отражавшему его настроение. Линкольн был охвачен кризисом. Атмосфера накалилась до предела — нарастал мятеж, и по городу ходили самые противоречивые слухи. Он шагал по главной улице, минуя перекрестки, освещенные синим неоновым светом. Кругом было полно торговцев, нищих, проституток, кучками толпились алкоголики. Сумерки тревожили его, и он никак не мог успокоиться. Узнав черный силуэт здания РИСКа, Стрейкер свернул в его сторону, направляясь к месту встречи с Хавкеном.

Он прошел мимо освещенного памятника забастовке в Вегасе и Дворца роботов, миновал испанский квартал с его фешенебельными ресторанами. По дороге ему встретилась небольшая демонстрация сторонников Ямато, несущая транспаранты с призывами. Проходя по мосту, он взглянул вниз, на воду. От нее поднималось зловоние, отравлявшее воздух. Эллис знал, что вверх по течению находилась стоянка катеров, которая загрязняла реку. Это была настоящая язва для Линкольна. «Если так будет продолжаться,— подумал Стрейкер,— то скоро знаменитые истсайдские раки все повыведутся». Он постарался не вдыхать ртом грязные испарения.

Через несколько минут к нему подошли синтетический лакей Хавкена и еще один слуга, которого Эллис никогда раньше не видел. Оба робота выглядели тощими и казались неестественно бледными при уличном освещении. Они напомнили Эллису корабельных крыс. Слуги пригласили его сесть в автомобиль.

— Будьте любезны, сэр,— проговорил один из них, открывая дверцу.

— Припаркуйте его. Я пойду пешком.

— Слушаюсь, сэр. Как вам будет угодно.

— Хавкен просил что-нибудь передать мне? — спросил Эллис.

— Да. Он сказал, чтобы вы присоединились к нему в деловой части города, когда вам будет удобно.

— Где именно?

— Пойдемте с нами. Мы вам покажем дорогу.

— Это далеко отсюда?

— Нет. Совсем близко.

Эллиса смущала услужливость синтетических слуг, и он чувствовал себя с ними неуютно. «Интересно, есть ли у них документы? — подумал Стрейкер.— А Хавкен, наверное, очень богатый человек. Только по-настоящему обеспеченные люди могут себе такое позволить. Сколько времени требуется для того, чтобы запрограммировать, вырастить и воспитать их. Они очень дорого стоят...»

— Как вас зовут? — обратился Эллис к роботу.

— Дворецкий.

— Это ваша фамилия?

— Нет, сэр. Должность.

— О, Господи...

Они шли с полчаса. Синтетические слуги с обеих сторон охраняли Эллиса от сомнительных личностей, появлявшихся из подворотен и дверных проемов. Роботы были запрограммированы на охрану и усердно выполняли поставленную перед ними задачу. Эллис ловил на себе завистливые взгляды прохожих. Он перебирал в кармане жетоны кредита, испытывая жалость к бездомным бродягам, которым даже негде было погреть кости в такую холодную ночь.

Внезапно они увидели тело, лежащее поперек дороги. Из кучи тряпья них взглянуло лицо старика. На его плешивой голове был сделан надрез, из которого к плечам спускались серебристые провода —прямая стимуляция, изобретенная в Центре изучения мозга для того, кто пожелает подставить свою голову.

— Сюда, сюда, сюда! Крысы, мыши и другая еда! — напевал старик веселую песенку.

Увидев Эллиса, он прервал исполнение и натужно завыл:

— Пода-а-айте ветерану резни Хо Ши Мина!

Стрейкеру стало жаль нищего; он достал блестящий жетон и сунул его в руки старика.

— Пожалуйста, не делайте больше этого, сэр. Если увидят остальные бродяги, они не отпустят нас живыми.

Эллис не обратил внимания на просьбу дворецкого, но когда они отошли подальше, тот пустился в нудные заученные объяснения.

— Пожалуйста, капитан, не делайте этого. Их тут целые толпы. Если они увидят блеск монет, то набросятся на нас, как свора бродячих псов. Вы очень долго отсутствовали, сэр. Возможно, вы забыли цену одного кредита.

— Что вы знаете о человеческом страдании, черт побери? Неужели вы никогда не слыхали о милостыне? — перебил его Эллис.

— Да, сэр,— дворецкий прижал руку к груди.— Приношу свои извинения.

— Значительная часть этих существ,— монотонно забормотал другой слуга,— просто жулики. Да, сэр. Жулики, изготовленные на заказ.

— Но кому нужно подделывать нужду? — раздраженно возразил Эллис.

— Это работа синдиката, сэр,— вновь заговорил дворецкий.— Они неживые, во всяком случае, не более живые, чем водитель или я. Хотя некоторые собраны из настоящих запасных частей с использованием живой человеческой ткани. У них на ладонях есть метки — «Е» или «Р» —и голубые кресты под мышками. Торговля синтетическими устройствами идет плохо. Корпорация разоряется. Это уцененный товар, управляемый бандитами. Вот почему здесь так много нищих.

— Сложный вопрос с точки зрения морали, согласитесь, капитан,— поддержал дворецкого водитель.— Они кажутся людьми, потому что запрограммированы для выпрашивания милостыни. Но это дело рук бандитов.

— Водитель прав,— энергично кивнул дворецкий.— Обычно их арестовывают и переплавляют...

— Заткнитесь вы оба! Неужели вы думаете, что я с двадцати шагов не отличу синтетика?

В полном молчании они подошли к великолепному особняку из французского кирпича с множеством широких окон. Среди политиков распространилась мода на шикарные дома с огромным штатом прислуги. Из дома доносились голоса собравшихся. Эллиса остановила охрана и потребовала оставить оружие. Он отдал им свой «Вессон» и почувствовал себя на какое-то мгновение беспомощным. Но войдя вовнутрь и осмотревшись, Стрейкер успокоился.

Просторная гостиная была обставлена со вкусом. Особый уют придавал ей настоящий камин, в котором пылал огонь. Синтетические слуги с подносами суетились вокруг столов, ломившихся от лучших образцов синтезированной пищи. Эллису даже показалось, что на столах было несколько деликатесов из натуральных продуктов. Среди гостей были высокопоставленные лица, государственные чиновники, ученые. Немногочисленная молодежь танцевала. Несомненно, владелец особняка принадлежал к высшим политическим кругам. Эллис очень быстро отыскал Хавкена.

— Что-нибудь случилось? — спросил Стрейкер, понизив голос.

— Да. Очень многое.— Хавкен не мог скрыть волнение.

— Почему мы здесь? Кто хозяин этого особняка? — Эллис оценивающе оглядел роскошное убранство.

— Подожди, обо всем по порядку. Скажи, Окубо согласился на предложение?

— Пожалуй, он проявил интерес. Что это за место?

Хавкен сжал губы и сделал вид, что не слышал вопроса.

— Эллис, здесь кое-кто хочет с тобой поговорить. Сегодня вечером все словно с цепи сорвались. Можно сказать, что нарыв наконец лопнул.

— А Кассабиан здесь? — спросил Эллис, удивляясь растущему напряжению Хавкена.

Эллис подумал, что Хавкен, быть может, хочет предупредить его о какой-то грозящей ему опасности. Командор ни на минуту не забывал, что все их будущее висит на волоске. Осторожность и ответственность уже давно иссушили душу Хавкена. Он никогда не мог полностью расслабиться и отдаться на волю судьбы, как подобает астронавту.

— Эллис, с тобой хотят поговорить,— прервал его размышления Хавкен.

— Я готов. Но скажи на милость, чей это особняк?

Не успел Хавкен ответить, как к ним подошла высокая сухопарая женщина средних лет со спокойным выражением лица. Она держала за руку маленького мальчика, похожего на эльфа. На вид ему было лет пять или шесть. Рядом стояла высокая девушка с утонченными чертами лица и застенчивой улыбкой. Эллис был поражен ее красотой. Но внезапно он узнал эти черты и понял, кто является отцом девушки и кому принадлежит этот особняк. Хавкен почтительно представил его.

— Капитан Эллис Стрейкер. Вара Лаббэк.

— Очень рада встретиться вами, капитан.

— Я тоже, миссис Лаббэк.— Он холодно улыбнулся ей.

— Это мой сын Бобби. Скажи: «Добро пожаловать в дом моего отца».

Мальчик сказал и улыбнулся. Эллис присел и пожал его ручонку.

— Моя старшая дочь Реба.

— Я очарован.

Девушка молча пожала его руку. Она казалась воплощением изящества; Эллис ощутил тепло ее улыбки. В то же время он заметил, что хорошо одетый юноша, сидящий неподалеку на кушетке, внимательно наблюдает за ними. Он держал себя в гостях непринужденно. От Эллиса не укрылось, как Реба мельком взглянула на юношу. Улыбка исчезла с ее губ, и девушка отступила назад.

— Не будем задерживать вас, мистер Хавкен,— проговорила Вара Лаббэк.— Я полагаю, у вас есть дело к моему мужу.

Хавкен и Стрейкер пошли в другую комнату. Пользуясь моментом, Хавкен взволнованно зашептал слова, которые поразили Эллиса до глубины души.

— У меня нет времени для подробных объяснений. Нас пригласил сюда Совет Безопасности. Тщательно подбирай каждое слово и помни, что от сегодняшней ночи зависит вся наша жизнь. Я слышал от Отиса Ле Грана, что нас собираются обвинить в пиратстве. Будь осторожен. Человек, с которым мы собираемся встретиться, может оказаться нашим палачом.

Они подошли поближе к камину. Возле него на кушетке сидел строго одетый мужчина. На коленях он держал ребенка, рядом стояли еще трое. Он рассказывал детям фантастическую историю, которую они внимательно слушали. Ему было за пятьдесят, и его вытянутое лицо с глубоко посаженными глазами светилось мягким юмором. Он осторожно высвободил руки, когда Хавкен подошел к нему, и кивнул, узнав командора.

Это был государственный секретарь Вильям Конрой Лаббэк. Он встал и повел Хавкена и Стрейкера по светлому коридору в большую комнату, уставленную сотнями книг. На полках стояло несколько древних скульптур. Стену украшал масонский крест, рядом с которым висели исторические гравюры. Эллис с благоговейным трепетом взглянул на книжные полки. Это была библиотека в старинном стиле, двадцать на десять ярдов. С потолка свисала бронзовая люстра, в которую были вставлены натуральные восковые свечи. Молчаливый слуга терпеливо зажигал их одну за другой, готовя комнату к приходу посетителей. Слуга принес стулья и развел огонь. Это был не обогреватель — в камине горели настоящие дрова. Запах множества старых книг успокоил и окрылил Эллиса.

Государственный секретарь сел за длинный, искусно выполненный дубовый стол. Беззаботность слетела с его

лица, и оно приняло серьезное выражение. Лаббэк внимательно смотрел на Хавкена, когда тот объяснял, что Эллис — тот самый свидетель, о котором он говорил в Совете Безопасности. Стрейкер почувствовал, что от Лаббэка исходит мощный заряд силы. Но это была не просто властность, основанная на холодном чувстве ответственности. Лаббэк обладал способностью сплетать в уме одновременно пятьдесят разных мыслей, так что разгадать его планы было невозможно. Голос его был немного гнусав, но мягок, а слова точно передавали суть дела.

— Вы посетили резиденцию посла Окубо. Что вы сказали ему?

Эллис откашлялся.

— Я сказал, что могу помочь в его предприятии.

— Вы точно повторили то, что командор Хавкен просил вас передать ему?

— Да, сэр. И более того. Предложение, которое я ему сделал, буквально выглядело так: за миллион кредитов в конвертируемых облигациях он получит в распоряжение пять кораблей, если только освободит наших людей на Садо.

— Ваш брат среди них, не так ли?

— Да.

— И Окубо принял ваше предложение?

— Пока промолчал. Но я полагаю, примет.

— Хорошо. Теперь перескажите слово в слово вашу беседу с послом Окубо.

Конрой Лаббэк откинулся назад и внимательно смотрел на Эллиса, пока тот делал свой доклад. Государственный секретарь изучал Стрейкера и сравнивал свое впечатление с той характеристикой, которую дал астронавту Хавкен. Как сказал командор, Стрейкер был настоящим пси-талантом, наделенным острым умом. Детали, которые он сообщал о встрече с Окубо, несомненно подтверждали это.

Хавкен ручался, что Эллис — человек надежный. Он описал его верность в самых высоких тонах и похвалил его политическое чутье. Кроме того, Хавкен уточнил, что

обстоятельства личной жизни Стрейкера — потеря семьи и пленение брата — делали его самым подходящим человеком для той игры, которую они затеяли.

Слушая Эллиса, Лаббэк понимал, какое сильное чувство испытывает тот к пропавшему брату. В манерах Стрейкера было что-то наивное и искреннее. Государственный секретарь подумал, что ему трудно будет отдать приказ убить такого человека. Но Лаббэк с сожалением вынужден был признать, что подобный приказ, вероятно, будет необходим.

«Приближается очень трудное время,— напомнил он себе.— Не надо быть политиком, чтобы заметить, как пульс столицы учащается с каждым днем и часом. Левиафан войны пробуждается ото сна, изрыгает пламя и пугает людей. Ито доносил, что волнением охвачены все участки сектора Американо. К счастью, Отис Ле Гран планирует выступить против меня завтра. Если он донесет Президенту о той игре, которую с моего ведома затеял Хавкен, я погиб. Поэтому я должен решить судьбу командора сегодня же ночью».

Лаббэк сжал кулак так, что хрустнули суставы. «Если Муцухито действительно решился на вторжение, как утверждает Хавкен, то ему необходимо оказать сопротивление и разрушить его планы. В этом случае желание Стрейкера освободить своего брата может оказать хорошую услугу и направить Окубо по ложному следу. Это более чем ясно. Но действительно ли Муцухито задумал вторжение? Если нет, то поддержка Хавкена разгневает императора и подтолкнет его на путь войны. Это бессмысленно. Сохранение мира — более правильный путь».

Лаббэк тщательно взвешивал второй вариант. «Возможно, мне необходимо помириться с Ле Граном и прекратить противодействовать тем, кто пытается заделать трещину в отношениях с Ямато. Тогда я перестану быть мишенью их нападок. Не лучше ли прекратить эту двойную игру? Уладить дела с Окубо и арестовать Хавкена со Стрейкером в знак дружбы с Ямато? Правда, вмешатель-

ство Кассабиана уже сделало это затруднительным, но еще ничего не поздно исправить».

Лаббэк уже в который раз проклинал неудачное стечение обстоятельств. Как раз в тот момент, когда миллионы ростков, посаженные им за время пребывания в должности государственного секретаря, вот-вот должны принести плоды, эти обстоятельства, казалось, засасывали его, словно в черную дыру.

«Я проделал колоссальный труд,— думал он с гордостью.— Моя программа по сокращению расходов и восстановлению курса валюты поставила экономику на прочную основу. За годы мира сектор преобразился и расцвел. Всего лишь за десять лет я добился усиления американской обороны. Созданы армия, флот, новая промышленность. Мне удалось привлечь на Либерти иностранных инвесторов и производителей. Значительно увеличился оборот банковского капитала. Европейские компании разрабатывают источники сырья и сверхтяжелых металлов... Какая трагедия, если все это разрушится за несколько месяцев!»

Лаббэк внимательно слушал Эллиса, поигрывая своей тяжелой цепочкой. Стрейкер закончил доклад. Государственный секретарь все еще не был уверен, что игра, начатая Хавкеном, принесет положительные результаты. Конечно, Стрейкер преследовал свой собственный интерес, но он говорил правду. Возрастающая враждебность Ямато могла уничтожить все, что достигнуто за последнее десятилетие. Этого нельзя допустить, даже если придется во имя высших интересов сектора выдать двух патриотически настроенных граждан суду Ямато.

— Нам нужен единый сектор — безопасный и сильный,— открыто сказал им Лаббэк.— Это главное. Мы не в состоянии сейчас воевать с Ямато. Моя внешняя политика балансирует на острие ножа. Похоже, что самурайские легионы барона Харуми со дня на день захватят Корею с ее марионеточным правительством. Ну а затем они сокрушат Независимую Маньчжурию.

— Что тогда? — твердо спросил Хавкен.

— Ямато-китайский союз против Американо. Это единственно здравый путь для наших врагов — возможность, которую они не упустят, чтобы завоевать нас. Фарис Кассабиан уже перехватил переписку между китайской верхушкой и Муцухито. Встреча должна состояться через два месяца. Что я могу тут поделать, скажите? Как я спасу Американо от двух титанов?

Ответ Хавкена были смелым и прямым.

— Необходимо создать оборонительный союз с Европой. Вы должны поддерживать и снабжать всем необходимым зародившиеся повстанческие движения в Маньчжурии. Эти движения могут захлопнуть дверь перед носом вдовствующей китайской императрицы, которая годами использовала Маньчжурию против нас. Вы должны раскрыть заговоры в Латинском Американо, где Ямато собирается основать стратегические базы, с которых будет удобно атаковать нас. Вы должны обратиться за помощью к тайванцам и корейцам, которые, пока остаются свободными, будут противоборствовать Ямато.

— У нас мало времени.

— Тогда нужно решиться и начать прямо сейчас.

— Всего этого еще недостаточно. Европа слишком далека, повстанцы в Маньчжурии слишком слабы, а корейцы — разобщены. Наша единственная надежда — укрепить союз с Китаем. И единственный способ сделать это — согласиться с требованием императрицы и передать участок десятого градуса Нейтральной Зоны в собственность Китайской Империи. Мои попытки достичь соглашения по этому вопросу пока терпели неудачу.

Лаббэк пытался придумать способ спасти Хавкена и Стрейкера, или хотя бы одного из них, от обвинения в предательстве, выдачи властям Ямато и церемониальной японской казни. Если Кассабиан прав, гражданская война в Китае скоро прекратится. Вдовствующая императрица стремилась возвести на трон одного из трех своих сыновей. Попытки выдать Алису Кэн замуж за принца Фа Сиена провалились, его брат Фу Чин уже женат, остался еще один. Пожалуй, есть возможность установить союз с Китаем че-

рез девятнадцатилетнего принца Пи Ву. Если Кассабиан прав... Лаббэк опять заставил себя вернуться к делу и изложить Хавкену главную проблему.

— Вам не найти ответа на эту загадку, потому что основная угроза исходит не от Ямато,— хрипло проговорил Лаббэк. Его слова звучали как исповедь.— Я оказался в центре борьбы за власть. Против меня организован заговор. Отис Ле Гран постоянно противоборствует мне, ища поддержки у Хальтона Хенри и других отпрысков этого клана. Представители Дакоты, особенно Уотерс и Уэстерленд, недовольны доверием Президента ко мне. Их раздражает моя влиятельность. Зависть и обида — мои главные враги. И если сейчас Президент отвернется от меня, мы потеряем все.

— Мы точно в таком же положении, мистер Лаббэк,— заговорил вдруг Эллис.— Поэтому нам надо объединиться. Сторонники мира с Ямато рискуют попасть под прямое подчинение Киото, а это приведет к гибели. Можно ли уступить им дорогу без борьбы?

Хавкен в упор посмотрел на Эллиса, пытаясь взглядом остановить его, но Стрейкер не обратил на это внимания.

— Корейский лидер Кун Ван Пай не такой уж глупый человек. У него есть официальная полиция, с помощью которой он ловит пиратов в своем квадрате. Суть в том, что он владеет самыми мощными кораблями в корейской системе. У него есть по крайней мере пятьдесят так называемых пиратских кораблей, совершающих рейсы по его приказу. За год он мог бы вооружить и восемьдесят кораблей. Корею никак нельзя сбрасывать со счетов. Она еще не потеряна для нас. Давайте окажем им посильную помощь. Если мы поддержим их капитанов в американских портах, возможно, они будут патрулировать орбиты в Нейтральной Зоне и встанут между Ямато и Американо.

— Еще один повод, чтобы Ямато затаила на нас злость?

— Дайте в мое распоряжение шесть кораблей, господин секретарь. Если мне не удастся через Окубо втянуть

барона Харуми в неподготовленные военные действия, я сам смогу напасть на его транспортные корабли и отправить их в ад! Вы только представьте! Его самурайские дивизии окажутся беззащитными на калифорнийских орбитах, когда его же торговый эскорт выставит против него сверхоружие!

Подумайте, что значит для самурая потерять лицо! Это ввергнет Ямато в такой позор, что японцы по крайней мере еще десять лет не отважатся поднять задницы!

— Если бы это было так просто, капитан.

— Кто из нас не пират в душе? — спокойно произнес Эллис. Он взял себя в руки, прекрасно понимая, что его жизнь и будущее Американо зависят от того, сумеет ли он убедить государственного секретаря.— Мистер Лаббэк, я — американец и знаю: для того, чтобы американцы добились успеха, нам нужно решиться на то, на что никто другой не способен. Мы не так богаты, как Ямато, наш сектор малонаселен и лишен ресурсов. Но наши люди обладают смелостью. Поверьте им, и они вас не подведут!

Неожиданный стук в дверь прервал их разговор и помешал Лаббэку ответить. В библиотеку вошел тучный мужчина среднего роста с седыми вьющимися волосами. На вид ему можно было дать около шестидесяти лет. Это был Николай Белков — самый богатый союзник Лаббэка в Совете Безопасности.

Они с Лаббэком встретились впервые еще в студенческие годы на Массачусетсе. С тех пор Белков чрезвычайно разбогател. Это удалось ему во многом благодаря тому, что в свое время он игнорировал распоряжения Стрэтфорда Хенри и не подчинился указу Центральной Власти, запрещавшему торговлю в Нейтральной Зоне. Белков выстоял и в грозные годы правления Люсии Хенри, сохранив твердые экспансионистские убеждения. Теперь, владея обширными земельными участками в шести штатах, он занимал пост государственного казначея. Именно Белков поддержал Хавкена и публично сделал свой взнос в его экспедицию. Именно он защищал командора после возвращения, заставив Совет Безопасности отложить за-

седание. Белков тепло приветствовал Хавкена, дружески кивнул Эллису и опустился в кресло.

— Плохие новости. Я слышал мнения Моргана и Кесаря. Они друзья вице-президента. Эти люди хотят немедленного восстановления дружеских отношений с Муцухито.— Он повернулся к Хавкену.— И ваши парни будут выданы японскому суду.

Хавкен побледнел и застыл. Белков быстро повернулся к Лаббэку.

— Но тем лучше! Сегодня днем Президент залепила пощечину Отису Ле Грану, защищая вас от его нападок. Это было замечательное зрелище, Конрой! Она вся вскипела от ярости и прогнала его к чертовой матери, как лакея. Жаль, что вы этого не видели.

Лаббэк с облегчением вздохнул. Больше всего он боялся интриг Ле Грана. Его беспокоило то, что Алиса могла попасть под влияние своего любимца и позволить событиям развиваться по сценарию вице-президента. Это означало бы конец карьеры Лаббэка. Без поддержки Президента он оказался бы выведен из игры. Но Алиса упрочила его положение, не поддавшись на хитрость Ле Грана. Лаббэк повернулся к Эллису — ему нужно было время, чтобы поразмыслить над новым поворотом событий и принять какое-то решение.

— Мы продолжим разговор позже. Будьте любезны, капитан, наслаждайтесь гостеприимством моего дома. Простите, но мне нужно обсудить несколько вопросов...

Стрейкер поднялся со вздохом и неохотно покинул комнату. Когда капитан вышел, Лаббэк рассказал Белкову о планах Хавкена и о том, что произошло этим вечером у Окубо.

— Мы должны действовать быстро!

— Что вы собираетесь делать? — спросил Хавкен Белкова.

— Как всегда, следовать своей интуиции. Быть может, я найду применение вашему капитану Стрейкеру.

Белков и Хавкен наблюдали, как Лаббэк подошел к камину. Николай Белков был ближайшим другом госу-

дарственного секретаря уже на протяжении многих лет. Они вместе преодолевали политические кризисы и составляли совместные планы. Их богатства росли одновременно. В трудное время они всегда действовали сообща.

Лаббэк подошел к камину, взял пучок прутьев и согнул его в руках.

— Взгляните сюда, джентльмены! — проговорил он с достоинством древнего актера Джона Хьюстона.— Когда ветки вместе, я не могу сломать их — мне это не по силам. Но по одной...— Он вытащил ветку и легко переломил ее, за ней другую, третью.— Николай, каждый, кто начнет действовать в одиночку окажется в моей власти.

Эллис вернулся к гостям. Он заметил, что маленьких детей уже отправили спать, и в гостиной стало тише. Гости вели себя чинно. Одни играли в карты, другие спокойно беседовали. Эллиса сразу же окружили и заставили рассказывать о страшных приключениях в Нейтральной Зоне. Он старался держаться вежливо и непринужденно.

Вара Лаббэк вывела его из компании любознательной молодежи и увлекла за собой. Она задавала вопросы, на первый взгляд не относящиеся к делу, но при этом незаметно для Эллиса выведала у него все, что ее интересовало. Прогуливаясь по длинной галерее, они подошли к кучке зрителей, наблюдавших за игрой, которую Эллис видел впервые.

Через комнату, примыкающую к галерее, была натянута сетка. Двое юношей в теннисках били по красному шарику с белым оперением, который, несмотря на резкие удары грушевидных ракеток, плавно перелетал с одной стороны комнаты на другую. После тяжелых передряг, в которые попадал Эллис в последнее время, это занятие показалось ему легкомысленным.

— Курт Райнер и его противник Арт Логан.

Эллис узнал в Райнере того надменного молодого человека, который привлек его внимание в гостиной во

время знакомства с Ребой Лаббэк. «Вот он какой, Курт Райнер»,— подумал Эллис, вспоминая историю, которую рассказал ему один из слуг Хавкена: пару лет назад Райнер набросился на робота Лаббэка и убил его. Наблюдая за сильными ударами ракеткой, Эллис понял, что его первое впечатление оказалось верным. Такое случалось с ним уже не в первый раз, и он всегда старался доверять этому первому, интуитивному чувству.

— Курт живет с нами в качестве протеже моего мужа. Конрой надеется, что однажды он станет членом семьи, женившись на нашей старшей дочери. Сильный игрок, не правда ли?

— Какова цель этой игры, миссис Лаббэк?

— Мы часто развлекаемся древними играми. Быть может, этой вы не знаете. Она называется бадминтон.

— Я никогда не видел ничего подобного. У нас на кораблях как-то мало времени для игр.

Вара с упреком посмотрела на него.

— Мы играем и в другие игры, более интеллектуальные. Мы любим разные головоломки, которые сами же и придумываем. Ну, например: я знаю, что вы астронавт, поэтому попытайтесь представить себя адмиралом Ямато. В чем бы вы видели свою главную задачу?

— Адмиралом Ямато? Нужно быть дьяволом, чтобы узнать об этом.

— Попытайтесь. Что бы вы посоветовали императору?

— Я бы посоветовал ему поставить в порт свои корабли и поменьше надоедать мелким торговцам в Нейтральной Зоне.

— Нет. Вы пытаетесь отделаться шуткой. А я хочу получить от вас серьезный ответ.

В этот момент воланчик, пущенный одним из игроков, полетел в сторону Эллиса, и тот ловко поймал его. Райнер потребовал воланчик и подставил ракетку; его соперник приготовился отразить удар. Стрейкер вернул воланчик с извиняющимся жестом. Райнер, перебравший пива, не обратил на Эллиса никакого внимания. Эллису показалось, что Вара Лаббэк успела все это отметить,

пока он размышлял над ее вопросом. «Странно, сколько важнейших политических дел решается на таких вечерах,— думал он.— Если она предложила мне какой-то тест, следует ответить честно».

Стрейкер вспомнил, что, когда они были на Чеджудо, он услышал новости, пришедшие из недавно завоеванной китайской системы Хайнань. Муцухито потребовал от наместника объяснений, почему численность местного населения превзошла численность проживающих там японцев. Император объявил китайский язык вне закона и запретил ношение национальной одежды. Кроме того, он распорядился, чтобы двери всех китайских домов были открыты для японских чиновников в любое время суток. Местные жители потеряли терпение и восстали против японцев, призвав на помощь китайскую императрицу. Эти воспоминания помогли Эллису сформулировать ответ на вопрос Вары Лаббэк.

— Я думаю, что посоветовал бы его императорскому величеству остерегаться удара сзади.

— Остерегаться удара сзади?

— Да. Я имею в виду Хайнань.

— А, понимаю. Вы полагаете, что подавление восстания в Хайнани было ошибкой Ямато?

— Конечно. С тех пор, как эта система перешла к Ямато, Китай мечтает вернуть ее. Когда отец вдовствующей императрицы разбил флот Ямато в системе Чанцзян десять лет назад, китайцы контролировали всю территорию пограничных орбит. Я уверен, что императрица снарядит армию, чтобы вернуть себе Хайнань — и это лишь вопрос времени.

— Итак, адмирал, в таком случае вы посоветовали бы императору строить большие корабли, которые при случае могли бы легко вторгнуться в Американо?

— Да. Необходимы корабли, но только такие, которые подходят для Нейтральной Зоны. Чтобы удерживать китайцев подальше от миров Ямато, императору понадобятся гигантские корабли, вроде тех, которые он уже имеет в своем распоряжении.

— Вы рассуждаете как японец, капитан.

— Вы попросили меня об этом, мадам.

— Будем надеяться, что у императора немного столь мудрых советников, иначе никто из нас не сможет спать спокойно.

— Пока американские корабли сохраняют верность Президенту, вы можете спать спокойно. Пока еще не создан флот, который мог бы превзойти наш, и, я надеюсь, не будет создан.

— Я согласна с вами, капитан. Но, возможно, вы слишком откровенны. Если не возражаете, примите мой совет: используйте логику, разговаривая с моим мужем. Только логика может убедить его. Он принимает лишь факты и не верит тем, кто апеллирует к его эмоциям.

Вара Лаббэк отыскала взглядом дочь.

— Вы играете в го?

— Играл один или два раза,— вздохнул Эллис.

— Вы игрок какого класса?

— Содан.

— В самом деле? Прекрасно. А не сыграть ли вам с равным соперником, капитан? Если вы, конечно, не возражаете...

— С удовольствием,— ответил Эллис, чувствуя совершенно обратное.

Он был приятно удивлен, когда к нему подошла Реба Лаббэк и поставила доску го на маленький резной столик. Они спокойно уселись в углу на низенькие табуретки, вдалеке от суеты и шума гостей. Но во время игры Эллис невольно возвращался к мыслям о недавних событиях. «Правильно ли я вел себя с Окубо, примет ли он план Хавкена? Не слишком ли я был откровенен с Конроем Лаббэком, и не может ли это повредить нам? Интересно, что за новости принес Белков?»

Эллис попытался выбросить из головы мысли о том, что Лаббэк может выдать их властям Ямато, и ненадолго представил себе, что произойдет в случае успешного осуществления его планов. «Предположим, Ямато согласится выдать Дюваля и остальных оставшихся в живых.

Что тогда? Разве они не убьют их, как только Эллис предаст Окубо в самый ответственный момент? Какие мучения придумают они для человека, чей брат уничтожил армию вторжения? Они приговорят Дюваля к страшной смерти».

Голос Ребы прервал его размышления.

— Ваш ход, капитан Стрейкер.

Он бездумно поднял белый камешек и чуть было не положил его на то же место. Увидев, как Реба нахмурилась, Эллис исправил ошибку. Она играла очень хорошо. Стрейкер загляделся на ее белые тонкие пальцы, когда она забирала один из его камешков. Он подумал, что, несмотря на застенчивость, она несомненно была очень смелой. Прядь каштановых волос выбилась из-под заколки, и она теребила ее, пытаясь сосредоточиться. С болью в сердце Эллис понял, что этот жест напомнил ему Янку. Бедная Янка...

— Атари.

— Я проиграл...

— Вы думаете о чем-то другом, капитан.

— Да. Простите.

— Наверное, вы не хотите играть...

— Нет, нет,— он взглянул ей прямо в глаза.— Скажите, кто научил вас играть в го?

— Отец,— простодушно ответила Реба и улыбнулась Эллису.— Он всегда уделял много внимания нашему образованию. Он очень умный человек.

— Я это заметил.

Она улыбнулась ему еще раз, и он почувствовал волнение.

— Отец любит приглашать друзей в гости. Он говорит, что от этого становится уютнее.

— Немногие люди имеют столь престижный круг друзей.

Улыбка погасла.

— Его положение имеет свои отрицательные стороны. В последнее время отец просто загружен работой. Президент — очень сложная женщина. Знаете, она отка-

зывается выходить замуж, и отца это очень беспокоит. Алиса Кэн во многом опирается на отца, а у него в последнее время стало не очень хорошо со здоровьем.

Эллис знал, что уже в течение нескольких лет Лаббэк пытался устроить дипломатически выгодный брак Алисы с одним из принцев Китайской империи. Многим американцам была не по душе эта идея, но китайцы думали иначе. Однако Алиса Кэн почему-то испугалась такой перспективы и свела все к общим разговорам.

— Вы полагаете, что принц Фа Сиен был для нее достойной парой? — спросил Эллис.

— Не знаю, капитан. Дипломатия — сложное дело, и рассуждать о ней могут только сведущие люди.

Эллис обратил внимание на ее скромность.

— Да, вы правы. К тому же Президент — женщина, поэтому ей трудно вдвойне.

Стрейкер подумал о том, что две трети человечества рассматривают женщину как движимое имущество или средство обмена. Брак с целью решения политических проблем являлся нормой для дипломатических кругов. Со времени прибытия Люсии Хенри замужество Алисы Кэн приобрело еще большее значение.

— Вы думаете, она должна выйти замуж? — спросила Реба.

Эллис хотел откровенно изложить свои мысли, но потом решил, что этого делать не стоит.

— Я не могу этого утверждать. А ваше мнение?

Реба нахмурилась, и лицо ее приняло серьезное выражение.

— Замужество Президента — важный политический шаг. Если ее мужем станет американец, он поднимется на недосягаемую высоту и вызовет сильную зависть остальных. Если она выйдет замуж за китайского принца, то Американо попадет под чужое влияние. Если же она не выйдет замуж вообще, что не исключено, то в Американо останется много желающих занять вакантное место.

Эллис с интересом посмотрел на Ребу. На него произвело впечатление ее знание политических реалий. Но

тут же он вспомнил, что разговаривает с дочерью Конроя Лаббэка, который преподал ей основы политической игры. У Стрейкера мелькнула мысль, что он многое может от нее узнать. Впоследствии это пригодится.

— Я думаю,— проговорил Эллис,— что в сложившейся политической ситуации Президенту нужно выйти замуж как можно быстрее.

— Вы так думаете?

— Да, потому что существует еще Люсия Хенри.

При упоминании имени Люсии лицо Ребы выдало ее душевное волнение. Эллису стало ясно, в чем заключается наибольшая опасность для Конроя Лаббэка. Если Люсия Хенри получит сильную поддержку, то Алиса Кэн уйдет в отставку, и в Американо усилятся прояпонские настроения. Это позволит Муцухито завоевать их страну без единого выстрела.

«Странно,— подумал Эллис,— почему я раньше никогда не догадывался о том, как действуют рычаги политической власти. Все выглядит очень просто. Источником власти является Президент. Сила остальных зависит от того, насколько им удалось приблизиться к Президенту. Конрой Лаббэк занимает в этом смысле самую выгодную позицию».

Стрейкер благодарил судьбу за то, что она привела его в особняк государственного секретаря. Нет места лучше для того, чтобы строить планы возмездия Ямато, а заодно и спасения Дюваля. Он попросил у Окубо два миллиона кредитов, но с Хавкеном договорился лишь об одном миллионе, доложив то же самое Лаббэку. Если удастся заполучить такую сумму, он многое сможет сделать. Но не стоит заглядывать слишком далеко в будущее и забывать, что в течение десяти дней его могут выдать японским властям. Ничего еще не решено. Нужно быть готовым ко всему. Он вспомнил слова Вары Лаббэк и понял, что должен быть очень осторожным.

Эллис и Реба вновь вернулись к игре. Он забрал у нее несколько камешков, и она надолго задумалась.

— Вы женаты, капитан? — неожиданно спросила Реба.

— Я был женат. Но моя жена недавно погибла...

— Простите. Я не знала...

Она замолчала и с сочувствием посмотрела на него. Эллису вдруг впервые захотелось рассказать о своем горе.

— Это произошло в то время, когда я находился в Нейтральной Зоне. Пси-шторм и предательство Ямато задержали наше возвращение. Только в Харрисбурге мне сказали, что моя жена и сын погибли в авиакатастрофе. Я все еще не могу осмыслить это до конца... Почему судьба поступила с ними так жестоко? В чем состояла их вина? Я много раз спрашивал себя.— Он почувствовал комок в горле и судорожно сглотнул.— Потом я перестал задавать себе вопросы, чтобы избавиться от боли и, возможно, от чувства вины.

— Вины?

— Меня не было с нею в ее последний час.— Он перевел дыхание.— Я, как и многие другие, верю в закон сохранения пси. Я чудом выбрался с Садо, и теперь за это приходится расплачиваться.

Она ласково положила руку ему на рукав. Эллис посмотрел на нее и улыбнулся, но в этот момент резкий смех отвлек его внимание. Он поднял голову и увидел Курта Райнера, взмокшего от пота, отхлебывающего из глиняной кружки пенистое пиво. Райнер вытер пухлые губы и убрал со лба прилипшую прядь волос. Он наклонился к ним и уставился на руку Ребы Лаббэк.

— Я вижу, ты не теряешь времени даром,— проговорил он пьяным голосом, словно не замечая Эллиса.

Она испуганно отдернула руку, но Райнер схватил ее запястье и крепко сжал. Она посмотрела ему в лицо.

— Ты сказала мне, что слишком устала, чтобы наблюдать, как я играю с Артом. Что же ты не познакомишь меня с этим игроком в го?

— Курт, это капитан Эллис Стрейкер,— произнесла она натянуто.— Он пришел к нам в гости по приглашению отца.

— А, астронавт... Скажи ему, кто я!

Реба оглянулась, ища глазами мать, которая пришла бы ей на помощь. Но той нигде не было видно.

— Капитан, это Курт Райнер из корпорации «Халид»,— произнесла она, чтобы сдержать гнев Райнера. Эллису показалось, что в ее голосе таилось какое-то предупреждение.

— Кто вы? — сдержанно спросил он.

— Наследник имущества корпорации «Халид»,— проговорил Райнер, глотая буквы и глядя мутными глазами на неподвижно сидящего Стрейкера.— Наша семья — одна из богатейших в Американо. А я — известный поэт, лучший игрок в поло и величайший любовник. Я привык, чтобы люди вставали, знакомясь со мной. Фактически я настаиваю на этом.

Эллис небрежно кивнул ему и отвернулся, испытывая отвращение к грубому вторжению и пьяному бахвальству Райнера.

— Встать, я сказал! — неожиданно заорал Курт.

Эллис остался сидеть на низком стульчике. Разговор о Янке истощил всю его воинственность. Он с омерзением посмотрел на Райнера, когда тот схватил доску го и стряхнул все камешки на пол. Возле них начали собираться перепуганные гости. Эллис с трудом сдерживался, не желая ввязываться в драку. Райнер опять схватил Ребу за руку.

— Скажи ему, чтобы он встал!

Она отвернулась от Райнера, но тот еще сильнее сжал ее руку. Она невольно вскрикнула от боли. Эллис мгновенно вскочил и приблизился к обидчику. Он легко освободил запястье Ребы, разжав пальцы Райнера.

— Осторожно! Вы причиняете ей боль.

— Как ты посмел тронуть меня! — заорал Райнер.

Внезапно он ударил Эллиса по уху, затем вцепился ему в горло. Стрейкер без видимых усилий сбросил руки противника и отшвырнул его в сторону.

— Эллис! — раздался суровый голос Хавкена.

За ним показался одетый в черное Конрой Лаббэк. Стрейкер отступил на шаг. Ухо звенело от удара. Он

сжал кулаки, мечтая разорвать Райнера пополам, но вынужден был сдержаться хотя бы ради Хавкена. Музыка смолкла, и в гостиной повисла гнетущая тишина. Десятки глаз с любопытством наблюдали за разыгравшейся сценой. Лицо Райнера побелело от гнева, пухлые влажные губы нервно вздрагивали.

— Извинись немедленно! — вновь заорал он на Эллиса.

— Курт, успокойся, прошу тебя.— Реба подалась вперед и с мольбой посмотрела на Райнера.

Тот взглянул на Ребу и перевел взгляд на Эллиса.

— Отойди!

Она отошла, и Эллис непроизвольно сделал шаг навстречу Райнеру. Тот неожиданно повернулся и бросился к стене, на которой висела коллекция древнего оружия. Схватив тяжелый бронзовый кинжал, он медленно двинулся на Эллиса.

— Я заставлю тебя извиниться,— шипел Райнер, в приступе безумной ярости приближаясь к Стрейкеру.

Толпа гостей в ужасе шарахнулась в сторону. В этот момент в груди Эллиса словно сорвалась туго закрученная пружина. Он расправил плечи, бесстрашно взглянул на Райнера и пошел ему навстречу, как будто перед ним был самурай. Райнер не выдержал и бросился на Стрейкера, пытаясь проткнуть его кинжалом. Тяжелое лезвие рассекло воздух, Эллис сделал неуловимое движение корпусом и молниеносно перехватил руку противника. Он вывернул ее, резко распрямил и навалился всей тяжестью своего тела на локоть. Правая рука Райнера хрустнула от запястья до плеча, пальцы судорожно разжались, и кинжал с тяжелым стуком упал на паркет.

— Это тебе не бадминтонной ракеткой размахивать, сопляк! — прорычал Эллис и коротким движением ударил Райнера коленом в пах.

«Величайший любовник» издал сдавленный стон, сложился пополам, словно тряпичная кукла, и рухнул на пол. Тут же дюжина рук схватила Эллиса и оттащила от поверженного противника. Бледный Хавкен поволок его к выходу, изрыгая проклятия.

— Идиот! Устроил драку в особняке Лаббэка! Неужели не мог сдержаться?!

— Сдержаться? Какого черта! Этот сукин сын завелся первым!

— Что ты наделал! Ты хоть знаешь, кого ты только что изуродовал, безмозглая ты скотина?

— Ему еще мало досталось. Будь он на моем корабле, я бы его...

— Заткнись! Это любимец Лаббэка, Курт Райнер из корпорации «Халид». Он — часть аппарата, который управляет всем Американо. Тебе бы пришлось поцеловать его в задницу, если бы он попросил это сделать!

— Сильно сомневаюсь.

Они вышли на улицу. Ночной воздух освежил Эллиса и охладил его пыл. Он сел в подъехавший автомобиль и хлопнул дверью.

— Все! К чертовой матери! Я больше не могу, Джос. Слишком много для одного человека. Я не синтетический робот,— прохрипел Стрейкер, зло глядя на Хавкена.

— Пусть меня хоть повесят из-за этого недоноска, или из-за твоего долбаного корабля...

— Тебя не повесят,— спокойно возразил Хавкен.— И никого из нас не повесят, но не благодаря твоим стараниям.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Конрой Лаббэк проглотил приманку. Белков появился очень кстати. Он принес новости от Кассабиана. Младший китайский принц Пи Ви дал положительный ответ сватам Алисы Кэн. Ты поведешь свои чертовые корабли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Место действия: Садо

Мити услышала звук приземляющегося самолета и обрывки китайской речи. Она подбежала к окну. Это был Кацуми, прилетевший из Канадзавы. Мити с замиранием сердца увидела, что рядом с ним стоит тот самый американец, который несколько месяцев назад пытался задушить ее брата своими сильными руками. После этого случая Нисима распорядился казнить двух пленных во Дворце общественных наказаний. Дрожь пробежала по ее телу, когда она посмотрела на Дюваля. «Это не человек, а дьявол,— прошептала Мити.— Он пришел сюда, чтобы нарушить гармонию нашего дома. Зачем он преследует меня?..»

Она глядела в окно на земли отца, которые простирались до самого горизонта. Прямо перед ней лежали затопленные водой террасы с рисом и распаханные поля, на которых сотни рабов безостановочно мотыжили землю. К западу и югу находились большие минеральные озера Фукуока и Тиба, фабрики и промышленные области Хасэгавы. На юго-востоке у самой линии горизонта чуть дымились два действующих вулкана — Мацуяма и Фудзи-сан.

Хасэгава Кэни обустроил эту местность и правил в ней как великий хан. С рассвета до заката он обходил свои земли, наблюдая за ходом работ. Хотя Хасэгава стал теперь заместителем даймё, он не любил роскоши и одевался по-прежнему просто, но ходил всегда в сопровождении нескольких слуг и охранников, чтобы подчеркнуть свой сан. Он управлял людьми и делами с верой и справедливостью.

Мити оказали очень теплый прием. Весь дом собрался, чтобы встретить ее. Стол ломился от яств, которых хватило бы и на свадьбу. Ее посадили на место почетного гостя. Слуги, знавшие ее еще ребенком, непрестанно удивлялись, как она похорошела и выросла. Все суетились вокруг нее, точно возле невесты. Соблюдая ритуал, Мити низко поклонилась отцу. Он сильно изменился: располнел, поседел, а лицо стало бронзовым от загара. Тем не менее отец сохранил привлекательность.

Рядом с ним стояла ее мать Масэ. Мити поклонилась и ей. Теперь у Мити не оставалось сомнений в том, что тяжелая болезнь матери, о которой шла речь в письме, была лишь предлогом, чтобы выманить ее из Киото. Теплая атмосфера разлилась по дому как ароматное сакэ. Сверкавший на солнце особняк выглядел восхитительно. Потемневшие от времени брусья подчеркивали его строгий облик. Дом окружала широкая дорожка, выложенная серыми камнями. Неподалеку находился бамбуковый сад с речкой и маленьким водопадом, изливавшимся в бассейн с ярко-зеленой водой. Ветер покачивал на шесте герб Хасэгавы — красный восьмиугольник на черном фоне.

Яо Вэньюань, китайский посредник Хасэгавы, разговаривал с Кацуми. Путешественники, прибывшие сюда по приказу даймё, вышли из военного самолета, огляделись и положили оружие на землю. На втором самолете они привезли с собой группу китайцев с некрасивыми плоскими лицами. Китайцы уселись на корточки и что-то непонятно лопотали на своем мелодичном языке. Стояла жара. Моку, на котором снова ездил Кацуми, хвостом отгонял назойливых мух. Неподалеку стоял американец — босой, лохматый, одетый в тряпье.

— Почему Кацуми привез его сюда? — обратилась Мити к матери, указывая на американца.

— Яо говорит, что варваров привезли сюда в распоряжение крупных землевладельцев, чтобы они присматривали за китайскими рабами.

Хасэгава Масэ была доброй женщиной и всегда терпеливо отвечала на вопросы дочери. Дочь унаследовала

ее прекрасную внешность. Хотя Масэ было уже далеко за сорок, она сохранила роскошные черные волосы и стройную фигуру. Она ежедневно купалась в бассейне и ездила верхом. Хасэгава Масэ с удовольствием помогала мужу вести хозяйство и управлять имением. Мити вспомнила, как отец рассказывал ей о том, с каким трудом осваивали они эти дикие земли, строили дом, распахивали поля, сажали рис. Теперь здесь круглый год растут овощи и фрукты, кругом чистота и порядок.

— Но почему гайдзинов, этих ужасных пленников, селят рядом с нами? — недоумевала Мити.

Она с неприязнью рассматривала американца, обмахиваясь своим любимым веером из белой бумаги и бамбука.

— Это он, тот самый,— неожиданно проговорила вслух Мити.

— Что значит «тот самый»? — спросила Масэ.

— Я запомнила его. Он пришел вместе с процессией даймё из Ниигаты. Это один из тех пленных американцев, кажется, их главарь. Но что он тут делает?

— Видишь ли, Мити, твой брат выполняет приказ даймё, который распорядился поделить пленных между землевладельцами. Вполне естественно, что твоему отцу отдали главного, их предводителя. Но какое это имеет значение? Здесь он будет подчиняться отцу и выполнять ту работу, которую ему укажут.

Мити опять вспомнила о том, как этот американец чуть не задушил ее брата, но почему-то не стала рассказывать об этом матери. Они спустились вниз поприветствовать Кацуми, который отдавал приказы самураям о размещении китайцев. Увидев мать и сестру, Кацуми замолчал и подошел к ним, оставив свои обязанности. Он поклонился матери и улыбнулся Мити.

— Мама, к сожалению, я не могу сегодня остаться. Понимаете, это официальный визит.

— Да, конечно. Но ведь вы не откажетесь попить с нами чаю, Кацуми-чан? Ваши люди могут поесть на кухне, а китайцы останутся в саду с Яо.

Она употребила родственное обращение «чан», чтобы сын почувствовал себя дома и, возможно, позволил себе немного отдохнуть.

— Мне нужно поговорить с отцом. Срочно.

Она кивнула и сложила руки в знак окончательного решения.

— Тогда мы выпьем вместе чаю, потому что отец уехал в Осаку, на противоположную сторону озера Тиба, и вернется не раньше сумерек.

Американец уселся немного поодаль на краю каменного желоба, покрытого мхом. Положив ногу на ногу, он зачарованно смотрел на китайцев, стоявших в дальнем углу открытого двора у большой сосны. Некоторые носильщики пили воду из фляг, другие — курили черепаховые трубки, зажимая при этом носы.

— А что делать с пленным? Его не нужно заковывать? — спросила Масэ.

Мити украдкой взглянула на мать.

— Он не пленный, мама,— ответил Кацуми.— Американец хорошо работал последние четыре месяца. Он поручился за своих соотечественников и убедил их действовать законно. Нисима дал ему немного свободы и возложил на меня ответственность за его здоровье и безопасность. Я попрошу отца поручить американцу какую-нибудь полезную работу, чтобы он забыл о своих пиратских замашках.

Кацуми старался не смотреть на Мити, пока рассказывал матери об американце. Брови Масэ поднялись при слове «пиратских».

— Вы сказали — «пиратских замашках»? А Мити-сан говорит, что он опасен.

— Только когда его обидят.

— Откуда я знаю, что может обидеть варвара?

— Позвольте ему выпить с нами чаю — и можете спросить об этом у него самого.

— Чаю? К сожалению, я не могу впустить гайдзина в дом вашего отца. Он осквернит жилище — у нас исчезнет ва, и мы в течение семи лет не будем знать покоя.

— Он не гайдзин,— возразил Кацуми,— и не осквернит наш дом. Американец не сдавался, его взяли в плен силой. Я сам это сделал. Но он сохранил честь, поэтому он наш гость.

— Сожалею, но от имени отца я не могу позволить ему войти в наш дом.

Масэ поспешно ушла, распугав китайцев. Мити взглянула на брата и увидела, что тот улыбается.

— О Кацуми-сан! Вам не следует нарочно огорчать мать. Пожалуйста, скажите, зачем вы привели его сюда.

Он с раздражением взглянул на нее.

— Мити-сан, я так устал.

— Ну пожалуйста, расскажите мне!

— Я уже говорил, что назначен его охранником. Куда еще мне следовало его привести?

Она резко захлопнула веер.

— Кацуми-сан, но ведь он пытался убить вас!

Он пожал плечами.

— Это еще ни о чем не говорит. К тому же он не гайдзин. Американец происходит из семьи с высоким положением, что-то вроде наших самураев, я думаю.

— Извините, но там нет самураев.

Глаза его беспокойно забегали, а легкомысленные нотки в голосе исчезли.

— Мити-сан, не допрашивайте меня.

— Простите, но я теперь не чувствую себя в безопасности. Зачем вы привели его, брат? Ведь именно вы предупреждали меня о том, чтобы я не подходила к нему. И оказались правы. Он пытался убить вас. А теперь вы приводите его сюда. Он такой же, как и все пленники. Почему вы изменили свое мнение о нем?

— Это естественно. Он должен находиться под наблюдением. Здесь самое лучшее место. И я заметил, как вы несколько раз смотрели на него.

Он произнес это небрежно, но Мити вспыхнула, спрятав лицо за веером, и отвернулась от брата, чтобы тот ничего не заметил.

— И как же я смотрела на него? — с трудом произнесла Мити.

— Как женщина, которая слишком много времени провела на борту межпланетного корабля в окружении мужчин.

Она не поверила своим ушам, потому что Кацуми-сан, ее брат, не смел так думать и разговаривать с ней подобным образом. Стыд охватил ее, и она поспешно направилась прочь.

— Вы куда?

— Я не могу здесь оставаться.

Он пошел следом и догнал ее на середине лестницы. Он улыбался, но голос его звучал почти умоляюще.

— Простите, Мити-сан. Это глупая шутка. Если хотите знать, даймё сам приказал мне привести сюда американца, потому что тот разбирается в сверхоружии. Он знает, как его изготовить. Даже сестра такого незадачливого шутника как я должна понимать, насколько это важно. Вы знаете, у всех нас есть гири — обязанность перед господином, и тю — священный долг перед императором. Что бы мы ни делали, мы лишь выполняем свой долг перед Сыном Небес!

«Что вы читаете мне прописные истины, как маленькой?» — хотела воскликнуть Мити, но сдержалась.

— Кацуми-сан, скажите, что вас так беспокоит? Почему ваш голос звучит так печально? — тихо спросила она брата.

— Нисима... Он уверен, что вы могли бы... могли бы попытаться завоевать доверие американца. Ради чести семьи. Ради Ямато!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Он лежал на соломе, уставившись на щели в крыше конюшни, сквозь которые просачивался свет. Мухи жужжали возле его головы и садились на засохшую кровь от укусов, которая выступала на лице и руках. Назойливые насекомые сводили с ума, и он отгонял их с трудом, потому что все его тело болело и ныло. Он надел кольцо, которое передал ему Чамберс,— кольцо Эллиса с раскинувшим крылья орлом. Оно как раз подошло на средний палец, и теперь Дюваль гордился тем, что открыто носит его, не боясь своих конвоиров.

Первый день в поместье Хасэгавы прошел напряженно. Стрейкер был уверен, что его жестоко покарают за нападение на Кацуми, но вместо этого его отвели на кухню и подали чашу с лапшой и тонко нарезанный весенний лук в горячем бульоне. Еду принесла дрожащая от страха служанка, которой рассказали, что на кухне у них поселился страшный гайдзин. Суп оказался пересолен, но в нем плавали кусочки сырой картошки, которые Дюваль выудил и моментально проглотил, облизывая пальцы. Самурай, наблюдавший за ним, сказал, что это блюдо называется токэноко. Перед ним поставили маленькую чашку с водой.

— Готисисама,— проговорил он вежливо.

Дюваль дотронулся кончиками пальцев до губ, показывая, что ритуал еды закончен. В Американо это не принято, а здесь, у японцев, все поведение людей, каждое их слово, жест и даже взгляд были подчинены ритуалу. Стрейкер со страхом думал об ожидавшем его ритуале наказания. Больше всего его беспокоил

вопрос, как сохранить достоинство и остаться после этого в живых.

Дюваль обвинял себя в том, что ему не удалось спасти от жестокой расправы Рона Хоула и Джерри Уолса. Зато он уговорил даймё помиловать остальных пленных. Стрейкер убедил Нисиму в том, что из американцев выйдут хорошие носильщики, не хуже китайцев. А для многих самураев было бы престижно иметь таких образованных слуг, которые вскоре выучат основы языка и усвоят почтительные манеры. Он поручился за своих соотечественников, и даймё согласился.

Дюваля удивило лишь то, что Кацуми не потребовал от Нисимы расправы над ним. Вместо этого лейтенант взял его под свое попечение и теперь зачем-то отвез в поместье своего отца в Тибу. «Чего этот ублюдок от меня хочет? — спрашивал себя Стрейкер.— Как еще они могут оказать на меня давление? Теперь мои соотечественники поодиночке распродаются самураям по всему континенту, и я больше за них не отвечаю. Что бы они со мной ни сделали, я не раскрою им ни одного настоящего секрета».

Дюваль не знал, что ожидало его в поместье Хасэгавы. Вечером его привели со связанными руками к новому господину, рядом с которым стояли Кацуми и охранники всех рангов. К удивлению Стрейкера, Хасэгава оказался порядочным и принципиальным человеком. Однако Дювалю показалось, что Кацуми каким-то образом использует эти качества отца в своих целях.

— Вы будете здесь работать, чтобы прокормиться,— спокойно проговорил Хасэгава, после того как Дюваля заставили встать на колени перед новым господином.— Если вы будете работать хорошо, то получите отдых, еду и жилище, а со временем и деньги, чтобы приобрести имущество. Если же вы побеспокоите меня, причините боль моим людям или ущерб моей собственности, я буду хлестать вас плеткой, как любого другого непослушного работника. Вы понимаете меня?

— Да.

— Скажите, кто вы по специальности?

— Я ученый и военный инженер-конструктор. Но в последнее время мне приходилось выполнять другую работу — я разрушал межпланетные корабли Ямато. С тех пор я нахожусь в отпуске.

Все присутствующие захлебнулись от возмущения и затаили дыхание. Кацуми побелел от гнева.

— Вы вторглись на ракетно-посадочную площадку, принадлежащую империи Ямато! — закричал он.

Хасэгава что-то тихо забормотал с помоста, на котором сидел, и успокоил сына.

— Американец, предупреждаю тебя, не будь легкомысленным. Сарказм не принят при обращении к господину. Ты ведешь себя неуважительно. Если это повторится, ты будешь строго наказан.

Дюваль наклонил голову, сделав неопределенный жест. Но это, кажется, удовлетворило Хасэгаву.

— У меня есть для тебя работа. Ты должен спроектировать постройку лаборатории для изготовления сверхоружия. Лаборатория будет оборудована так же, как и в Американо. У нас есть для этого все возможности. Выбери место. В твоем распоряжении пять человек, хорошо разбирающихся в технике, справочная литература, компьютеры и место для размышлений. Если тебе потребуется что-то еще, можешь передать моему помощнику Яо, который доложит прямо мне. Я лично буду проверять твою работу каждый третий день. Тебе все ясно?

Дюваль уставился прямо перед собой и глубоко задумался. «Так ли это плохо? — спрашивал он себя.— Они могли убить меня, как Хоула и Уолса, и могут сделать это сейчас со всей жестокостью, которую предписывает их культура. Как избежать этого? Построить лабораторию для человека, достойного уважения? Но я не верю Кацуми! Он просто выполняет приказ Нисимы Юна. Если я подчинюсь, то вырою могилу себе и своим соотечественникам. Нисима хочет построить не лабораторию, а фабрику по производству сверхоружия! Но они не смогут создать его без секрета сцепления вихревого серебра в стволе. Японцы вообще не разбираются в квазигравита-

ции. Значит, можно тянуть время, тратить деньги и обманывать их. Я обведу этих болванов вокруг пальца!»

Дюваль смело посмотрел на Хасэгаву, ожидавшего ответа, и уверенно покачал головой в знак отказа. Увидев это, Кацуми побагровел от гнева.

— В чем дело? Ты не понимаешь приказа моего отца?!

— Понимаю, но наотрез отказываюсь его выполнять. Ты — бессовестный ублюдок, твой отец — простофиля, а ваш даймё — лишь злое орудие в руках еще более злого сукина сына из Киото. Идите вы все к чертовой матери! Плевать я на вас хотел!

Все собравшиеся вскочили на ноги. Им никогда не приходилось терпеть такого гнусного оскорбления. Хасэгава вытащил меч, лежавший на помосте за его спиной, и приставил его к сердцу Дюваля.

— Как ты посмел оскорбить меня в моем же собственном доме?!

Дюваль неподвижно уставился на катана, испытывая удовлетворение от своей наглости и радуясь, что выдержал характер.

— Ну, давайте, убейте меня! А если боитесь, прикажите своим рабам сделать это.

Хасэгава рассек воздух мечом и разрезал веревку, которая связывала запястья Дюваля. Его потащили в сад и стали неистово избивать деревянными мечами кэяки. Град ударов обрушивался именно на те места, где кости находились ближе всего к коже.

— Это тебе за поруганную честь нашего господина! Это тебе за его сына! Это — за даймё! Это — за императора! Тебя предупреждали, но ты не послушался!

Экзекуторы вошли в раж, но Хасэгава следил за избиением и знал, когда его прекратить.

— Это за твое упрямство! Это за твой отказ! Это за оскорбления! — орал Кацуми, издавая устрашающий клич самурая.

— Оставьте его! — приказал Хасэгава, схватив сына за руку, поднявшуюся для нового удара.

— Но, отец...

— Оставьте его.

Дюваль упал без сил, притворившись, что потерял сознание.

— Вы так убьете его. Не забывайте, что Нисиме он нужен живым.

— Человек, который произнес такое в вашем доме, не должен оставаться в живых!

Отец и сын посмотрели друг другу в глаза.

— Делайте как я сказал! Если вы убьете его, то поплатитесь собственной жизнью.

Кровь капала из разбитого носа Дюваля. Он услышал, как деревянный меч Кацуми упал на землю.

— Напрасно вы сохранили ему жизнь, отец. Вспомните приказ Нисимы — все способы хороши, чтобы убедить пленника. Если он не уступит, я лишусь чести и всего имущества.

Они отправились обратно в дом. Появился китаец и, ухватив стонущего Дюваля за ноги, оттащил его по песчаной дорожке на конюшню. Дюваль очнулся, когда лучи солнца заглянули сквозь узкие щели в крыше. Он приподнялся и вскрикнул от боли. Ему показалось, что все его кости переломаны. События прошедшего вечера всплыли в его памяти. Лежа на соломе, мягко укутывавшей его, словно фарфоровый чайник, Стрейкер неторопливо обдумывал ситуацию. «Я понял тебя, Хасэгава, всемогущий Кэни,— говорил он про себя.— Я в твоей власти настолько, насколько и ты в моей. Надеюсь, уважение теперь будет взаимным!»

Неожиданно на него упала тень, заслонив яркие лучи утреннего солнца. Появился темный силуэт женщины. Она принесла ведро с водой. Женщина долго искала Дюваля, прежде чем подойти поближе.

— Вы? — изумился Дюваль.

Это была Мити. Ее распущенные волосы свободно падали на легкое просторное кимоно.

— Вы наказаны,— проговорила она, как будто обращалась к слуге, и поставила ведро с водой на землю.— Дайте-ка, я посмотрю ваше лицо.

Он приподнял подбородок. Она встала на колени, вымыла его шею и плечи и развязала веревки, которые все еще сжимали его запястья. Вода обжигала раны, и он вздрагивал.

— Постарайтесь сидеть смирно.

— Почему вы здесь? — спросил Дюваль, удивившись, что дочь господина ухаживает за ним.

— Сидите спокойно, иначе я не смогу промыть ваши раны.— В ее голосе послышалось сочувствие.— Отец попросил меня прийти сюда, и я не отказала ему в просьбе. Он хороший человек и заслуживает полного повиновения. Возможно, мой приход убедит вас, что он сожалеет о том, на что вы его вчера вынудили...

— Значит, я прощен?

Она вгляделась в его лицо, но на нем ничего нельзя было прочесть. Ей показалось, что в полутьме конюшни это лицо, изуродованное синяками, обнаружило японские черты. Но она поняла, что чувства пленника были далеки от раскаяния.

— У вас нет понятия о прощении. Вам бы лучше подумать о долге. Вы дурно вели себя с моим отцом прошлой ночью и оскорбили его, поэтому вы приобрели долг — гири. Отец просто восстановил свою честь, когда побил вас. Теперь все закончилось так, как если бы вы нанесли самому себе оскорбление, а потом наказали бы себя в душе за это.

— По-моему, это какое-то сумасшествие!

— Я не понимаю. Вы пытаетесь меня оскорбить? Возможно, всем варварам недостает хорошего воспитания.

— Прошу меня простить, госпожа. Но я неплохо воспитан, и к тому же я не варвар.

— Разве вы не понимаете, как вам повезло, что вы вообще остались живы? — спросила Мити с упреком.— Мой отец очень добрый человек. Однако то, что вы сказали, было нетерпимо.

— Это он послал вас сюда или ваш брат?

Она не обратила внимания на вопрос и продолжала вытирать кровь с его груди и рук. Дважды, когда она

наклонялась вперед, ее кимоно слегка распахивалось, и он с восхищением разглядывал ее маленькую золотистую грудь с упругими капельками сосков. Это сильно взволновало его. Мити закончила обмывать раны, вытерла руки и посмотрела на него с внезапной решимостью.

— Дюваль Стрейкер, пожалуйста, ради себя самого, забудьте свою прежнюю жизнь и делайте, как велит Кацуми-сан.

Она взглянула на него, и ее глаза вспыхнули темным огнем. Дювалю она показалась неотразимо прекрасной, но он постарался сдержать свои чувства.

— Вы заставляете меня предать родину...

— Пожалуйста, ради моего отца и нашей семьи, ради себя... смиритесь и сделайте то, о чем вас просят. Вы должны...

Он взял себя в руки, зная, что надо противостоять соблазну. «Это еще одна уловка,— говорил он себе, тем не менее не переставая восхищаться ею.— Она сама не понимает этого. Ей приказали прийти и убедить меня. Но она, кажется, и в самом деле беспокоится обо мне. Как же я могу сопротивляться, не причиняя ей вреда?»

— Пожалуйста, сделайте то, о чем я вас прошу.

— Получится, что я сделал это ради даймё, а не ради вас.

— Пожалуйста, я видела казни в Канадзаве. Это страшно, и я не хочу, чтобы с вами случилось то же самое.

Дюваль собрал всю свою волю и решил прогнать ее. Но в глубине его сердца теплилась надежда, что она не уйдет.

— Всем известно, что самураи умеют убеждать,— холодно проговорил Дюваль.— Но я думал, что при этом они только орудуют мечом и запугивают. Я и не подозревал, что вы настолько продвинулись вперед.

— Что вы имеете в виду?

— Вы это очень хорошо знаете, госпожа.

Мити встала, и Дюваль поднялся вместе с ней. Она сжала кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не ударить его.

«Одно мое слово — и ты исчезнешь отсюда навсегда,— раздраженно думала Мити.— Ты — демон-гайдзин, и я ненавижу тебя!»

— Вы очень странный человек,— произнесла она отчужденно.

— Меня не убедить таким способом,— ответил Дюваль.

Насмешка в его голосе исчезла. Он подумал, что есть только одно верное средство прогнать ее. Наступила долгая пауза.

— Так каким же способом можно убедить вас? — наконец прервала молчание Мити.

— А вот каким! — Он мгновенно схватил ее, крепко обнял, так, что она потеряла равновесие, и впился в ее губы.

Мити сопротивлялась, но потом обмякла, и Дювалю на мгновение показалось, что она парализована. Он отпустил ее, отступил на шаг и взглянул ей в глаза. Она изо всех сил наотмашь ударила его по лицу. Щека заныла, но он опять привлек ее к себе. Она трепетала в его руках, как пойманная птица, но на этот раз почти не сопротивлялась. Она опрокинула ведро, и вода медленно разлилась по земляному полу конюшни. Когда Дюваль разжал объятия, Мити медленно опустилась на солому. Она прерывисто дышала, словно после стремительного бега.

— Вы — демон! Глупый гордый мужчина! Как и все мужчины, вы всегда убеждены в своей правоте! Вы ослеплены собственной гордостью!

Дюваль сел рядом с Мити. Он поднес руку к губам, словно во рту у него была вишневая косточка. Стрейкер сплюнул в кулак, а затем разжал его. На ладони лежал выбитый зуб. Гнев Мити сразу же улетучился. «Зуб?! Неужели это моих рук дело? О, ко! Его ведь теперь нельзя вставить обратно,— ужаснулась Мити.— Это невозместимый ущерб». Она испугалась и позабыла об изумлении, которое вызвал у нее безумный поступок Дюваля.

— Покажите...— растерянно проговорила она.

Стрейкер опять разжал ладонь. Это был большой коренной зуб.

— Откройте рот. Позвольте мне посмотреть,— произнесла она огорченно.

Дюваль оперся на локти и покорно запрокинул голову. Мити опустилась перед ним на колени, мягко положила одну руку ему на лоб, а другой осторожно отвела в сторону губу и заглянула в рот. Из свежей ранки сочилась кровь, но, к счастью, зуб не раскололся, а вылетел целиком. Она выпрямилась, покачнувшись на пятках.

— По-моему, все в порядке.

— Хорошо,— ответил Дюваль и протянул ей зуб. Мити взяла его и стала разглядывать.

— Извините меня, я в самом деле не хотела вас обидеть.

— Я не обиделся.

— Правда? И не болит?

— Нет.

— Я принесу вам лекарство. Вы приложите к ранке, и все быстро пройдет.

Дюваль медленно кивнул, чуть подавшись корпусом вперед. Он поклонился ей не манерно, по-американски, а неторопливо, словно благовоспитанный самурай. «А ты быстро усваиваешь наши правила,— подумала Мити.— Сейчас твой японский уже в девять раз лучше, чем при первой нашей встрече. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем ты станешь одним из нас?»

В глубине души она уловила предостерегающий голос, который она не раз слышала в Киото, спасаясь от жестокостей принца Коно. «С этим мужчиной нужно быть осторожной. Он очень привлекателен и неглуп. Но он американец, и поэтому не более чем варвар». Мити не могла поверить, что у Дюваля душа демона. Она сочувствовала ему, глядя, как он сидит, словно опечаленное дитя над сломанной игрушкой. Он был похож на других мужчин, но казался более необузданным, более... Она резко прервала свои неуместные размышления. Ус-

покоившись, Мити вновь обратилась к Дювалю с просьбой.

— Пожалуйста, сделайте то, что требует от вас Нисима-сан.

— Я не могу.

— Разве он не был добр к вам? Он мог распять вас всех еще в Ниигате, выполняя указ императора. Вместо этого он взял вас в столицу, дал вашим людям жилище, еду, работу.

— Присматривать за рабами?

— В Канадзаве это считается достойным занятием.

— В самом деле? — Дюваль опять стал непреклонным.— У меня есть долг перед моими согражданами в Американо!

Мити тяжело вздохнула, раздосадованная упорством Стрейкера.

— Долг! А как же ваши соотечественники, живущие на Садо? Разве им вы ничего не должны?

— Им — меньше, чем кому-либо! Только благодаря моим усилиям им сохранили жизнь и создали человеческие условия. Они не вправе ждать от меня большего!

— Дюваль, но от вас требуется лишь маленький компромисс. Это все, о чем просит мой отец. Ведь это возможно, правда? — ее лицо выражало мягкую просьбу.

Дюваль отвернулся и устремил взгляд в маленькое оконце. Яркое солнце высоко стояло над далеким озером и красноватыми распаханными полями. Вдалеке среди сопок виднелись дымящиеся вулканы. Кругом расстилался чужой, незнакомый мир. Дюваль вдруг остро ощутил, как далек отсюда Американо, наверное, в тысячах парсеков.

— Никогда,— прошептал он по-английски.

Но в этот момент он понял, что ни ему, ни его товарищам никогда не убежать с Садо. Мити права — компромисс неизбежен.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Место действия: Либерти

Уже смеркалось, когда Эллис Стрейкер покинул тяжеловооруженный межпланетный корабль, приземлившийся в порту Норфолка. Стоял теплый весенний вечер. С устья реки Потомак доносился запах прибрежной травы, легкий бриз гнал рябь по воде и покачивал заросли тростника в Рыбьей бухте.

Эллис вспомнил Садо. Сегодня исполнилось ровно девять месяцев с тех пор, как брат спас ему жизнь. «Ждать осталось совсем недолго. Только бы ничего не случилось»,— подумал Стрейкер. На следующий день Окубо передаст ему два миллиона кредитов. Еще один миллион Эллис получил за участие в экспедиции Хавкена. Полмиллиона добавит Уюку. Этого достаточно, чтобы снарядить карательную экспедицию, которую он задумал. Эллис решил, что корейцам, с которыми он только что говорил, можно доверять.

«Сеул» — корабль Ким Вон Чуна — на днях стартует в Нейтральную Зону в поисках торговцев Ямато, которые встречаются на орбитах. Ким называл их «шму» и гонялся за ними с пламенным энтузиазмом пирата. Но на этот раз он не будет ни преследовать их, ни брать на абордаж. Все должно идти точно по плану.

Ким, фанатичный кореец, родился в системе Коджедо, как и все члены его команды. Четверть века назад японцы захватили Коджедо и устроили там кровавую резню. Ким сумел сбежать и добрался до американского порта. Оттуда он время от времени вылетал в Нейтральную Зону, угрожая японцам и поддерживая потрепанные

отряды повстанцев. Деньги для Кима значили не очень много — он жаждал мести и крови. Эллис долго втолковывал ему, что для нанесения решающего удара необходимы точный расчет и выдержка. Наконец бешеный кореец согласился.

Эллис прогуливался вдоль покачивающихся беседок Парка отдыха в Норфолке и вспоминал о трех тайных свиданиях, которые состоялись у него с Ребой Лаббэк. На первом она рассказала о растущих сомнениях своего отца по поводу того, стоит ли портить отношения с Ямато. На втором он узнал о противоборстве Отиса Ле Грана. На третьем она призналась, задыхаясь от страха, что ее отец узнал о плане вице-президента помочь Люсии Хенри узурпировать власть. Эта информация оказались бесценной. У Эллиса моментально родился план, как выручить брата и отомстить Ямато.

Обычно Норфолк по вечерам становился очень оживленным, как и большинство других межпланетных портов. Взлетно-посадочные полосы заполнялись кораблями, внешне похожими на мелкую рыбешку. Множество людей, высыпавших из них, стекалось к увеселительным заведениям, которыми славился Норфолк. В лабиринте улочек, ведущих к барам, ночным клубам и ресторанам суетились желающие потратить деньги на дорогие и изощренные удовольствия. Деньги от торговли в космосе зарабатывались с большим трудом, а тратились легко и быстро. Кредиты просачивались сквозь пальцы, как песок. Сначала они попадали в карманы продавцов, официантов, барменов, но затем достигали нижних слоев общества — сутенеров, проституток, шулеров и воров.

Сегодняшним вечером в Норфолке царило затишье, несмотря на присутствие в порту нескольких сотен кораблей. Эллис, довольный сложившейся ситуацией, улыбнулся. Он рассчитывал именно на такое положение дел. Блокада Пусана заморозила всю торговлю Норфолка. Денежный поток почти иссяк, превратившись в тоненький ручеек. Многие ожидали, что для сопровождения торговых судов сформируют военный конвой. В таком

случае крупные грузы вновь попадут на орбиты, оживляя бизнес и притягивая кредиты. Но пока что конвой не был создан, и армия безработных, сидящих без денег, пополнялась с каждым днем.

Эллису нужны были именно такие люди. Для начала он направился в бар под названием «Кривой гаечный ключ». Эллис улыбнулся мрачной шутке, понятной только опытным астронавтам, которым приходилось видеть на орбите, что творила гравитационная сила звезд с металлом и плотью, когда траектория движения корабля была рассчитана неправильно.

Он вошел в бар, из-за низкого потолка пришлось немного ссутулиться. Было жарко и душно. На одной из грязных, засаленных стен висел небольшой алюминиевый макет старого межзвездного корабля класса «Альфа». Эллис знал, что в «Гаечном ключе» обычно собираются опытные астронавты, желающие отправиться в полет. Он сразу же заметил несколько человек из своего прежнего экипажа.

За одним из столиков сидел тучный Ван Киф, а рядом с ним пьяный Мортон что-то бессвязно бормотал, уткнувшись лицом в колени местной проститутки. Из темного угла выглядывало желтоватое небритое лицо Ингрема. Он уставился на Эллиса с подозрением и неприязнью.

— Капитан! — неожиданно раздался радостный возглас Боуэна.

Несмотря на теплое время, Боуэн кутался в ветхий ватник, какие обычно носили грузчики. Выглядывавший из-под него неоновый жилет был настолько грязным, что казалось, будто Боуэн не снимал его несколько месяцев. Бывший офицер давно сидел на мели.

— Рад видеть вас. Ну что, по бутылочке пивка? — предложил Эллис.

— Дайте мне руку, старина! Вот так встреча! Конечно, давайте раздавим по бутылочке!

Они взяли пива и уселись за свободный столик. Боуэн с надеждой посмотрел на Эллиса.

— Вы приехали в Норфолк, капитан,— проговорил Боуэн, понизив голос.— Это значит, что у вас есть работа?

Стрейкер промолчал, не сделав пока никакого предложения.

— Эх... Что касается меня, Эллис, то я бы очень хотел найти какое-нибудь место. Знаете, если вам нужен надежный человек и хороший грузчик, знающий грузовой отсек, как свои пять пальцев...

— Бросьте, Ред, не прибедняйтесь. Знайте, что у вас есть место офицера третьего класса на любом корабле под моим командованием.

Боуэн встрепенулся.

— Командованием?.. О, Господи, не может быть! Так, значит, у вас есть корабль и груз?!

— Ни того, ни другого...

Свет в глазах Боуэна погас, и он заметно сник.

— Вы прилетели из Линкольна, капитан? Что нового? — спросил он, чтобы поддержать разговор.

Стрейкер рассказал, что они с Уюку задумали план возвращения в Зону. Эллис упомянул и Хавкена, но ничего не стал говорить о Киме и своих встречах с послом.

— Послушайте, капитан, возьмите меня с собой,— прошептал Боуэн.— Лучше лечь костьми в Зоне, чем мочиться здесь против ветра!

— Вот это слова настоящего астронавта! Можете не сомневаться, Ред, место за вами. Но сначала сделайте для меня кое-что.

— Все что угодно!

— Может быть, вам это не очень понравится...

Эллис незаметным движением ссыпал в ладонь Боуэна горсть серебряных кредитов. У того от неожиданности вытянулось лицо.

— Что это?

— Я хочу, чтобы вы тихо распространили здесь повсюду слух о том, что я вместе с Ким Вон Чуном собираюсь напасть на торговый флот. Мы подкупили одного из капитанов военного конвоя. Скажите, что мы

перешли в другую партию, и у нас есть соглашение с бароном Харуми, и что за всем этим стоят деньги Хальтона Хенри.

Боуэн ужаснулся словам Стрейкера. Он уставился застывшим взглядом на Эллиса, не в силах вымолвить и слова.

— Вы сделаете это, Ред?

— Но ведь это неправда, капитан? Вы хотите запятнать свое доброе имя и влипнуть в гнусную историю?

— Мне нужно, чтобы этот слух гулял по Норфолку. Вы согласились помочь мне. Дайте мне слово.

— Послушайте, Эллис! Многие здесь мечтают попасть в этот флот. Им не понравится, если они узнают, будто кто-то собирается на него напасть.

— Мне нужно, чтобы вы сделали это. Я могу на вас рассчитывать?

— Если вы хотите увязнуть по уши в дерьме...

— Да, хочу. Очерните меня как человека, желающего вступить в сделку с Ямато.— Не поворачивая головы, Эллис почувствовал тусклый взгляд Ингрема, уставившегося на них.— Можете начать, купив выпивку для корабельной крысы по имени Ингрем. Он наполовину облегчит вашу задачу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Отис Ле Гран, я хочу поговорить с вами по важному делу.

— Не может ли оно подождать, господин секретарь?

— Нет. Не может.

Смертельно бледный Лаббэк появился в тени балюстрады и отвлек Ле Грана. Солнце блеснуло на рукоятке меча, Ле Гран шагнул вперед и пропустил удар. Он ничего не успел заметить, а лишь услышал, как меч рассекает воздух. Ле Гран покачнулся и упал. Послышались язвительные насмешки наблюдавших за поединком друзей Райнера.

— Ради Бога, Курт...— натужно проговорил Ле Гран.

— Вы действовали слишком медленно. Я мог бы уже дважды поразить вас.— В голосе Райнера слышался сарказм, который неизменно исчезал во время бесед с Президентом.

Алиса Кэн приехала на праздники сюда, в Лексингтон, на уединенный курорт, принадлежащий Луи Шатто. Уютный особняк окружали подстриженные газоны и фруктовые деревья. Несмотря на сухой август на Либерти, они оставались зелеными, потому что подпитывались симбиотиками. Столы и стулья вынесли на улицу под бело-голубой навес. Стоял самый разгар лета.

Наконец наступил тот день, которого Отис Ле Гран с нетерпением ожидал почти три года. Поединок с Райнером оказался необдуманным и бессмысленным поступком. Хоть это и было всего лишь упражнением в военном искусстве, Курт не щадил своего противника. К тому

же удар, пропущенный Ле Граном, когда его отвлек Лаббэк, был нанесен нечестным образом. Райнер был вдвое младше своего соперника, но уже почувствовал вкус жестокости. Ле Грану потребовалось собрать все свои силы во время сражения тупыми самурайскими мечами, чтобы сохранить достоинство. Он поднялся на ноги и отряхнулся.

— А у тебя неплохой удар. Знаешь, я еще не проснулся после вчерашней охоты,— проговорил Ле Гран.

— Ты вообще стал неповоротлив. Хотя в твоем возрасте появляются другие преимущества.

Ле Гран рассердился, услышав неприятный намек на его отношения с Президентом.

— А как твой локоть, уже зажил? — спросил он Райнера.

— Да, спасибо.

— И даже в паху не болит?

Это была откровенная издевка. Когда в феврале Райнер появился в Белом доме с перевязанной рукой, он заявил, что сломал ее в автомобильной аварии. Но слухи о его пьяной ссоре с капитаном уже успели распространиться к восторгу многих, не исключая и Ле Грана, который его искренне ненавидел. По слухам, какой-то астронавт весьма внушительной комплекции потребовал от Райнера извинения за неудачную шутку и припер его к стенке. Говорили, что астронавт оторвал Райнера от пола и поклялся, что отрежет ему фаллос и скормит его свиньям, если тот не извинится.

Ле Гран снова принял боевую стойку. Глядя на Райнера, он подумал, что юность часто себя переоценивает. «Этот молокосос уверен, что может победить любого соперника старше сорока пяти лет. Жаль, что тот астронавт не выполнил своих угроз...»

Ле Гран сдержал эмоции, понимая щекотливость собственного положения. Алиса Кэн любила окружать себя молодыми мужчинами, послушными, как домашние собачки, и теперь Райнер мог отодвинуть Ле Грана на второй план. Курту не исполнилось еще и двадцати лет, а

перед ним уже открывались блестящие перспективы. Он сменил своего отца на должности главы «Райнер инкорпорейшн» — крупной фирмы по производству генетического сырья. Это предприятие семь лет назад вошло в корпорацию «Халид». Сочетание политики и бизнеса обеспечивало Райнеру надежное будущее.

Соперники скрестили мечи и продолжили поединок на зеленом газоне, окруженном изгородью аккуратно подстриженных кустов. Из сада доносился терпкий запах экзотических цветов и деревьев. Откуда-то издалека послышался звук полицейской сирены. Райнер сделал ложный выпад, заставив соперника отступить. Пот струился по спине уставшего Ле Грана.

«Богатый, избалованный ублюдок,— думал он о Райнере,— ты пытаешься скрыть свою гнусную сущность за привлекательной внешностью. Ты атлетически сложен, красив и превращаешь всех знакомых женщин в рабынь. Но ты тупица, потому что убежден, что то же самое тебе удастся сделать с Алисой. Болван! Она возненавидит тебя, а вместе с нею и весь Американо! Мы еще увидим, как ты нахлебаешься дерьма...»

Ле Гран сдержал свой гнев, вспомнив о той запутанной цепи, звеньями которой все они являлись. Он вытер влажный лоб и сменил позицию, готовя атаку на соперника. «Я давно подозревал, что Лаббэк собирается воспользоваться тобой, замышляя против меня интриги. Но это ошибка с его стороны. Да, Алиса приглашает тебя на вечеринки за смазливую внешность и трогательную лесть, но это не значит, что ты оказываешь влияние на Президента. Ты молод и глуп. Ты не подходишь для этой игры, потому что слишком горяч, чтобы добиться успеха.

К тому же над тобой висит обвинение в убийстве робота. Лаббэк и «Халид», конечно, выгородят тебя в этом деле. Убитый тобой синтетик был слугой всего лишь четвертого класса, но преступление налицо. Эта вспышка гнева дорого тебе обойдется, и я не знаю, сможешь ли ты убедить суд, что несчастная жертва случайно попалась тебе под руку. Кстати, сейчас в

Линкольне проводится шумная кампания в защиту прав синтетиков. Во всяком случае, в ближайшее время Лаббэк будет держать тебя на очень коротком поводке.— Ле Гран взглянул на сверкающее лезвие меча своего соперника.— Но я не синтетический робот,— проговорил он про себя,— и владею оружием не хуже тебя. Сейчас ты в этом убедишься». Он сделал выпад, и Райнер отступил. Тут же Ле Гран нанес ему быстрый удар слева. Хвастливый соперник был уязвлен, и Ле Гран самодовольно улыбнулся.

Лаббэк, одетый в тяжелый пиджак, наблюдал за поединком, стоя в десяти ярдах от них. Здесь, в Лексингтоне, в разгар лета он выглядел, словно в монастыре. Лаббэк не находил себе места среди развлечений, которые устраивала Президент во время ежегодного летнего отдыха. Государственный секретарь чувствовал себя как выброшенная на берег рыба. Рядом с ним в тени стояла Реба. Райнер еще не успел заметить, что с ней был какой-то высокий мужчина в голубом пиджаке флотского покроя.

«Должно быть, это тот самый астронавт, который сломал ему руку и грозился убить,— подумал Ле Гран.— А флирт Ребы и Курта, вероятно, закончился, не успев начаться. Но как понять идиотскую манеру Райнера называть Лаббэка «папочкой»? Конечно, между ними не было родства, но Райнера одно время принимали в доме государственного секретаря, словно зятя. Лаббэк по-прежнему подвержен своей слабости. Он убежден, что ему в зятья необходим скрытый пси-талант. Этот наивный человек уже потратил кучу денег в «Ашраме» Рамакришны, чтобы убедиться в том, что Райнер начисто лишен этого качества. Нелепая прихоть! Лаббэк просто в плену у моды. Ему хочется, как это сейчас принято у нас, выдать дочь за пси-таланта, но не за старого. Так что, астронавт, у тебя нет практически никаких шансов».

Конрой Лаббэк никогда не мог наладить какие бы то ни было пси-связи, чтобы составить достойную партию

своей дочери. Другие девушки из светских кругов выходили замуж за пси, а Реба по-прежнему оставалась одинокой. Пытаясь помочь дочери, Лаббэк взял под свою опеку Райнера, как студента РИСКа, и нанял для него частных учителей, которые пытались обучить Курта космическому анализу и экстрасенсорной коммуникации. Но Райнер развеял все надежды государственного секретаря, оказавшись бездарнейшим учеником, начисто лишенным пси-интеллекта.

Одна весьма немаловажная деталь в генеалогии Райнера в данный момент очень занимала Ле Грана. Райнер приходился кузеном злейшему врагу Ле Грана — Хальтону Хенри, нынешнему вице-президенту. Самая приятная перспектива состояла в том, чтобы заманить обоих родственников в ловушку и уничтожить, избавиться от них навсегда. Затем Ле Гран намеревался устранить и Лаббэка, обвинив его в связи с «преступниками». У Отиса было не слишком много времени, чтобы обдумать детали, поэтому он решил остановить поединок.

— Что, Ле Гран, устали уже? — спросил Райнер.

Ле Гран не придал значения насмешке и повернулся к Лаббэку.

— Я готов выслушать вас, господин секретарь. О каком срочном деле вы только что говорили?

— Весь сектор охвачен кризисом, сэр,— мрачно проговорил Лаббэк. Лоб его наморщился, и лицо приняло серьезное выражение.

— Кризисом? — переспросил Ле Гран.— Почему вы ничего не говорили мне об этом? Возникла какая-нибудь новая угроза?

— Армия барона Харуми блокировала нашу границу.

— Но он не сможет пробраться через систему Калифорнии — ему нечем будет кормить людей.

— Может быть, вы и правы, хотя неизвестно, долго ли еще сохранится такое положение дел.

Ле Гран вложил меч в ножны и отдал его тренеру, затем взял полотенце и начал вытирать пот с лица и шеи. «Политический деятель всегда должен находиться

в хорошей форме,— подумал он.— Но, если присмотреться, каким способом мы ее достигаем? Сражаемся на мечах, как заправские самураи. Даже здесь мы не избежали влияния культуры Ямато. В нашем открытом обществе от нее никуда не деться. Односторонний культурный обмен ни к чему хорошему не приведет. Впрочем, сражение на мечах — неплохая тренировка, вне зависимости от того, где этот меч изготовили».

Ле Гран уселся за столик и сделал глоток апельсинового сока. Он вынудил Лаббэка терпеливо ждать, пока не выпьет весь стакан. Райнер, заметив рядом с Ребой знакомого ему астронавта, нахмурился и отвернулся. Курт не мог на этот раз затеять скандал при Лаббэке и гордо направился к дому в сопровождении своих гогочущих дружков. Ле Гран повернулся к Лаббэку.

— А теперь расскажите мне, что случилось.

Лаббэк оперся о балюстраду. В своем строгом черном костюме он резко контрастировал с Ле Граном, который стоял перед ним в белой рубашке с вышивкой.

— Прочтите вот это!

Ле Гран взял листок бумаги, беззаботно положил его на стол и прочел. Внутри у него все закипело. Лаббэк снова спрятал донесение разведки во внутренний карман пиджака и с усмешкой взглянул на Отиса.

— Вы что, проглотили язык, сэр?

— Это превзошло все мои ожидания,— ответил Ле Гран.

— Вот доказательство того, что Хальтон Хенри и его компания договорились с послом Ямато три месяца назад, предав наши интересы.

— Простите, но в сообщении говорится, что кучка торговцев собрала флот для перелета в Европу и что Хенри, его друзья и Окубо попытались этому воспрепятствовать.

— Они попросили барона Харуми задержать американский торговый конвой!

Ле Гран пожал плечами, как будто не замечая возмущения государственного секретаря.

— О'кей. Чем же все это закончилось? Японцы задержали наш конвой?

Лаббэк выпрямился и с негодованием посмотрел на Ле Грана.

— Вы прекрасно знаете, что нет.

— Так в чем тогда дело?

— Флот сумел пройти только потому, что стартовал на два дня раньше предполагаемой даты. Торговцев кто-то успел оповестить. Нам неизвестно, кто, но нетрудно догадаться.

— Ну и что? Все эти проблемы — личное дело Хенри и его друзей.

— О, Боже! — воскликнул Лаббэк.— Да ведь это диверсия, чтобы поднять панику на бирже. Ни что иное, как государственное преступление. Хенри явно пытался спровоцировать гражданскую войну в Американо!

— Как много вы можете извлечь из двух почти ничего не значащих строчек донесения, господин секретарь.

— Я могу сказать больше. Президенту. Если вы участвовали в этом и утаили их планы...

— Что?!

Лаббэк не ответил, чтобы избежать открытой угрозы. Он повернулся и ушел вместе с дочерью и ее спутником. Ле Гран взял еще один стакан сока. Он разозлился на Лаббэка из-за его намеков. К тому же вся эта возня вокруг Хенри могла помешать собственной игре Отиса. Ле Гран не верил в то, что Хальтон Хенри мог вести себя так необдуманно.

«Лаббэк уверен, что у меня есть общие делишки с вице-президентом,— взволнованно думал Ле Гран.— Он убежден, что я вожу дружбу с Хенри. Ну и черт с ним! Зато я сумею показать Алисе, кто из ее советников поддерживает тайные связи с послом Окубо, а кто нет.— Ле Гран еще раз поднял стакан и залпом осушил его, так что на дне остались только выжимки.— Что бы ни случилось,— размышлял Отис,— Лаббэк вряд ли помешает моим планам в отношении Хальтона Хенри. Если все будет нормально, вице-президент появится в Шатто после

полудня. И вот тогда, при встрече, я зачитаю ему смертный приговор». Ле Гран встал и направился в особняк, желая уединиться и получше все обдумать.

Полуденная жара привела Алису Кэн в тень кабинета. Необходимо было укрыться от потока ультрафиолета, который излучало мощное солнце системы Либерти. В особняке, по которому свободно бегали дети и собаки, царила прохлада. Алиса развлекалась беседой в дружеской компании. Ле Гран заметил, что рядом с ней сидела Кэрол Форд. Он отвернулся. «Не нужно возбуждать ревность Алисы,— подумал Ле Гран, отгоняя мысль о том, что, возможно, он мало что значит для Президента.— Хорошо, что Кэрол сидит рядом с ней. Во всяком случае, сегодня Алиса не будет подозрительна».

Всем уже было известно, что он тайный любовник Кэрол. Он пустил слух, будто бы оскорблен сплетнями, но это мало утешило Алису. «Эти женщины...— размышлял Ле Гран, раздражаясь.— Они просто не способны понять, что мужчина не властен над своими желаниями. Они находятся за гранью чувств и даже за гранью смертельной угрозы. К тому же некоторым мужчинам нужны не совсем обычные выходы для сексуальной энергии.— Ле Гран слегка улыбнулся.— Что мне действительно необходимо — так это две женщины в постели одновременно. Только это способно меня удовлетворить. Жаль, что кроме синтетиков мало кто может играть в такие игры, не испытывая ревности. Но синтетики скучны и утомительны своим однообразием.

Моя страсть — настоящие властные женщины. Подкрадываться к ним и ловить их в свои сети — самое лучшее развлечение. Завоевание Кэрол стало своего рода охотой. Но совсем недавно попалась еще одна — вдова Клайтона Шерфилда. Обе неплохи и скрашивают мои поражения в охоте за телом Алисы, хотя вряд ли они согласятся залезть в мою постель одновременно. Представляю, что бы стало с благонравной Алисой, если бы она увидела эту жанровую сценку,— сладострастно хихикнул Ле Гран.— Со времен СПИДа широчайшая сфера

человеческого самовыражения оказалась под запретом. Лекарство давно найдено, но сексуальная свобода, к сожалению, не получила прежнего распространения. Черт бы побрал эти общественные пережитки, из-за которых я не могу заниматься хорошим сексом в открытую!»

Ле Гран собирался сделать Алисе Кэн дорогой подарок и смиренно во всем сознаться. «Простите, но я всего лишь человек, скажу я ей,— думал Отис,— и это залечит ее рану». Алиса в последнее время была с ним холодна. Она заставляла его помногу работать за пустяковое вознаграждение. Зато проявляла благосклонность к Лаббэку и с улыбкой выслушивала бесконечные комплименты Райнера. Алиса вовлекла их в интригу за спиной Ле Грана. Обычно он извлекал из этого выгоду, обманывая Хальтона Хенри снова и снова. Сегодня же Отис решил поставить вице-президента на колени. То, что Лаббэк раскрыл некоторые грязные делишки Хальтона, добавляло силы удару, который должен был его сокрушить. Но Ле Гран почувствовал, что от астронавта, который пришел вместе с Лаббэком, веяло какой-то контринтригой. Это насторожило Отиса, поэтому он решил поторопиться с осуществлением своего плана.

Движение в сторожевой будке усадьбы Шатто заставило Ле Грана поднять взгляд. Какой-то самолет запрашивал разрешение на посадку. Затем адъютант Ле Грана передал, что прибыл Хальтон Хенри. Отис поспешно обогнул внешний двор и прошел мимо охраны туда, откуда можно было увидеть вице-президента. Ле Гран наблюдал, как Хенри без сопровождения вылез из своего личного самолета. Отис испытывал к Хальтону особую ненависть. Вице-президент должен был стать жертвой, уступив Отису в их давней борьбе.

Все началось три года назад, когда их соперничество вылилось в жестокую ссору. Тогда Ле Гран через прессу уличил Хенри в преступном сотрудничестве с одной из крупных японских корпораций. Взбешенный вице-президент, завидовавший к тому же публичной фамильярности Отиса с Алисой Кэн, явился к нему со своим тестем,

генералом Уотерсом. Хальтон пытался запугать Ле Грана, угрожая, что сотрет его в порошок при помощи своих людей и сделает это не в прессе и не по телевизору, а тайно — подстроит авиакатастрофу, например, или автомобильную аварию, да мало ли способов можно придумать...

Ле Гран сделал вид, что угрозы на него подействовали, и что он готов уступить и подчиниться. На самом же деле Отис начал плести невидимые сети для вице-президента, пользуясь всеми доступными ему средствами. Первую настоящую победу он одержал в своем поместье в Конкорде во время секретной встречи с Хенри, спровоцировав его на предательство Президента. Затем он специально прилетел к Кассабиану на Вайоминг, чтобы привлечь внимание Лаббэка к подрывной деятельности вице-президента. После этого он несколько раз встречался с Хальтоном, постоянно убеждая того, что его сестра Люсия может вновь занять президентское кресло в эти трудные дни. В противном случае Хальтон останется маловажной фигурой, контролирующей незначительную сферу и к тому же лишенной благосклонности Президента.

Ле Гран спешил осуществить свой план еще и потому, что жизнь Президента находилась в опасности. Если Алиса Кэн погибнет, поддержка Отиса испарится, как утренняя роса. Он завлекал в свои сети Хальтона с помощью надежды и лести. Надежда толкнула вице-президента на несколько ошибочных ходов. Прежде всего, провалился его план возвращения из ссылки Люсии — общественное мнение этому воспрепятствовало. Затем Ле Гран сыграл на дремлющей предрасположенности Хенри к Ямато, напомнив ему, какое положение тот занимал в администрации своей сестры. И вот лесть начала творить чудеса. Не случайно Люсия прибыла на Либерти именно в Филадельфию, прямо в семью делового партнера Хальтона — Сэма Квирка. Там вице-президент навещал сестру, подогревая свои обещания вернуть ей власть.

Согласно поправке 193 к конституции, они имели право провести досрочные выборы в течение шестидесяти дней после их объявления. Это означало, что проблему можно решить прямым электронным референдумом, если Люсия получит поддержку народа. Ле Гран уверял Хальтона, что у того в руках судьба Американо, поскольку он без труда сможет сместить свою сестру, и, вынудив ее уйти в отставку, унаследует президентский пост. Предложив эту схему, Отис сыграл на амбициях Хенри. Как только вице-президент проглотил приманку, Ле Гран исчез, оставив Хальтона перебирать в уме заманчивые предложения.

Сразу после этого Ле Гран отправил со своим курьером в Филадельфию секретное послание, адресованное Люсии. В нем он уверял ее, что может добиться досрочных выборов, спровоцированных проблемой Нейтральной Зоны, если экс-президент сочтет нужным в них участвовать. В то же время Ле Гран решил обезопасить себя на тот случай, если Алиса Кэн узнает о его интриге. Он отправился к Президенту и предложил ей разрешить затруднения, связанные с Люсией, путем досрочных выборов. Ле Гран мотивировал это тем, что накануне выборов можно предать гласности секретное предложение Люсии китайскому принцу, которое подорвет доверие к ней народа: кому захочется иметь Президента замужем за деспотом, способным расколоть страну.

Ле Гран терпеливо ожидал ответа Алисы, но та отмалчивалась. Затем он вновь посетил Кассабиана, чтобы убедить его, а через него и Конроя Лаббэка, что интрига достигла кульминации. Отис точно рассчитал следующий шаг. Терпеливо выждав неделю, он предложил Хальтону Хенри встретиться в Конкорде. Устроить китайскую свадьбу, решил Ле Гран, будет просто. Он получил ответ от Люсии Хенри, зашифрованный по-японски. Его глубокой ночью принес личный курьер экс-президента. Она писала, что согласна на предложение. Итак, путь свободен.

Ле Гран улыбнулся, вспомнив, как легковерный Хальтон поспешно прибыл в Конкорд, сгорая от нетерпения.

Он был возбужден теми перспективами, которые открыл перед ним Отис, и они накрепко засели у него в голове. Вице-президент, кажется, окончательно потерял бдительность и прибыл один, без сопровождения. Ле Гран ненавидел его — ненавидел ухоженное самодовольное лицо, астматическую одышку, запах дешевого одеколона, повсюду сопровождавший Хенри. И кроме всего прочего, он презирал Хальтона за его безумную жажду власти.

— Мой дорогой Хальтон!

— Отис, рад видеть вас.

— Все просто отлично. Мы долго играли в покер и плели интриги. Теперь пришло время перейти к делу.

— Конечно,— живо отозвался Хенри.

— Разумеется, нельзя добиться всего сразу. Но у вас непременно появятся союзники. Во-первых, нам нужно разоружить Лаббэка. Для этого я хочу обратиться к Алисе с одним предложением, от которого она не сможет отказаться. У меня есть кое-что на уме, но сначала я должен взять с вас обещание, что вы доведете дело до конца.

— О'кей.

Ле Гран улыбнулся и положил руку на плечо Хенри.

— Вы знаете, я убежден, что вместе мы свернем горы. Вы умный человек, Хенри, и знаете о намерениях Лаббэка подтолкнуть Алису к войне с Ямато. И дураку понятно, что Американо не смеет даже надеяться выиграть эту войну. Если Алиса падет, она потянет за собой и вас. Но с вашими связями в Ямато вы могли бы разрушить эту угрозу одним ударом. Шестьдесят дней — достаточный срок, чтобы настроить общественное мнение против Алисы. В таком случае у вас появится шанс занять ее место.

Никогда еще интрига в своей последовательности не представлялась Хенри столь ясно, как теперь. Слова Отиса пронзили Хенри, словно лазерный луч. У Хальтона начался астматический приступ, и он с трудом отдышался.

— Да. Я мог... Я мог бы это сделать. Но только с вашей помощью, Ле Гран.

— Я нужен вам, но подумайте, насколько больше моя зависимость от вас. Моя задача не так уж сложна. Зато выполнив ее, я навсегда окажусь в вашей власти...

— О, не беспокойтесь об этом. Добрые дела вознаграждаются.

— Вы будете распоряжаться всем Американо и, я надеюсь, окажете мне одну услугу.

— Что вы имеете в виду?

— Право, не знаю, как сказать. Не могли бы вы придумать способ избавиться от корпорации «Халид»? Уверен, вы недолюбливаете Райнера и легко бы убедили Сэма Кирка сделать это...

— А вы тем временем поставите меня под удар и бросите в самый трудный момент. Почему я должен верить вам?

Ле Гран развел руками.

— В таких делах никто не может гарантировать полную безопасность. Я не в состоянии сделать для вас все необходимое. Кое-что вы должны устроить самостоятельно.

— Почему вы так уверены, что Алиса согласится на выборы? Как вам удастся ее убедить вопреки советам Лаббэка? Она ведь не дурочка. С этим государственным секретарем ее трудно спровоцировать на необдуманные поступки. Может быть, вы просто пытаетесь заманить меня в ловушку?

— Перестаньте, Хальтон. Мне — сорок семь, Президенту — сорок шесть. Я знаю ее с пяти лет, поэтому ближе к ней, чем кто бы то ни было. Мне известны все нюансы ее натуры. Мои аргументы всегда были важны для нее.

— Да, но она никогда не соглашалась выйти за вас замуж, правда?

— А вы уверены, что я всегда стремился к этому? Она никогда не выйдет замуж ни за кого. Мне это слишком хорошо известно. В этом смысле у меня никаких перспектив. Больше всего мне хочется свергнуть Лаббэка. Именно ради этого я пойду на любой риск и добьюсь этого любой ценой.

— Да? — заговорщически усмехнулся Хенри.

— Вы согласны?

Глаза Хальтона сузились.

— Когда вы изложите ей суть дела? — спросил он.

— Как только вы подпишете документ об уничтожении корпорации «Халид». Естественно, все останется между нами, пока мы не начнем действовать.

Хенри еще сильнее заколебался.

— Вы хотите поместить меня между молотом и наковальней.

— Простите, но я не могу предложить другого плана.

— А что, если Алиса откажет и запретит выборы?

— Она этого не сделает.

— И все-таки?

Ле Гран вскипел от нетерпения, но вынужден был остудить свой пыл.

— Я не вижу другого способа. Но если она откажет — что из этого? Вам нечего бояться. Вы — вице-президент, государственный деятель, защитник высших интересов Американо, и ваш долг — открыто выражать эти интересы. Вы стремитесь только к общественному благу и делаете то, что предпринял бы на вашем месте каждый, обладай он подобной властью, влиянием и связями. Вы пытаетесь установить прочный и длительный мир с Ямато ради процветания Американо. Пойдите на телевидение, обратитесь к народу. Разве это преступление — желать мира и высказать это открыто? Нет! Неужели вы не видите, Хальтон, что все это не представляет для вас никакой опасности? Вы просто выльете ведро дерьма на чужую голову.

— Значит, это дерьмо уже приготовлено. Ну конечно.

Ле Гран пожал плечами.

— Тоже мне, государственный деятель! Именно таким образом делают политику.

— Мне что-то не нравится ваш тон, Отис.

Отчужденность в голосе Хальтона заставила Ле Грана на мгновение насторожиться. У него даже мелькнула мысль, что сейчас Хенри скажет о том, что разговор записывался на пленку, и он сам угодит в собственную

паутину. Но ничего этого не произошло, и Ле Гран поспешно продолжил игру.

— Послушайте, Хальтон, извините меня за грубость, но я не хотел вас обидеть.

— Рад слышать это, Отис. Вам следовало бы знать, что со мной нельзя так себя вести. Мы очень отличаемся в этом отношении друг от друга. Мы ведь всегда были очень разными людьми, правда?

Ле Гран унял гордость в предвкушении будущей победы.

— Да, я думаю, вы правы. Но это не помешает нам закончить начатое дело.

— Я уже говорил, что цена, которую вы просите, слишком высока. Посудите сами: у Люсии есть отличная возможность занять президентский пост. Она популярна не меньше, чем Алиса. Но для предвыборной кампании понадобятся сотни миллионов кредитов. Между тем у меня имеется другой, более простой и надежный ход. Уотерс и Уэстерленд могут склонить на свою сторону армию. К тому же всегда есть барон Харуми. Как вы сами уже успели заметить, его присутствие на Гуаме значительно поднимает ставки.

Ле Гран зашипел на него.

— Вооруженный удар? Но это безумие! Мятеж ввергнет Американо в гражданскую войну и поставит сектор под агрессию Ямато! Угроза вторжения, конечно, может послужить оружием в вашем арсенале. Но американский народ никогда не поверит человеку, который приведет к ним убийцу Харуми... И пяти минут не поверит!

Хальтон презрительно и хрипло рассмеялся.

— Как вы заботитесь об американском народе, Отис. На меня бы произвело большее впечатление, если бы вы предложили мне открыто попросить Алису о помиловании, без разговора о семье Халид и подписания тайных контрактов.

— Пожалуйста,— холодно проговорил Ле Гран.— Выбирайте сами, захватить ли президентское кресло силой или пойти по тому пути, который предлагаю вам я. Вы

можете взять Линкольн штурмом, а можете спокойно войти в него, пользуясь народной любовью. Выбирайте то, что вам больше по вкусу.

Наступила короткая пауза.

— Дайте мне контракт,— решительно проговорил Хенри.

Они уселись и начали обсуждать детали. Разрушение корпорации — с одной стороны и контроль за голосами избирателей — с другой. Ле Гран с трудом верил своим глазам, когда Хальтон подписывал контракт. Он едва смел мечтать об этом. Ле Гран вспомнил эту встречу со злорадством. Тем не менее его пугала альтернатива, о которой говорил ему Хенри. «Что, если он действительно пойдет другим путем? Мятеж во внешних системах сектора Американо. Армия грабителей, приобретающая мощную поддержку по пути в Линкольн! Господи! Что за жуткая перспектива!»

Ле Гран представил, как главнокомандующий армии Уотерс стучит в его дверь, делает его, Ле Грана, публичным «козлом отпущения», устраивает показательный суд за измену, а затем — такая редкая смертная казнь... Душу его поглотил холодный черный вакуум, пот заструился по виску, и Ле Гран заставил себя вернуться к действительности. Он еще раз все хорошо взвесил и понял, что его страхи напрасны. Подписав соглашение, Хенри становился всего лишь беспомощным астматиком, а не властелином мира. Он никого не мог вдохновить на un coup d'etat *.

Поставив подпись под контрактом, Хальтон подписал себе смертный приговор. Остальное становилось не сложнее игры в куклы.

Ле Гран увидел Хенри. Он шел один, не взял с собой ни генерала Уотерса, ни Курта Райнера, которые могли бы оказать ему поддержку. Лицо Хенри заметно покраснело, когда он поднялся с сиденья пилота и выбрался из своего самолета. Он хлопнул дверью в форме крыла чайки и зашагал по дорожке, бросив взгляд вверх, на декора-

---

* Государственный переворот *(фр.)*.

тивные часы сторожевой башни. Хенри нервно мял лайковые перчатки и заходился судорожным кашлем.

Вице-президент своим появлением разбудил охотничью собаку в ярко-красном ошейнике. Она завиляла хвостом; Хенри погладил ее по спине, а затем отодвинул ногой. Не в силах больше сдерживать нетерпение, Ле Гран собрался с мыслями и вышел навстречу Хальтону. Вице-президент сделал два шага в его сторону.

— Ну?

— Хальтон...

— Вы были у Президента? Она собирается проводить выборы?

— Президент слушает пьесу своих крестников. Я только что от нее.

Хенри всматривался в Ле Грана в поисках ответа на мучавший его вопрос, но Отис неожиданно напустил на лицо выражение непробиваемой тупости.

— Вы сказали ей, как обещали?

— Я? Да... сказал.

Хенри разволновался еще больше.

— Продолжайте, Отис! Она собирается проводить выборы или нет?

Ле Гран тяжело вздохнул.

— Сожалею, Хальтон. Она не будет утруждать себя этим.

— Не будет утруждать себя этим?!

Хенри открыл рот, глаза его забегали и остановились на улыбающемся лице Ле Грана. Он невольно сделал шаг вперед и сжал тяжелую рукоятку пистолета. Но прежде чем Хенри успел излить свою ярость за предательство, Ле Гран поднял руку.

По этому сигналу из-под арок появились три синтетика с поросячьими лицами, одетые в небесно-голубые комбинезоны. Они подошли к своему господину с оружием в руках. Синтетики, казалось, были изготовлены специально для разделки туш в мясной лавке. Хальтон Хенри почувствовал, как стальные лезвия уперлись в его грудь. Он повернулся, не говоря ни слова, и направился

обратно к самолету, зная, что ошибку еще не поздно исправить, если ему удастся убедить Уотерса и Уэстерленда в течение недели, и на помощь им придут полки Харуми.

«Если! Если! Если!» — слова отдавались в голове болью. Он пытался взять себя в руки и сосредоточиться. «Ле Гран заплатит за это собственной жизнью! — гневно говорил себе Хальтон.— Я уничтожу всю его семью, всех друзей и близких, ни для кого не сделаю исключения. Они все мне заплатят, как когда-то заплатила моя сестра».

Возле самолета у него начался приступ кашля. Чей-то далекий, холодный и пугающий голос как будто разговаривал с ним. Хенри задыхался, ловил воздух ртом, пытался заглушить его, не желая слушать. Но веселый голос, в котором он различил интонации Ле Грана, сообщил ему, что причина, по которой он не может дышать, в том, что он уже заперт внутри замороженного гроба.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Эллис Стрейкер лежал на мягкой траве. Он дремал, наслаждаясь тишиной, и держал в объятиях обнаженную Ребу Лаббэк. В этом уединенном уголке поместья Шатто над их головами идиллически покачивались тяжелые зеленые ветви каштана, пропуская теплые солнечные лучи, скользящие по их телам. «Наверное, так выглядит рай,— лениво думал Эллис.— Девушка и мужчина, не спавший с женщинами почти два года».

Ему казалось, что все тягостные мысли, все неразрешимые проблемы незаметно растворяются в волшебном золотом сиянии. Он нежно провел рукой по ее упругому телу и задумчиво посмотрел ей в глаза. Эллис чувствовал, что Реба хотела бы задержать это мгновение навсегда.

Но когда она укрылась и заговорила, очарование оказалось нарушенным, а слова вернули его обратно в реальность. Эллис вспомнил, что они —всего лишь незначительные фигуры в безумной игре, и что это не рай, а укромный уголок возле Лексингтона.

— Тебе грозит серьезная опасность, если Курт узнает о том, что произошло между нами.

— Он безобидный дурак.

— Курт редко руководствуется разумом, Эллис, но он далеко не дурак. Райнер сначала делает, а потом думает. Он уже ненавидит тебя за то, что ты с ним так расправился. Он тебе этого никогда не простит.

Эллис заметил грусть в глазах Ребы и взял ее за руку.

— Давай не будем о нем.

— Он может навредить тебе. Курт очень богат, у него могущественные союзники. Он может выследить тебя и в любое время нанести удар.

— Не беспокойся. Пока я живу в особняке Лаббэка, он мне ничего не сделает. Я ему уши оборву, если...

Реба не дала ему договорить. Она приподнялась и оперлась о локоть.

— Ты ничего не понимаешь! Отец может загнать тебя, как скаковую лошадь, или сослать на Юкон, если вообразит, что ты и я...

— Ты жалеешь, что мы пришли сюда?

— Нет. Как ты мог такое подумать... Но наша любовь — во власти могущественных сил. Многие сочли бы, что мы только что совершили страшное преступление.

Он стиснул зубы, лицо его напряглось.

— Я — мужчина, а ты — женщина. В чем же наше преступление?

— Я говорила тебе, что отец хочет, чтобы я вышла замуж за Райнера. Этого достаточно, чтобы сослать тебя на Юкон.

— Это невозможно. Во всяком случае, до тех пор, пока я ловлю в свои сети посла Ямато.

— Да. На некоторое время это обезопасит тебя. Но такое положение недолговечно. Что, если...

Она внезапно замолчала, увидев, что он смотрит на нее и протягивает руку к ее лицу. Она позволила ему дотронуться пальцем до ее бледных веснушек на переносице. Эллис почувствовал, что она действительно боится за него.

— Это бессмысленный разговор,— мягко сказал он.— Вся твоя жизнь ограничена предположениями «что, если». Астронавты учат, что бытие пронизано пси, течение его приносит события. Во всех нас есть сила. Если мы ее увидим, она поможет нам преодолеть трудности и достичь цели.

Она доверчиво посмотрела на него.

— Ты веришь в это?

— Да.

Она, казалось, была изумлена.

— Значит, мужчины и женщины встречаются не случайно?..

Он улыбнулся в ответ и нежно провел ладонью по ее гладкому телу, которое чуть вздрагивало от его ласк.

— Нет ничего случайного в мире. Все предопределено в космических пространствах, среди звезд, мимо которых я веду корабль.

— Тот корабль, который вскоре разлучит нас?

— И это тоже не случайно.

Эллис замолчал. Мысли его обратились к брату и к клятве, которую он себе дал. Течение пси стремилось перенести Эллиса обратно в Нейтральную Зону. Он чувствовал силу этого течения, ощущал его правоту и знал, что если будет все время думать об опасности, то начнет противоборствовать этой силе. «Не сопротивляйся,— слышал он иногда по ночам спокойный голос, напоминавший голос его матери.— Ты разделил свою верность на несколько частей. Не надо было этого делать».

В последнее время Эллисом овладело нетерпение. После нескольких месяцев ожидания нужно было действовать — лететь в Нейтральную Зону и идти навстречу судьбе — разыскать брата, искупить свою вину за его плен. Он рассказал Ребе о том, как Дюваль спас его от смерти в последний момент, а сам остался на Садо. Она поняла его желание найти брата и прониклась силой и страстью, которые руководили Эллисом.

— На кого похож твой брат? — спросила она, ласково положив руку ему на грудь; ее душистые волосы коснулись его лица.

— Он брюнет. Моложе меня и на фут ниже. Дюваль пошел в мать, а я — в отца.

— Наверное, Дюваль мягкий человек?

Эллис улыбнулся.

— Он настоящий мужчина и всегда готов это доказать. Но ты отчасти права. Он спокойнее, чем я, более терпелив с дураками и изощреннее в хитростях.

— Я вижу, ты его очень любишь.

— Да. Он — единственный из всех моих родственников, оставшийся в живых. Моя мать умерла, жена и сын разбились, отец погиб за свои экспансионистские убеждения во время мятежа в Филадельфии. Он занимался торговлей и был настоящим авантюристом и сорвиголовой. Отец не захотел подчиниться распоряжениям Люсии. Он не знал, что такое смирение, и никогда не проповедовал его ни мне, ни Дювалю. В трудные времена он не сменил убеждений и открыто вышел с протестом против засилия Ямато. Полиция неожиданно открыла огонь...

— Он был патриотом и борцом за идею?

— Да.

— Ты тоже станешь мучеником, если допустишь ошибку с Окубо.

Эллис сел, почувствовав холод в груди.

— Ты так думаешь?

— Мой отец просто использует тебя. Судьба одного человека для него мало что значит, когда речь идет о благополучии сектора. Ты — незначительная фигура, Эллис. Я уверена, что он выбросит тебя на свалку, как только ты станешь ему не нужен. Его цель — управлять Американо, как ты управляешь своим кораблем.— Реба протянула руку и коснулась груди Эллиса.— Знаешь, крупные политики часто используют аллегории. Это влияние наших соседей — Византии, Греции. Когда я была ребенком, отец рассказывал мне, что в Ямато проводят параллели между структурой Американо и анатомией человеческого тела. Президент — это голова, государственные министры — глаза, которые никогда не мигают и не закрываются, пресса — уши, которые слышат все жалобы, вооруженные силы — это плечи и руки, которые несут на себе бремя войны и мира и защищают голову, промышленные корпорации — туловище, грудь и брюшина со всеми их органами. Но люди — люди в самом низу. Это ноги, на которых все держится.

— Интересная аллегория. Но почему ты не говоришь прямо, что у тебя на душе?

— Когда ты закончишь дело, отец устранит тебя, как ненужную помеху. Будь осторожен... Над чем ты смеешься?

— Я подумал о твоей аллегории. Интересно, а кто находится в заднице? Наверное, Курт Райнер?

Она нервно рассмеялась, но смех неожиданно оборвался.

— Мы должны верить. Только в этом случае мы победим.

Реба посмотрела на Эллиса и задумалась. Будущее грозило им неизвестностью. Сегодня Алиса Кэн отдала приказ арестовать вице-президента. Если Хенри удастся схватить, его будут судить и накажут за измену. Если же ему удастся пробраться во внешние системы, война неизбежна.

Когда они возвращались обратно в Шатто, невдалеке послышался гром и первые капли дождя ударили по листьям каштанов. Эллис хотел, чтобы это волшебное лето никогда не кончалось. Но идиллия золотых солнечных дней без забот и волнений не могла продолжаться долго.

По дому разнесся слух, что Хальтон Хенри не подчинился приказу Президента и тайно бежал. Еще до наступления вечера Эллис узнал, что Конрой Лаббэк приказал ему немедленно возвращаться в Харрисбург. Необходимо было срочно подготовить к вылету эскадру кораблей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дзиро Ито прибыл в Линкольн днем и направился прямо в Белый дом. Он привез срочное сообщение для Лаббэка. Ито быстро шел по коридору, не обращая внимания на охрану, пытавшуюся его остановить. Дзиро Ито отыскал Лаббэка на заседании пленарной сессии Комитета. Он вошел в комнату, отделанную дубом и мрамором. Лаббэк, Николай Белков, Рейч Садлер и Эрлз сидели по одну сторону стола. Напротив расположились Дэвен Зенц, Ле Гран и его сторонники. Лаббэк успокоил охрану и взглянул в каменное лицо Дзиро Ито. «Срочные новости,— подумал государственный секретарь,— и наверняка плохие». Ито коротко кивнул.

— Господин секретарь, сообщение с Дакоты. Люди генерала Уотерса в форте Несби отказались выполнять присягу.

— Когда?

— Три дня назад, четырнадцатого ноября. Их возглавляют генерал Калросс и около сотни офицеров.

— Это означает начало новой гражданской войны,— проговорил Лаббэк деревянным голосом.

Лаббэк знал: молодые офицеры не могли простить Алисе Кэн, что она лишила их всякой политической значимости. Теперь они хотели отомстить ей за потерянный престиж. Армия мятежников должна значительно вырасти по пути к Либерти.

— Уже готовятся части для захвата Нью-Йорка,— продолжал Дзиро Ито.— По всей границе людей призывают в армию. Порт Фриско Калифорнии-2 захвачен.

— Люсию нужно немедленно арестовать,— озабоченно проговорил Зенц.— Прикажите гвардии заняться этим немедленно.

— А как обеспечить безопасность Президента? — спросил Ле Гран.

— Мы займемся этим.— Пальцы Лаббэка забегали по клавиатуре компьютера.— Район Колумбии — самое безопасное место для Президента. В населении столицы мы можем быть уверены по крайней мере на девяносто процентов.

— Вы полагаете, что восстание распространится и на Либерти? — спросил ошеломленный Садлер.

— Я не поручусь за своих людей,— проговорила генерал Эрлз, потирая руки от волнения.— Шестьдесят тысяч взводов размещены здесь на квартирах, но я не могу гарантировать, что они подчинятся приказам. Давайте попробуем наладить переговоры, чтобы немного охладить пыл мятежников. Затем, возможно, огонь сам погаснет.

Ле Гран усмехнулся и высокомерно посмотрел на Эрлз.

— Конечно, они сразу же сложат оружие, успокоятся и разойдутся по казармам,— проговорил он язвительно.

— Я военный человек и реалистка! — возразила Эрлз.

— Мы перед лицом гибели,— прервал завязавшийся спор Лаббэк.— Возможно, через десять дней Линкольн столкнется с армией Ямато. Они не должны застать нас врасплох!

— Донесения сообщают, что отряды Харуми собираются на Гуаме, — сказал Ито.

— Где посол Ямато? — обратился Лаббэк к Эрлз.

— Пока что в Линкольне.

— Президент должна срочно переговорить с ним.

— Пусть она вызовет в суд еще и Уотерса вместе с этим сукиным сыном Уэстерлендом,— оскалился Ле Гран.— Она уже обвинила Хальтона Хенри, и посмотрите, что из этого вышло!

Время от времени различные фракции вызывали в Линкольн. Если их подозревали в неверности, и от них

исходила хоть малейшая угроза, их удаляли от опасных союзников.

— Повстанцы из армии не прибудут в Линкольн по просьбе Президента. Конечно, на это не стоит рассчитывать. А вот Окубо обязан посетить Белый дом, чтобы встретиться с Алисой,— твердо проговорил Лаббэк, взглянув на собравшихся.

Он неожиданно пронзил взглядом Ле Грана.

— У Хальтона Хенри было время, чтобы раскаяться в том преступлении, в которое вы его вовлекли, господин Ле Гран. Именно вас я считаю ответственным за то, что вице-президент Американо стал предателем. И вы заплатите за ваши гнусные интриги!

Ле Гран вскочил на ноги.

— Конрой, вы грязный лжец! Я не виноват в том, что Хенри организовал восстание. Ваша голова напичкана дерьмом собственных интриг, поэтому вы подозреваете всех подряд!

Лаббэк в душе испытывал удовлетворение от грубого взрыва Ле Грана. Он произошел именно сейчас, когда заседание Комитета записывалось на пленку, так что останется зафиксированным. Бурная реакция Ле Грана, которую он не смог сдержать, говорила о том, что Отис сильно обеспокоен.

Если Президент проявит милосердие и сохранит жизнь Хальтону Хенри, планы Ле Грана рухнут. Как ужасен будет его страх перед местью Хальтона! Ле Гран сделал ставку на падение вице-президента. И хотя Хальтону пришлось уже многое потерять, Ле Гран еще не выиграл.

Мысли Лаббэка были безжалостны. Он переглянулся с Белковым, а затем посмотрел на Ле Грана. «Ветка Отиса уже согнута и скоро переломится, ветка Люсии упала на землю, Хальтон почти распилен! Почти... Теперь очередь повстанцев армии Уотерса и Уэстерленда. Этих я расщеплю пополам!» Лаббэк успокоился и повернулся к своему союзнику Рейчу Садлеру, губернатору Пограничных Миров.

— Президент надеется увидеть Хальтона Хенри побежденным, но не сломленным. Что вы думаете по этому поводу?

Садлер, шестидесятилетний сухопарый старик, взглянул в упор на Лаббэка из-под густых бровей.

— Конгресс смотрит на это иначе. Он — предатель!

— Дайте Президенту самой разобраться в этом деле,— понизил голос Лаббэк.— Если вы поддержите ее, я уверен, вас назначат наблюдателем за финансовой деятельностью Зенца.

— Вы, кажется, полностью уверены в победе,— улыбнулся Садлер, давая понять, что он принял предложение.

— Да.— Лаббэк обернулся и подозвал Дзиро Ито — тот быстро подошел к нему.

— Доставьте это послание немедленно в мой особняк в Линкольне: пусть капитан Стрейкер приступает к осуществлению плана Хавкена. Он поймет, о чем идет речь. Харрисбург и Норфолк привести в полную боевую готовность. Но военный флот не должен трогать корабли Хавкена, они остаются в моем распоряжении. Понятно?

Дзиро Ито поклонился и поспешно вышел, все еще мокрый от пота. В его перчатке лежал запечатанный приказ Лаббэка.

Конрой Лаббэк погрузился в глубокие размышления. «Хорошо,— думал он,— пришло время прижать Ле Грана к стенке. Он слишком много разъезжал по стране в этом году, напыщенный как индюк. Но ему не удалось вновь снискать расположение Президента. Неделю назад он прилетел на Либерти на своем бристольском самолете и сразу же направился в Белый дом, чтобы встретиться с Алисой.

Этот подлец сказал ей, что у него есть точные сведения о моих сепаратных переговорах с императором. Теперь он обозвал меня лжецом в присутствии всего Комитета. Ле Гран слишком высокого о себе мнения и заслуживает того, чтобы ему напомнили о его истинном положении. Что может быть лучше, чем показать ему тот контракт?»

Лаббэк вспомнил день капитуляции Хальтона Хенри. Курьер доставил ему президентскую повестку, и тот принял ее, словно это была гадюка. В тот роковой летний день, когда в поместье Шатто Ле Гран захлопнул капкан, Хальтон сбежал обратно в Линкольн, а оттуда в свое укрепленное имение в отдаленной системе Оссининг. В бешенстве он начал сшивать разрозненные лоскуты своего лопнувшего плана. Сначала ему казалось, что он погиб и ничто уже ему не поможет. Но по мере того, как листья в кленовых лесах превращались из золотисто-желтых в багрово-красные, в нем постепенно крепла уверенность, что он можно еще продолжить борьбу. В это время Кассабиану удалось перехватить коммюнике, написанное Уотерсом и Уэстерлендом, из которого следовало, что они поддерживают Хенри.

Люсия, исполненная негодования по поводу ее домашнего ареста, придала Хальтону смелости. В то же время барон Харуми откладывал отправку своих войск. Вопреки обстоятельствам, письма Окубо убедили Харуми, что рискованный перелет через корейские орбиты возможен еще до наступления зимы — с американской помощью, которую гарантировал посол. В результате давления Ямато на марионеточные правительства те согласились вычеркнуть имя Алисы Кэн из списка признанных глав правительств и настроить своих подданных против нее. Это грозило сильно поколебать престиж Президента.

Как только у Хальтона Хенри появилась возможность добиться успеха, Лаббэк переговорил с Алисой Кэн. Затем он отредактировал документ новой президентской повестки, составив его в более мягкой форме, чтобы внушить Хальтону, будто Президент согласна на перемирие. Хенри заколебался. Через несколько дней все уже было готово. Хенри задерживался в Оссининге, ссылаясь на затруднения с транспортом.

— Тяни время! — внушала ему Люсия с Либерти.— Заставь Алису ждать!

Хенри хрипло сказал своему секретарю:

— Передай курьеру, что я не могу сегодня покинуть планету. Я прилечу через три дня. Нет, через четыре. Скажи, что я сделал все возможное, чтобы пойти на уступки...

Потом он сказал Уотерсу:

— В Оссининге я нахожусь в безопасности. Здесь я смогу собрать двадцать тысяч отрядов, и у нас есть несколько кораблей. Если мне удастся протянуть еще хотя бы неделю — я спасен. О Боже, помоги мне!

Шпион Лаббэка рассказал ему, что тремя днями позже Хенри побелел, как полотно, и закашлялся, когда, сломав печать со второго послания Президента, прочел настоятельное требование явиться в суд. «Я не привыкла получать подобные ответы»,— писала в гневе Алиса Кэн, требуя, чтобы он приехал. Немедленно! На корабле, который она за ним послала.

Он дважды прочитал ужасное требование, наблюдая, как экипаж нетерпеливо топчется во дворе. Огромное брюхо военного корабля нависало над его домом, заслоняя небо. Перед ним стояли два лейтенанта, одетые в форменные куртки из голубой кожи. Вид у них был очень решительный. Отчаяние охватило Хенри, когда он спешно сжигал свое послание Уотерсу на Дакоту с приказом начать восстание.

— Я отправляюсь на Либерти, чтобы сдаться на милость Президента,— сказал он Уэстерленду по видеосвязи.

Уэстерленд находился на орбите.

— Ты еще можешь довести дело до конца!

— Нет!

— Трус! Предатель! Ты погубишь нас всех!

Когда экран погас, его собственные охранники пытались остановить его. Они преградили ему дорогу, но он оттолкнул их. Бледный, измученный приступом удушья, Хальтон Хенри взобрался на борт «Портленда». Он прибыл в Белый дом и бросился в ноги Алисе Кэн с жалким раскаянием. Она кричала на него, беспощадные угрозы градом сыпались на его голову. Кровь стыла у

него в жилах. Он молил ее о прощении, сваливая всю вину на Ле Грана, который обещал ему отстранить Лусию и гарантировал успех.

Хенри задыхался от кашля, постоянно ощущая на руках холодную сталь наручников, напоминавших ему о цене, которую он теперь должен заплатить. После всего этого Лаббэку не составило труда отобрать у несчастного Хенри контракт о контроле над корпорацией «Халид», который он подписал с Ле Граном.

«Стоит ли мне сцапать Ле Грана сейчас? — спрашивал себя Лаббэк, чувствуя, что теперь ему подвластно все.— Стоит ли показать ему копию контракта? Это все равно, что показать его смертный приговор. В то же время контракт — это веское доказательство его вины в случае выпада в мою сторону. Пожалуй, нет. Следует обождать. Я сохраню ему жизнь, пока мне это нужно». Он подумал еще раз о пучке веток для растопки камина, который он показывал Николаю Белкову. Осталась последняя ветка — Эллис Стрейкер.

Следующее письмо будет отправлено барону Харуми. Дипломатическое послание попадет к нему при полной секретности через корейского доверенного Ы То Мэна. В нем будет сказано, что эскорт барона Харуми, снаряженный для его отрядов, повернется против него и нападет на войска вторжения.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Место действия: Калифорния-1

Хавкен увидел корабль «Конституция», выходящий на орбиту ближайшей планеты в системе Калифорния-1.

«Конституцию» сопровождали четыре других корабля в четыре тысячи тонн каждый. Они курсировали вдоль границы Корейской системы. Все корабли принадлежали Хавкену и были куплены во время удачного посещения Европы этим летом. Корабли передвигались быстро, словно налегке.

Хавкен знал, что на них нет и не будет груза. Каждый корабль нес на борту тяжелое вооружение — лазерные и гравитационные установки. Уменьшенная масса делала корабли более маневренными и позволяла им в случае необходимости стремительно выходить на орбиту и неожиданно открывать огонь.

Хавкен прилетел, чтобы переговорить с Эллисом, и остановился в порту одного из спутников неподалеку от Лос-Анджелеса. Спутник казался совсем крошечным по сравнению с гигантской газовой звездой, сплющенной на полюсах. Его потрескавшаяся поверхность была холодной и мрачной, спутник находился довольно далеко от планеты. Индекс оказался чрезвычайно низким — такого Хавкену еще не приходилось встречать в своей практике.

— Добро пожаловать на борт, командор,— произнес Эллис традиционное приветствие.

— Спасибо, Эллис.

— Есть какие-нибудь новости с Либерти?

Хавкен посмотрел на Стрейкера, а затем осторожно оглянулся, чтобы убедиться, что поблизости никого больше не было.

— Новости есть, но они тебе не очень понравятся. Однако сначала я бы хотел выслушать твой доклад.

Они поднялись на капитанский мостик. Эллиса встревожила сдержанность Хавкена. «Мне не о чем докладывать, и ты это знаешь,— думал Стрейкер.— Мне осточертела эта планета, похожая на гнилой мандарин. Двенадцать дней я кружу возле нее — и все безрезультатно. Вероятно, ты хочешь поговорить об этом. Хорошо. Но мне не очень интересно, что вбил тебе в голову Кассабиан и какова теперь его позиция. Но как дела у мятежников? Из-за отсутствия информации у меня могут возникнуть осложнения. И ты это прекрасно знаешь».

— Японцам уже сообщили, что мы здесь,— проговорил Эллис.— Либо они прилетят на разведку, когда будут готовы, либо вообще не появятся. Проклятье, как бы мне не пришлось гоняться за ними вдоль всей границы!

Хавкен посмотрел на него и ловко засунул большой палец за пояс.

— А тебе не кажется, что они догадываются о том, что приготовлено для них в твоих отсеках? — проворчал командор.— Может быть, этим объясняется их отсутствие?

Эллис бросил на него быстрый взгляд. С тех пор, как две недели тому назад он получил приказ Лаббэка, его не оставляла мысль о разгроме отрядов Харуми, за который заплатил Окубо. Посол передал ему деньги и запечатанное коммюнике, чтобы вручить его эмиссару Харуми. Половина кредитов пошла Хавкену, а остаток через Реда Боуэна был отправлен в Харрисбург Джону Уюку. Нераспечатанное письмо к Харуми лежало в кабинете Эллиса. После встречи с Окубо настроение Стрейкера заметно улучшилось. Он обрадовался, что наконец может возвратиться на корабль после долгих проволочек в Линкольне. Он предчувствовал надвигающиеся события и с оптимизмом смотрел в будущее.

Эллис обсудил с Окубо все до мельчайших подробностей и прибыл на пограничную станцию, которую указал ему посол. Ждать оставалось недолго. Как только нагруженные военными отрядами корабли появятся в радиусе видимости, он тотчас же примкнет к ним. Его дисциплинированная эскадра живо соберется вместе, и Эллис отведет корабли Харуми к Лос-Анджелесу, где их поджидают четыре корабля на орбите. Вот тогда и наступит настоящая расплата, о которой он не говорил Окубо,— приятная встреча со сверхоружием.

«Если бы только Дюваль был здесь,— думал Эллис.— С его наводкой эти пушки Стэнтона — в тринадцать футов длиной и четыре тысячи фунтов весом каждая — пробили бы любой суперсинтетический корпус, и ни один щит не спас бы их». Оружие на борту американских кораблей было способно изменять гравитационную постоянную в местных масштабах. Оно пробивало аккуратную дыру диаметром в фут в любом твердом теле, могло высосать любой газ или жидкость и заполнить любое пространство. Вещество, поглощаемое антивеществом, исчезало в вакууме, порождая «дымовой камень» — гладкую сферу из чистого железа, немногим более двух с половиной футов в диаметре. Если бы «Конституция» и ее «братья» подошли на достаточно близкое расстояние, они раскромсали бы на куски корабль барона Харуми и его эскорт. Все системы кораблей были бы выведены из строя, воздух вышел бы в космос, а экипажи так бы никогда и не узнали, что за дьявол на них напал.

Но ничего подобного не произошло. Ни один корабль не появился на орбите. Не было видно даже спасателей, обычно сопровождавших эскадру. Зато корабли, курсировавшие по другую сторону границы Ямато, моментально сбежали, как только обнаружили корабли Эллиса. Тем самым они внесли путаницу в систему Маршалла-2, где блуждали пираты Ким Вон Чуна.

— Говорят, Уюку купил себе новый корабль и два шаттла,— проговорил Хавкен.

Эллис промолчал, ожидая, что еще скажет командор.

— Я слышал, что он вылетел из Харрисбурга без государственного разрешения и паспорта. Ты об этом что-нибудь знаешь?

— Мы слишком далеко от Харрисбурга, командор.

— Да, но это не ответ на мой вопрос,— проворчал Хавкен.

— У меня слишком много своих забот, чтобы думать об Уюку.

Эллис вспомнил, как в июле они с Уюку разрабатывали совместные планы, как раз за неделю до свадьбы Джона. Они сидели в доме Хавкена в Линкольне и за его спиной пили за будущие полеты в Нейтральную Зону. После этого Уюку все очень быстро устроил в Харрисбурге и Норфолке. Получив кредиты от Эллиса и сложив их со своими, а потом добавив и те, что передал Окубо, он купил легкий маневренный корабль и пушки Стэнтона, снарядив экспедицию для нового путешествия на Садо. Если бы Уюку добрался туда раньше, чем разгромят Харуми, ему удалось бы спасти или выкупить Дюваля вместе с остальными американцами и безнаказанно сбежать.

— Мы не будем устраивать там праздничный салют,— говорил Уюку, в предвкушении радужной перспективы.— Всего лишь невинная торговля лошадьми с губернатором Угаки — открыто, честно и по-дружески. Затем, когда наши окажутся на борту, мы взлетим над Ниигатой и оставим прощальное послание — выжжем клеймо на заднице Нисимы.

Эллису вспомнились слова Ким Вон Чуна, говорившего с сильным акцентом: «Ямато обладают большой и пылкой щедростью! Лично я просил у японцев только кредиты, но много раз они почему-то пытались всучить мне также и свои жизни!» Больше всего Эллиса радовала мысль, что экспедицию по спасению Дюваля финансировал Окубо. Стрейкер надеялся, что если Джон будет верен себе, то денежная сумма для выкупа станет всего лишь приманкой и возвратится назад, увеличившись в несколько раз. Но, видимо, что-то сорвалось. Десять дней

прошли, а эмиссар барона Харуми так и не появился. «Неужели восстание охватило весь Американо? — терялся в догадках Эллис.— Что, если Хальтон Хенри достиг успеха и Линкольн восстал против Президента?» Внезапно Эллис почувствовал страх за жизнь Ребы Лаббэк.

— Тебе приказано изменить курс и лететь в сторону Либерти.

— Что?! — вскричал Эллис, словно его окатили ледяной водой.

— Сейчас. Немедленно. Для тебя есть другая работа.

Хавкен вспомнил, какое волнение охватило его, когда Эллис поднимался на борт его корабля в Харрисбурге. Они отправлялись отнюдь не на пустяковую прогулку. Командор понимал, что двуличные политики в Линкольне отнимали у Эллиса все шансы для решительных действий.

— Что произошло? — мрачно спросил Эллис.

Хавкен с досадой ударил ладонями по перилам.

— Пограничные порты закрыты. Я пренебрег приказом Лаббэка и прилетел сюда. Ты знаешь, что Уотерс и Уэстерленд уже хозяйничают на Дакоте и Айове. Они контролируют Огайо и выбрали цепь Акрон первой орбитой для приземления отрядов Харуми.

— Но прежде чем достичь Акрона, Харуми должен появиться здесь!

Хавкен покачал головой.

— Возможно, их остановят, но без твоей помощи. Хальтон Хенри находится сейчас в исправительном лагере возле Линкольна. Президент — в своем Военном кабинете на горе Райнье. Ее двоюродный брат адмирал Хандсон командует армией, противостоящей мятежникам. В Линкольне ходят слухи, что барон Харуми поклялся уплатить своим самураям кредитами из Центрального Американского банка. Он собирается заставить Президента публично поклониться ему возле памятника Вашингтону и хочет, чтобы все это транслировалось по телевидению. Уотерс раздувает эти слухи среди командования своей армии. Уже сейчас семьсот тысяч человек готовятся перебраться на Иллинойс.

Эллис весь сжался от напряжения.

— Но я не могу оставить станцию! Барона Харуми надо задержать!

Хавкен закрыл глаза. Он заранее приготовил ответ.

— Делай то, что я сказал. Это ложные слухи. Харуми не появится здесь, а мятеж вскоре будет подавлен.

— Но неужели Харуми даже не попытается пробиться? Ведь это единственный путь к Американо. Не может быть, чтобы Окубо нас обманул!

— Нет. Харуми написал Окубо письмо, в котором сообщил, что пошлет помощь после освобождения Люсии Хенри. Он считает, что это станет настоящей проверкой чувства ненависти американцев к Алисе Кэн и доказательством того, что мятежники победили. Но повстанческая армия никогда не сможет освободить Люсию, потому что ей до нее не добраться. Мятежники даже не знают, где она сейчас находится. Тэпси Дусен и Рейч Садлер увезли ее куда-то к цепи орбит Аляски, а это слишком далеко, чтобы армия Уотерса проникла туда без помощи Харуми.

Эллис сразу же понял, что восстание обречено: никакой поддержки без Люсии и гибель Люсии без поддержки. Замкнутый круг. Такое мог придумать только Лаббэк.

— Кто же убедил Харуми согласиться на эти условия? Держу пари, что это дело рук секретаря! — сердито проговорил Эллис. «Двуличный ублюдок! Ты предупредил Харуми! — гневно подумал он о Лаббэке.— Какого же черта я торчал здесь почти две недели?!»

— Тебе известно, что предпринимал Конрой в последнее время? — спросил Эллис.

Хавкен пожал плечами — он хотел рассказать меньше, чем знал.

— К сожалению, планы Лаббэка вовсе не обязательно должны совпадать с нашими, Эллис.

Этого было достаточно, чтобы Стрейкер сорвался.

— Давай, командор! Выкладывай все напрямую!

Хавкен сверкнул глазами, возмущенный нарушением субординации и несдержанностью Эллиса, но попытался успокоить его.

— Видишь ли, цель Конроя — остановить мятеж, и он может быть подавлен, если предотвратить поддержку мятежников со стороны Ямато. Поэтому Ямато нужно помешать. Это не значит, что следует уничтожить армию Харуми — просто необходимо помешать ей, чтобы она не достигла сектора Американо.

— Конечно, я понимаю! — мрачно проговорил Эллис.— В этой гнусной игре армия Харуми вообще не имеет никакого значения. Она только хочет перебросить миллионные отряды на Гуам, чтобы держать его под своим контролем. Кто кого пытается обмануть, Джос?! — Стрейкер ударил кулаком по стволу пушки.— Какого дьявола мы покупали эти установки?!

— С таким же успехом ты мог бы лететь с грузом металлолома,— невозмутимо ответил Хавкен.

— Ты не представляешь, в какую ситуацию я попал.

— Да, я тебя понимаю,— тон Хавкена стал доверительным.— Но у нас нет другого пути. Лаббэк действует очень гибко и изощренно. Он предотвратил гибель армии Харуми и дал этим понять, что не стремится к войне. Он сделал примирительный жест в сторону Ямато, в то же время отвергая политику японцев в Нейтральной Зоне. Окубо выставлен дураком в глазах Харуми.

— И я тоже!

— Он отнял у нас время для осуществления своих планов.

— Он отнял у меня шанс для решительного удара! — Эллис снова стукнул кулаком по стволу, так что на суставах выступила кровь. Он подумал, что гнев Ким Вон Чуна будет страшен. Стрейкер кормил свой экипаж и союзников обещаниями славы, а теперь ему придется их разочаровать. Теперь ничто не восстановит его доброе имя. Он навсегда потерял доверие людей, которые относились к нему с таким уважением.

— Лаббэк — гнусный и скользкий тип! Пропади он пропадом!

Глаза Хавкена сузились.

— Будь осторожен, Эллис. Конрой — человек опасный, как змея. Хорошо еще, что он не действовал против нас. Мятеж провалился, а повстанцев сотрут в порошок войска Эрлз и Хандсона. Скоро Люсия и Хальтон Хенри будут осуждены и получат по заслугам. Конроя назначат вице-президентом, и все это произойдет без участия Ямато. Лаббэк одержал полную победу, не выходя из собственного кабинета. Он будет вспоминать об этом, как о приятной вечеринке. Но ты со своим бешеным темпераментом и независимостью представляешь для него опасность.

Эллис посмотрел на капитанский мостик, где на своих постах стояли вахтенные. Они прислушивались к их разговору, но старались не показывать вида. Эллис заметил Мосса, Ривели, Брауна и Грубера. Все они вернулись живыми после неудачи на Садо. Прошло уже больше года с тех пор. Стрейкер знал, как они хотели свести счеты за погибших товарищей. «Хороший экипаж,— подумал Эллис,— надежный. С ними можно отправиться даже в ад и надавать черту по заднице. Таких людей не дергают за ниточки, словно марионеток, как Хавкен дергает меня. Нельзя обманывать их!»

— В каких ты отношениях с правительством? — с горечью спросил Эллис.

— Официально мы всего лишь пираты. Однако Ямато, скорее всего, восстановит дипломатические отношения с Американо, потому что мятеж провалился, и она вынуждена примириться с ходом событий. Конрой выиграл эту партию.

— А что Окубо? Я уверен, мы не будем в безопасности, когда он все узнает.

Хавкен глубоко вздохнул, обдумывая каждое слово.

— Сомневаюсь. Я думаю, Конрой был точен, как всегда. Харуми предупредили о предательстве твоего экипажа. Окубо будет знать только то, что твои люди оказались не до конца лояльными. Я полагаю, нам лучше всего поговорить об этом с Кассабианом. У него для тебя есть новое задание.

— Какое еще задание?

— Очень ответственное... Контрабанда.

— Контрабанда?! — взорвался Эллис.— Ты думаешь, я снова позволю себя использовать?

— Черт побери, ты можешь выслушать хоть один приказ без лишних разговоров и препирательств? Это очень важная работа. Я предлагаю тебе не пустячное дело на пять минут.

Эллис смерил Хавкена убийственным взглядом.

— Ну и что дальше?

— Ты должен переправить одного корейского банкира в Американо. Он обеспечит все наше будущее.

Слова Хавкена охладили Эллиса. Он ясно представил себе перспективу. Момент для отказа был совершенно неподходящий, потому что могла раскрыться его двойная игра. В то же время Лаббэк пытается выжать последние капли выгоды из доверия Окубо. Но эта новая задача становилась еще одной неприятной и нежелательной проволочкой. Стрейкер нервно сжал рукоятку пистолета.

— Я не желаю больше выполнять вашу грязную работу,— ответил он Хавкену.— У меня есть собственные дела. Мой брат...

— Тебе некуда деваться без корабля и без паспорта.

— Кто остановит меня? — вспыхнул Эллис.

— Я. И все войска, сохраняющие верность Президенту. Ты погибнешь, если откажешься подчиниться мне, Эллис. Но доставь мне этого банкира, и, я думаю, ты получишь паспорт, чтобы облегчить участь оставшихся в Нейтральной Зоне.

Эллис глубоко задумался.

— Что это за банкир? — наконец произнес он.

— Его зовут Ы То Мэн. У него миссия исключительной важности.

— Какая именно миссия?

— Он жизненно необходим для безопасности Президента. Больше я ничего не могу тебе сказать во имя своей собственной жизни.

— Во имя чего?

— Своей собственной жизни. Ты не ослышался. И жизни Алисы Кэн. Этого достаточно?

Эллис несколько сбавил тон.

— Хорошо. Но что это принесет мне, если я соглашусь? Мне нужно больше, чем какая-нибудь дурацкая бумага!

— Если ты успешно провернешь дело, то получишь в свою собственность этот корабль. Если нет — продолжай и дальше свистеть задницей! — Хавкен злобно сплюнул.

— Черт бы тебя побрал, Эллис Стрейкер! Разве не я взял тебя на борт еще мальчиком? Разве не я вырастил тебя и всему научил? И ради чего? Чтобы ты отнял у меня мой лучший корабль!

Эллис сжал рукоятку пистолета.

— Да, командор, я уже вырос и окреп. Я уже управляю твоим лучшим кораблем и еще четырьмя другими. Если я чему-нибудь и научился от тебя, Джос Хавкен, так это тому, что капитан — хозяин корабля, особенно когда корабль находится за границей. Капитан важнее государственного секретаря, Президента или императора. Сейчас ты на моем корабле! Он находится на орбите, и мы полетим туда, куда я захочу. У меня для решения моих проблем есть «Конституция» и эскадра. Я отправлюсь в Корею; Корейская Конфедерация примет нашу помощь с благодарностью и позволит немного побеспокоить Ямато. Я больше не допущу ошибки. Никто из моего экипажа не откажется участвовать в этом деле!

Хавкен молча на него посмотрел и кивнул в знак согласия. Эллис почувствовал пси-волну, которая развеяла все его сомнения. Какая награда! В древние времена конституция являлась документом, который провозглашал права каждого человека, ей нельзя было не подчиниться. Она погубила многих деспотов... «Конституция» — отличный корабль для осуществления его планов: хорошо спроектированный, быстрый, маневренный и, как убедился Эллис, способный нести на своем борту сверхоружие.

Новый пси-шторм резко повернул космическое колесо фортуны, и Эллис пытался нащупать невидимые нити,

которые связывали будущие события. До сих пор плюсом являлось доверие Окубо и любовь Ребы Лаббэк. К этому добавлялась еще и «Конституция». У него будет свой корабль. Эллис дождется, когда Уюку вернется с Дювалем, и тогда они все вместе отправятся в Нейтральную Зону. Ямато увидит, что американцы — гордые люди, что они умеют мстить лучше, чем старики, балансирующие на грани политического равновесия и думающие только о собственной выгоде.

Глаза Хавкена впились в Эллиса, словно читая его мысли. Предупреждение командора прозвучало неестественно мягко:

— Ты меня очень рассердил, Эллис. Но будь осторожен. Конрой жесток и умен. Он в тысячу раз лучше понимает обстановку, чем ты или я. И никакой пситалант не спасет от сотен шпионов, рассеяных по всему Освоенному Космосу. Учти, Лаббэку обо всем известно! Он фанатично предан Алисе Кэн. Ты видел, как он проложил себе путь к посту вице-президента — ради власти он пойдет на все. Это настоящая змея, он все повернет так, как ему выгодно. Сейчас он благоволит к Ямато и Курту Райнеру. Если хочешь остаться в живых, помни об этом. Иначе ты никогда не увидишь его дочь.

Эллис оцепенел, внезапно вспомнив, как столкнулись рогами два молодых оленя в парке поместья Шатто. Его поразило тогда фанатичное стремление оленей бодать все, что мешает осуществлению их желаний. Искушение спутать карты Лаббэка необычайно велико, но Хавкен прав. Это смертельно опасно, нужно сдержаться на какое-то время. Никто не сумеет отнять у него Ребу Лаббэк. Никто!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Место действия: Либерти

Утром первого мая личный курьер государственного секретаря Дзиро Ито доставил своему хозяину сообщение, которое его потрясло. Оно вдребезги разбило безмятежность Конроя и подействовало на него сильнее, чем если бы Президент приказала ему покинуть правительство. Когда Ито вошел к нему, Лаббэк был погружен в работу. Он распределял наказания, планируя судебные процессы, чтобы покарать преступления восставших. До этого дня события развивались по сценарию Лаббэка и не выходили из-под его контроля. Разве Курт Райнер не согласился наконец жениться на его дочери? Разве сектор не сумел сохранить мир, избежав войны с Ямато? Разве пограничные системы не поддерживают железную дисциплину, и разве не посрамлены все его враги?

После вспышки насилия консерваторов смута вскоре была подавлена войсками генерала Хандсона. Восстание захлебнулось еще до Дня Благодарения, к концу февраля. Остатки армии Уотерса были уничтожены. Немногочисленные приверженцы Люсии Хенри на Дакоте раскаялись, а их лидеров с позором казнили. Только хитрому, как лиса, Уэстерленду удалось спастись. Он сбежал в гавань Хонсю, где находили прибежище американские политические преступники. Оставалось только два неразрешенных вопроса: что делать с Люсией и Хальтоном Хенри?

Лаббэк обдумал все очень тщательно. «Это несложно,— сказал он себе два дня назад.— Конгресс в один голос требует головы Люсии и с каждым днем все боль-

ше настраивает общественное мнение против нее». Но Алиса начала решительно и непреклонно возражать против смертной казни. Лаббэк вспомнил, как она взорвалась, услышав от него это предложение. Лицо ее покраснело, жемчужные серьги в ушах дрогнули, а губы скривились в неодобрительной усмешке. Большие темные глаза округлились и посмотрели на него с ненавистью. Лицо застыло в устрашающей маске — он довел ее до приступа ярости.

Да. Он сделал это сознательно. Алиса находилась на посту Президента уже двенадцать лет и научилась требовать и добиваться. Лаббэк же занимался политикой значительно дольше и знал, что нужно делать, чтобы планы Президента совпадали с его собственными. Она оборвала его речь и сжала кулаки так, что хрустнули суставы. Этой привычкой она напоминала своего отца — властного и непримиримого Оттомана Кэна. Лаббэк все это, конечно же, инспирировал, рассчитывая напугать тех, кто окружал Президента в тот момент. Так и произошло. Он покорно встал и покинул Овальный кабинет, чувствуя, что его маневры точно достигли цели. Но за маской, которую она тогда на себя надела, он увидел ее настоящее лицо: Лаббэк понял, что она не может разрешить возникшую перед ней проблему.

На следующей неделе все обсуждения смертного приговора прекратились. Дело Люсии могло подождать, но с Хальтоном медлить было нельзя. Лаббэк решил сохранить жизнь бывшему вице-президенту, потому что он еще мог ему понадобиться. И так как Президент рассердилась на обоих, Хальтон получил возможность выжить. Позже Лаббэк представит это как желание американского народа. Он обратится к Президенту с предложением помиловать Хальтона и казнить Люсию. Алиса примет это предложение, потому что оно покажется ей мудрым и справедливым, и потому что она полностью доверяет Лаббэку.

Ито торопливо поклонился и вместо предварительных объяснений положил на стол Лаббэка несколько листов синтетической бумаги. Строки официального до-

кумента довели Лаббэка до удушья. Чтобы предотвратить появление этого документа, он закрыл пограничные орбиты еще до Рождества и не открывал их до сих пор. Возмездие настигло его, словно молния, от которой он убегал. Но она все-таки ударила в него.

— Эти листки распространялись в районе Колумбии, господин Лаббэк.

— Спасибо,— с трудом проговорил Лаббэк, не успев еще оправиться от шока, хотя в глубине души он предвидел возможность такого поворота событий.

— Благодарю вас, Ито. Уверен, что это не единственная копия.

— К сожалению, все уже знают об этом. Полиция находит листовки в Филадельфии, Харрисбурге и других местах. В новостях говорят, что шила в мешке не утаишь. За границей скоро повсюду узнают об этом. Эти новости распространятся раньше любого эмбарго, которого мы могли бы избежать.

— Вы привезли это сразу, без промедления?

— Да, конечно.

— Вы правильно поступили. Подождите меня здесь, я скоро вернусь.

Лаббэк сложил листки, встал и направился в Овальный кабинет. Вместе с Президентом там находились Ле Гран и двенадцать помощниц. Конрой сразу же понял, что его вторжение оказалось некстати. Оно рассердило Президента, и Алиса даже не взглянула на него, обратившись к Ле Грану:

— Вы плохо выглядите, Отис.

Ле Гран вытер пот со лба.

Государственный секретарь догадался, что он вошел как раз в тот момент, когда Отис замышлял очередную интригу, чтобы развлечь Президента. Это было его любимым занятием. Приход Лаббэка помешал Ле Грану, и он вынужден был замолчать. Немногие могли скрыть правду от Президента, еще меньшее число людей было способно открыто лгать ей в лицо. Но никто никогда не делал этого в присутствии Конроя Лаббэка.

— У меня температура,— сказал Ле Гран, поднимаясь с места.— Наверное, заразился новым вирусом европейского гриппа.

— Хотите, я вызову к вам доктора Кая? — спросила Алиса вкрадчиво.

— Спасибо. Право, не стоит беспокоиться.

— Он выдающийся врач и очень хорошо разбирается в вирусных заболеваниях. К тому же он может сделать вам укол муколина.

— Ничего страшного. Думаю, это скоро пройдет.

Алиса проникновенно посмотрела на Кэрол Форд, свою привлекательную помощницу, которая была любовницей Ле Грана, а потом опять перевела взгляд на него, словно желая сказать: «Ах, Отис, Отис! Грипп здесь ни при чем...»

— Сказать по правде, Алиса...

— Да?

— Сказать по правде, я просто устал. Я... плохо спал прошлой ночью.

На лице Алисы промелькнуло разочарование. Ле Гран коснулся ее руки, но она резко отдернула ее, вспомнив, что за ними наблюдает Лаббэк.

— Отис, ваше время истекло,— проговорила Алиса.— На сегодня вы свободны.

Ле Гран прошел мимо Лаббэка, важный, как павлин.

— Выше задницу, господин секретарь,— любезно прошептал он.

— Позаботьтесь лучше о своей,— галантно поклонившись, ответил Лаббэк.

Ле Гран изящно повернулся и вышел из кабинета. Как только дверь за ним закрылась, среди помощниц Президента раздалось журчащее хихиканье и шепот. Алиса одним взглядом прекратила шум и кивнула Лаббэку. Тот с каменным лицом подошел поближе, держа в руках листок, затем почтительно нагнулся к ней и хрипло прошептал несколько слов. Она мгновенно вскочила и громко хлопнула в ладоши.

— Перерыв. Все свободны.

Ее лицо утратило беззаботность, на лбу собралось множество мелких морщин. Дрожащей рукой она положила листок на стол и начала внимательно его изучать. Алиса не проронила ни слова до тех пор, пока не прочла до конца Декрет Центральной Власти, написанный архаичным канцелярским стилем.

«Относительно некоей Алисы Кэн:

Полномочиями, закрепленными за Верховными Судьями Комитета, от имени Власти Центральной Земли, которой принадлежит право окончательного решения всех судебных дел в Освоенном Космосе и во всех его системах, где подчиняются Небесным и Высшим Законам, стоящим над законами учрежденных секторов, регулируемых пленарной властью...

Мы, видя, что бесчинные действия множатся день ото дня, видя также, что Высший Закон соблюдается все реже из-за подстрекательства вышеупомянутой Алисы Кэн, и так как Мы знаем, что ее душа столь ожесточена и упряма, что она игнорировала все просьбы и указания Центральной Власти, беспокоясь только о возмещении собственных убытков, а также воспрепятствовала представителям Центральной Власти в пересечении границы сектора Американо и причинила им ущерб, Мы вынуждены вершить справедливость.

Мы уполномочены заявить, что вышеупомянутая Алиса Кэн, узурпировавшая власть, а также все ее приверженцы в указанных делах подлежат смертной казни и должны быть изолированы от единого Человечества. Более того, Мы снимаем ее с незаконно занимаемой ею должности в вышеуказанном секторе, а также лишаем всех владений, наград и каких бы то ни было привилегий. Правительство и народ упомянутого сектора, а также всех прочих лиц, которые когда-либо присягали ей, объявляем свободными от любой подобной клятвы и всякого рода обязательств по отношению к ней. А также именем Центральной Власти Мы лишаем указанную Алису Кэн несуществующего звания главы сектора.

Мы предписываем всем военным и мирным гражданам бойкотировать ее приказы, мандаты и законы. Тех же, кто воспротивится настоящему Декрету, Мы также предадим анафеме».

Тяжело дыша, Алиса закончила чтение и подняла затравленный взгляд на Лаббэка. Лицо ее было мертвенно-бледным, тонкие губы нервно вздрагивали. Она резко встала, листок соскользнул вниз и спланировал на пол.

— Согласно этому Декрету, я должна быть убита. Мои подданные либо предадут меня, либо погибнут вместе со мной.

— Алиса...

У Лаббэка не хватало слов. «Вот так в одно мгновение мы оказались в аду,— подумал он.— Это доказывает, если здесь вообще нужны какие-нибудь доказательства, до какой степени усилилось влияние Ямато на Власть Центральной Земли. Подобные парламентские акты использовались триста лет назад! Тогда устанавливались границы секторов, и Центральной Власти было необходимо помешать различным фракциям организовывать без разрешения собственные сектора. Наказанием для всех самозванцев становился смертный приговор. Убийцу, который приводил в исполнение приговор Власти, посвящали в качестве награды в тайну вечной жизни, известную только монахам Центральной Земли.

Теперь угроза, связанная с Люсией Хенри, необычайно возросла, —думал Лаббэк.— Президент должна казнить ее. Захочет ли она? Алиса должна это сделать!»

— Поддержите меня...— холодная рука стиснула его пальцы.

Она дрожала, на высоком лбу выступили капельки пота.

— Все бросят меня, да? Конрой, скажите мне!

— Преданность вашего народа непоколебима и тверда как скала, Алиса.

— А мои враги? Они теперь ополчатся против меня.

— Все ваши подданные искренне вас любят — больше, чем самих себя.

Она вновь вскочила на ноги и начала нервно расхаживать, чуть раскачиваясь из стороны в сторону. В неглубоких нишах кабинета стояли охранявшие Президента преданные морские офицеры в бело-голубой военной форме. Их фигуры были настолько неподвижны, что казалось, будто они не решаются даже дышать.

Лаббэк испуганно посмотрел на безостановочно шагающую Алису и почувствовал, что ее сердце сдавило нечеловеческое напряжение. Ее резкий, изменившийся голос пронзил его, словно кинжал.

— Существует еще более страшная угроза, Конрой. С этого дня за мою голову назначается фантастическая цена. Я уверена, найдутся тысячи добровольных убийц, желающих купить себе бессмертие в обмен на жизнь порочного Президента. И не последним среди них окажется ублюдок, сам себя назначивший главой Освоенного Космоса,— император Муцухито!

— Алиса! Успокойтесь, пожалуйста! — умолял ее Лаббэк.

Она засуетилась, словно собираясь уходить, и хлопнула в ладоши. Лаббэк непроизвольно отступил на шаг, взглянул на нее и похолодел от ужаса. Мертвенно-бледное лицо Президента исказилось, как будто в треснувшем зеркале. В Овальном кабинете Белого дома раздался безудержный безумный смех Алисы Кэн.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Двумя днями позже на заходе солнца Ито нанес Лаббэку еще один срочный визит.

— Ваша командировка оказалась удачной?

— Да. Мистер Бовери, садовник из Харрисбурга, признал свою вину.

— Это он разносил листки?

— Бовери сознался в этом. Он арестован.

— Вы применяли зонд во время допроса?

— Да, как вы приказали, сэр.

— Хорошо. Пусть он отдохнет этой ночью и все обдумает, можете даже спеть ему колыбельную. Если он не выдаст своих сообщников, допросите его снова при помощи зонда. Я хочу знать имя человека, который доставил в Американо первые экземпляры этих листков.

Глаза Ито блеснули при свете лампы.

— Мы уже знаем его имя, сэр.

— Кто это?

— Некий Ы То Мэн. Корейский финансист, служащий банка «Сумитомо». Он привез первые экземпляры с пограничных орбит.

Лаббэк нетерпеливо схватил Ито за рукав.

— С каких орбит? Как ему удалось добраться до Американо?

— Это нам еще предстоит выяснить, сэр.

Лаббэк внимательно посмотрел на Ито, который уже собрался уходить. Личный курьер государственного секретаря родился в Ямато и именно там начинал свою деятельность. На мгновение Лаббэк засомневался, можно ли ему доверять до конца, но тут же отбросил эту мысль

как напрасный страх. Он знал психологию предателей — не было более надежных людей, чем бывшие самураи. Они так же фанатично боролись с Ямато, как раньше с американцами. Те же из них, кто раскаялся в измене, всегда кончали жизнь самоубийством. Дзиро Ито, ныне лейтенант Лаббэка, выносливый, натренированный ниндзя, считался лучшим шпионом государственного секретаря.

Лаббэк вновь задумался о листовках с Декретом, распространявшихся сначала в пограничных районах, а теперь уже в Харрисбурге и Линкольне. «Кто? — спрашивал себя Конрой, сидя в пустом кабинете.— Кто? Кассабиан? Нет. Он экспансионист до мозга костей. Но кто же тогда стоит за этим? Ле Гран? Да! Трусливый и честолюбивый Ле Гран, невинной бабочкой порхающий вокруг Президента. Гнусный, вероломный враг. Я уничтожу тебя! Я раскрою Президенту твои планы, которые ты замышлял с Хальтоном Хенри. Да, я устрою вам очную ставку, чтобы ты подтвердил каждую строчку вашего договора, поганый лжец! Тебе не удастся отделаться шуточками. На этот раз я не дам тебе выкрутиться!

Но все ли я правильно рассчитал? — внезапно засомневался Лаббэк.— Люсия должна погибнуть, но Хальтон мне нужен живым... А что, если получится наоборот? Очень плохо... Очень плохо и для Американо, и для меня. Я не могу уничтожить Ле Грана, не обвинив Хальтона Хенри в государственной измене. А потом мне опять придется спасать его от смертной казни. Нет! Хальтон должен быть освобожден. Я обещал Курту Райнеру. Без освобождения его дяди не может быть и речи ни о какой свадьбе с Ребой».

Он взглянул на вазу с увядшими нарциссами, стоявшую на подоконнике. Из окна виднелась лужайка перед Белым домом, посеребренная вечерними тенями. Солнце клонилось к западу; на тяжелом бархатном небе высвечивались бледно-оранжевые облака, между которыми наметился золотой пунктир летящего самолета. Внизу

тускло мерцали окна президентских апартаментов с приоткрытыми жалюзи.

Алиса молча стояла на балконе, погрузившись в уютное тепло наступающей ночи. Она вспомнила отвратительную возню, которую устроили вокруг нее, чтобы выдать замуж за девятнадцатилетнего китайского принца. Она пожалела, что не смогла сразу же пресечь эти попытки и спровоцировала ссору с Китаем.

Затем мысли ее обратились к последнему ходу императора. Е Чан, новая квазисупруга Муцухито, дочь корейской марионетки Хо Кум Суна, стала удачным приобретением для Ямато. В настоящее время она находится на Сеуле, где расположен крупнейший в Освоенном Космосе порт с самой длинной взлетно-посадочной полосой и множеством прекрасно оборудованных стоянок. Вскоре она отправится в долгое межпланетное путешествие в Киото.

Согласно донесениям разведки, потребуется усиленный эскорт для соблюдения этикета и отпугивания корейских пиратов, курсирующих в пограничной зоне. Говорят, эскорт уже собирается на Сеуле. Теперь Муцухито устранил последнее препятствие, мешающее ему использовать Декрет Центральной Власти для оправдания давно задуманного вторжения в Американо.

Сектор Американо находился в очень сложной ситуации. Война могла начаться со дня на день, и флот уже был приведен в боевую готовность. Кассабиан доносил, что Уэстерленд нашел прибежище в бухте Хонсю, среди кучки политических ссыльных, обращавшихся к Муцухито с предложением немедленно начать войну. Пример его друга, заговорщика Уотерса, мог охладить пыл Ямато, а мог наоборот, еще больше воспламенить. Алиса выслушала доклад Лаббэка о расследовании дела Уотерса и подписала приказ о смертном приговоре. Этот документ все еще лежал у нее на столе.

«Почему мне всегда так трудно гасить свечу человеческой жизни? — спрашивала она себя.— Не имеет значения, чья это жизнь, и что этот человек совершил. Мне

всегда недостает ненависти, чтобы испытывать удовольствие, подписывая смертный приговор. Да, я не такая «железная», как мой отец. Если его и мучила совесть, то он никогда не показывал этого. Но он был несгибаемым, Оттоман Кэн...»

Алиса прислушалась к своим чувствам. Она не любила подписывать приказы, обрекающие людей на казнь, даже в том случае, когда защищать их было противозаконно. Для очистки совести Алиса решила смягчить наказание Бовери, отправив его в ссылку. Затем она задумалась о судьбе Люсии. «Конрой советует мне расправиться с ней, уничтожив ее законным способом. Но зачем?

Это может только обострить ситуацию. Представляю, сколько грязи выльют на мою голову монахи с Центральной Земли! Да, Люсия пыталась лишить меня власти, но я бы делала на ее месте то же самое. Теперь она моя пленница, и я стою перед выбором. Я отняла у нее свободу, но я не хочу отбирать у нее жизнь!

А Хальтон... О, Господи! Тщеславный, самонадеянный, глупый Хальтон! Неумелый игрок. Вечно он впутывается в чужие интриги. Но он во всем сознался, и за это я заменю смертную казнь на ссылку. Ничего... Американо преодолеет трудности, и я останусь Президентом. Но я никогда не смогу забыть, что власть поддерживают с помощью обмана. Что толку от моих стараний, если все кругом пронизано коррупцией? Меня окружают только жестокие и честолюбивые люди, вряд ли они задумываются о добре и зле...»

Она вспомнила о самом мрачном периоде своей жизни. Хмурое утро шестнадцать лет назад, во времена правления Люсии. Тогда комиссия Конгресса приказала доставить ее из Филадельфии в Линкольн. Ей потребовалось все ее мужество, чтобы подняться по бесконечным ступеням Капитолия с гордо поднятой головой. Ее обвинили в государственной измене и подготовке антиправительственного заговора вместе с Эли Вьятт. Она обвинялась также в проведении демонстрации протеста

против договора о разоружении, который Люсия подписала тогда с Муцухито.

Суд потребовал смертной казни. Целый год Алиса находилась под арестом в Линкольне. Еще четыре года ее содержали в одиночном заключении на островах Роде, пока суд рассматривал ее дело. Все это время над нею был занесен самурайский меч, тень которого витала над всем сектором Американо. Но Люсия проявила выдержку и благородство, и Алиса никогда не забывала об этом. Заседания суда бесконечно затягивались, а иногда и переносились по просьбе самой Люсии. Конечно, дочь Стрэтфорда Хенри пролила много невинной крови, но она избавила свою непримиримую политическую соперницу от смертной казни, когда та полностью находилась в ее власти... Нет, Алиса этого не забудет!

«Когда Люсия лишилась власти в результате вооруженного восстания в тот роковой для нее ноябрьский день, я наконец возвратилась из ссылки на Либерти. Народ объявил меня Президентом, и я заняла ее место. Люди встретили меня с цветами и провозгласили Алису Кэн своей заступницей, как будто в моем имени была какая-то опьяняющая магия. Они прокляли Люсию за неумелое управление сектором и установление дружеских отношений с Ямато.

Мне знаком ужас перед смертным приговором. Я слишком хорошо знаю чувства осужденного, чтобы с легкостью подписывать этот документ. Я поступлю с Люсией так же, как она поступила в свое время со мной. Ни она, ни ее глупый брат не будут казнены. И неважно, какую угрозу это может представлять для моей жизни по убеждению Лаббэка или кого бы там ни было...»

Она выпрямилась, глубоко вздохнула и убрала ладонь со лба. Снизу послышались звуки гитары. Восемнадцатилетний Травис Хьюмэн, часовой из морских пехотинцев, осторожно перебирал струны. Он недавно сменился с поста и, казалось, даже не подозревал, что его может услышать Президент.

О скажи, видел ты
Предрассветный луч зари?
Мы его с тобою ждали
В миг последний сумерек...

Алиса отошла в глубь комнаты, улыбнувшись незатейливой мелодии и мягкому голосу юноши. Подойдя к письменному столу, она внезапно почувствовала головокружение и оперлась на кресло. Ей казалось, что это скоро должно пройти, но головокружение не проходило. Она села в кресло и вдруг ощутила, как тяжесть целой планеты легла на ее плечи. Она закрыла глаза и в этот момент отчетливо представила Освоенный Космос и свое место в нем. Алиса вновь улыбнулась и прошептала вместе с поющим Трависом:

...Радость моя, нового дня
Солнце встает...

«О глупый Хальтон! Вечно ты лезешь не в свое дело. Как обрадовались бы Отис и Конрой, увидев тебя в могиле. Но ты сознался, и я прощаю тебя». Она взяла ручку и подписала приказ об освобождении Хальтона Хенри из-под стражи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Стой!

Кем бы они ни были, эти люди, один — в оранжевом одеянии, а другой — с носом из тусклого серебра, им нечего здесь делать,— юный морской пехотинец выглядел неприступным.

Оба — гуру и вонючий Тимо Фаррен — были ему известны. Фаррена часто видели в компании Кассабиана и в свите, сопровождавшей Президента. Его знали как математика и исследователя пси. Рамакришну же считали живым привидением, связанным со всеми видами сверхъестественного. Но даже они не могли попасть в Белый дом без особого разрешения, выданного Службой безопасности Президента. Тем более когда на посту стоял Травис Хьюмэн. Он не посмел бы нарушить приказ своего дяди Дэвена Зенца. После появления Декрета Центральной Власти охрана Белого дома удвоилась, а затем и утроилась.

Страхам государственного секретаря не было границ. Бесконечным проверкам подвергалось все, чего могла коснуться Президент: документы, оборудование, магнитофоны, синтетики...

Кухня инспектировалась по нескольку раз в день. Посуду, воду, вина, закуски, приготовленные блюда, овощи и фрукты осматривала специальная комиссия экспертов и подвергала тщательному химическому и радиологическому анализу.

Только пропуск Службы безопасности Президента позволял войти в Белый дом. Не имело значения, кому он был выдан — невинному младенцу или убеленному

сединами старцу,— все без исключения проверялись на детекторе.

— В чем дело, разве вы не узнаете меня? — спросил Фаррен.

— Да, сэр.

— Тогда пропустите.

— Я не могу этого сделать, сэр.

Товарищи Хьюмэна по караулу выстроились у него за спиной, заслоняя вход. Они уставились на человека в оранжевых одеждах. Тот был босой, с длинной седой бородой, раздвоенной, как два огромных клыка. От него сильно пахло маслом пачули, а когда он шагнул вперед, им показалось, что какая-то зловещая сила сковала их движения. Отвратительный Фаррен закрякал рядом, протягивая пропуск увечной рукой.

— Взгляните! Даже личный пропуск секретаря Лаббэка не может с этим соперничать.

Часовой неохотно посмотрел на карточку, положил ее перед собой, а потом отдал обратно.

— Ну?

— Похоже на пропуск Службы безопасности,— проговорил он, запинаясь.

— Тогда разреши нам пройти.

— Мне приказано сегодня никого не пропускать без особого разрешения от...

Фаррен резко выпрямился, утреннее солнце блеснуло в стеклах его очков, ослепив охранника. Глаз ученого стало не видно.

— Как тебя зовут, мальчик?

Молодой охранник смутился. Он казался Фаррену мальчишкой, без сомнения, назначенным на этот пост благодаря семейным связям. Юнцы вроде этого оказывались часто туповатыми, ищущими только способ отличиться. А этот, судя по всему, был еще и труслив. В присутствии своих коллег он не решался приказать посетителям отойти от пропускного пункта.

— Президент сегодня отсутствует,— проговорил он с заметным затруднением.

— Я знаю. Она бы не доверила такому тупице охранять что-либо кроме пустой комнаты. Дай нам пройти, я сказал.

— Я не могу этого сделать, сэр,— чуть приободрился юноша.

— Как тебя зовут?

— Полагаю, сэр, что это не имеет никакого значения.

— Мальчик, ты сделаешь так, как говорит мой помощник,— раздался глубокий повелительный голос Рамакришны.

Охрана в нерешительности посмотрела на него.

— Извините, сэр...

— Извините?! — гнусавый крик Фаррена заставил молодого человека проглотить язык.— Я доложу наверх о том, что ты вмешиваешься в дела Президента. Разве мой пропуск не убедил тебя? Или ты станешь утверждать, что и теперь выполняешь приказ?

Несмотря на замешательство, молодой человек гордо приподнял подбородок.

— Я в точности выполняю приказ. Я...

— Ты знаешь, кто это? — поспешно перебил его Фаррен.

— Я знаю, что у него нет обязательного для всех пропуска Службы безопасности Президента.

Внезапно черное лицо Рамакришны улыбнулось, и он внимательно посмотрел на охранников.

— Вы не позволяете мне войти, сегодня, в такой важный день? — раздался трубный глас Рамакришны.

— Почему важный? Для чего вы пришли? — дрожа, спросил мальчик.

— Пси, мальчик, пси,— ухмыльнулся Фаррен.— Мы пришли проверить спальню Президента. Ты знаешь, что профессор Рамакришна — единственная защита Алисы Кэн от тайных агентов-ниндзя. Он может заглянуть в сознание человека и узнать все его секреты.

— Он говорит правду, Травис Хьюмэн! — прогремел Рамакришна.

Охранник побледнел и рассеянно оглянулся.

— Вы меня знаете?..

— Его так зовут, все верно,— испуганно прошептал пехотинец, стоявший позади Трависа.

— Тогда дайте мне пройти, и вы спасете Президента.

— Спасу Президента?

— От вас больше ничего не зависит. Я вижу, что вы честные люди, готовые отдать жизнь за своего Президента. От вас больше ничего не зависит. Ничего не зависит больше от вас...

Хьюмэн, сам того не желая, отошел в сторону, а остальные охранники, казалось, погрузились в какие-то сложные вычисления, озадачившие их настолько, что они даже не пошевелились, когда Рамакришна прошел через пропускной пункт и стал удаляться по коридору. Фаррен, прихрамывая, засеменил за ним.

— Какой дьявольский трюк, Ганеш.

— Все солдаты — дураки,— презрительно фыркнул Рамакришна,— особенно молодые. А этот — самый глупый из них. Как я говорил вам, все удается легче, когда они чем-то немного обеспокоены. Вот почему нужно всегда находить повод для их беспокойства.

— Да. Но меня не перестает удивлять ваше искусство. Каждый раз, когда вы отключаете их таким образом.

Они вошли в спальню Президента и приблизились к большой кровати с балдахином в форме дракона, который подарила вдовствующая императрица Вэньлан из династии Шан в Китае. Алиса поднялась с кровати полчаса назад. На пышном матрасе лежало яркое парчовое покрывало, оно еще сохраняло отпечаток тела Президента.

Фаррен внимательно наблюдал за дверью, а Рамакришна тем временем откинул полог и достал из-под одежд длинный пинцет и скальпель. Он искусно открыл потайное углубление в глазу дракона. В отверстии лакированного дерева лежала большая красновато-коричневая куколка бабочки размером около дюйма. Он вынул ее пинцетом, а затем аккуратно положил вместо нее точно такую же куколку. Извлеченную из глаза дракона ку-

колку Рамакришна сжал пальцами так, что выступило несколько капель темной жидкости. Затем он стал тщательно растирать в ладонях остатки куколки, пока полностью ее не уничтожил. Всегда в одно и то же время раз в неделю они неизменно приходили с этой миссией на протяжении вот уже семи месяцев.

— Ну как?

— Все готово.

— Зачем вы всегда их измельчаете? — спросил Фаррен.

— Чтобы убедиться, что они мертвы. Те, кому они принадлежат, не должны узнать то, что знаю я.

Фаррен хихикнул и оглянулся.

— Вас никогда не интересовало, в какой вид бабочки они могли бы превратиться?

— В «Белого императора», если угодно.

— Простите, профессор,— Фаррен сложил ладони у груди и, улыбаясь, низко поклонился.— Я забылся, господин. Вы — Ганеш Рамакришна, великий гуру с непревзойденной репутацией, главный исследователь пси в Американо, доверенный человек Президента, космический советник, друг мастеров дзэн из Камапутра, переводчик...

— Тс-с-с! — неожиданно прервал его Рамакришна, подняв указательный палец.

Фаррен навострил уши и согнал с лица глупую улыбку. В тишине раздался скрип половиц, и они услышали шаркающие шаги синтетиков, которые направлялись в спальню, чтобы привести ее в порядок.

— Нам надо уходить.

Они приблизились к пропускному пункту.

Рамакришна отодвинул в сторону молодого охранника и посмотрел в небо. Словно поймав что-то взглядом, он вздрогнул и повернулся к замершим пехотинцам.

— Вернись и говори со мной, Травис Хьюмэн. Вернитесь все.

Охранники заморгали и заерзали, как будто они внезапно позабыли что-то важное. Такая метаморфоза слу-

чалась с ними всякий раз, когда Рамакришна и Фаррен покидали Белый дом. Теперь пехотинцы вновь вернулись в полную боевую готовность.

— Я спрашивал вас, не могу ли я войти? — вкрадчиво спросил Фаррен.

— Нет. Без пропуска Службы безопасности Президента мы не можем пропустить вас, сэр.

— Да, понимаю...

— Извините, сэр, но у меня приказ.

— Ты прав, пехотинец. Я понимаю: ты просто добросовестно выполняешь свой долг,— любезно проговорил Фаррен.

Они вышли из западного крыла здания во двор. Рамакришна ухмыльнулся и повел Фаррена к своей машине. Пора было ехать в ашрам.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Автомобиль свернул с шоссе, ведущего на север, и помчался по проселочной дороге. Она петляла меж плакучих ив и зеленых полей, тянувшихся вдоль реки до самого дома Рамакришны. Кассабиан указал Эллису на незавершенный особняк посреди луга — это был новый дом Кассабиана, строительство которого он недавно начал.

— Мне нужен дом в пригороде Линкольна. Я выбрал это место.

— Неплохо,— проговорил Эллис.

— Да. Мне нравится здесь. Достаточно близко к реке, РИСКу и Белому дому.

— Рамакришна, вероятно, тоже одобрил ваш выбор.

Кассабиан с уважением кивнул.

— Вы увидите, что наш сумасшедший гуру на самом деле вовсе не дурак. Вы сами убедитесь в том, что у него неплохие идеи.

Стая диких уток вспорхнула из воды, и Эллис проводил их взглядом. Он доверял Кассабиану больше, чем кому бы то ни было из тех, кого он встретил в Линкольне, за исключением Ребы. Когда он узнал о настоящей миссии Ы То Мэна, то сначала захотел перерезать горло гнусному корейцу, но блестящая логика Кассабиана охладила его пыл.

— То, что Центральная Власть приговорила Алису Кэн к смерти, не имеет никакого значения. Весь Освоенный Космос понимает, что половина членов Верховного Суда — марионетки Ямато. Уверяю вас, что ничто не угрожает безопасности Президента, даже наоборот. Подумайте: экс-

пансионистские настроения накаляются и расшатывают положение Конроя. Декрет пришел слишком поздно, мятеж уже подавлен. Итак, фракция про-Ямато вынуждена либо затаиться, либо восстать и привлечь к себе внимание властей и ненависть граждан. Мы бросили им перчатку, но они вряд ли смогут ее сейчас поднять.

Наше первое требование — это договор с Китаем. Если приготовления к свадьбе Президента и сына вдовствующей императрицы вновь оживятся, между Ямато и Китаем возникнет отчуждение. В этом случае значительно уменьшится вероятность того, что они объединятся для совместного вторжения в Американо. Вы совершили благое дело, доставив сюда Ы с копиями Декрета. Более того, если Ы, как он собирался, наладит контакт с Хальтоном Хенри, не пройдет и недели, как их схватят и свяжут, как баранов. Вот это я могу обещать вам с полной уверенностью.

Затем Кассабиан умышленно перевел разговор на Ребу.

— Послушайте, вам ведь известно, что если Хальтон Хенри будет казнен, женитьба на дочери Лаббэка потеряет для Райнера всякий смысл?

— По крайней мере, хоть какое-то утешение для меня, Фарис. Я не могу жениться на ней, хотя люблю ее и знаю, что она любит меня.

— Жаль. Будь вы побогаче, хотя бы на несколько миллионов кредитов...

— Подождите, дайте мне время.

Эллис повернулся к Кассабиану. Фарис оценивающе смотрел на стройплощадку своего особняка.

— Итак,— проговорил Кассабиан,— у вас есть паспорт и собственный корабль. Что теперь?

— Сначала я хочу повидаться с Ребой, а потом отправлюсь в Харрисбург. Обо всем остальном я уже договорился со своим экипажем.

— Что бы вы ни делали, я буду ждать новостей.

— Вам не придется долго ждать.

Свернув направо, в сторону Ньюпорта, они подъехали к перекрестку и остановились. Водитель остался в маши-

не, а Эллис и Фарис направились к ашраму Рамакришны. На его территории они увидели беспорядочно разбросанные строения, предназначенные для таинственных занятий хозяина и дюжины его бритоголовых учеников, прошедших посвящение. Постройки были окружены диким подлеском и неухоженным кустарником. Лишь вдалеке, почти у самой реки, виднелся небольшой сад, огороженный каменной стеной.

В главном здании в хаотическом лабиринте коридоров и комнат витал запах ладана. На стенах висели культовые предметы, часто попадались надписи на санскрите. Все это создавало впечатление частного музея, организованного шизофреником. Эллис с недоумением озирался по сторонам.

В одной из пыльных комнат, освещенной лучами мощной лампы, он заметил старый, внушительных размеров прибор дальнего видения. Он, несомненно, принадлежал Рамакришне, который занимался исследованием отдаленных участков неосвоенного космоса и черных дыр. Идеи ученого казались фантастическими, почти безумными, но вместе с тем поражали своей простотой и легкостью осуществления.

Например, Рамакришна мечтал о путешествии в антимиры и даже спроектировал для этого специальные корабли. Сначала туда предполагалось запустить автоматические станции, придав им необходимое ускорение от трех до четырех сотен единиц тяжести для достижения скорости 0,99 небесного эквивалента. Попав на место назначения, станции должны были взорваться и создать гравитационные точки, через которые будет возможно мгновенное проникновение. Рамакришна хотел использовать искусственные черные дыры для путешествия в антимиры.

Из пыльного угла, заваленного книгами, чертежами и нелепыми статуэтками, вышел Шива — рыжий ирландец, главный посвященный. Он низко поклонился, когда открылась тяжелая дубовая дверь и в комнату вошел Рамакришна в сопровождении Фаррена. Они о чем-то беседовали.

— Мы должны быть осторожны,— визгливо говорил Фаррен.

— Да,— вторил ему густой бас Рамакришны.— Многие не понимают нас, потому что боятся узнать свой истинный путь...

— Вам удалось пробраться туда? — нетерпеливо перебил их Кассабиан.

— Да,— ответил Рамакришна.

— Каким образом?

— О мой любезный Фарис, я мог бы пройти даже мимо трехглавого пса, охраняющего вход в подземное царство.

«И выйти обратно, что самое печальное,— раздраженно подумал Кассабиан, но промолчал.— Брось, Фарис, он союзник. Не стоит брюзжать».

— В Белом доме делают ставки,— проговорил Тимо Фаррен с веселой улыбочкой.— Ставки на свадьбу Алисы.

— И многим рискуют,— торжественно добавил Рамакришна.

— Почему? — спросил Кассабиан.

— Потому что не могут предвидеть будущего.

— Того будущего, которое уже предопределено?

— Да.

Кассабиан, казалось, полностью просчитал ситуацию. Когда он в первый раз побывал в Китае, Небесным двором правила Шан Вэньлан, дочь шанхайского банкира, известная интриганка. Двенадцати лет от роду она приняла участие в революции и едва избежала традиционной казни проигравших — ее хотели приковать к городской стене и отдать на растерзание взводу республиканских солдат. В четырнадцать лет ее выдали замуж за Цопена, премьер-министра Сиани. Так Центральная Власть попыталась отдать Сиань во владение Ямато. Но территориальные претензии оказались необоснованными, и Цопен оказался дважды обманутым, взяв себе в жены девушку низкого происхождения. Вэньлан подвергалась бесконечным оскорблениям и страдала, наблюдая, как на ее супружеском

ложе сменяли друг друга сладострастные любовницы из Тайваня.

Цопен захватил Ухань и Нанкин. Разгромив республиканцев, он стал императором. После его смерти Вэньлан ухватилась за власть обеими руками. Кассабиан вспомнил ее — узкоплечую, с широкими бедрами, с глазами навыкате, с тонким носом и толстыми губами. Вэньлан родила семерых детей. Трое наследников остались живы. В течение десяти лет время от времени возникали слухи о возможном брачном союзе Президента Алисы Кэн с одним из китайских принцев. Но сватовство Фа Сиена натолкнулось на сильное сопротивление Президента. Она уверяла Лаббэка, что брак может привести к неразберихе в политике. К тому же перед ее глазами стояли недавние примеры несчастливых замужеств корейских принцесс. В конце концов она сорвала планы тех, кто собирался устроить эту свадьбу.

Но теперь ситуация резко изменилась. Центральная Земля, Ямато и Китай собирались заключить прочный союз, который грозил Американо самыми серьезными последствиями. Брак мог бы стать неотразимым оружием для разрушения планов Ямато. Четыре недели назад на Вуане провозгласили мир, и это обязывало возобновить переговоры. Терпение вдовствующей императрицы иссякло, и наладить прежние отношения было очень сложно. Но соглашение о браке с одним из принцев все бы поставило на свои места.

Кассабиан с неприязнью наблюдал за Рамакришной, напоминавшим привидение. Но в то же время он вынужден был признать необычайную притягательную силу, которой обладал индийский мыслитель. «Вэньлан, вероятно, имеет предсказателей из конфуцианской семинарии в Тайху, которые постоянно оказывают на нее давление своими мистическими советами,— подумал Кассабиан.— Но предложения Ганеша Рамакришны по сути своей кажутся невыполнимыми. Сколько недоверия со стороны китайцев на наши уверения, что Алиса Кэн еще способна рожать! Все свои планы они строят на возможно-

сти появления наследников, которые, по их мнению, укрепят в будущем ныне достигнутый союз. Будь прокляты эти китайцы с их парадоксальным образом мышления!»

Когда Тимо Фаррен рассказал Рамакришне о том, что китайцы заслали в Белый дом шпиона, Ганеш придумал неожиданное разрешение проблемы. Если китайцы хотели убедиться в том, что Алиса Кэн не прошла через климакс, они должны были получить эти доказательства. Китайцы методично подсовывали в тайник куколки мотылька — «белого императора»,— которые чутко реагировали на гормональные изменения женского организма. Это казалось фантастическим и малопонятным, но Рамакришна все разъяснил с точки зрения биохимии. Раз в неделю вместе с Фарреном они подменяли куколок. Таким образом, китайцы получили тот ответ, который предпочел им дать Кассабиан. Все сомнения по поводу способностей Алисы Кэн отпали, и путь для переговоров вновь открылся.

— Что вы имеете в виду, не советуя делать ставки на брак Президента? — спросил Кассабиан.

Рамакришна печально покачал головой.

— Будущее не бывает таким, каким мы хотим его видеть.

Эллису наскучила эта болтовня. Он встал и подошел к экрану прибора дальнего видения, на котором высвечивалось пространство между Калифорнией и Нейтральной Зоной.

— Ну хорошо, Ганеш. Я вижу, у вас есть какие-то предположения о будущем Нейтральной Зоны,— продолжал разговор Кассабиан.— Доктор Фаррен рассказал мне, что вы пришли к выводу о возможности... о возможности образования Американской Империи.

Рамакришна немного оживился.

— Это не очень удачный термин. Я только хотел пробудить интерес к исследованиям за пределами Освоенного Космоса. Многие американцы не отказались бы оттолкнуться от наших границ сильнее, чем это позволя-

ют законы релятивистской механики, что значительно увеличило бы наши возможности преодолевать расстояния. В будущем мы найдем способы увеличивать скорость кораблей в сто и даже в тысячу раз.

Эллис с досадой отвернулся. Его одолевали тяжелые мысли. Завтра в это время он должен быть в порту Харрисбурга, а еще через два месяца на его борту будет либо Дюваль, либо — полный отсек самой дорогой компенсации...

— Доктор Фаррен утверждал, что вы совершили очередной прорыв в теории относительности. Может быть, это позволит проникнуть сквозь звездную туманность, которая почему-то все время губит наших роботов-исследователей в области Стрельца? — спросил Кассабиан.

— Президент просила меня заняться этой проблемой. Она сказала, что, если территориальные притязания в Освоенном Космосе останутся такими же острыми, как и в настоящее время, нам, возможно, придется искать способ расширения нашего сектора за счет неосвоенного космоса. Я просил ее выдать мне патент на исследование систем, лежащих за звездной туманностью галактической ветви Стрельца. Как только метод будет разработан, мы попытаемся поселить там колонистов и установить нормальные, демократические законы без ссылки на Центральную Землю.

Кассабиан был разочарован тем, что замыслы Рамакришны носили, по-видимому, гипотетический характер.

— Это все в будущем,— проговорил он.— А сейчас нам не избежать территориальных конфликтов с соседями. Моя политика направлена на противостояние Ямато, а это может быть осуществлено тремя способами. Во-первых, мы должны лишить их возможности вторгнуться на нашу территорию. Во-вторых, мы должны оттеснить их подальше от корейской системы. И в-третьих, мы должны перенести театр военных действий в самый центр Нейтральной Зоны. Для этого нам необходимы новые корабли, гораздо лучше нынешних и, несомненно, превосходящие корабли Ямато. И еще нам

необходимы люди огромной силы духа, такие, как мой друг капитан Стрейкер. Нам нужны люди, готовые хоть завтра вылететь в Зону. Направьте ваши мысли на разрешение этой проблемы, доктор, и вы окажете нам величайшую услугу.

— А вы, капитан, что бы хотели узнать с моей помощью? — неожиданно спросил Рамакришна Эллиса.

— Мне необходима подробная информация об изменениях гравитации, а также приборы дальнего видения с высокой разрешающей способностью, которые помогут мне пройти там, где не удается другим. В свою очередь, я привезу вам самые точные эмпирические данные, которые смогу получить в Нейтральной Зоне.

— Хорошо, принято! — кивнул Рамакришна.

— А как насчет нашего договора, доктор, помните? — вкрадчиво спросил Кассабиан.

Рамакришна повернулся к рыжему ирландцу.

— Шива, принеси!

Ирландец поспешно принес небольшую коробочку из нержавеющей стали и осторожно положил ее на стол.

— Что это? — с интересом спросил Эллис.

— Кое-что весьма ценное. Чудесная вещь!

— Новый инструмент?

— Усилитель. Он уникален. Его создал крупнейший специалист по пси-излучению, которого Конрой Лаббэк пригласил из Варанаси. Исследования кристаллов, концентрирующих психическую энергию, привели его к знаменитому Хансу ван Хоорбеку, который жил в Европе. К несчастью, оба уже умерли.

Фаррен открыл коробочку и вытащил из нее крупный камень на массивной цепочке, напоминающий бриллиант.

— Возьми! Надень! — властно проговорил Рамакришна.

Эллис осторожно взял камень и увидел в глубине его тусклое свечение — камень незаметно менял цвет. Эллис надел на шею массивную цепочку, отлитую из какого-то тяжелого металла — серебра или платины.

Рамакришна отдернул занавеску и широко распахнул окно. Он взял камень и осторожно надавил им на центральную точку лба Эллиса. Шива сел возле окна, скрестив ноги.

— Закрой глаза, сосредоточься, поймай фокус внутреннего взгляда. Посмотри сквозь Шиву, не задерживайся на нем.

Поначалу все затуманилось перед глазами Эллиса, а затем прояснилось, когда он выполнил указания. Он увидел быстро идущего человека, окруженного сиянием. Огненный нимб возле его головы дрожал и переливался в такт движениям. Все потемнело, и сияющий человек исчез. Постепенно мрак стал расцвечиваться красным и голубым цветами, а затем Эллис уловил мысли человека.

— Ах!

Он втянул в себя воздух и выронил камень, словно обжегшись. Эллис опять уставился в окно, рот его открылся от изумления.

— Господи! Это невыносимо!

— Осторожно! — Рамакришна поднял камень и сердито его осмотрел.— Шива медитирует, это вас напугало. Вы очень чувствительны.

— Где она? — спросил Эллис, возбужденно всматриваясь в глубину сада и разыскивая кого-то взглядом.

— Кто?

— Огромная птица! Я отчетливо видел ее!

— Вот она,— указал Рамакришна.

Эллис вновь выглянул в сад и увидел воробья, сидящего на качающейся ветке.

— Невероятно! — обратился Эллис к Кассабиану, который смотрел на него с нетерпением.— Я читал мысли птицы! Я видел, как она рассматривала меня!

— Маленькие птички — очень самонадеянные создания. Попытайтесь еще раз.

Он снова взял камень, на этот раз с большим почтением, и приставил его ко лбу. Эллис изумился объяснениям Рамакришны:

— Это усилитель. Он позволяет вам читать чужие намерения, еще не ставшие поступками.

Эллис почувствовал, что тело его стало легким. Он сконцентрировался и, не проронив ни слова, посмотрел в окно. Он отчетливо увидел вьюнок, карабкающийся по кирпичной стене, и высокие шпили в миле или двух отсюда.

Затем Эллис начал различать какой-то звук, похожий на шум дождя, но более упорядоченный. Невероятно! Это как разговор на шумной вечеринке, который слышит засыпающий человек. Звуки становились отчетливее. Эллис обошел вниманием громкие голоса и прислушался к тихим, стараясь уловить ускользающий от него смысл. Он максимально сосредоточился и наконец проник в чужое сознание. «Я должен избавиться от этого. Гнусное унижение. Мертвая любовь. Я уйду от тебя, сука! Ты изменила мне...» Эллис понял, что ему удалось подслушать чужие мысли, и что эти мысли принадлежали Курту Райнеру.

В этот момент раздался настойчивый стук в дверь. Рамакришна тут же выхватил камень из рук Эллиса и спрятал его. Рыжий ирландец вытащил из-под одежды пистолет и неслышно подошел к двери. Стук повторился.

— Кто там?

— Откройте! Полиция!

— Что вам здесь нужно? — заорал Рамакришна.

Дверь затряслась под тяжелыми ударами.

— Немедленно откройте! Мы взломаем дверь! У нас есть право на использование мезонового ножа для синтетических поверхностей.

— Что вам нужно?

— Именем закона, откройте! Вы окружены! Сопротивление бесполезно!

Рамакришна отодвинул тяжелые засовы, и дверь медленно открылась, наполнив темную, пропахшую ладаном прихожую ярким солнечным светом. Множество полицейских толпилось у входа. Их форменные кожаные куртки и защитные шлемы указывали на то, что они

принадлежали к Службе безопасности Президента. Один из них с неприступным каменным лицом и тяжелым взглядом шагнул вперед, предъявив документы.

— С этого момента вы ограничиваетесь в правах.

Это был арест, свалившийся как снег на голову.

— Чье это распоряжение? — невозмутимо спросил Кассабиан.

— Государственного секретаря Конроя Лаббэка.

— На каком основании?

— Капитан Эллис Стрейкер обвиняется в том, что перевез в Американо некоего Ы То Мэна, нарушив таможенные правила. Он обвиняется также в том, что способствовал распространению листовок с Декретом Центральной Власти о свержении Президента. Вы арестованы, капитан Эллис Стрейкер!

— Оставьте меня в покое! — вскричал Эллис.— Я собираюсь улетать. Мне уже выдали паспорт и разрешение покинуть Харрисбург!

— Это отменяется,— мрачно ответил полицейский.— Вы отправитесь на каникулы — в Лагерь Расплаты до особого решения Верховного Суда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Место действия: Садо

Его встретила широкая беззубая улыбка Ватару Хосино.

— Эй, Сёнму-сан!

— Хосино-сан, дорогой! Коннити ва!

Они обнялись, похлопывая друг друга по спине. Старик чуть отстранился и посмотрел на него бесцветными глазами.

— Как вы хорошо выглядите! Как богатый человек!

Одежда Дюваля была простой, но хорошего качества — белая рубаха из мягкого хлопка и пара мешковатых брюк, когда-то принадлежавших Кацуми.

— Куда собираетесь? — спросил Дюваль.

— В Ниигату. К сожалению, скоро прибудет Кин кайгун, и я должен приехать к этому времени. Мне нужно наблюдать за приготовлениями к встрече кораблей адмирала Куриты.

— Хотите чаю?

— Благодарю. Вы очень добры ко мне, Сёнму-сан.

Ватару Хосино уже трижды пролетал мимо Тибы на своем потрепанном самолете. Каждый раз, делая остановку, он разыскивал Дюваля, который радушно встречал его. Сначала его приняли в маленькой пустой комнате рядом с лабораторией.

Позже он посетил главное здание, а затем выспался на шерстяном одеяле снаружи, на просторной веранде. Хосино уверял, что после долгих лет странствий трудно спать под крышей. «Если просыпаешься среди ночи и видишь, как звезды стоят над прекрасным Садо, то сразу успокаиваешься, потому что знаешь, что до рассвета еще далеко. А я часто просыпаюсь по ночам, Сёнму-сан».

Хосино называл Дюваля по должности, которую выполнял Стрейкер, и даже не пытался выговорить его непроизносимое имя.

— Я путешествую много лет,— проговорил Хосино, дотронувшись до талисмана, болтавшегося у него на шее. Это была дешевая медная монета, вся уже позеленевшая от дождей и пота.— Знаете, эта монета когда-то принадлежала господину Такэде Сингэну. Хотите поменять ее на свое кольцо?

— Нет, Хосино. Это настоящее золотое кольцо. А у вас — дешевая безделушка, которую изготовил какой-нибудь китайский раб, подделывающий древности.

— Это талисман. Знаете, Сёнму-сан, старые привычки живучи. Я долго торговался и отдал за нее семьдесят я.

— Лучше расскажите мне что-нибудь о Садо. Я хочу знать все об этой планете.

— Знать все? — улыбнулся Хосино.— Времени не хватит. Даже если бы мы сидели здесь, пока судьи из ада не придут за нами.

— Завидую вам, Хосино-сан. Вы свободны. Скитаетесь себе по всей планете, в то время как я заперт здесь в ловушке.

— О чем вы говорите! Посмотрите! У вас есть свой собственный дом.— Он дотронулся до крыши, нависавшей над зданием исследовательской лаборатории.— Он построен специально для ваших занятий. Это очень почетно для любого жителя Садо. А как продвигается ваша работа? Уже закончена?

— Да.

— Значит, скоро вам понадобится серебро и золото? — спросил Хосино, проницательно прищурив глаза.

— Без них механизмы не работают.

— Я знаю целую гору из желтого сульфида серебра — самого чистого!

— И вы, конечно, можете ее сюда доставить.

— О нет. Это священная гора. Она названа в честь величайшей горы Древней Японии. На ней лежит проклятие: туда прилетает дракон и карает всякого, кто посягает на ее богатства. А серебро и золото можно добыть из ста-

рых установок и деталей. Я могу привезти их вам со склада трофеев в Ниигате. Я видел, как американские корабли взрывались в порту, но некоторые детали сохранились.

— Нет,— сказал Дюваль.— Лучше создать совершенно новую установку и пушки. Старые, изуродованные детали мне не нужны, и не стоит беспокоиться об их сохранности. Понимаете, секрет действия этого оружия заключается в особой конфигурации ствола. Частично — в форме, частично — в используемом веществе, частично — в изменении магнитных полей, которые...

Дюваль замолчал, прикусив язык. «Что-то я слишком разоткровенничался, да и Хосино проявляет какой-то подозрительный интерес. Нужно быть осторожней». Он взял чашку матэ и протянул ее старику.

— Пейте-ка лучше и расскажите мне о чудесах того мира, в который я никогда не попаду.

Сначала, когда лаборатория только строилась, Дюваль напускал на себя циничный и независимый вид. Он отчужденно следил за тем, как возводится слишком большое здание, которое заполняют дорогими и ненужными установками. Он с легкостью и злорадством подписывал сметы на неоправданно завышенные расходы. Но по мере того, как лаборатория заполнялась аппаратурой, отношение Дюваля к работе стало меняться. Он даже сам не заметил, когда это произошло.

Начиная со студенчества в РИСКе он был на вторых ролях, несмотря на свою одаренность. Маститые ученые как будто не замечали его, хотя зачастую прислушивались к его мнению. Дюваль постоянно испытывал чувство зависти. С самого детства его сокровенной мечтой было иметь собственное оборудование и лабораторию, в которой можно было бы проверить некоторые гипотезы, не дававшие ему покоя. В РИСКе была принята строгая субординация, и молодых не пропускали вперед.

Дюваль повзрослел и стал не хуже своих коллег. Но он понимал, что у него никогда не будет собственного полигона для воистину оригинальных исследований, и вряд ли ему удастся разрешить вопросы, мучившие его

еще в юности. Каковы могут быть последствия увеличения массы дейтерия в стволе? Может ли ствол иметь более эффективную конструкцию, если отказаться от идеи последовательно искривленных поверхностей? Что за вещество появляется на «дымовых камнях» и светится в темноте? Дюваля постоянно преследовали эти вопросы.

Через несколько месяцев после начала строительства лаборатории Дюваль вдруг понял, что он может теперь беспрепятственно работать над этими проблемами. Так, находясь в плену, он впервые стал по-настоящему свободен в своих исследованиях. Вскоре он уже начал гордиться своим личным проектом. Кэни-сан заметил перемену, произошедшую с Дювалем, и ободрил его. В ответ Стрейкер распорядился отправить назад лишнее дорогостоящее оборудование и внес некоторые эффективные изменения в проект. Работа лаборатории стала постепенно налаживаться. По ночам Дюваль пытался уверить себя, что все равно не выдаст японцам самых главных секретов. Но исследования увлекали его, и он иногда переступал ту грань, которую мысленно наметил для себя. Позже он переехал в дом Хасэгавы.

— Я завидую, что у вас есть теперь новая семья, Сёнму-сан,— однажды сказал ему Ватару.

Дюваль размышлял об этом, когда Хосино в третий раз заехал в Тибу.

— Жаль, что вы не японец, Сёнму-сан. Мне кажется, вы могли бы стать хорошим мужем для какой-нибудь девушки на Садо. Правда, сначала вам нужно получить имя для своего рода. Вы не можете дать ей фамилию Сатурака. Я даже не могу ее правильно произнести, поэтому я называю вас Сёнму-сан. Вы главный директор в своей лаборатории, и на вас лежит большая ответственность. Вы — Сёнму-сан!

— Я никогда не смогу здесь жениться,— ответил Дюваль.

Он внутренне подобрался и почувствовал напряжение, которое обычно испытывал, когда хотел избавиться от тяжелых мыслей.

— Если я женюсь на Садо, то какое имя я дам своему сыну? Мистер Главный Директор? А какая женщина захочет иметь в зятьях гайдзина? Нет, Хосино, это невозможно.

— Тогда почему бы вам не пойти вместе со мной к учителям дзэн в Тибе? Они хорошие люди. Они научат вас понимать наши идеи и владеть собой. Садо станет для вас вторым домом. И если они спросят вас, ищете ли вы правду, ответьте им «да».— Он подмигнул.— Мы с вами оба космополиты, Сёнму-сан. Никто из нас не станет отрицать, что в жизни есть более важные вещи, чем Тяною. Но чайная церемония имеет значение для многих. Вы и я — мы оба знаем, что соблюдать обряды очень важно, если хочешь быть признанным. А признание приносит много радости.

Дюваль молча уставился перед собой. Ему стало душно — казалось, что старик неспроста говорит об этом вместо рассказа о чудесах. Мечтательно уставившись перед собой и сделав непристойный жест руками, Ватару снова заговорил.

— Этот мир, Сёнму-сан, напоминает мне непокорную женщину — злую, лживую, но обольстительную. Да, у этого мира женский нрав! Я много странствовал. Был в горных районах и в джунглях Великой реки. Я путешествовал по северу и в Тропиках Собаки. Мне как никому известно, что эта земля сурова и негостеприимна. Она еще более никчемна, чем Гоби — пустыня, по которой перекатываются миллионы комочков диких кустарников.— Он налил себе чаю и тяжело вздохнул.— Я потерял там хорошего друга. В Сэкигахаве, во время исследования вулканов. Говорят, там находятся самые крупные залежи золота...

Они вместе отправились в лабораторию, и Дюваль показал Ватару оборудование, которое доставили по его просьбе. Печь была уже почти полностью собрана, и они заглянули в отсек для отливки металла.

— А где ваша гора сульфида серебра, Хосино-сан? — поинтересовался Дюваль.

— Совсем недалеко отсюда. Вы видите ее каждый день. Посмотрите, вот она.

— Эта? Фудзияма?

— Да. Священная гора. Местные жители называют ее «Фудзи-сан». В Ямато много священных гор, которые почитает религия Синто. Они есть на каждой населенной планете — гора Осорэ, гора Хико, гора Исидзуки. Все они — Сугэндо. Там человек может общаться с ками.

— Говорите, говорите, Хосино-сан. Вы — реалист и не можете верить в геомантику и прочую чушь.

Ватару был шокирован и с недоумением посмотрел на Дюваля.

— Может быть, именно из-за того, что я реалист, я верю в это,— проговорил Хосино, сверкнув золотым зубом.— Вы никогда не спрашивали Яо Вэньюаня о священных силах земли и неба? А ваш брат разве не рассказывал об энергии пси и причудливых гравитационных узорах на орбитах? А вам известно, что они повторяются во многих сакральных местах на Древней Земле, например на каменных стелах и пирамидах инков? Поинтересуйтесь, если не знаете.

— Расскажите мне о горе Фудзи.

— Внутри ее кратера находится кипящая масса сульфата серебра, температура которой — тысяча градусов по Кельвину! Она воняет, как подмышки дьявола. В двух ри от горы земля так горяча, что если закопать в нее сырые яйца, то через пять минут вытащишь их, сваренными вкрутую!

— Да?! И при этом поверхность покрыта снегом?

— Там всегда очень жарко. Но это еще что! Двадцать один год назад случилось крупное извержение вулкана. Я его видел — великую, необъятную мощь дракона. Но внезапно он утомился... Это заставляет нас задуматься о жизни, о смерти и о том, насколько мы глупы, что беспокоимся о мелочах.

После захода солнца они ели маринованную рыбу в соевом соусе, зеленую фасоль, редьку дайкон, рис, а затем выпили по кружке пива, которое приготовил дилетант Дюваль. Оно было приятным на вкус и довольно крепким, так что быстро успокоило старика. Он расслабился и не мог больше рассказывать интересные истории. Хосино устроился в мягком кресле и, перед тем как уснуть,

вытащил из кармана потертую видеокарточку и отдал ее Дювалю. Стрейкер вставил ее в компьютер и едва удержался на ногах, когда увидел на дисплее немного искаженное, но хорошо знакомое лицо астронавта. Это было послание от Элен ди Баррио из поместья Комацу.

Запись оказалась плохого качества. Дюваль с тревогой вглядывался в призрачное лицо. Оно напомнило ему жертв-заложников, захваченных на Леванте-4. Голос звучал неестественно ровно, как будто содержал какой-то скрытый подтекст, но при этом не складывалось впечатления, что Элен принуждали.

«Дюваль! Как поживаешь, старик? Давненько мы с тобой не встречались. Как видишь, со мной все о'кей. Люди в Канадзаве добры ко мне, а семья, в которой я служу, даже разрешила разослать перед Рождеством праздничные поздравления, если ты понимаешь, что я имею в виду. Ты, наверное, не слышал, что Джули Декстер нашла богатую семью в Йэцу и живет у них благополучно. Дэвид Александер и Торвен Джонс — оба уже женились на китаянках в Комацу, а Паула Хиней вышла замуж за сангокуина из Тайваня. Кто еще? Дэви Маркс отослан в Домашние Миры. Что с остальными, я не знаю».

Дюваль не отрываясь следил за выражением лица Элен. Он чувствовал: за тем, что говорила ему ди Баррио, что-то скрывалось, какая-то другая информация, но он никак не мог уловить, какая именно.

«Что же касается меня, то ты знаешь, Дюваль, я никогда не смогу здесь прижиться. Никогда, правда. Я приехала в Канадзаву несколько дней назад. Да, кстати, не помнишь ли ты Джона Уюку, которого знает твой брат? Он работает в риокане — в такой маленькой гостинице. Она называется «Риокан ламбок». Джон женился на ужасной китаянке по имени Као. Я слышала, они оба преуспевают в бартерных сделках. Он подписал выгодный контракт и только ради тебя хочет нас навестить. Слушай, если можешь, пошли мне видеокарточку. Ватару Хосино — друг, хотя и посредственный игрок в покер. Хи, Хосино-сан, если вы смотрите. Но сделай это быстро,

Дюваль! В следующем году я, может быть, уеду отсюда. Будь осторожен, слышишь?!»

Изображение растаяло. До Стрейкера медленно доходил смысл зашифрованного послания. Он был в растерянности и никак не мог собраться с мыслями. «Что же делать? — спрашивал он себя.— Смогу ли я приспособиться к новым обстоятельствам?»

Еще год назад он мечтал о побеге. Его не оставляла надежда пробраться вместе со своими товарищами по экипажу в порт Ниигаты. Он хотел украсть межпланетный корабль, сбежать с Садо и добраться до дома. Картины побега, являвшиеся ему в мечтах, всегда были какими-то обрывочными, в них недоставало деталей, и они не имели четкой последовательности и плана. Дюваль видел, как захваченный корабль, непременно в лунную ночь, отрывается от взлетной полосы в Ниигате; на борту его тридцать человек. А губернатор Угаки сидит в тюрьме и дрожит от страха, покрываясь холодным потом. Даймё, не в силах им помешать, бежит по взлетной площадке, спотыкается и потрясает в ярости кулаками.

Но в этих видениях была еще одна сцена: на капитанском мостике сидит Мити, накинув на плечи форменную куртку Дюваля. Но шло время, и мечта медленно испарялась в повседневной суете, как и образ Элен с рождественским поздравлением, растаявший только что на экране. Глупо было думать о побеге. Члены экипажа разбросаны по всей планете, и у них уже своя жизнь. Многие обзавелись семьями, растят детей. С Садо нельзя убежать. Какой же тогда смысл упорствовать и жить в мире иллюзий?

Все со временем сгладилось, Дюваль привык к жизни в поместье Хасэгавы. Хуже всего, что все любили его: гэни — рабочие, коката — прислуга и ояката — надзиратели, посредник Яо Вэньюань, Кэни-сан — владелец поместья — словом, все, кто жил рядом с ним. Дюваль пробыл здесь уже более года и узнал людей и порядки так хорошо, что и сам уже считал упрямство просто дурным тоном, а сопротивление — черной неблагодарностью по отношению

к добрым хозяевам. О Нисиме Юне он забыл и думать. Стрейкер даже не мог вспомнить, как выглядит даймё.

«Наверное, нужно жить, как сказал Хосино: согнуться, словно стебель риса на ветру, и принять ту судьбу, которой наделили тебя боги. Нужно ведь где-то умереть. Ты жил в Американо, но и в Тибе тоже не так уж плохо. Значит, теперь Джон Уюку свободен и скитается где-то в космосе, иногда совершая набеги. Черт бы его побрал! Возможно, мне следует ответить ди Баррио»,— виновато думал Дюваль.

Все его прежние мечты вновь ожили, у него появилась возможность выбора. Когда Ватару отправился спать, Дюваль вышел на улицу. Стояла тихая ночь, на небе блестели зеленоватые крупные звезды. Но в голове Стрейкера царил хаос — тревожные мысли перебивали одна другую. Послание разволновало его, и он никак не мог сосредоточиться.

Вдруг он увидел Мити.

— Вы любите жемчуг, Мити-сан?

— Конечно. Какая женщина не оценит красоту настоящей жемчужины.

— Значит, жемчужина обязательно должна быть настоящей?

— Да, как и чайная церемония. Существует множество вещей, в которых мы любим старое и настоящее. В Американо вы можете получить гигантскую жемчужину размером с бейсбольный мяч из генетически измененной устрицы. В Ямато же больше ценится совершенная жемчужина размером с горошину, но взятая из натуральной устрицы, которая жила в открытом море.

— Кажется, я начинаю понимать.

— Подобные истины нельзя объяснить. Вы должны их почувствовать. Если Ватару-сан говорит, что его монете восемьсот лет и что она принадлежала Такэде Сингэну, значит, он старый обманщик. Но если бы монета действительно была настоящей, ее ценность оказалась бы очень велика.

— Я вспомнил одно место, где мы торговали,— раздался глухой, срывающийся голос Дюваля.— Эта планета называлась Масэ.

— О, это имя моей матери.

Он рассматривал Мити: она выглядела восхитительно, когда удивлялась. Мити чуть приоткрыла влажные губы и мягко улыбнулась Дювалю. Такой он любил ее больше всего.

— Но знаете, это была очень злая планета. Она недостойна того, чтобы ее называли Масэ.

Мити уселась на качели — сиденье, подвешенное к толстой ветке сосны. Она оттолкнулась от земли и начала медленно раскачиваться. Стрекотавшие поблизости цикады смолкли.

— Масэ — плохая планета? — спросила Мити, плавно раскачиваясь. на мягком сиденье.

— Да, и очень бедная к тому же. Ее захватили совсем недавно, и даймё, которого туда послали, оказался очень суровым человеком. Его интересовало только одно — ловля жемчуга. В его распоряжении было мало кораблей и отрядов.

Они не могли помешать нам торговать с местными жителями, которые поселились на другой стороне планеты. В основном это были китайцы и тайваньцы, которые эмигрировали из своего собственного сектора, а затем попали в рабство и стали сангокуинами, как вы их называете. Мы продавали им разные продукты, хотя и знали, что это запрещено. Мы разговаривали с ними, и они рассказывали нам, что творится на их планете.

Мити перестала раскачиваться, притормозив ногой о землю.

— Там случилось что-нибудь страшное? — наивно спросила Мити.

— Император отдал даймё приказ сократить численность местного населения, чтобы она не превосходила количества поселенцев из Ямато. Для этого даймё выработал особый план. Легче всего ему удалось избавиться от ловцов жемчуга. Он платил им гроши, так что они не могли прокормить себя и свои семьи. Они не выходили из воды по нескольку дней, ныряя все глубже и глубже, пока их легкие не разрывались.

Мити отвернулась и дернула за канат, нарушив тишину.

— Масэ — это имя моей матери. Мне почему-то кажется, что от этого я испытываю еще больше стыда.

Дюваль посмотрел на нее и чуть улыбнулся.

— Вам нечего стыдиться. Вы ведь не можете нести ответственность за преступления даймё, совершенные за пятьдесят световых лет отсюда. Разве можно отвечать за поступки человека, которого вы никогда не встречали?

— Мы все несем ответственность друг перед другом. Разве не так, Дюваль-сан? — Она оттолкнулась ногами от земли и вновь начала раскачиваться.

— А вы скучаете по своей родной планете?

— Иногда,— ответил он с грустью.— Когда на Садо солнце стоит в зените, а земля раскаляется так, что до нее не дотронуться, я вспоминаю Либерти. Я думаю о прохладном легком дожде, падающем на зеленые луга. Уверен, такой зелени нет больше нигде в Освоенном Космосе. Наши поля не меняются в течение сотен лет. Их вспахивают, засеивают, затем собирают урожай — и так год за годом. Ваши рисовые террасы совсем не похожи на зеленые лоскутки наших полей, которые прячутся в перелесках. А леса! Если б вы знали, какие замечательные леса растут на Либерти. Мощные вязы и дубы поднимаются до самого неба! Там прохладно и тихо, только птицы поют. Сколько там грибов и ягод! Вы когда-нибудь собирали грибы, Мити?

— Нет...

— Это так здорово. Мы с отцом часто ходили в лес за грибами.

— Вы тоскуете об этом?

— Нет.

Он внезапно отвернулся, закрыв лицо. Мити осторожно положила руку ему на плечо и вдруг поняла, что он плачет. Слезы капали с лица Дюваля, словно прохладный легкий дождь на зеленые луга.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В среду возле почти завершенной установки Дюваль подробно объяснял, как он собирается изготовить сверхоружие.

— Вам следует знать, что мне понадобится. Во-первых, необходим ограничивающий казенник, в котором возникнут топологически подобные спиралевидные поля. В противном случае гравитационные силы разнесут пушку вдребезги.

— Мне известно, что идеальные поля Мёбиуса создают на установке в Комацу, около Канадзавы.— Яо Вэньюань кивнул в сторону столицы.

Это был высокий, худощавый китаец с длинными тонкими усами и неизменной щетиной на подбородке, прорезанном извилистым шрамом. На макушке у него виднелась лысина, и Яо прилагал неимоверные усилия, чтобы скрыть ее от женщин в поместье Хасэгавы. Говорили, что время от времени он пытался найти Дювалю помощников, но люди внимательно выслушивали, кивали и указывали на своих соседей, уклоняясь от предложения.

— Прежде всего нужно проверить чистоту ограничительных полей,— продолжал Стрейкер.— Жаль, что мы не в Ниигате. Там остались гравитационный генератор и стабилизатор с корпуса нашего корабля. Их можно было бы использовать для начала. С их помощью искривляется поле модели, которое должно быть сильным, с большим напряжением, чем собственное поле пушки, чтобы еще оставался запас для вибрации.

Дюваль взял фиолетовый фломастер и набросал схему двух канало и блока затвора. Добавил проекции четырех рычагов, похожих на спицы.

— Это необходимо для того, чтобы казенник мог поворачиваться,— объяснил Дюваль.— Потоки сверхтяжелых ионов антивещества напряжением десять — двадцать мегавольт будут вырываться из ускорителя, сталкиваться в центре казенника и сплавляться, пока не достигнут критической массы, приблизительно сто граммов.

Затем мощные генераторы создадут поле сжатия, достаточно сильное, чтобы локализовать квазигравитацию. Стабилизатор с нашего корабля, оставшийся в Ниигате, должен без проблем справиться с ускорением. Если его удачно приспособить, он может удерживать квазигравитацию в центре казенной части, пока антивещество не достигнет критической массы за счет того, что античастицы, сталкиваясь друг с другом, сосредоточатся у канала. Это ни что иное, как стандартный процесс создания парных частиц.

На следующей стадии произойдет освобождение этой массы. Для этого мы должны создать сильное ускорение в стволе. В Американо используют сплавы молибдена, но может подойти любой сверхстойкий металл. Гравитация должна удерживаться в медленно вращающемся валу, который находится под большим давле-нием.

Трудно стрелять из орудия, когда оно движется в соответствии с силовыми линиями корабля, а корабль — с планетными, звездными или галактическими. Не забывайте, что за счет значительного увеличения местной величины g мы должны создать гравитацию с полезной массой в две тонны и первоначальным горизонтом в фут вместо десяти — двадцати сантиметров, к которым вы привыкли.

— Этот подсчет относится также и к поверхности колена — спросил Хасэгава Кэни, заглушая почтительный шепот учеников Дюваля.

— Да, конечно,— ответил Стрейкер.— Свободные частицы аннигилируют, давая вспышку гамма-фотонов,— продолжал он,— поэтому их необходимо развести по разным каналам и разделить на две равные массы, предварительно сбалансировав. В результате действия этого

оружия в вакуумной среде возможен единственный результат — «дымовой камень», как мы его называем. Напомню, что «дымовой камень» возникает после поражения цели. А теперь представьте, какое разрушение может вызвать двухтонный болид антивещества, попадающий, например, в межпланетный корабль. Достаточно вспомнить сражение в Ниигате.

— Но две тысячи килограммов антивещества — это огромная масса. Сколько же потребуется времени, чтобы получить ее в нужный момент, используя ускорители частиц? Реально ли все это? — засомневался Яо.

— Не забывайте о таком важнейшем факторе, как скорость пульсации. Приращение массы происходит вовсе не от ускорителя частиц. Ядра атомов серебра необходимы только для начала образования квазигравитации, чтобы создать первоначальную взрывную массу. Две тонны антивещества получаются из соответствующих квазиэлементов за счет превращения энергомасс. Поток антивещества образуется как сверхмощная радиация из центра черных дыр.

Слушатели, как один, издали восхищенный возглас, пораженные кажущейся простотой устройства гравитационного оружия. Они испытали также чувство облегчения, догадавшись, что для действия оружия не придется вводить в него тонны драгоценных металлов и приспосабливать установки для его перемещения.

— В то время как средняя температура столкновений определяется высоким уровнем энергии,— продолжал Дюваль,— квазичастицы должны постоянно вращаться — для того чтобы не произошел их взрыв в стволе. В РИСКе мы использовали систему инъекции ионов, которые вращают магнитное поле, а вместе с ним и первоначальные частицы. Но я полагаю, что целесообразней придать самим частицам дополнительное вращение. Поэтому мы используем специальные смеси изотопов, которые я выбрал.

— Гениально. Но как насчет сроков? — спросил Кацуми с равнодушием, которое рассердило Дюваля. Он не

обратил на Кацуми внимания и повернулся вместо этого к Кэни.

— И все-таки,— спросил Хасэгава,— когда будет готова пушка?

— Мы еще не рассчитали механизм распространения действия гравитационного трансформатора,— ответил Дюваль.

— Да. Это правда,— подтвердил Яо Вэньюань. Он сосредоточенно наморщился.— Как вы заставите частицы двигаться?

Дюваль нетерпеливо пожал плечами.

— Для этого необходимы механизмы с каждой стороны ствола, балансирующие его движения, а также ускоритель, корректирующий гравитацию гравитации во время маневров корабля.

— Будем надеяться, что завершение ваших работ не заставит себя ждать. Я полагаю, что наши пушки должны эстетически превосходить своих предшественниц,— высокомерно проговорил Кацуми.

Дюваль молча кивнул, раздраженный высказываниями Кацуми, мало разбиравшегося в технике и совсем ничего не понимавшего в дизайне. Но Стрейкер сдержался, чтобы избежать нового конфликта с сыном Хасэгавы.

— Все внешние детали, а их, я полагаю, не так уж и много, будут укреплены на платформе,— сказал Дюваль.— В Американо мы обычно ставили государственное клеймо нашего сектора в виде распростертого орла и звезды. А серебряная табличка с номерным знаком идентифицировала орудие. Вот, пожалуй, и все.

— Вы сейчас не в Американо, поэтому обязаны выполнять мои распоряжения,— холодно проговорил Кацуми.— Я попрошу Нисиму-сана, чтобы он лично рекомендовал вам украшения, какие сочтет наиболее подходящими.

— Возможно, вам удастся получить эскизы сверхоружия, каким его пожелает видеть Нисима-сан. Возможно, вы их даже принесете мне. Но я предпочел бы не усложнять чересчур модель и обойтись минимумом украшений.

— Вы не считаете себя достаточно опытным по этой части?

— Нет, напротив. Нисима-сан может распорядиться, чтобы на сверхоружии изобразили трилистник мон с его герба. Если он пожелает, то на корпусе инкрустируют даже серафимов и херувимов с виноградной лозой и рогом изобилия. Это его право. Но я прошу передать ему, что тщеславие значительно увеличит сроки производства и потребует ненужных расходов.

— Что вы намерены делать в ближайшее время? — нетерпеливо спросил Кэни.

Дюваль сдержанно дал исчерпывающие объяснения, постаравшись не выдать ничего лишнего. Кэни согласно кивал, а инженеры с интересом прислушивались.

— Оказывается, это намного сложнее, чем я предполагал раньше,— озабоченно заметил Яо Вэньюань, почесывая подбородок.

Дюваль заметил, что в присутствии Кацуми поведение Яо заметно менялось. Тот внимательно следил за настроением молодого господина, приспосабливаясь к нему, словно флюгер к ветру. Это неприятно поразило Стрейкера.

— Установка двухтонного комплекса — очень ответственный этап сборки.

— Сколько это займет времени?

Дюваль поклонился Кэни.

— Это зависит от многих факторов, господин. Но я уверен, что понадобится несколько недель. Хочу напомнить, что каждый ствол имеет особую форму, в зависимости от генерируемых полей. Он подгоняется к каждому кораблю, при этом учитывается даже курс корабля. Таким образом, каждая пушка становится уникальным созданием военной техники. Это не самурайские мечи и даже не лазерное оружие. Маловероятно, что кому-нибудь удастся наладить серийное производство гравитационных установок.

— Это очень неудобно,— недовольно проговорил Кацуми, явно встревоженный тем, что производство пушек требует столь серьезной подготовки и отнимает много времени и дорогих материалов.

— Не забывайте, что это оружие станет неотразимым для межпланетных кораблей. От него нет и не может быть никакой защиты.

— Итак, следующий шаг — создание действующей пушки? — с надеждой спросил Кэни.

Дюваль положил на стол фломастер и указал на тяжелый подъемник, расположенный у него над головой, по которому к установке должны были подавать заготовки. Стрейкер объяснил, что прежде всего необходимо обследовать казенную часть и облучить ее, чтобы разрушить все остатки газов.

— Очень важно устранить все примеси. В противном случае может произойти неконтролируемое изменение гравитации, которое приведет к взрыву орудия во время стрельбы. Я видел это несколько раз при испытаниях. Жуткое зрелище. Если такой взрыв произойдет во время полета, ни у одного члена экипажа не останется шансов на спасение.

Кацуми понимающе кивнул.

— Да, мощь этого оружия трудно оценить, пока не увидишь его в действии.

— Если поток частиц не находит выхода, оружие взрывается, заполняя антивеществом пространство в тридцать танов, и уничтожает всю материю, превращая ее в «дымовой камень».

Дюваль замолчал, но Кэни сделал ему знак продолжать.

Стрейкер взял фломастер и набросал схему поверхности ствола.

— Надеюсь, вы понимаете, что для создания ствола с такой поверхностью нам необходимо отлить еще одну очень важную деталь. Она будет напоминать нормальный ствол, но сплошной, без отверстия.

— Без отверстия? — Кацуми с удивлением уставился на схему.

Яо Вэньюань задумчиво поскреб лысину.

— Да. Второй ствол будет сплошным, без отверстия.

Все понимающе закивали и столпились возле стола.

— Нам нужно,— продолжал Дюваль,— отлить металлический цилиндр, который мы вставим внутрь ствола.

По длине этот цилиндр будет немного превосходить ствол, а по диаметру окажется вдвое меньше. Цилиндрическая вставка нужна для того, чтобы поглощать поток антивещества по мере его продвижения по стволу. Цилиндр крепится внутри ствола при помощи тугоплавких металлических полос. Его положение исключительно важно. От него зависит точность и дальность действия оружия. Если цилиндр окажется смещен, произойдет преждевременное накопление антивещества, которое пробьет ствол или даже уничтожит его полностью.

— Но когда антивещество распространится, разве цилиндр и те полосы, на которых он крепится, не исчезнут? — спросил Кэни.

— Да. В этом заключается главная идея. Вы правы, говоря о цилиндре, но полосы не исчезают. Вы, наверное, видели, Кацуми, как стреляло оружие во время сражения в Ниигате? Полосы автоматически выбрасывались, и новый цилиндр вставлялся перед каждым новым залпом.

— Да, я видел это. Но тогда мне был непонятен механизм действия сверхоружия.

Дюваль улыбнулся.

— Вы видите, Кэни-сан, что для изготовления оружия требуется соблюдать много тонкостей. Наша техника должна быть на самом высоком уровне.

Кэни отступил немного назад и оценивающе посмотрел на установку, скрестив на груди руки.

— Это выглядит впечатляюще. Вы очень хорошо поработали. Скажите, когда примерно вы изготовите первую пушку?

— Через несколько месяцев.

— Хорошо, хорошо. Но вы гарантируете, что она будет столь же эффективна, как и американские пушки?

Дюваль на секунду заколебался, размышляя о многих факторах, которые придавали американскому оружию феноменальную силу. Он подумал, что ему дали время и все необходимые материалы, предоставили все условия, чтобы он сделал то, чего от него хотели. Его профессиональная гордость боролась с преданностью

Американо. Он знал, что совершенно бездоказательно может пообещать все, что ему вздумается. Наконец он решился:

— Да, Кэни-сан. Я могу утверждать это с полной уверенностью.

Глаза Кэни сузились, и он внимательно посмотрел на Дюваля.

— Тогда вы не станете возражать, если я предложу вам тест?

Дюваль озадаченно покачал головой.

— Тест? Конечно, все изготовленное мной должно быть досконально проверено...

— Я имею в виду сравнительное испытание американского оружия и первого образца вашего собственного изобретения.

— Если бы вы только могли его провести,— проговорил Дюваль с сожалением.

— Мы можем это сделать,— сказал Кацуми.

Кэни утвердительно кивнул.

— Когда Ватару Хосино в следующий раз будет проезжать через Тибу, он привезет американское оружие.— Дюваль с недоумением посмотрел на Кацуми, и тот продолжал: — Нисима-сан приказал внимательно осмотреть остатки разбитых в Ниигате кораблей. После недолгих поисков нам удалось обнаружить одну сохранившуюся пушку. Из нее можно стрелять.— Кацуми откинул голову назад и посмотрел на Дюваля снизу вверх.— Итак, за два месяца вы изготовите оружие, и тогда, гайдзин, мы увидим, так ли вы искусно работаете, как говорите! — Он громко рассмеялся, и инженеры, стоявшие возле него, натужно захихикали, поддерживая молодого господина.

«Черт бы тебя побрал, проклятый Кацуми! — подумал Дюваль, пытаясь привести в порядок свои мысли.— Что же мне ответить?»

— Я полагаю, здесь может возникнуть одна сложность...

— Сложность? — переспросил Кэни.

Смех моментально смолк.

— Сверхоружие никогда не действовало и не будет действовать без соединений серебра.

— Но у нас есть серебро,— возразил Кацуми.

Дюваль чуть помедлил с ответом, боясь упустить свой шанс.

— Да, есть, но не очень хорошее. Правда, можно зарядить оружие и местным серебром, но оно плохого качества. Как же сравнивать оружие, имея негодный энергетический источник? Это все равно, что устроить состязание жеребцов, не позволив одному из них бежать рысью. Чтобы оружие проявило себя в полную силу, вы должны доставить сюда опытного изотописта. Мы изготовим с ним смесь изотопов серебра, имеющих необходимый атомный вес.

Кэни задумался. Он посоветовался с Кацуми и Яо Вэньюанем, спокойно выслушал их, а затем быстро спросил:

— У нас есть необходимые для этого установки?

— Да.

Они вновь стали переговариваться.

— Где можно найти серебро?

— На Фудзи-сан, господин.

— Мы должны отправиться туда,— настаивал Дюваль. Он пытался использовать свой шанс, отлично понимая, что ему необходимо узнать больше, чем сообщила Элен ди Баррио в своем послании.

— Мне нужен собственный изотопист,— проговорил он уверенно и громко.— Его имя — Хорс. Его взяли в плен на Кровавой Луне.

— Хорошо,— коротко кивнул Хасэгава Кэни.— Мы постараемся доставить его в лабораторию.

Три самурая ушли, не уверенные в том, что Дюваль был с ними искренен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Поднялся сильный ветер и разогнал тучи, обнажив покрытую снегом вершину вулкана. Уже два дня они штурмовали склоны, разбивая временные бивуаки и продвигаясь час за часом по крутым каменистым тропинкам. Они оставили дюжину носильщиков на последней стоянке и начали поспешно карабкаться вверх. На высоте двадцать тысяч футов над уровнем моря воздух был уже сильно разрежен, и дышать становилось все труднее. Восхождение достигло апогея.

Дюваль видел разрозненные кучевые облака, бросавшие тень на долину, лежавшую далеко внизу. Кое-где поблескивали зеркальными гладями соленые озера, между ними петляли узкие дороги, ведущие в поместье. «Какой удивительный пейзаж»,— восхищался Дюваль. Панорама поразила его больше, чем он того ожидал, когда три дня назад смотрел на вулкан снизу. Каждый клочок простиравшейся до горизонта пыльной земли был аккуратно возделан и носил на себе следы неутомимого труда целого поколения. «Какой фантастической энергией должны обладать эти люди»,— думал Стрейкер.

Обработанные поля уходили за линию горизонта, переползали через экватор и тянулись вдоль всего гигантского материка. И лишь один вулкан бросал вызов людям, которые не осмеливались посягать на его священную дикую природу. Однажды он ожил и выплеснул в долину раскаленные потоки лавы. Они смели все на своем пути, показав человеку, сколь недолговечны результаты его трудов перед лицом разбушевавшейся стихии. Дюваль смотрел вниз, на поля, и удивлялся, как одно един-

ственное поколение крестьян могло обработать столько земли. Но они добились этого, завоевав для себя славу — большую, чем все предшествующие поколения.

Он отвлекся от своих мыслей. Теперь восхождение не казалось ему подвигом, хотя и потребовало максимального напряжения сил. Плодородную, поросшую лесом землю на подножье постепенно сменила скалистая поверхность. Деревья, попадавшиеся все реже и реже, стали искривленными и сухими. Сплошной каменной стеной над ними возвышался вулкан, фантастически красиво раскрашенный в золотой и пурпурный цвета. Несмотря на жгучее солнце, склон был покрыт шероховатой ледниковой коркой, из-под которой торчали крупные камни. Дюваль увидел удобный скалистый гребень, по которому они могли вскарабкаться к кратеру.

Хорс оглянулся и вытер пот с лица, посмотрев назад, в долину. Он был рад возможности поговорить на родном языке.

— Черт, не так-то просто, оказывается, на него взобраться. Стрелок, как ты думаешь, сколько мы прошли?

— Пятнадцать или шестнадцать тысяч футов.

— А сколько еще идти?

— Я думаю, столько же.

Хорс скептически посмотрел на Дюваля.

Изотопист был мускулист и костляв, со впалыми щеками. Жизнь сплела на его желтоватом лице паутину глубоких морщин, отчего он казался мрачным и неприступным.

— Это не так-то просто, как казалось снизу.

— Обман зрения, как говорят в горах,— ответил Стрейкер, испытывая раздражение к Хорсу.

Дюваль видел, что его спутник сильно изменился за последний год. Пребывание на Садо превратило спокойного, уверенного в себе человека в угрюмое, подозрительное и нервное существо.

В первый раз за все время восхождения они оказались далеко от самураев, так что те не могли их услышать.

— Боже мой, Хорс! За что ты на меня разозлился?

— Мне не нравится, что ты потащил меня на эту проклятую гору,— грубо ответил он.

— Почему?

Хорс ткнул указательным пальцем в сторону долины.

— Я искал там счастья и надеялся сбежать. Но вмешался ты, черт бы тебя побрал. Теперь все рухнуло. Я оказался паршивым кастрированным бычком, который живет всю зиму и умирает весной.

— Тихо!

Впереди них по склону карабкались три самурая под предводительством Кацуми. Едкая сернистая пыль поднималась над ними и медленно оседала на камни. Время от времени они останавливались, чтобы отдышаться, а затем продолжали трудное восхождение. Дюваль вспомнил, что ни один жрец Синто не пожелал показать им тропинку. Жрецы перепугались, когда Кацуми попытался приказать им, но все-таки не согласились.

— Почему, черт бы тебя побрал, мы не поднялись на этот долбаный вулкан на вертолете? — спросил Хорс.

— Я же сказал тебе, что для них это священная и неприступная гора. Жрецы разрешили восхождение только после того, как Кэни-сан сказал им, что мы хотим совершить паломничество. Поэтому мы не можем использовать никакой техники.

— Довольно типично для этих ублюдков!

Позади американцев карабкались Кэни и Мити. За ними следовало пятьдесят человек, которые вели ослов, груженных пустыми мешками. Кэни решил вместе со всеми совершить восхождение на огненную гору, которая, как утверждали по традиции, «наблюдала» за его поместьем и хранила его от беды. Он сказал о своих намерениях Кацуми, и тот не посмел перечить отцу. Мити настояла на том, чтобы и ее тоже взяли. Брат только молча пожал плечами. Дюваль все время наблюдал за ней, хмуро ожидая, когда она споткнется, но Мити не подавала никаких признаков усталости. Стрейкер вновь повернулся к Хорсу.

— Теперь расскажи мне, что ты слышал.

— Не сейчас.

Неожиданно к ним присоединился Яо Вэньюань.

— Трудно дышать... Воздух становится все хуже и хуже. Здесь мало кислорода.

— Да. У меня болит голова,— ответил Дюваль, быстро переходя на японский.

Он с восхищением взглянул на фантастический ландшафт под облаками.

— Что, если кислород вообще исчезнет? — забеспокоился Яо.

— Кэни-сан начал уставать.

— Ватару-сан говорил мне, что мы не первые, кто поднимается по этой тропинке. Она трудная, но по ней можно добраться до вершины. Почему вы не срезали посох для Кэни, когда мы проходили мимо деревьев?

— Это не сделает склоны менее крутыми.

Дюваль молча похлопал своего спутника по плечу. Он знал, что все помыслы Яо сосредочены на лаборатории. Китаец без конца выяснял у Дюваля детали. Каким должен быть радиус прицела? Сколько серебра понадобится для замедлителя? Достаточно ли только химического замедления? Дюваль успокоил его, размышляя про себя, что из их разговора понял Хорс.

Стрейкер испытывал стыд перед товарищем за свой тайный сговор с даймё. Но он по-прежнему пытался сложить в уме обрывки сведений, которые слышал об Уюку.

Джон скитался по Зоне. Он захватил несколько дюжин маленьких торговых кораблей с рудой, приказав им отключить двигатели. Он отобрал у них все сколько-нибудь ценное и устроил «праздничный салют» с помощью сверхоружия, подорвав несколько кораблей. Он никогда не скрывал своего имени, наоборот, он стремился к известности. Джон всегда исчезал с орбиты так же внезапно, как и появлялся.

Когда Яо отстал, Дюваль возобновил прерванный разговор с Хорсом.

— Он попытался выкупить нас, Стрелок. Уюку попытался сделать это в Ниигате. Представляешь себе? Другие забыли про нас, а он — нет! Я знал, что он вернется. Я верил в это!

— Это правда? — разволновался Дюваль.

— Да! От Гуама до Ламбока японцы предостерегают друг друга: «Берегись Черного Дракона!» — вот как они называют нашего капитана Джона!

— Тебе не добраться до него.

— Я хочу попробовать.

— Сумасшедший, неужели ты надеешься с ним встретиться? Если ты сбежишь, тебя наверняка схватят!

— Нет! Я хочу домой. У меня есть план...

— Сделай Садо своим домом.

— Пропади ты пропадом, Стрелок! — зашипел Хорс.

— Я хочу домой и доберусь до дома, чего бы мне это ни стоило! Мне здесь все осточертело. Все! Я хочу зарабатывать деньги там, где смогу потратить их в свое удовольствие. Пропади ты пропадом, ты мне все испортил!

Дюваль на мгновение плотно сжал губы, а потом вытащил из складок кимоно маленький черный инструмент.

— Хорс! У меня есть для тебя работа.

Тот сплюнул и нехотя взял инструмент.

— Иди ты к чертовой матери! Лучше выведи меня отсюда. Я ведь сказал тебе, что у меня есть план!

— О чем ты говоришь?

— Послушай,— продолжал Хорс, не ответив на вопрос Дюваля,— у меня дома четверо детей. Что ты на это скажешь?

— Если ты все-таки попадешь домой, тебя за пиратство по головке не погладят!

— Но я все равно попытаюсь!..

Когда объявили привал, Дюваль присоединился к Кэни. Он сел на валун рядом с Мити. Холодный ветер трепал его одежду, но гораздо неприятнее было чувство, тяготившее его совесть.

Он зачерпнул полную пригоршню хрустящего снега и растер его в ладонях, счищая грязь. До него долетали обрывки разговоров. Вскоре подошли носильщики. Все были охвачены каким-то напряжением, неясной тревогой, словно исходившей из-под земли и от гигантских каменных глыб, нависавших сверху. Дюваль погрузился в собственные мысли, не слушая чужих разговоров и не присоединяясь к беседе с Кэни. Он знал с полной определенностью, что надвигается беда.

Внезапно послышался звук скатывающегося камня. Склон горы дрогнул, и всех осыпало мелкой галькой. Никто не издал ни звука. Сердце Дюваля сжалось, он почувствовал, как напряглись все его мышцы. Вдруг наступила полная тишина. Даже ветер стих и перестал трепать их запыленные одежды. Замолкли птицы. Весь мир словно оглох, но тут раздался чей-то крик. Взгляды путников обратились к вершине, когда Кэни указал на зубчатые края кратера. Тонкая струйка дыма кольцами поднялась с вершины и растаяла в воздухе.

— О, Господи, Стрелок, что это? — спросил Хорс, широко раскрыв глаза от ужаса.

— Ничего страшного, просто расстройство желудка,— успокоил его Дюваль, думая про себя, что это горные духи-ками осуждают злобу Хорса и его собственное предательство.

Возможно, изотопист прав, и ему следовало искать пути к спасению. Но не было ли это навязчивой идеей? Как узнать, где находится Уюку? Хорошо бы вновь увидеть Эллиса, но ради чего еще ему возвращаться?

— Что это, Стрелок? — вновь воскликнул Хорс.

— Да это просто живот болит у Фудзи-сан.

— Как бы она не опорожнилась на наши головы, а, Стрелок? Вот это награда за все наши старания!

Когда солнце вошло в зенит, они ускорили шаги и приблизились к самому краю кратера. Здесь поверхность оказалась более плоской и покатой. Путь к вершине проходил через пласт подтаявшего снега, который слепил глаза и причинял нестерпимую боль.

Дюваль заметил, что сильные снегопады проходили здесь регулярно. Он подумал, что выбрал удачное время года, потому что пласты горных пород обнажились, и залежи серы можно было легко обнаружить. Они одолели последний подъем.

Дюваль тяжело дышал, ему казалось, что его легкие вот-вот разорвутся. Наконец он увидел гигантский эллиптический кратер диаметром не меньше чем в полмили и около пятисот футов глубиной. Его дно потрескалось и было усеяно жилками, источавшими зловонные испарения. К счастью, ветер относил потоки газа на восток, к противоположному краю кратера.

Неожиданная мысль поразила Дюваля, заставив его похолодеть от ужаса: возможно, снежный покров так тонок потому, что вулкан горячее обычного. Наверное, Хорс прав: скоро начнется извержение. Покрытое трещинами дно кратера приковало взгляд Стрейкера.

Внезапно на Дюваля нахлынули видения, он задрожал. Перед ним всплыла жуткая картина — окровавленный, неподвижно лежащий брат. Кошмар этот несколько раз преследовал Дюваля и всегда в точности повторялся. Лицо, которое он любил, покрытое почерневшей запекшейся кровью, кривилось от боли. Затем последовал оглушительный взрыв корабля-камикадзе. Дюваль из последних сил прижимается к решетке сточной канавы, задыхается, волна ужаса охватывает все его существо, выворачивает наизнанку...

Дюваль покачнулся, посмотрел назад, на Мити, и с трудом сдержал растущий в его душе страх. Хорс уставился на дно кратера, широко раскрыв рот.

— Что вы думаете об этом? — спросил Стрейкер Яо Вэньюаня.

Тот хватал ртом воздух, пытаясь отдышаться.

— Это цюэтмэнцюань, огненная дорога в самый страшный ад, —ответил китаец, восхищенно глядя на волнующуюся, пульсирующую раскаленную массу.

Он глубоко вздохнул и плюнул. Раздался сухой треск — несколько горячих камешков вылетели из кра-

тера вверх, а затем упали обратно, оставив в воздухе дымный след.

— Кажется, я погибну здесь первым,— изотопист вздрогнул.

— Думаю, ты ошибаешься, Хорс.

— Не нравится мне все это. Не зря я так не хотел сюда идти.

Самураи подошли к кромке кратера. Ветер трепал их одежду и окутывал удушливым газом, вырывавшимся из трещин. Их завораживало зрелище клокочущей магмы, кипящей внутри планеты.

— Посмотрите на это,— обратился Яо Вэньюань к Хорсу.— Когда вы умрете, ками схватят вас и навсегда прикуют здесь цепями.

— Может, вы тоже окажетесь здесь, вместе со своими ароматическими палочками и конфуцианскими храмами,— огрызнулся Хорс.

— Я почитаю своих предков, а вы...— Яо Вэньюань мрачно усмехнулся и покачал головой.— А вы отправитесь прямиком сюда, и ничто вам не поможет.

Дюваль прервал их, указав на тропинку, ведущую от кратера. Она петляла среди раскаленных камней и упиралась в массивную стену, образованную кристаллами сульфида. Дюваль с Хорсом пошли по тропинке.

— Мне не понравилось, как Фудзи встретила нас. Это предупреждение. Нужно побыстрее сделать работу и спускаться вниз.

Когда они достигли залежей, Хорс едва держался на ногах. Они взяли пробу. Сульфид оказался легким и пушистым, а раскаленная стена рыхлой, как песок. Местами на стене выступали красные прожилки пластического сульфида особой формы. Попадались крупные скопления желтого цвета, напоминавшие сыр, с сильным едким запахом. Изотопист зачерпнул горсть серы и растер в ладонях. Он фыркнул и, кривясь, попробовал ее на язык.

— О черт! Не может быть, она почти десятипроцентной чистоты! — воскликнул он в изумлении.— Ты толь-

ко посмотри на счетчик, Стрелок! Тонны — тонны сульфида! Чистейший натуральный сульфид прямо из раскаленного нутра планеты! Я такого еще никогда не видел.

— Это то, что нам нужно.

— Нам?! — Хорс внезапно оглянулся и схватил Дюваля за кимоно, притянув его к себе. Его злой голос срывался и дрожал от напряжения.— Я сказал, что не собираюсь выполнять твою грязную работу. Ты что, не понимаешь, что это предательство?! У нас под ногами квадрацин. И ты хочешь, чтобы я показал его им? А, Стрелок? Показал им, как зарядить трубы квадрацином и «заморозить» заряды?

Мощные трубы из серебра «замораживались» не оттого, что их помещали в холод, а оттого, что в них поддерживали постоянную температуру. От их стабильности зависело достижение критической точки в 282,3 градуса. Хорс знал, что на последних американских установках использовалось соединение квадрацина. Это позволяло достичь необходимой температуры и поддерживать ее. Стрейкер молчал.

— А как насчет дейтерия? — продолжал Хорс, вскипая от гнева.— Может быть, ты хочешь, чтобы я им об этом рассказал, а? Эти болваны и не догадываются, как зарядить стволы. Они не знают, как действует оружие. Ты хочешь, чтобы я раскрыл им наши секреты?

— Заткнись! — закричал Дюваль. Его лицо ожесточилось.— Я не хуже тебя знаю, как изготовить трубы. Я привел тебя сюда затем, чтобы узнать новости — новости о Джоне Уюку. Никто кроме тебя не расскажет мне об этом.

— Ты лжешь, Стрелок! А как же оружие, которое ты для них делаешь? Мне все известно! Я вижу, как ты целуешь им задницы! —ненависть сверкнула в глазах Хорса.— Чем они купили тебя, Стрелок? Что они тебе пообещали?

Дюваль грубо толкнул Хорса в грудь — тот покачнулся, но в последнюю секунду схватился за Стрейкера. Они сцепились и, поскользнувшись, вместе упали на землю.

— Ты продал нас всех! Разве не так, а? — орал Хорс. Его глаза покраснели от едкого дыма. Порыв ветра метнул в них желтую пыль.

— Я вытащил вас из свинарника! Я спас вам жизнь! Вы бы уже давно там сгнили!

— Да! Ты спас нам жизнь, и себе — тоже! Ты хотел новостей? Я могу тебе кое-что сообщить. Мы начали войну с Ямато. Теперь, Стрелок, ты — гнусный предатель!

Хорс замахнулся, собираясь размозжить Дювалю лицо. Но в этот момент земля под ними покачнулась и треснула с жутким грохотом. Началось землетрясение, вызванное мощнейшим извержением вулкана. Дюваль услышал женские крики. С нечеловеческой силой он высвободился из объятий Хорса, отбросил его в сторону и кинулся к краю кратера в пятидесяти ярдах от него. Сквозь облако дыма и пыли он увидел Кэни и Мити. Они отчаянно сопротивлялись стихии, медленно сползая к кипящей лаве. Самураи в ужасе застыли, как статуи, пораженные мощью извержения. Струи лавы взвивались все выше и выше.

Дюваль с содроганием заметил, что часть скалы, на которой Мити пыталась спасти своего отца, поползла в сторону. Черная расщелина зазмеилась по скале, отрезая отца и дочь от остальных. Кэни соскользнул уже к самому краю и беспомощно барахтался в пыли. Щель медленно расширялась, верхний слой породы осыпался, увлекая людей за собой.

— Мити! — отчаянно кричал Хасэгава.

Дюваль прыгнул вперед и схватил Кэни за ноги, когда тот уже почти соскользнул в пропасть. Кратер отозвался гулким эхом. Разлом расширился до пяти футов, грозя отрезать весь островок, на котором люди боролись со смертью. Каждое движение Стрейкера грозило утопить их в кратере, ноги его увязали все глубже. Он отчаянно пытался перехватить Кэни за пояс.

Дюваль взглянул вверх, на Кацуми и остальных. Животный страх застыл в их глазах — они завороженно смотрели на пульсирующую землю, не смея пошевелить-

ся. Собрав все свои силы, Дюваль перепрыгнул через растущую трещину, зная, что край скалы, на котором они удерживались с Кэни, может обломиться в любой момент. Стрейкер лег на землю, схватил одной рукой Мити, а другую протянул Кэни, пытаясь связать их в единую человеческую цепь.

В это мгновение еще один мощный толчок потряс землю. Острые края кратера, красного и черного цвета, начали взрываться и сползать в кипящее чрево вулкана. Наконец Яо Вэньюань вышел из оцепенения и бросился к тому месту, где все еще удерживались Дюваль и Кэни. Кто-то подтолкнул в их сторону двух ослов, которые в ужасе били друг друга копытами, запутавшись в веревках. Боковым зрением Дюваль заметил, что Яо развязывает веревки.

Они с Мити с трудом перепрыгнули через разлом и сильно ударились о камни. Мити не выдержала и отпустила руку Дюваля, но подоспевший вовремя Яо схватил ее и оттащил прочь от обрыва.

— Спасайтесь, Мити! — закричал Дюваль.

Он взял веревку, обмотал ее три раза вокруг руки и бросил конец Кэни. Выступ стал осыпаться.

— Господи, помоги мне! Господи...

Дюваль тяжело дышал, мускулы его напряглись. Веревочные петли тесно сдавили руку, врезавшись в кожу. Что-то хрустнуло у него в груди, острая боль пронзила тело. Ему показалось, что он не выдержит и погибнет. В разреженном воздухе напряжение могло оказаться смертельным — потеря сознания грозила гибелью, а тут еще свинцовая тяжесть тела Кэни разрывала его надвое. Но Дюваль не сдавался — на кончиках его пальцев висела человеческая жизнь.

Кажется, прошла вечность, прежде чем самураи ослабили веревки на его руке. Резкая боль медленно утихала. Дюваль увидел, что вся его ладонь залита кровью. Он лежал ничком на твердой земле рядом с Кэни и беспомощно глядел на Мити.

— Дюваль-сан! — кричала она.— Вы слышите меня? Дюваль-сан!..

Ее лицо и волосы припорошила желтая пыль. Он не в состоянии был ответить ей.

Кэни, лежавшего поблизости, Дюваль видел словно в тумане. Мити склонилась над отцом, позабыв о собственной боли. Позади них, в дыму, сверкали искры. Все поплыло перед глазами Стрейкера, а затем он увидел бледное лицо Кэни с посиневшими губами.

— Несите его вниз!

— Давайте скорее спускаться! Ему нужен свежий воздух!

— Да! Прочь отсюда. Попробуем спуститься с горы до захода солнца.

— Слишком далеко,— проговорил Кацуми.

— Надо постараться.

Дюваль наблюдал, как два человека подняли потерявшего сознание Кэни и понесли его прочь от кратера. Они спешили и спотыкались, желая как можно быстрее избавиться от этого кошмара. «Дракон» швырял вверх раскаленные валуны, будто из гигантской ступки. На людей обрушился град горячих камней. Яо Вэньюань подхватил Дюваля и потащил его вслед за остальными.

— Быстрее,— задыхаясь, шептал он.— Мне вас не удержать. Пожалуйста, попытайтесь идти.

Они устремились к тропинке. Впереди маячили фигуры охранников, спускавшихся к дороге, которая вела на безопасный склон. Дюваль ковылял из последних сил, Мити и Яо поддерживали его под руки.

Следующие четыре часа превратились в кошмар. Огненный дракон преследовал их, а они в отчаянии пытались спастись от его бешеной ярости. Только добравшись до деревьев, беглецы сделали остановку и увидели, что гнев вулкана начал постепенно утихать. Их окутывали клубы густого дыма, заслонявшего небо. В воздухе кружились пепел и пыль, медленно оседая на землю. Слабые толчки еще сотрясали гору, но уже значительно реже.

Мити осторожно вымыла Дювалю лицо. Он жадно пил воду, а тем временем люди Кацуми подсчитывали убытки.

— Когда же ты успокоишься? — восклицал Яо Вэньюань, потрясая кулаками в сторону вершины.

— Это злой дракон! Он не захотел отдавать нам свои сокровища. Недаром жрецы предупреждали нас. Дракон не любит незваных гостей.

Дюваль сел, прислонившись к дереву. Мити обратила к нему свое исцарапанное грязное лицо, и он увидел, что ее глаза полны страха. Он пытался успокоить ее, понимая, что она хотела заплакать, но не могла.

— Спасибо,— прошептала Мити,— Вы спасли моего отца и меня тоже. Если бы не вы, нас бы проглотил дракон.

Она поклонилась ему, и Дюваля молнией пронзила радость: и он, и Мити все еще живы, они спаслись от дракона, а это — самое главное.

Охранники в разорванной одежде собрались вместе, подсчитывая оставшихся животных. Затем они вновь двинулись в путь, спеша побыстрее спуститься с горы. Кэни привязали ремнями к носилкам, которые смастерили из тонких сосновых стволов. Дюваль напрягал последние силы, еле волоча ноги. Наконец они увидели дорогу. Люди сообща поставили палатки и развели огонь. Еду разделили поровну.

«Горный дракон прогнал нас прочь,— размышлял Дюваль,— но он также и сблизил нас. Такие же товарищеские отношения связывают экипаж корабля во время боя или несчастья. Все вдруг встало на свои места. Почему? Я сам находился на волосок от гибели, на моих глазах другой человек избежал смерти. У меня словно гора с плеч свалилась. Теперь моя совесть снова чиста...»

Все стихло. Над вершиной повисло густое облако. В темноте его нижняя часть переливалась разными цветами — желтым, оранжевым, алым. Только теперь Дюваль понял, что Хорса больше не было с ними.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Место действия: Либерти

— Ваш ланч, капитан!

Ионовый ключ отомкнул замок, и Эллис оглянулся на знакомый звук. Толстый синтетик внес прикрытый поднос и поставил его на стол, отодвинув в сторону макеты.

Хавкен уверял, что это лучшая камера в лагере — светлая, с синтетическими стенами. Здесь были кровать, стул и стол, на котором стояли макет порта и модель корабля — дело рук заключенных.

Длинный коридор за дверью просматривался от начала до конца. Большая тюрьма очень хорошо охранялась. Ее окружал двор, а за ним была расположена военная база с гарнизоном элитных войск. Сбежать из Лагеря Расплаты было практически невозможно, если только не придумать какой-нибудь хитроумный план.

— Сегодня у нас бифштекс, салат и кофе — все из дуврских машин.

— Ты опять все нарезал?

— Это моя функция. Я должен следить, чтобы ваша еда была хорошего качества, капитан.

— Ты очень любезен.

— Если мои манеры вас раздражают, так и скажите. Вы — наш гость. Да, именно гость, и у вас самая уютная камера из всех, что я здесь видел. Пожалуй, только у вице-президента, господина Хенри, была такая же, когда он жил у нас. Вы счастливый человек, капитан.

— Да. Кажется, этот бифштекс немного вкуснее, чем ворвань космических китов.

— Космических китов?..— простодушный синтетик даже растерялся.

— Представь себе,— начал терпеливо объяснять Эллис,— я был астронавтом и летал на космическом корабле. Однажды, когда у нас кончились запасы для дувр-ских машин и нечего было подать на стол, мы проходили мимо стаи космических китов. Понятно?

— И вы захотели их съесть? — равнодушно спросил синтетик.

— Да.

— Какая замечательная идея!

— Убирайся отсюда! — вздохнул Эллис.

— Слушаюсь, сэр. Как будет угодно нашему гостю.

«Наверное, скоро я стану таким же жирным, как и ты,— подумал Эллис, наблюдая, как синтетик запирает дверь.— Тоскливое это дело — разговаривать с синтетиками. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем меня осудят и запрут здесь навечно? У Лаббэка, вероятно, множество улик против меня. И кто ему помешает?»

Эллис вновь взглянул на видеописьмо, которое принес ему дворецкий Хавкена четыре дня назад. Мысли об этом причиняли ему боль. Хавкен с оптимизмом говорил о суде, но предупреждал, что Фарис Кассабиан отбыл с посольством в Китай. «Вовремя удрал,— подумал Эллис.— И вообще, о какой справедливости может идти речь, когда невиновный человек вынужден лгать и изворачиваться, чтобы не угодить в западню? Гнусно. Ведь я не знал, какой груз переправлял Ы То Мэн. И как я мог догадаться, что он замышляет? А Хавкен очень обеспокоен этим арестом. Боится, как бы я его не впутал в это дело. Он ничем мне не поможет. И все-таки, чья это была идея? Конечно, Кассабиана. А что, если я передам ему, что собираюсь все рассказать? Это, конечно, бросит тень на чрезвычайного посла в Китае.

Но кто мне поверит? Никто. Они скажут, что я хватаюсь за соломинку, лишь бы спасти свою шкуру. Можно ли верить Хавкену, что он на моей стороне и

против Кассабиана? Сомнительно. Правду говорят, коготок увяз — всей птичке конец. Нет ни малейшег шанса, что меня кто-нибудь поддержит, в том числе и Хавкен. Никакой надежды. Меня могут даже прикончить, предъявив в результате больше обвинений, чем безнравственному Ы То Мэну. А если они разгадают секрет Ким Вон Чуна? Вот тогда мне точно конец. Может, им это уже удалось...»

Он глотнул кофе и начал расхаживать по комнате. Затем сел и погрузился в изучение данных, присланных Рамакришной. Эллис уныло перелистывал страницы, никогда еще ему не было так грустно. «Вот уже месяц,— думал он,— как я гнию здесь заживо. Мне нужно в Нейтральную Зону! Кажется, я уже никогда не попаду туда. Зачем я штудирую без конца эти записи? Глупо проводить время за чужими мыслями. Куда приятнее снарядить корабль, включить двигатели и пустить в ход сверхоружие. Да... Вот бы сейчас вылететь в Зону на хорошем пиратском корабле. Интересно, на какой бы планете создать безопасную базу для налетов? Сколько людей понадобится для захвата Сахалина? Черт, забыл, какой там индекс...»

Он мрачно взглянул на модель корабля, и все надежды показались ему несбыточными. Его охватило отчаяние, и он закричал изо всех сил: «О, Боже, если я не выберусь отсюда, то не смогу осуществить свои планы. Это сделает кто-то другой... Я не хочу этого!» Эхо замерло в тишине, и Эллис немного успокоился. Пойманный в ловушку, он оказался совершенно беззащитным, и уже начал свыкаться со своим положением.

Он вновь вскочил, пытаясь привести в порядок мысли. «Ричард М.» приземлился на Либерти, и я думал, что мне чудом удалось остаться в живых, что я просто счастливчик. Потом мы с Хавкеном прибыли в Линкольн, и я был уверен, что нас приговорят к смерти, и ждал замораживания. Когда мы лежали с Ребой в поместье Шатто, я говорил ей, что хожу по лезвию бритвы. Мне следовало вылететь в Зону еще тогда. Но я упустил свое

счастье, и моя пси-волна откатила прочь в космос, туда, где мне следовало сейчас быть».

Он сел на кровать, сделал еще глоток кофе и прислушался к утешениям внутреннего голоса: «Вспомни, жирный синтетик все время говорит, что с тобой обращаются лучше, чем с остальными. Пока ты жив, нельзя поддаваться отчаянию. Но что же делать?...» Ответа не было.

Он взглянул на дисплей и увидел лицо Хавкена, приславшего видеописьмо. Серьезный вид командора почему-то вывел Эллиса из себя. Он схватил чашку с недопитым кофе и запустил ею в изображение. По сосредоточенному лицу Хавкена потекли струйки кофе.

— Будь ты проклят, Курт Райнер! — неожиданно вырвалось у Эллиса.

Видеописьмо Хавкена не содержало фальшивого сочувствия по поводу его заключения, оно не обнадеживало возможностью побега из Лагеря Расплаты. Но Хавкен сообщил ему о назначенной свадьбе Ребы.

Когда дворецкий Хавкена принес Эллису послание командора, Стрейкер не растерялся и использовал свой шанс. Он знал, что синтетик запрограммирован на подобные поручения. Эллис вручил ему видеописьмо и велел доставить адресату, если ему дорога его синтетическая жизнь. Это была реальная угроза, потому что за роботом следил Боуэн, готовый вырезать его пластиковое сердце, если тот собьется с пути.

Видеописьмо адресовалось Ребе и было зашифровано ее кодом. Дворецкий должен был передать его через горничную и обещал проследить, чтобы оно попало точно в руки адресата. «Ответь мне, или я сойду с ума!» — говорил он ей среди прочих откровений, которые не мог бы сделать никому другому.

Прошло уже четыре дня, но Эллис не получил никакого ответа. Он нажал на специальную кнопку, и синтетическая стена стала прозрачной. Спокойное воскресенье. Никакой суеты часовых, окликающих посетителей. Никаких друзей и родственников. Откуда-то доносилось

тихое пение евангелистского хора: наверное, поблизости был костел. Часы пробили полдень. И никого. Никакой надежды. Эллис закрыл глаза. Тусклый свет равнодушного пасмурного неба падал на его лицо. Он прикрыл глаза рукой и, кажется, задремал. Ему пригрезилось, что он слышит шум подъехавшей машины. Он вообразил себе тяжелую походку тюремщика и другую — легкую... Снова повернулся ключ, дверь на огромных петлях приотворилась.

— Один час,— произнес синтетик чужим голосом,— не больше.

Дверь захлопнулась. Эллис отнял руку от лица и понял, что это не сон. В комнате стояла Реба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Войдя в кабинет государственного секретаря, Кассабиан мысленно сосредоточился на нескольких причинах, заставивших его тайно прилететь из Китая. Лаббэк принял его, но оставил при себе Дзиро Ито, чтобы Кассабиан недолго откровенничал. «Жаль, что Дзиро Ито не болтун,— подумал Кассабиан.— Чем больше свидетелей — тем лучше. Это нельзя больше скрывать».

— Поздравляю с повышением, Конрой,— сказал он сразу же.

Кассабиан знал, что Алиса Кэн наградила своего секретаря за его умение вести государственный корабль, проявившееся в течение последних трех лет. Это была их первая встреча после того, как в феврале Кассабиана послали в Китай. Посольство Кассабиана на Пекине и деликатные дела с Небесным двором доставляли слишком много хлопот, чтобы прибыть на Либерти с официальным визитом.

— Благодарю вас, Кассабиан.

— Да, эта награда вполне заслужена,— проговорил Фарис.— Но теперь у вас и новые права, которыми, я полагаю, вы намерены воспользоваться.

— Можете в этом не сомневаться.

— Хотелось бы, хотелось бы... Кассабиан не договаривал: «Ты не можешь отрицать, что положил глаз на президентский пост. Говорят, что, когда Николай Белков перейдет в Комиссию флота, ты получишь контроль и над казной. Желаю тебе успеха. Но как насчет меня? Где признание моей роли в постоянной защите интересов Американо? Какое положение теперь займу я? Впрочем,

я хочу не положения, а власти, точнее — влиятельного положения. Именуй это как хочешь. Титулы не имеют значения, если они не позволяют человеку влиять на ситуацию. Я хочу держать в руках главные нити, и ты дашь мне их. А если мне захочется большего, то я это получу, Конрой Лаббэк. Ты сменил костюм государственного секретаря на костюм вице-президента, и твое старое платье может прийтись мне впору».

— Как Пекин?

— Хэнк Моррис передает вам привет. Мы оба с оптимизмом смотрим на возможность осуществления наших планов. О многом уже удалось договориться, что, в общем, неудивительно. По его словам, «если брат будущего императора Китая женится на Президенте Американо, судьба будет к ним благосклонна». «Поддержит ли Лаббэк сватовство? — спрашивал себя Кассабиан.— Поддержит ли он теперь меня, главного творца этой идеи? Насколько глубоко он заинтересован в мире с Ямато? Отис Ле Гран проявил беспокойство, и это настораживает».

— Я хочу знать, что вы думаете о браке Президента,— сказал Кассабиан прямо.— вы за или против?

— Даю вам слово вице-президента, что я безоговорочно поддерживаю этот брак.

— А что скажет лично Конрой Лаббэк?

— Это мое личное дело.

— Существует и еще одна проблема, которая касается другого брака. Сейчас я изложу ее открыто. Я думаю, вы знаете, что я собираюсь сказать.

Лаббэк, сидевший под гигантским аллегорическим изображением «Силы и Славы», посмотрел в глаза Кассабиану, не проронив ни слова, и даже не попросил Ито покинуть кабинет.

— Вы настаиваете на том, чтобы Реба вышла замуж за Курта Райнера?

— Уже несколько лет всем известно, что рано или поздно они поженятся.

— Да. Но что за внезапная поспешность?

— Любовь юности нетерпелива, Фарис.

— О да, это правда! — Кассабиан покрутил свое обручальное кольцо.— Но какой ценой ее добиваются?

— Вы имеете в виду приданое? Мы сделали подарки семейству Халид.

— Я слышал, что приданым стала отмена смертного приговора предателю Хальтону Хенри. Это слишком высокая цена и для Американо, и для меня, Конрой.

Лаббэк резко выпрямился, обеспокоенный прямым обвинением Кассабиана.

— У вас есть доказательства?

— Не секрет, что вы стремитесь устраивать браки своих детей с влиятельными людьми. Это понятно. Непонятно только, как вы могли освободить Хальтона Хенри после того, что он совершил. То, что он дядя человека, за которого вы собираетесь выдать свою дочь, —достаточное доказательство.

— Черт знает что! Это обвинение?

Кассабиан глубоко вздохнул.

— Вы подписали освобождение Хальтона Хенри из Лагеря Расплаты. Зачем? Для помещения его под домашний арест? Вы отправили Хальтона в его собственное поместье и фактически освободили государственного преступника. Для чего вы это сделали? Чтобы продемонстрировать его невиновность или недостаток серьезности, с которым рассматривалось преступление? Вы пытались реабилитировать его всеми способами. Зачем? Чтобы показать Объединенным Мирам, что он прощен?

— Хальтон Хенри исправился, Фарис. Он принес извинения. В конце концов, он очистился покаянием.

— Это была идея Курта Райнера. Я думаю, что дело выглядело так: в обмен на прощение Хенри Райнер согласился жениться на вашей дочери, несмотря на то, что она беременна!

Лаббэк оцепенел, но быстро взял себя в руки. Он махнул рукой, пытаясь уйти от ответа.

— Это ваши домыслы, Фарис. Позвольте напомнить вам, что участие Хальтона в мятеже — дело прошлое. Проблема давно уже решена. Он детально рассказал нам

о планах Уотерса и Уэстерленда. Его помиловала Алиса, а не я. Предоставьте доказательства или прекратите свои обвинения.

Кассабиан тут же вытащил и положил на стол сводку донесений разведки и начал читать ровным и бесцветным голосом:

— Донесение первое. Хальтон Хенри подтвердил клятву верности Алисе Кэн, но отрицал это в частном письме корейскому министру. Оригинал письма у меня. Донесение второе. Хенри поддерживал связь с Ы То Мэном. И здесь же доказательство, что Хенри с момента освобождения был в постоянном контакте с финансистом. В свою очередь доказано, что Ы беседовал с Окубо, бароном Харуми и даже с камергером Императорского Двора. Доказано, что он собирается связаться также с Центральной Землей. Из этого следует, что, выйдя на свободу, Хенри сюминутно пытался заручиться поддержкой Ямато для того, чтобы его сестра могла еще раз попытаться захватить президентство.

Лаббэк казался полностью уничтоженным. Он собрал листки и молча протянул их Кассабиану. Он был потрясен точностью сведений разведки Кассабиана. Как он узнал о беременности Ребы? Что за шпиона он держит в доме Хенри? Уж не состоит ли он во фракции Ле Грана?..

Лаббэк подозвал Дзиро Ито, сидевшего все время в стороне, и что-то шепнул ему. Кассабиан проводил взглядом уходящего ниндзя. Они остались одни.

— Должен признаться, что все это для меня большой сюрприз.

Кассабиан пожал плечами.

— Да, я действительно хотел выполнить просьбу Райнера, потому что мой внук должен иметь отца. Но также правда и то, что Президент простила Хальтона Хенри. Я видел в нем противника Отиса Ле Грана. Хальтон всей душой ненавидит его за предательство. Я рассудил, что если Ле Гран продолжит свои нападки на Хальтона, тот станет политическим трупом.

Кассабиан поднялся и подошел к окну.

— Давайте разберемся — это слишком важно для будущего Американо. Вы стали вице-президентом, поскольку заключили мир с Ямато. Но у вас есть и другие планы. Вы хотите сохранить этот мир во что бы то ни стало. Вы также намерены контролировать действия Отиса Ле Грана и в конце концов обуздать его. Вы хотите, чтобы ваша дочь вышла замуж за Курта Райнера, и чтобы отца ее ребенка убил какой-нибудь ублюдок.

Лаббэк оперся ладонью о стол.

— А вы, мистер Кассабиан? Каковы ваши стремления?

Кассабиан отвернулся, пряча улыбку.

— Я хочу, чтобы Президент вышла замуж за китайского принца. Это поддержит и защитит корейских повстанцев. Возникнет китайско-американский союз против Ямато, а Корея превратится в защитный буфер. Я хочу, чтобы Хенри понес наказание, а Окубо выслали из Американо. Я хочу, чтобы капитан Стрейкер был освобожден — из личных соображений. Полагаю, что мы можем договориться, и каждый из нас получит то, что хочет.

Лаббэк твердо взглянул на Кассабиана.

— Нет! Вы хотите, чтобы Президент вышла замуж, но тогда войска Китая сокрушат Корею. Вы хотите, чтобы голову Хенри принесли на блюде Отису Ле Грану. Вы хотите, чтобы Окубо вышвырнули, а наши отношения с Ямато испортились. Наконец, вы хотите, чтобы Эллиса Стрейкера освободили и он уничтожил Райнера, которого презираете вы, и которого также презирает Ле Гран.

Кассабиан улыбнулся.

— Мы оба не дураки, Конрой. Итак, будем откровенны. Возьмем китайский брак. Вы уже согласились с ним в принципе. Вы сказали, что не отвергаете его, но не будете и помогать мне.— Кассабиан отвернулся от окна.— Однако, несмотря на наши разногласия, мы, тем не менее, в чем-то сходимся. Мы оба видим перспективу в браке Президента. Одного лишь слуха о нем достаточно, чтобы связать руки Ямато, а пока они связаны, не

может быть и речи ни о какой войне. Таким образом, столь необходимый вам мир будет сохранен.

— А Ле Гран?

Кассабиан заговорщически улыбнулся.

— В данный момент вы можете шантажировать его тем контрактом, который он опрометчиво подписал с Хальтоном Хенри. Вы спрашиваете себя, что произойдет, если Хальтон Хенри понесет наказание? Как удержать тогда Отиса Ле Грана от угроз в ваш адрес? Я отвечу вам: смерти Хальтона Хенри, вашей молчаливой оппозиции браку Президента и освобождения Эллиса Стрейкера будет достаточно, чтобы Ле Гран оставил попытки сместить вас.

— Стрейкер умрет! Он помогал распространять ненавистнические воззвания Центральной Власти против Алисы! Он должен умереть ради моей дочери!

— Нет! Без его освобождения я не дам вам никаких гарантий относительно Ле Грана. На следующий день после казни Стрейкера Хенри арестуют. Я обещаю вам, что у него найдется достаточно доказательств, чтобы впутать в свои преступления и Курта Райнера. Но вы можете купить у меня эти доказательства, с ними вам будет легче управлять Куртом. Цена низкая — свобода Эллиса Стрейкера.

В уголках губ Лаббэка показалась слюна. Он взорвался, потому что его планы рушились.

— Но зачем он вам нужен, черт бы его побрал?!

— Я найду ему применение.

— Какое применение?

В этот момент появился Дзиро Ито в сопровождении вооруженной охраны. Они притащили какого-то человека, которого Ито вытолкнул на середину комнаты.

— Вот этот человек, сэр.

Заключенный дрожал от страха. Кассабиан видел, что он был когда-то высоким и сильным мужчиной. Но теперь, после применения зонда, он сутулился и едва держался на ногах. Жалкий, отталкивающий вид заключенного заставил Кассабиана отвернуться.

— Кто это? — спросил он с отвращением.

— Говори! Назови конгрессмену свое имя! — приказал Ито.

— Три-два-один-четыре-пять-ноль-Ингрaм.

Лаббэк нетерпеливо посмотрел на заключенного, затем его взгляд встретился со взглядом Кассабиана.

— Этот человек будет свидетельствовать о целом ряде преступлений, которые намеревался совершить Эллис Стрейкер. Он информировал нас о том, что Стрейкер имел незаконные связи с космическими пиратами под предводительством Ким Вон Чуна, чтобы вредить кораблям Ямато в Корейской цепи.

Кассабиан снисходительно посмотрел на Лаббэка.

— Очень жаль, Конрой, что до вас не дошел смысл сделок Эллиса с Ким Вон Чуном. Цель их состоит в том, чтобы высадить войско и захватить корейский порт Пусан, как только Харуми начнет вторжение в Американо.

Лаббэк исполнился гнева.

— У него имелись собственные замыслы по поводу внешней политики Американо. Я не мог позволить ему их осуществить!

Ингрaм начал кашлять и отхаркиваться.

— Почему бы вам не отпустить этого Ингрaма? — спросил Кассабиан с отвращением.

— Мы держим его в тюрьме только для того, чтобы сохранить ему жизнь. Но он много знает о преступлениях вашего подзащитного. Ингрaм утверждает, что был свидетелем того, как Стрейкер привез в Американо Ы То Мэна с воззваниями Центральной Власти. Этого одного достаточно, чтобы заморозить Стрейкера как злостного предателя!

— Только дурак отказывается принимать меры предосторожсти,— неожиданно рассердился Кассабиан.— Негодяев можно найти в любой точке Освоенного Космоса. Среди них многие добиваются политической власти, а кое-кому иногда достается блестящий приз. Эллис Стрейкер привез Ы То Мэна в Американо по моему приказу. В этом нет никакого преступного намерения против Президента. Ведь не Эллис же составил воззвания против

Алисы Кэн, а судьи и монахи с Центральной Земли. Я не преследовал никаких антиправительственных целей, распорядившись доставить сюда Ы То Мэна. Я лишь хотел усилить охрану Президента. Я хотел, чтобы тайные сторонники Ямато, которых в Американо множество, обнаружили себя и свою истинную позицию. Я также хотел, чтобы каждому стали ясны реальные намерения Муцухито. Ы со своими связями и опытом великолепно подходил для этой миссии. Эллис Стрейкер — не предатель. Он должен быть освобожден.

Лаббэк незаметно наблюдал за лицом Кассабиана. Деятельность Кассабиана как чрезвычайного посла на Пекине не прекращались почти целый год. Но не наведывался ли он в Американо со времени ареста Стрейкера? Насколько близко был связан Кассабиан с торговой элитой Линкольна? Не обедал ли он с братьями Хавкен, помогая им в их грязных делишках?

Возможно, он убеждал всех в непосредственной выгоде войны с Ямато. Это может быть весомым аргументом, но не раньше, чем через десять лет. Конечно, время еще не пришло. Американо должен сохранить мир, развивать торговлю и военное производство, набирать силы для борьбы с диктатурой императора. Выступить сейчас — наполовину подготовленными — значит обречь себя на поражение с самыми ужасными последствиями.

Обстановка менялась очень медленно. Американо постепенно вставал на ноги, и люди совсем недавно увидели новые горизонты. Пока народ устраивал свою жизнь, кое-кто не ограничивался пределами сектора. Отис Ле Гран обожал вмешиваться в чужие войны, Кассабиан защищал корейцев, проклятый Рамакришна забивал голову Президента фантастическими идеями о расширении границ Американо в неосвоенном космосе. Затем еще Джос Хавкен со своими личными претензиями к Ямато. А теперь этот Стрейкер...

Лаббэк рассвирепел, когда вспомнил о том, как его оскорбили. Он проклял тот день, когда ввел Стрейкера в свой дом. Дерзость этого человека ужасала его. Преступ-

ление за преступлением! Он пришел, чтобы подраться с Райнером. Затем он имел наглость лечь с Ребой и сделать ей ребенка. Внук, зачатый в тюремной камере Лагеря Расплаты. Какой позор!

А что он сотворил с Окубо! Этот сукин сын Стрейкер бесстыдно выманил у посла миллион кредитов и снарядил межпланетный пиратский корабль. На этом корабле его друг-заговорщик Джон Уюку вылетел из Харрисбурга — без паспорта, без разрешения — и теперь мародерствует в Зоне. Стрейкер привез Ы То Мэна и замышлял вторжение в одну из корейских систем. Чего еще ждать от этого человека, если отпустить его в Освоенный Космос?

— Нет! — вскричал Лаббэк.— Я не могу освободить его. Он слишком опасен.

Кассабиан наклонился вперед.

— Вы хотите избавиться от него, не правда ли?

— Я уже от него избавился.

— Но если он поклянется, что никогда больше не увидит вашу дочь и Курта Райнера, если он поклянется не причинять им вреда и ни словом не обмолвится о ребенке?

Лаббэк заколебался. Он ущипнул себя за переносицу и поднял глаза.

— А его можно убедить во всем этом?

— Конечно.

— И можно верить его обещаниям?

— Да.

— Я полагаю, у него всегда есть шанс погибнуть — при катастрофе корабля, будь он проклят!

— Этого я не могу вам обещать.

— Ха!

Лаббэк почти минуту наблюдал за Ингрэмом, который сидел с широко раскрытыми глазами и дрожал. Вице-президент понял, что Кассабиан припер его к стенке, и ему не удастся больше удерживать Стрейкера. Он должен либо отдать его под суд, либо отпустить. Если он освободит Стрейкера, тот будет всю жизнь тайно преследовать Ребу, несмотря на все свои обещания,— в этом Лаббэк был уверен. А за пределами Американо Стрейкер представлял

опасность. «Только святые выбирают между добром и злом,— часто говорил он себе.— А мудрец из двух зол выбирает меньшее. Можно ли доверять Кассабиану? Что ему нужно от Стрейкера? Неужели Фарис не понимает, что, как только Стрейкер окажется на свободе, он отправится на Садо с безумным планом выкупить своего брата?»

С Инграмом случился очередной припадок. Лаббэк указал на него, говоря Ито:

— Дайте ему несколько кредитов и отпустите.

Дзиро Ито выгнал жалкого узника из комнаты, отдав приказ лающим голосом. Дверь захлопнулась, и Лаббэк предложил Кассабиану стакан красного вина, чтобы скрепить сделку. Тот с удовольствием принял предложение.

— И все-таки скажите мне: почему вы защищаете Стрейкера? Я не верю, что он знает о вас что-нибудь лишнее, и вы боитесь разоблачения. И я не верю, что он — новогодний подарок Ле Грану.— Лаббэк тяжело оперся о стол.

Кассабиан сделал осторожный глоток и поднял взгляд на Конроя.

— По крайней мере, ваша семья пополнится первым внуком,— мягко возразил Фарис.— У него обнаружится огромный пси-талант, и когда-нибудь, возможно, он станет Президентом.— Кассабиан с улыбкой посмотрел на Лаббэка.

— Не будем загадывать так далеко, Фарис. Но вы... Что собираетесь делать вы? Может, вы готовите еще один пакт с Китаем, или вас устроит новое восстание?

— Я верен Президенту.

— А завтра?

— Трудно строить планы на далекое будущее. Но у меня есть одна идея,— проговорил Кассабиан глубоким басом, словно гуру в трансе,— это касается Хайнани.

Сражение в Хайнани произошло три месяца назад, и Кассабиан узнал о нем через несколько дней. Согласно донесениям разведки, колоссальный по своей численности флот, состоящий из двухсот семидесяти китайских кораблей под командованием адмирала Лю Тесяня, встре-

тился в системе Чжаньцзян с объединенным войском Ямато, Славянской Федерации и Центральной Земли. Сводный брат японского императора, незаконнорожденный принц Сэкигахава, командовал союзническим флотом. Его поддерживали сотни кораблей с тысячами самураев на борту, которых сопровождали шесть гигантских шарообразных кораблей, на борту каждого из которых находилось по пятьдесят лазерных установок.

Принц Сэкигахава с невероятной свирепостью напал на флот Небесного адмирала. Он знал, что его возможное поражение отдаст китайцам целый квадрант Хайнани. Если погибнет мощный флот Ямато, вдова бросит свои орды против императора. В титаническом сражении китайский адмирал стал первоочередной мишенью. Самураи, словно мотыльки, облепили корпус его корабля. От противопехотного оружия погибли тысячи самураев, но оставшиеся в живых с мезоновыми кинжалами в руках все-таки расчистили себе дорогу. Ярд за ярдом, отсек за отсеком пробивались они в глубь корабля, пока не добрались до капитанского мостика.

Адмирал Лю погиб в рукопашной. Принц Сэкигахава приказал поднять его отрезанную голову перед лучами транслятора. Это картина, переданная по всем китайским мониторам, решила исход битвы. Пятьдесят тысяч человек оказалось в плену. Только сорока китайским кораблям удалось спастись — остальные были уничтожены или захвачены. Рискованное предприятие принца Сэкигахавы увенчалось успехом.

— Хайнань,— повторил Кассабиан.— В этой победе император укрепил свой сектор. Сколько еще пройдет времени, прежде чем вся мощь Ямато обрушится на нас?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

У Ричмондских ворот позади Белого дома послышался шум большого бристольского аэромобиля. Эллис спрыгнул на землю, и служащие Ле Грана проворно подвели его к пропускному пункту. В ночном небе мерцали звезды, но даже в этот поздний час в Белом доме оставалось множество клерков и секретарей. Они с любопытством смотрели на Эллиса и перешептывались за его спиной. Сам Отис Ле Гран провел Стрейкера внутрь.

— Живее, капитан. Нам нельзя терять ни минуты.

— А мое оружие не пропадет у ваших парней?

— Да вы смеетесь. Они бы не позволили вам пронести сюда и перочинного ножа.

Когда они стремительно вошли, охранники — морские пехотинцы —вытянулись по стойке «смирно», а щеголеватые офицеры отдали честь. Многие двери были распахнуты настежь. Длинный, ярко освещенный коридор звенел от чеканных шагов. В некоторых залах был выставлен караул. На потолках висели тяжелые бронзовые люстры, а стены были украшены роскошным орнаментом и старинными картинами в золоченых рамах.

После заключения все это казалось Эллису каким-то сказочным царством. Наконец они подошли к запертой двери. Даже Ле Гран не мог беспрепятственно проникнуть внутрь. Охрана потребовала карточку идентификации и спросила о цели визита. Ле Гран предъявил повестку. Ее забрала машина и проглотила.

— Что теперь? — спросил Эллис, беспокойно переминаясь с ноги на ногу.

— Нужно немного подождать.

— А что будет, когда мы войдем внутрь?

— Я не пойду с вами.

Эллис вдруг разволновался.

— Но... черт, я не могу один...

— Почему?

— Я не знаю, что сказать Президенту.

— Вас сюда вызвали, поэтому делайте то, что от вас требуется. Не беспокойтесь.

— Я слышал, что Президент любит аллегории... Скажите, по крайней мере, что от меня требуется?

— Расслабьтесь немного и будьте вежливы. Называйте ее «мисс Президент». И не высказывайте собственного мнения, пока вас об этом не попросят. Вот и все. Ну разве это сложно?

— Ладно, я пожму ей руку.

— Вы с ума сошли! — ужаснулся Ле Гран.— Это же Президент Американо, не надо бросаться на него, как на синтетического учителя борьбы. Вы вообще не должны прикасаться к Президенту!

Морской пехотинец — офицер, стоявший у дверей, едва сдерживал смех, лицо его налилось краской и приобрело цвет вареной свеклы. Эллис бросил на него испепеляющий взгляд.

— Черт, я ничего не понимаю в здешнем этикете!

— Вы должны пройти вперед,— объяснил Ле Гран,— и ждать как проситель.— Он встал, соединив пятки и сложив за спиной руки. Эллису это совсем не понравилось.— Я знаю,— вкрадчиво проговорил Ле Гран,— это трудно, но будьте почтительны.

Эллис кивнул и хотел еще что-то спросить, но в этот момент двери распахнулись, и его подтолкнули вперед. Президент сидела за длинным столом, окруженная помощницами, слева от нее находился Лаббэк, а справа — Кассабиан.

Тридцать пар глаз следили за Эллисом. Он приблизился, почтительно склонил голову и услышал ее голос — ледяной, суровый и пугающий:

— Так! Это и есть тот самый человек с безрассудными планами? Никогда бы не подумала, что он провел несколько месяцев в Лагере Расплаты, а, мистер Кассабиан?

На лице Конроя появилась натянутая улыбка. Эллис весь сжался от напряжения.

— Он не преступник,— попытался замолвить слово Кассабиан,— но обстоятельства загнали его в тупик, мисс Президент.

Алиса Кэн пристально посмотрела на Эллиса, фыркнула и повернулась к Кассабиану.

— Не удивлюсь, если узнаю, что его схватили за участие в ваших интригах. И вы хотите, чтобы я его отпустила?

Она вновь внимательно посмотрела на Эллиса. Этот взгляд, казалось, пронизывал его насквозь, и он испытывал невыносимое напряжение. «Что сказать? — терялся в догадках Стрейкер.— Я не знаю никаких политических аллегорий. Ну что бы мне у нее попросить? Разрешения устроить засаду на корабли соседней державы? А что? Дайте мне право мародерствовать в чужой империи на свой страх и риск. Позвольте мне выйти за пределы вашей юрисдикции. И хотя я только что вышел из тюрьмы, я заслуживаю полного доверия...»

— Чего вы хотите, капитан?

У него пересохло во рту, словно туда насыпали песка.

— Три вещи, мисс Президент.

— Всего лишь три?

— Я бы не хотел выбирать между ними.

— Говорите.

— Во-первых, я бы хотел, чтобы мне вернули назад мой корабль.

Лаббэк наклонился и прошептал ей что-то на ухо.

— Ваш корабль?

— Мне пообещал его Джос Хавкен. Быть может, вам известно это имя.

— Корабль называется «Конституция»?

Эллис судорожно сглотнул — нервы его были уже на пределе.

— Командор Хавкен предназначал его для моих, как вы изволили сказать, безрассудных планов, о которых я размышлял в Лагере Расплаты.

Алиса яростно сверкнула глазами.

— Ваше второе желание?

— Всего лишь большая взлетная площадка. Она должна быть очень большой, иначе мой корабль не сможет подняться.

Президент раздраженно поджала губы.

— У вашего друга, капитана Уюку, не возникло подобных трудностей. Он даже не стал дожидаться выдачи паспорта.

Эллис слегка поклонился.

— Да. Джон славный малый. Мы с ним очень похожи. Только он иногда сбивается с пути.

— Он преступник!

Алиса резко встала, коснувшись руки Лаббэка, и заговорщически переглянулась с ним. Она направилась в центр кабинета. Эллис видел только блеск ее платья при ярком свете. Она подошла совсем близко.

— А если я выполню эти две просьбы, какая будет третья?

Он растерялся.

— Мисс Президент... я...

— Подойдите сюда, к окну.

Эллис неловко последовал за ней. Теперь они были далеко от помощниц, Лаббэка и Кассабиана. Стрейкер держал язык за зубами. Он вспомнил совет Ле Грана о том, что должен ждать, пока она не заговорит первой после любой паузы. Он видел, что она задумалась.

— Знаете,— наконец проговорила она,— мое самое первое детское воспоминание — это бездонная мгла ночного неба и смотрящие на меня звезды. Но мне не посчастливилось много путешествовать. Я даже ни разу не была за пределами нашего сектора. Расскажите мне о Нейтральной Зоне.

Эллис попытался вспомнить какую-нибудь интересную историю, но, как назло, все вылетело из головы. В этот момент он почему-то вспомнил о ланче и пожалел, что так ничего и не успел перехватить. «А может, сболтнуть ей третью просьбу? Но как я могу просить у Президента, чтобы она защитила Ребу от Курта Райнера? А, пропади все пропадом...»

— Я полагаю... полагаю, что мог бы описать вам психторм.

Алиса посмотрела на него с упреком.

— Я не хочу ничего об этом знать, капитан. Я хочу узнать что-нибудь существенное о Нейтральной Зоне. Быстро, сейчас...

Сидя за столом, Кассабиан с тревогой наблюдал за Эллисом. Он видел, как тот краснел от замешательства, неуклюже топтался на месте, засовывая руки в карманы, не зная, куда их деть. «Какая нелепость! — подумал Фарис.— Я описал его как смелого, одаренного человека, лидера, способного командовать другими и вдохновлять их. Но он едва владеет собой. Проклятье! Наверняка он изъясняется аллегориями. Ох уж эти стереотипы! Хотел бы я услышать, что он ей там говорит».

Тут Кассабиан заметил, что смущение Эллиса незаметно испарилось. Он начал жестикулировать, что-то с жаром рассказывая Президенту.

— Мисс Президент, Нейтральная Зона — это нечто большее, чем просто буфер между двумя культурами в Освоенном Космосе. Это безбрежный океан, и его не переплывешь на стареньком кораблике. В этом океане все люди должны перемещаться свободно и торговать там, где им нравится. Без этой возможности не может быть свободы, и без этой гарантии Американо не встать с колен, не использовать во всей полноте его знаменитые конституционные права, которые мы всегда превозносили...

Алиса смягчилась и стала слушать внимательно. Потом она даже вынула из волос заколку и со смехом отдала ему. Они говорили больше десяти минут. К концу беседы в ее голосе уже слышалась нежность.

Эллис не помнил, как вышел из кабинета. В коридоре его догнал Кассабиан.

— О чем вы беседовали?

Стрейкер почесал в затылке и с подозрением взглянул на Кассабиана.

— Она попросила рассказать о Нейтральной Зоне.

— Ну и?

— Я рассказал, что мог.

— А третья просьба?

— Я попросил разрешения взять на борт корабля ее заколку, как напоминание о моем долге.

— И она согласилась?

Эллис показал серебряную заколку. Кассабиан с облегчением вздохнул. Они подошли к большому залу, где висели картины маслом с изображением охотничьих сцен. Длинные столы были накрыты для банкета. Эллис прибавил шагу, направляясь к выходу.

— Как вам удалось ее рассмешить? — бросил вдогонку Фарис.

— Это касается только нас.

Стрейкер вышел из Белого дома на лужайку. Личный пилот Ле Грана распахнул дверцы аэромобиля, похожие на крылья чайки. Отис предоставил в распоряжение Эллиса своего «бристольца», чтобы тот успел долететь до Харрисбурга, прежде чем Президент изменит решение. Эллис глубоко вздохнул. «Весенняя ночь! Воздух полон обещаний. Дорога в Зону наконец открыта».

— Знаете, сэр, для настоящего дела нет ничего лучше быстроходной английской машины,— проговорил пилот.

Кассабиан догнал Стрейкера еще раз — подъехал, чтобы пожать руку.

— Бог в помощь, Эллис.

— Благодарю за напутствие, мистер Кассабиан. И за все прочее...

— Но о чем вы так увлеченно рассказывали Президенту?

Эллис изобразил глупую улыбку.

— О космических китах.

Кассабиан озадаченно посмотрел на него.

— Да, я рассказал о них все, что помнил.

Эллис хлопнул дверцей. Кассабиан смотрел, как аэромобиль медленно выезжает за Ричмондские ворота, минуя контрольный пункт, набирает скорость и плавно взмывает к воздушным трассам. Наконец-то задуманная им операция с участием Эллиса началась.

ИГРА В СОЛДАТИКИ,
или
ИСПОВЕДЬ МЕЖДУМИ́РКА

Когда бы в жизни
Ни с кем мы не сходились,
Тогда бы, верно,
Мы ненависти к людям,
Как и к себе, не знали.

Асатада

I

Оставим в стороне классический вопрос, что было раньше — курица или яйцо, сотворен ли человек по образу и подобию Божию, или же прав великий теолог и естествоиспытатель Тейяр де Шарден, и смысл существования человечества в его богосозидающей сущности. В любом случае приходится признать, что во всяком из нас таится неистребимая и неиссякаемая потребность ощущать себя демиургом — сотворять миры, отделять тверди от хлябей, и населять эти пространства тварями живыми. Просто в одних потребность эта пассивна, латентна, тогда как в других — нескрываема и активна. Ведь если бы дело обстояло иначе, то вовек не возникло бы такое явление, как художественная литература вообще, а следовательно и фантастика, поелику первые являют собой премногообильное племя читателей, а вторые — куда более скромную, но в сущности тоже намного превосходящую численностью все воинства Александра Македонского и Тамерлана орду пишущей братии.

Фантастику в предыдущей фразе я помянул отнюдь не всуе, не потому лишь, что именно с нею, досточтимый читатель, сейчас вы только что имели дело. Суть в том, что изо всех жанров и видов литературы она наиболее амбициозна по части миротворения. Ей нужны вселенские масштаб и размах. Создавать — так не «Сагу о Форсайтах», а саги «Основания» или «Дарковера»; прослеживать не историю человека либо семьи, но судьбы цивилизаций. Путь, замечу, равно чреватый как обретениями, так и потерями. Впрочем, и о тех, и о других речь впереди. Главное — мы неизбежно коснулись одно-

го из самых излюбленных фантастами последнего столетия материала — к времени; ткани истории.

Конечно, попытки прозреть грядущее предпринимались и раньше. Движимые одновременно бескорыстным интересом в духе асеевского: «А интересно, черт возьми, что будет после нас с людьми,» и стремлением выплеснуть на бумагу собственные страхи или грезы об идеале, писатели издавна кассандрствовали с большим или меньшим успехом. Чаще, правда, с меньшим. Причем не столь важно, как далеко пытались они заглянуть в будущее — на века или на какой-нибудь скромный десяток лет. И даже мера авторского дарования не имела тут особого значения — фиаско равно подстерегало лилипутов и великанов литературного мира. Куда большую роль играли предрассудки и предпочтения эпохи.

Накануне Второй мировой войны почти одновременно появились три книги. Автор одной из них, американец, укрывшийся под явным псевдонимом «капитан Смит», в повести «Бой на тридцатой параллели» рисовал впечатляющую картину молниеносного разгрома японского флота, дерзнувшего бросить вызов мощи Америки. Какое там Черное воскресенье Пёрл-Харбора, какой там бой у Мидуэя! Авианосцы и линкоры Страны Восходящего Солнца кеглями вылетали со страниц книги прямехонько на свалку истории. А во Франции в это самое время отставной полковник опубликовал сочинение (и с точки зрения чисто литературной весьма неплохое — о том, как боши расшибли лбы о неприступные укрепления линии Мажино. Ему, бедолаге, и в кошмарном сне не могло пригрезиться, что могучие сии фортификации можно вовсе не штурмовать, а преспокойно обойти, двинув армии через территории сопредельных государств...

И, наконец, приснопамятный «Первый удар» нашего соотечественника Николая Шпанова. На второй день войны доблестные советские войска уже вовсю маршируют по территории Германии, их встречают ликующие толпы немецких рабочих и крестьян, а в небе гордо реют и безраздельно царят славные сталинские соколы... Выпущенную в серии «Библиотечка командира», книгу эту в сорок первом срочно изымали и уничтожали. Немудрено. Но ведь — смотрите-ка! — сколь дружно наши герои, не сговариваясь, поддались шапкозакидательскому соблазну. За этим прослеживается нечто большее, нежели случайное схождение во времени и пространстве троицы Храбрых портняжек. Общая близорукость. И то сказать, кто из фантастов предрек, например, падение Железного занавеса и Берлинской стены? Ведь и вопрос о том, просуществует ли СССР до оруэлловского 1984 года, не фантаст поставил, заметим, а политолог-диссидент Амальрик...

Печальный опыт не пропал втуне. Линейный или проективный прогноз — метод весьма ненадежный, и шансов на удачу сулит даже меньше, чем волюнтаристское отнесение в грядущее нынешних стра-

хов или млечных рек в кисельных берегах. Однако время и история — материи чрезвычайно пластичные. И потому располагают отнюдь не только к сивиллиным трудам, но и к более сложным экспериментам. В том числе, и к историософским мудрствованиям самого разного толка.

Например, к сотворению не просто неких будущих событий, но развернутой истории небылого. За примерами далеко ходить не надо — вряд ли среди любителей фантастики сыщется кто-нибудь, не читавший азимовского «Основания». Тем более, что впоследствии Айзек Азимов умудрился объединить практически все, им написанное,— за исключением некоторой части многочисленных рассказов,— в единую грандиозную панораму, мозаичную, разумеется, но все-таки достаточно связную и логичную. (Кстати, иные критики готовы усмотреть в «Гневе небес» Кена Като едва ли не современное «Основание» — точка зрения более чем спорная, однако не упомянуть о ней все-таки грешно).

Но вот что особенно интересно: вся азимовская историософская концепция зиждется — как мир на трех китах — на трех томах написанной полтора века назад «Истории упадка и крушения Римской империи» Эдуарда Гиббона. То бишь новые и новые циклы будущего создаются по образу и подобию минувшего, порождая уходящую в туманную перспективу тысячелетий бесконечную спираль.

Подобные фантастические построения, само собой, намного интереснее писаний линейных кассандр. За ними всегда присутствует некая зрелая мысль и глубина. Обилие же разного рода и разной степени спекулятивности историософских концепций способно снабдить всех желающих более чем достаточным ассортиментом строительного материала для возведения голубых городов на любой вкус. Мне, например, чрезвычайно любопытно, когда кто-нибудь из отечественных писателей-фантастов примется засевать ниву, возделанную Львом Гумилевым — вот уж где урожай можно снимать сам-сто! Впрочем, это так, а propos...

Ну, а самый лакомый пирог, рецепт коего родился в воображении Марка Твена сто с лишним лет тому назад, это, разумеется, пересотворение истории или, как теперь принято говорить, создание истории альтернативной. Кто только из фантастов не воздавал должного этому изысканному яству — даже примеры приводить представляется напрасной тратой времени. Заново и с любым заранее заданным исходом переигрываются любые войны — от походов Александра до обеих Мировых. Восходят на престол и берут в руки бразды правления неуспешливые в реальном прошлом претенденты, чтобы недрогнувшею рукой вести свои царства-государства к новым лучезарным свершениям... И хотя роман Кена Като непосредственно к области альтернативной истории не относится, зато сознание

автора полно ею, на ней воспитано, и не ощутить этого при чтении, по-моему, никак нельзя.

Впрочем, я вообще не уверен, стоит ли рассматривать «Гнев небес» в качестве очередной эпопеи послезавтрашних дней. Скорее, на мой взгляд, роман успешно маскируется под сочинение такого рода, являясь на самом деле...

Однако, давайте по порядку.

II

Без особого труда могу вообразить тех, кто усмотрит в романе Кена Като очередную вариацию на тему звездных войн. Что ж, в какой-то мере так оно и есть. Так оно и было, насколько я могу судить, задумано автором. Во-первых, для кого-то именно такого рода чтение и есть сладчайшая манна небесная — так нате вам. Во-вторых, матрешечной множественности одеяний в наши дни прямотаки требует от романа хороший тон. И, следовательно, почему бы верхнему из них не оказаться именно таким?

В общем-то, принципиального значения сие не имеет. Как не имеет смысла нам с вами останавливаться сейчас на этом уровне «Гнева небес» — тут ведь все и без слов ясно, а рассуждать о хитросплетениях фабульных ходов каждый читатель и сам может. И потому, давайте посмотрим, что кроется дальше — под расписанным пятнами камуфляжа космическим кимоно.

История будущего? Что ж, попробуем разобраться, причем, смею заметить, задачу нам предстоит решить не ахти как сложную. Ведь даже не слишком пристальному взгляду вскоре со всей очевидностью становится ясно: изображаемое Кеном Като грядущее — вовсе не попытка реального (даже линейного) прогноза. И, разумеется, упомянутая мною выше параллель с азимовским «Основанием» в принципе неправомочна. Ведь Като даже не пытался воздвигать собственное мироздание на какой-либо историософской концепции. Его мир — просто-напросто игра. Да, некоторые исторические прецеденты за нею прослеживаются. Например, если однажды папа римский поделил все неоткрытые земли нашей планеты между Испанией и Португалией, почему бы не подвергнуть подобному же — только более справедливому — разделу и космос?

А вот Нейтральная зона в нем — уже целиком и полностью от игры, она, собственно и есть главное игровое пространство. Но что в том худого? Разве шахматы теряют в привлекательности от того, что в реальной жизни боевые слоны не ходят исключительно по диагонали, а кавалеристы не выписывают на поле боя Г-образных па? Да и художественной литературе игра даже куда более откровенная не в диковинку. Вспомните: карточная партия лежит в основе одной

из повестей Льюиса Кэрролла об Алисе, шахматные — второй, или, например, «Кварталов шахматного города» Джона Браннера; это не говоря уже о «Многоруком боге далайна» Святослава Логинова, построенном на собственного изобретения и производства игре... Так отчего бы Кену Като не сыграть то ли в солдатики, то ли в «морской бой»?

Нет, и грядущие века, и галактические пространства в романе, конечно же, являют собой условность чистейшей воды. Но зато следующий пласт уже побуждает к разговору всерьез, ибо открывает проблемы в высшей степени значительные и значимые.

И, пожалуй, первая из них — проблема самоидентификации личности. Несколько лет тому назад по инициативе то ли ЮНЕСКО, то ли какой-то другой международной организации проведилось достаточно репрезентативное исследование, в ходе которого предлагалось многоступенчато ответить на один-единственнный вопрос: «Кто ты есть?» Увы, лишь один-два опрошенных из тысячи начинали со слов: «Я — человек»; похоже, идея подобного рода общности в нашем сознании, отнюдь не укоренена. Более того, даже такие самоопределения, как «я — мужчина» или «я — женщина», «я — отец» или «я — мать» отступали куда-то на четвертое, пятое и куда более далекие места. А на первых трех уверенно стояли самоопределения по национальной и религиозной принадлежности, а также профессиональному признаку. Да, конечно, они и впрямь уходят в самые первобытные пласты нашей психики. Самые древние, но в то же время и самые примитивные. И, как выяснилось, самые живучие. А ведь именно из них вырастает всякого рода шовинизм — не случайно на языках столь многих народов их самоназвание означало «настоящие люди» (подразумевая при этом, что все остальные — ненастоящие); не случайно приверженцы столь многих религий почитали себя правоверными, разумея при том, что все остальные верят неправо...

Не берусь сказать, осознанно ли писал он об этом или получилось оно невольно, само собой, но не галактические просторы и дали грядущего раскрываются в «Гневе небес», а пространства души самого Кена Като. О нем вообще практически ничего не известно, недавно вышедший на литературную арену писатель еще не успел попасть в доступные нам солидные справочники и энциклопедии.

Он — автор двух романов, в том числе и того, который вы только что прочли. И еще — американец японского происхождения. Чуть-чуть было не написал: «...как легко можно понять из текста,» — но вовремя осекся. Текст об этом как раз ничего не говорит. С неменьшими основаниями можно искать японские корни, скажем у Питера Альбано, творца многотомной эпопеи о «Седьмом авианосце», или Эрика ван Ластбадера, автора «Ниндзи» и целой серии подобных романов. О том, насколько проблема национальной самоидентифика-

ции важна для Кена Като, говорит не столько текст романа, сколько его подтекст.

Долгое время Америка жила мифом «плавильного котла». Возьмите англосакса или поляка, китайца или португальца, киньте их в американский тигель, и вскорости оттуда выпрыгнет, как из тагана с молодильным варевом в ершовском «Коньке-Горбунке», этакий юный и прекрасный стопроцентный американец. Увы, на поверку все оказалось совсем не так просто. Землячества — от достаточно аморфных, вроде ирландского, до живущих по собственным законам «чайна-таунов» — оказались до чрезвычайности живучи. И совсем не случайно даже мафии объединяются, как правило, по национальному признаку — сколько об этом понаписано книг, сколько поставлено фильмов...

Нынешняя эпоха мультикультурализма внесла в души еще больше смятения, поскольку, выдвигая тезис о возвращении к корням и сохранении традиционных культурных ценностей, она одновременно способствует помещению этих ценностей именно на первое, а не на какое-нибудь иное место.

А тогда — в полном соответствии с логикою Николая Алексеевича Некрасова — печной горшок, вылепленный в своей деревне, воистину становится превыше Аполлона Бельведерского. А что уж говорить о том случае, когда сталкиваются две мощных культурных традиции?

Вообще, надо сказать, японо-американские взаимоотношения отличаются большой неоднозначностью, и началось это задолго до Пёрл-Харбора и Хиросимы — со статридцатилетней давности визита эскадры коммодора Мэтью Калбрайта Перри. Стволами главного калибра этот бравый моряк (и, судя по всему, отменный дипломат) вскрыл герметически замкнутую Страну Восходящего Солнца периода Токугава, вызвав к жизни совершенно иную страну — Японию эпохи Мэйдзи. Раздираемое бесконечными феодальными усобицами государство в считанные десятилетия превратилась в одно из высокоразвитых, что обернулось для нас горькой пилюлей Русско-японской войны. Благо? Несомненно.

Но вынужденно, под угрозой, принять даже самые благие дары — не значит ли потерять лицо? И не случайно ведшие переговоры с коммодором Перри высокопоставленные японские сановники совершили впоследствии ритуальное самоубийство, обряд сеппуку. И трагедия Пёрл-Харбора вызвана была не только рациональными геополитическими расчетами Это было еще и запоздавшее на семь десятилетий «спасибо» эскадре коммодора Перри. «Спасибо», сказанное лётчиками и моряками, многие из которых — если не большинство — учились в той же самой Америке.

И сегодня, когда воюют не «летающие крепости» и «зеро», а курсы валют и учетные ставки, в подтексте японо-американского

экономического соперничества опять-таки лежат не одни только прагматичные промышленные или коммерческие интересы. Связывающая эти народы давняя любовь-ненависть куда как глубже этих поверхностных проявлений.

Вот она-то и воюет на галактических фронтах романа и в душе его автора. И это подлинная «война миров», столь излюбленная фантастикой с Уэллсовых времен.

III

Когда-то добрый мой приятель, отменный петербургский писатель-фантаст и ученый-востоковед Вячеслав Рыбаков примерно так объяснял мне свое решение поступить на Восточный факультет Ленинградского университета. Что там Марс, что туманность Андромеды? Вот тут, на Земле, под боком — Китай, Япония... Иные цивилизации, иные психологии, иные традиции, иные культуры, иные миры. Да такие, что далеко не всякому фантасту (если вообще какому-нибудь) придумать под силу. Сдается мне, тогда, в юности, Рыбаков и сам не понимал, насколько был прав. Впрочем, я весьма далек от мысли предлагать вашему — пусть даже в высшей степени благожелательному — вниманию культурологическую монографию. И за рамки нашего разговора слишком уж далеко это выходит, и тема по сути неисчерпаема, да и я отнюдь не профессионал-востоковед.

Приведу всего один пример, моему писательскому естеству наиболее близкий. «Гневу небес» предпослан эпиграф, традиционное японское трехстишие хокку (или, иначе, хайку) классика классика XVII века Мацуо Басё. В каноническом переводе В. Марковой оно выглядит чуть иначе:

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

Правда, в обоих переводах слоговая схема хокку нарушена — в первой и третьей строках должно быть по пять слогов, а во второй семь. Но так или иначе, а нашему сознанию непросто увидеть в этой миниатюре стихотворение — настолько она сжата, емка и ассоциативна. А если добавить к этому, что восприятие стиха (а порой — даже его смысл) зависит не только от самого текста, но и того, в какой каллиграфической манере текст положен на бумагу? Что воспринимать его, необходимо не только как текст, но и как графику? Такие фокусы нашему пониманию, попросту неподвластны.

Справедливо это и по отношению к прозе. «Прозаическое произведение XI века «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»), почи-

тающееся некоторыми первым романом в истории мировой литературы,— пишет американский японист Х. Байрон Иэрхарт,— представляет собой искусно созданную художественную хронику жизни и любовных похождений знати при императорском дворе.

В этом романе одинаково важное значение для передачи тонких любовных переживаний имели как бумага, на которой он был написан, так и аромат духов, источаемый каждой страницей. Подобные эстетические нюансы сохраняют значение и до сих пор». Не знаю, как в ваших головах, но в моей все это практически не укладывается; то есть умом я могу понять саму возможность подобного, но *представить* себе, но *почувствовать*, но *проникнуться*...

И посему углубляться в тончайшие материи такого рода я ни в коем случае не рискну и только позволю себе остановиться — да и то самым беглым образом — на одном сопоставлении (или — противопоставлении?).

Америку европейская мысль наделила идеалами свободы и равенства — свободный человек на свободной земле. Да, человек вечно пребывает во множестве взаимосвязей с окружающим миром — с другими людьми, с обществом, с Богом, наконец. И тем не менее, он самодостаточен. Он волен строить все эти связи так, как ему заблагорассудится (не забывая, правда, что эти люди, общество и Бог, в свою очередь, вправе относиться к нему всяк на свой манер). И хотя свобода его отнюдь не безгранична, а — в полном соответствии с максимой Спинозы — заканчивается там, где начинается свобода другого, явная расплывчатость этой границы предоставляет обширнейшее пространство для маневра.

Японцы существуют на противоположном полюсе, полюса же, как известно, могут перемещаться, но не относительно друг друга. «Быть японцем,— пишет тот же Х. Байрон Иэрхарт,— означает нечто большее, чем родиться в японской семье и усвоить японские обычаи. Это также означает стать частью системы родовых кланов. В отличие от жителей западных стран, например, американцев, обладающих повышенным чувством собственной индивидуальности, каждый японец привык рассматривать свое поведение с точки зрения принадлежности к определенной семье и прежде всего считать себя ее членом, а не отдельным индивидуумом.

Обобщенно говоря, в японском обществе существует гораздо более сильное чувство принадлежности к социальной группе, чем на Западе, будь это семья, университетский или рабочий коллектив. И это чувство является не просто абстрактной идеей, а поддерживается целым комплексом особых взаимоотношений, основанных на почтительности детей к своим родителям, уважении студентов к своему преподавателю (сохраняемом надолго после окончания курса обучения) и на товарищеском отношении к своим коллегам». Причем связи эти небывало — для нашего восприятия — тесны и налагают

на каждую сторону целую систему обязательств, неисполнение которых попросту немыслимо, если вызвано причинами сугубо объективными, все равно означает неизбежную потерю лица и по сути гражданскую и психологическую смерть.

Какая из этих систем несет в себе больше блага для человека? Кто ответит на этот вопрос? Он столь же неразрешим, как горестное библейское: «Что есть Истина?» И дело даже не в том, что всякому кулику свое болото роднее и привычнее. Нам-то, обитающим меж Западом и Востоком, в массе своей равно чужды и американский гипериндивидуализм, и японский суперколлективизм, с точки зрения которого даже пресловутые российские общинность да соборность представляются чем-то запредельно разреженным и хаотическим. Хотя, если вдуматься, за японским образом жизни и мировосприятия в большей мере стоит грядущее.

Конечно, лишь в том случае, если сохранятся существующие тенденции; не снизится рождаемость, не упадет, таким образом, демографическое давление. Ведь американскую — и, шире, западную — ментальность далеко не в последнюю очередь породили пресловутые бескрайние просторы, где от свободы одного до свободы другого и впрямь дотянуться — особенно поначалу — было весьма непросто. Японское же сознание взросло на островах, общая площадь которых в двадцать пять раз меньше территории США, тогда как население уступает американскому всего лишь вдвое. А это как раз то, что ожидает человечество в будущем — ограниченность пространства, оскудение ресурсов, сверхплотность населения. Конечно, это всего лишь линейный, проективный прогноз, а я уже говорил вначале, что они всегда весьма рискованны.

Однако если существующие тенденции радикальнейшим образом не изменятся и если — как в романе Кена Като — человечество не выплеснется (что, прямо скажем, весьма сомнительно) в космические дали, то в каком-то смысле всем нам — то бишь потомкам нашим — предстоит в полной мере ояпониться. Впрочем, все это, разумеется, лишь милые сердцу всякого фантаста умозрительные спекуляции. Продолжая же разговор о двух системах, приходится признать, что всеобщего счастья и во человецех благорастворения не смогла подарить ни та, ни другая.

И потому в каждой из стран не могли не появиться люди, которых противоположная система властно влекла обещанием неизведанных благ, хотя явление это характернее для более молодой американской культуры, да и то проявилось оно лишь в последние полвека — довоенному Роберту Хайнлайну, например, в его «Шестой колонне» подобное и пригрезиться не могло.

Но сегодня уже можно говорить о явном, как и положено по законам физики, взаимопритяжении полюсов, разве что несколько — вопреки этим самым законам — асимметричном. Причем при-

тяжение это обретает силу и остроту едва ли не сексуального влечения. По крайней мере, судя по художественной литературе, включая и только что прочитанный вами роман. И дело не только в описанной там судьбе Дюваля—Дзинана, конечно; гораздо интереснее и важнее то, что стоит за нею, то, что происходит в душе и сознании самого писателя.

IV

Возможно, в сознании — или предощущении — будущей тотальной японизации сознания, многие писатели проявили немалый интерес к подобной ульевой психологии. Один только блестящий роман Фрэнка Герберта «Улей Хёллстрома» чего стоит. А ведь подобных произведений за последнюю четверть века появились многие десятки. Причем не только в США — эту же проблему взялся, например, разрабатывать в своем последнем и, увы, незаконченном романе прекрасный петербургский писатель Александр Щербаков. Но все-таки для Кена Като она явно имеет не академический, а глубоко личный, интимный характер.

Не знаю, сознательно или подсознательно (полагаю, все-таки второе), но собственное ощущение «расщепленного корнеплода», как образно определил некогда Арнольд Цвейг, Кен Като распространил и на весь сотворенный мир. что такое проекция на космические бездны политической карты земного шара, как не метафора все той же расщепленности бытия? Самая условная, самая игровая деталь «мироздания по Като», и в то же время едва ли не самый убедительный художественный образ романа. Возможно, потому, что за нею — боль души, пытающейся постичь, кто и что она есть.

Именно по этой причине фабулярно «Гнев небес» по сути кончается ничем. Неопределенностью. В которой прочитывается не только традиционный для литературы открытый финал — хотя и этому, конечно, есть место. Открытый финал — особенно в западных условиях книгоиздания — прием чрезвычайно удобный и перспективный: в случае коммерческого успеха книги он позволяет без малейших хлопот писать сколько угодно продолжений, не раздумывая, а к чему бы тут прицепиться, когда все уже сказано и завершено. Конечно же, думал — не мог не думать — об этом Кен Като. Но это внешняя сторона дела. А существует еще и внутренняя, психологическая. Ведь вопрос: «Кто я?» — так и остался без ответа. И то, и это. Не новая сущность, выскочившая из плавильного котла, но брюсовский междумирок.

Японский путь для него уже неприемлем — это явствует хотя бы из того, как обыгрывает в романе Кен Като само по себе понятие «священного Пути». Ведь в действительности «священный Путь» —

это уникальный, сотканный из каким-то невероятным образом примиренных противоречий синтез в единой доктрине множества самостоятельных религиозных традиций, главные из которых синтоизм и буддизм. И казалось бы, ничто в этой доктрине не позволяет превратить ее в некий жуткий гибрид Святейшей инквизиции, гестапо и ГПУ.

Однако воображение Кена Като превозмогло и эту неразрешимую задачу. Ибо им двигала энергия отторжения, способная созидать «страшилки» из любого, даже абсолютно непригодного материала — феномен, психологам прекрасно известный.

Однако и Великая американская мечта оказалась Кену Като не сродни, не случайно космическое развитие Сектора Американа превращает галактическую проекцию страны в государство тоже достаточно неприглядное, чтобы не сказать дистопическое.

Воистину, «чума на оба ваши дома!» Но именно благодаря этой запутанности душевных противоречий, именно благодаря явственно ощущающемуся поиску «Гнев небес» читается с увлечением, в нем ощущается подлинная жизнь — невзирая на откровенную игру в солдатики и достаточно картонный фантастический антураж.

И, возможно, именно в отсутствии безоглядного приятия и есть символ надежды? Ведь только самоидентификация с какими-то «настоящими людьми», доходящая до полного саморастворения в социуме, и приводит к восприятию всех остальных, к своей орде не принадлежащих, людьми ненастоящими. Возможно, именно из расщепленности сознания со временем вырастет подлинный мультикультурализм — не тот, что печной горшок превыше Аполлона ставить заставляет, а тот, который признает за всем право на существование по собственным, имманентным законам.

Возможно, именно из неспособности примкнуть к тем или этим и выкристаллизуется со временем та сущность, которая на вопрос: «Кто ты есть?» — первым поставит ответ: «я — человек», уже потом, поступенчато приводя все последующие определения, коим честь и место, но — не первое. Никогда не первое, ибо для подобного мировосприятия уже действительно не будет, как мечталось некогда, «ни эллина, ни иудея».

Как знать?

Но мне, грешным делом, хочется в это верить.

А вам?

Андрей БАЛАБУХА

СОДЕРЖАНИЕ

Действующие лица 5
Пролог 7

ЯМАТО. Книга I

СФЕРА ПРОЦВЕТАНИЯ

Глава первая 13
Глава вторая 22
Глава третья 38
Глава четвертая 44
Глава пятая 50
Глава шестая 57
Глава седьмая 61
Глава восьмая 67
Глава девятая 76
Глава десятая 88
Глава одиннадцатая 93
Глава двенадцатая 103
Глава тринадцатая 116
Глава четырнадцатая 126

ЯМАТО. Книга II

САДО

Глава первая 149
Глава вторая 177
Глава третья 191
Глава четвертая 203
Глава пятая 208
Глава шеетая 215
Глава седьмая 229
Глава восьмая 236
Глава девятая 247
Глава десятая 272
Глава одиннадцатая 278
Глава двенадцатая 288
Глава тринадцатая 293

Глава четырнадцатая 311
Глава пятнадцатая 316
Глава шестнадцатая 323
Глава семнадцатая 334
Глава восемнадцатая 341
Глава девятнадцатая 347
Глава двадцатая 353
Глава двадцать первая 364
Глава двадцать вторая 375
Глава двадцать третья 384
Глава двадцать четвертая 397
Глава двадцать пятая 402
Глава двадцать шестая 413

А. Балабуха. «Игра в солдатики, или Исповедь междумирка» 419

Литературно-художественное издание

Като Кен

ГНЕВ НЕБЕС

(ЯМАТО. Книги I, II)

Перевод с английского:

Лариса Ордановская, Андрей Владимиров

Ответственный редактор *Игорь Петрушкин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Обложка *Сергей Шикин*
Художник *Кирилл Рожков*
Верстка *Посадова Елена*
Технический редактор *Елена Шараева*
Корректор *Вера Зуева*

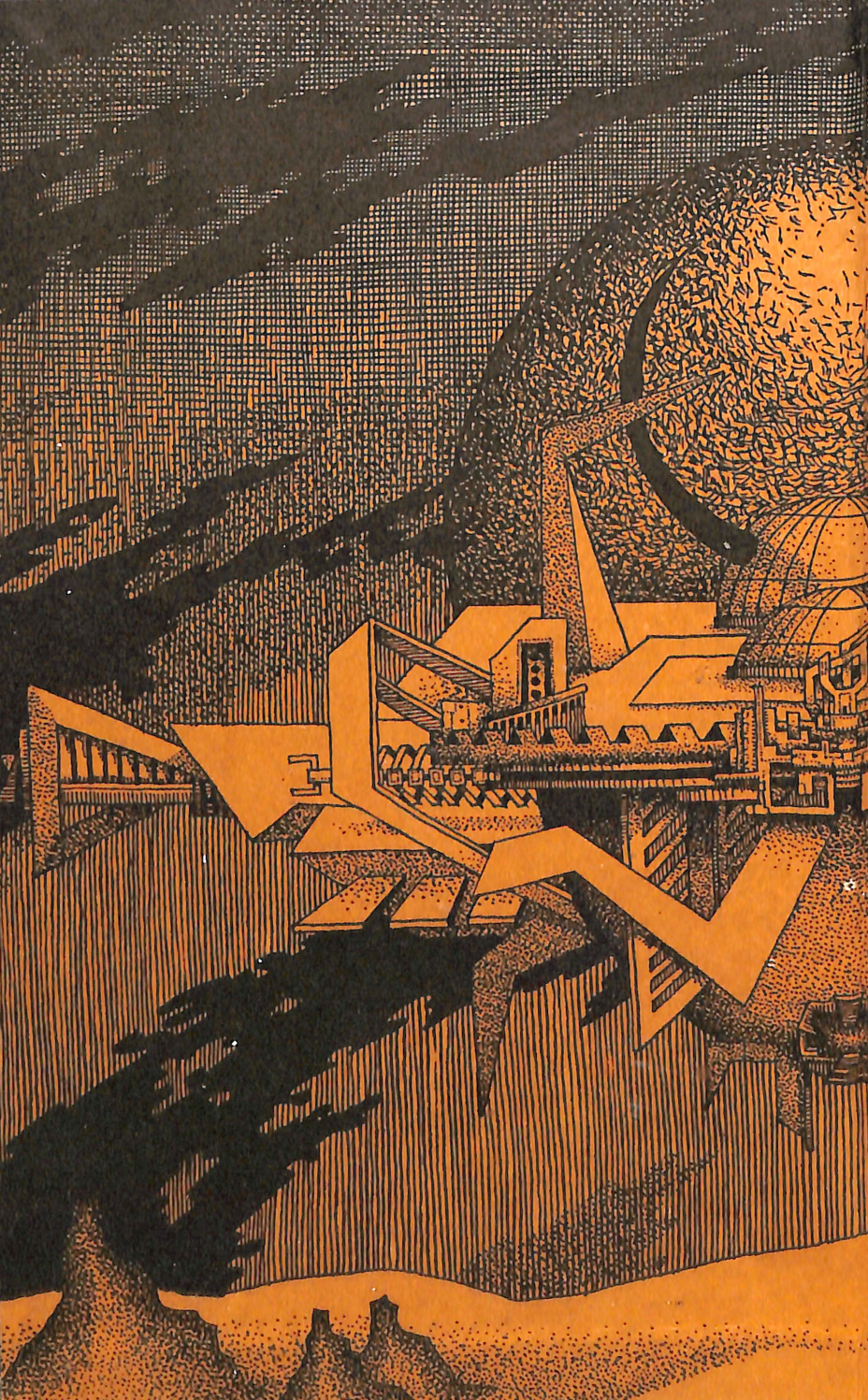
Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.06.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.
Тираж 11 000 экз. Заказ 1310.

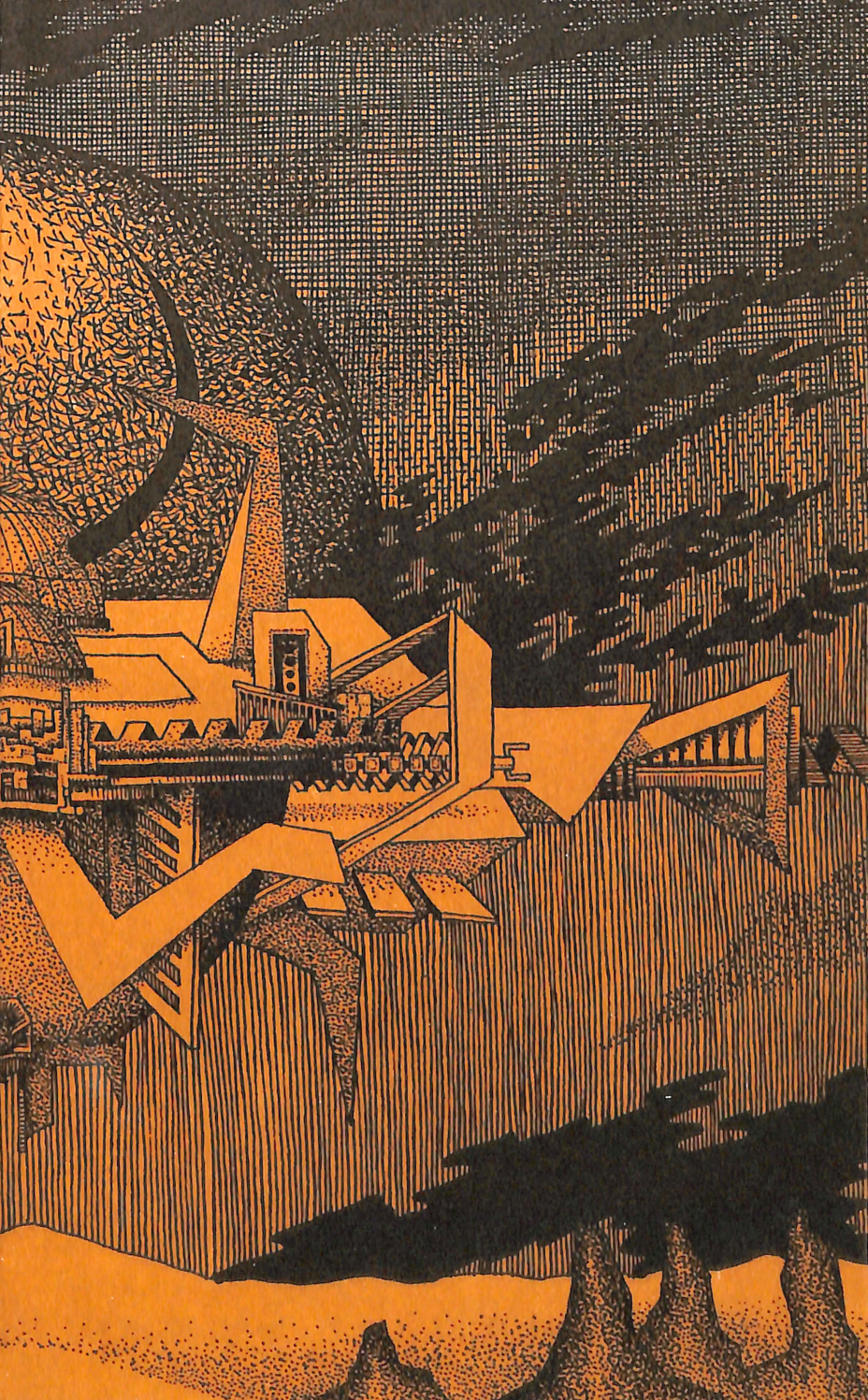
Издательство "Северо-Запад".
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО "Харвест". Лицензия ЛВ № 729.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

•Северо-Запад.®